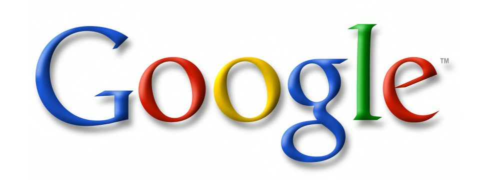
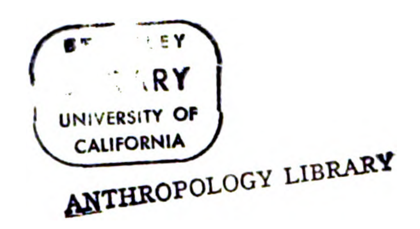
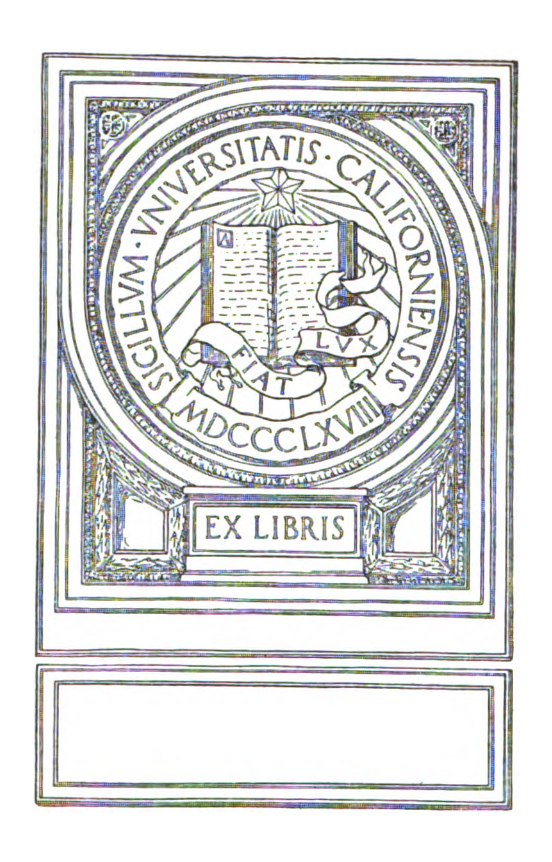


UC-NRLF
B 2 958 637




SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ

СБОРНИКЪ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ

СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ИМПЕРАТОРСКИМЪ

РУССКИМЪ ГЕОГРАФИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

ВЫПУСКЪ III.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА

1858.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатанiи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 26 апрѣля 1858 года.

Цензоръ *Д. Мацкевичъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

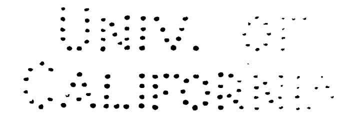
ТРЕТЬЯГО ВЫПУСКА.

стр.

Слобода Трехъизбянская 1
Бытъ Малорусскаго крестьянина (преимущественно въ Полтавской губерніи). 19
Замѣтки о западной части Гродненской губерніи 47
Этнографическій взглядъ на Виленскую губернію (Д. Члена А. Киркора) 115

СТАТЬИ

О РУССКИХЪ И ИХЪ СОПЛЕМЕННИКАХЪ.



СЛОБОДА ТРЕХЪИЗБЯНСКАЯ.

Слобода Трехъизбянская, казенное селеніе Харьковской губерніи, Старобѣльскаго уѣзда, находится на лѣвомъ берегу Сѣвернаго Донца, недалеко отъ границы Екатеринославской губерніи, въ семи верстахъ отъ города Славяносербска и въ семидесяти отъ уѣзднаго города Старобѣльска.

Чтобы судить о наружности, бытѣ и языкѣ жителей Трехъизбянской слободы, нужно предварительно знать нѣкоторыя обстоятельства. Первоначальное заселеніе сей мѣстности послѣдовало «1715 года. По имянному указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексіевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, часть жителей Бѣлогородской губерніи, города Салтова, села Нижняго, съ четвертной ихъ жалованной, помѣстной земли, перешла на бывшую тогда Украинскую линію и пожалована 20,000 десятинъ земли по лѣвой сторонѣ рѣки Сѣвернаго Донца, никѣмъ незаселенной и невладѣемой, съ лѣсомъ, сѣнными покосами и со всѣми угодьями, и съ привиллегіею, какою пользовались отъ Россійскихъ великихъ князей и царей, на прежнемъ жительствѣ дарованною, т. е. безъ потерянія однодворческаго званія.» Такъ значится въ найденномъ мною дѣлѣ о неправильномъ завладѣніи земли сосѣднимъ помѣщикомъ Шидловскимъ, принадлежащей Трехъизбянскому обществу. И донынѣ мѣсто, гдѣ первоначально поселились эти выходцы, носитъ названіе *Салтовскаго*. Неизвѣстно, почему, мѣсто это скоро оставлено, и сторожевой *городокъ* основался при самомъ берегѣ рѣки Донца. *Городокъ* этотъ служилъ защитою отъ разбойничьихъ набѣговъ хищныхъ Татаръ до времени, когда Крымскія степи, по правой сторонѣ рѣки Сѣвернаго Донца, заселены были регулярными русскими

1

войсками. Тамъ была и церковь. Предположительно около 1760 года, тревожимые набѣгами Татаръ, а болѣе, кажется, разливомъ рѣки Донца, затоплявшаго во время половодья бо́льшую часть жилья, жители городка принуждены были удалиться отъ безпокойнаго Донца на разстояніе версты и болѣе, ближе къ горѣ, на то мѣсто, гдѣ издавна былъ хуторъ, состоявшій изъ трехъ избъ, отъ которыхъ, говорятъ, и слобода получила названіе *Трехъизбянска*. Въ 1787 году, по Высочайшему повелѣнію, Трехъизбянское общество обращено въ казачье званіе, и эти новые казаки участвовали не только въ разныхъ сраженіяхъ, но и въ достопамятныхъ штурмахъ Очакова и Измаила. Въ 1795 году жители Трехъизбянска возвращены въ прежнее однодворческое званіе; а тѣмъ, которые хотѣли остаться на правахъ казаковъ, предложено было переселиться на рѣку Кубань, что̀ бо́льшая часть жителей и исполнила. Эти обстоятельства, т.-е. жизнь, исполненная опасностей при сосѣдствѣ хищныхъ Татаръ, а потомъ казачество, имѣли сильное вліяніе на образованіе наружности, языка, быта и на то рѣзкое различіе, какое находится между старожилами и поселившимися вновь (около 1795—1802) переселенцами, перешедшими изъ разныхъ мѣстъ Курской и Воронежской губерній (Обоянскаго, Валуйскаго и Нижне-Дѣвицкаго уѣздовъ). *Старожилы* здѣшніе — народъ статный, полный, красивый, опрятный, расторопный, вѣжливый; позднѣйшіе *переселенцы*, и преимущественно Воронежцы, — высоки ростомъ, тощи вялы, неопрятны и слишкомъ простоваты.

ЯЗЫКЪ.

Старожилы говорятъ нарѣчіемъ, близко подходящимъ къ московскому, между-тѣмъ какъ нарѣчіе переселенцевъ имѣетъ значительное отъ него уклоненіе, такъ-что старожилы, сами Русскіе, называютъ переселенцевъ Русаками. И дѣйствительно эти послѣдніе русятъ до-крайности и многія слова произносятъ въ носъ. *Кајо̀, що̀* вм. что̀, въ-самомъ-дѣлѣ, *яго, яму* вм. его, ему, *іо̀нъ* вм. онъ — любимые ихъ звуки. *Іонъ кажа: хади ка двару* — онъ сказалъ: пойдемъ домой. *Кајо̀ кожа, що јо̀нъ гаворя?* Что̀ разсказываетъ, о чемъ говоритъ онъ?

Общее старожиламъ и переселенцамъ: *а* вмѣсто *о*. *Хутаръ, дабро, Багародица* вм. хуторъ, добро, Богородица. — Иногда: *а* вмѣсто *е*. Напр. *чаго*, *чаловѣкъ* вм. чего, человѣкъ. *Сабѣ, табѣ* вм. себѣ, тебѣ.

Особенности въ словообразованіи: напр. *ви́дя*, *гаво́ря, ходя, ѣздя, йдя* вм. видитъ, говоритъ, ходитъ, ѣздитъ, идетъ; *стучить, сидить, стоить* вм. стучитъ, сидитъ, стоитъ; *пїе* вм. пьетъ; *папдя̀* вм. поѣдетъ.

Слова мѣстныя, или малоизвѣстныя: *Аспо̀съ* — праздникъ Рождества Богородицы.

Сапѣтка, *сапѣтъ* — кошель лозовый для складки уголья.

Щарба, *щарбица* — уха, ушица.

Каюкъ — челнокъ, лодка.

Гамазея — магазинъ.

Качати́ — пѣтухи.

Ажна — между-тѣмъ, какъ или на самомъ дѣлѣ оказалось.

Атселя, *отселича* — отсюда.

Бирчивый, *перебирчивый* — разборчивый, переборчивый.

Калагу́шка — долбленая, некрашеная миска.

Махотка — горшочикъ, которымъ пьютъ воду.

Кашолка — мѣра, изъ лозы сплетенная.

Калатовка — чѣмъ сколачиваютъ масло; въ переносномъ смыслѣ калатовкой называется мужнина сестра.

Пику́льки — такъ называется молодой камышъ, которымъ весною лакомятся жители.

Тюря — кушанье, употребляемое въ рабочую пору. Оно составляется такимъ образомъ: наливъ воды въ калагушку, бросаютъ туда кусочки ржанаго хлѣба и соль.

Перестановка буквъ: *причта* вм. притча; *секлетарь* вм. секретарь.

ДОМАШНІЙ БЫТЪ.

1) *Избы* вообще деревянныя и преимущественно дубовыя. Прежде строились съ закатами. У старожиловъ избы опрятныя, окнами на улицу, бо́льшею частію съ высокими рублеными крыльцами; а у переселенцевъ выходитъ на улицу глухая стѣна, и только въ послѣднее время перевелись у нихъ курныя избы, такъ-что теперь во всемъ селеніи остается одна курная изба. Внутреннее расположеніе избъ почти у всѣхъ одинаково: при входѣ въ дверь, въ правомъ, противоположномъ двери углу, стоятъ образа, а налѣво, подлѣ самой двери, помѣщается печка; отъ печки идетъ полъ до лавокъ, лавки же находятся вокругъ стола и подъ стѣною противу печи. Подлѣ дверя съ правой стороны бываетъ шкапикъ, или пали́чка, для посуды, а внизу подъ шкапикомъ устроивается въ родѣ гроба конёкъ, куда ставятъ молоко и другіе съѣстные припасы; конёкъ этотъ, впрочемъ, иногда дѣлается и въ сѣнцахъ. Противъ полу вверху бываютъ полати; но они теперь уже очень рѣдки у трехъизбянскихъ мужиковъ.

2) *Платье*, въ настоящее время, почти у всѣхъ жителей Трехъизбянской слободы одинаковое; старики переселенцы отличаются нѣсколько своею одеждою, а вся молодежь одѣвается одинаково, хотя платье у старожиловъ, какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, вообще наряднѣе. Женскій полъ у старожиловъ издавна ходитъ въ сарафанахъ, а у переселенцевъ — въ юбкахъ а иногда, особенно дѣвки, и въ однѣхъ рубахахъ; только въ недавнее время, съ измѣненіемъ избъ, онѣ

начали измѣнять и свой костюмъ. Курная изба, какъ извѣстно, не имѣетъ трубы для схода дыму; дымъ валитъ изъ печи въ хату, изъ хаты въ двери, всегда растворенныя во время топки: отъ этого въ курной избѣ верхняя половина всегда бываетъ покрыта сажей, и бабы, особенно во время стряпни, надѣваютъ поношенныя юбки и обвертываютъ голову тряпицами отъ осыпающейся съ потолка сажи. Курныя избы теперь совершенно перевелись и у переселенцевъ; но неопрятность, бывшая слѣдствіемъ устройства избъ, все еще остается, и до сихъ поръ можно отличить старожила отъ переселенца. *Обувь* у переселенцевъ — лапти; но и они выходятъ изъ употребленія, отъ недостатка коры: по рѣкѣ Донцу растетъ почти одинъ дубъ, тогда-какъ для лаптей нужна кора липы или другаго мягкаго дерева. Старожилы лаптей не носили и прежде. Въ будни употребляютъ *чирики* (черевики), а по праздникамъ сапоги. Обыкновенная одежда мужиковъ: рубахи, штаны холщевые, бѣлые, поясъ, онучи и чирики на ногахъ, а на головѣ — шапка. Сверху надѣваютъ зипунъ, зимою же короткій полушубокъ. По праздникамъ носятъ то же платье, только понаряднѣе: рубаха бываетъ съ ластовками, съ вышитымъ подоломъ и окаймленной пазухой, шаровары набойчатые или синіе, на ногахъ сапоги, зипунъ поярчатый, почти всегда синій, шапка съ сѣрымъ околышемъ. Старожилы иногда ходятъ подпоясанные, иногда же въ-распашку, а переселенцы непремѣнно подпоясанные, и притомъ всегда ниже живота, и имѣютъ оттопыренную пазуху.

Женскій нарядъ нѣсколько разнообразнѣе; обыкновенный: рубаха, сарафанъ, на ногахъ черевики, на головѣ у женщинъ кокошникъ, а у дѣвушекъ платокъ. Праздничный: рубаха, отъ пояса коленкоровая или ситцевая, съ такими же или кумачными вышитыми рукавами; сарафанъ (передняя часть) шерстяной спереди, а сверху до низу, по всему подолу и по краямъ, обшитый узкимъ ситцемъ; на головѣ у дѣвушекъ шитая повязка или шелковый платокъ; въ косѣ вплетены ленты, а на концѣ косы махоръ; на шеѣ монисты и крестъ. У женщинъ на головѣ кокошникъ, а подъ нимъ кичка, которая надѣвается прежде всего, и подвязанный сзади *подзатылень*; сверху кокошника женщины покрываются еще платкомъ, а иногда кисеей; волоса подбираютъ подъ кичку и вмѣсто косы выпускаютъ въ два раза сшитую ленту; на ногахъ носятъ бахилки, поверхъ чулокъ. Въ холодное время надѣваютъ халатъ, синій, нанковый, а зимою крытую синимъ сукномъ или нанкой шубу. Кокошники бываютъ штофные, но болѣе бархатные. Украшенія для расхожаго — мишурныя, а для праздничнаго — серебряныя и золотыя, такъ-что полный головной уборъ стоитъ рублей до 9 серебромъ. Зато онъ проченъ и переходитъ отъ матери къ дочерямъ и т. д.

3) *Пища*. Въ пищѣ жители Трехъизбянской слободы не прихотливы: молока ѣдятъ мало, мясо употребляютъ почти-что только въ дни розговѣнья. Обыкновенныя у нихъ кушанья, когда живутъ дома: *борщъ* или щи и *каша*. Въ рабочую же пору, на полѣ, они ѣдятъ одну *тюрю* и, весьма рѣдко, жидкую кашицу. Старожилы ржанаго хлѣба почти не употребляютъ; переселенцы же чаще ржаной, а иногда и пшеничный, но онъ у нихъ хуже ржанаго. Квасъ любятъ; кромѣ питья, онъ составляетъ у нихъ непремѣнное условіе почти каждаго кушанья. Такъ, вареный *картофель*, очищенный, а иногда и нечищенный, крошатъ, всыпаютъ въ миску съ квасомъ и посоливши ѣдятъ. При *блинахъ* наливаютъ въ миску квасъ, кладутъ туда же тертый или толченый хрѣнъ, а если есть медъ, то подмѣшиваютъ и его, и обмакиваютъ въ этотъ соусъ блины. Съ квасомъ ѣдятъ и арбузы, обчиствивъ и искрошивъ ихъ на мелкіе куски.

Обѣды во время свадебъ и при поминовеніи усопшихъ бываютъ весьма обильны въ Трехъизбянской слободѣ. Непремѣнныя блюда такого обѣда въ скоромные дни: 1. *Пирогъ* съ начинкой, или съ мясомъ, или съ сыромъ; разрѣзывается и поливается масломъ. 2. *Холодное* (по-мѣстному *халадецъ*). Сваренныя свиныя, бараньи или коровьи ноги раздробляютъ и раскладываютъ въ миски; туда же наливаютъ и вариво отъ нихъ и ставятъ въ холодное мѣсто, чтобы застыло. При подачѣ *холодца* настолъ, во время свадьбы, кравчій солитъ, разрѣзываетъ его ножемъ на куски и наливаетъ на холодецъ квасу съ хрѣномъ. 3. *Борщъ* съ мясомъ. 4. *Лапша*. 5. *Курица* вареная. 6 и 7. *Жаркое* — баранина, а потомъ — свинина. 8. *Лапшевникъ*. 9. *Каша* пшенная, съ масломъ и сметаной, и потомъ 10, если это лѣтомъ или осенью, *арбузъ* или какой-нибудь *узваръ*. Обѣдъ постный: *Пирогъ* постный, который разрѣзывается и поливается постнымъ масломъ; *холодное* рыбье или же соленая головка капусты съ олеей; *соленые огурцы; борщъ*, *горохъ* или квасоль; *пампушки* съ олеей; *гороховый кисель*, *каша* пшенная и *узваръ* или арбузъ.

Замѣчательно, что здѣсь пекутъ не круглыя булки, а такъ-называемые *пироги*, или *слѣпцы*, или *стѣльни*. При свадьбахъ употребляются особаго вида *калачи*. Калачи эти даютъ вмѣсто подарковъ сватамъ при сватаньѣ, сговорахъ и свадьбѣ, а также приносятъ и къ священнику при оповѣщеніи.

4) *Занятія мѣстныя*. Здѣшній народъ трудолюбивъ до крайности. Удить рыбу или курить, отъ нечего дѣлать, трубку считается здѣсь за порокъ; да мужику и подумать объ этомъ почти нѣкогда. Весна и лѣто, осень и зима, будни и праздникъ, день и ночь, ведро и ненастье у него проходятъ въ безпрерывной дѣятельности; на всякое время и случай есть

свои занятія. Здѣшніе мужики живутъ семьями, нерѣдко большими, иногда душъ до сорока; несмотря на то, у нихъ не освобождаются отъ работы и малыя дѣти. Всѣмъ и всегда есть своего рода дѣло и занятія.

Лишь только открывается *весна*, домохозяину предстоитъ: сѣять, скородить, пахать, готовить сѣмена для посѣва, палить уголь и отправлять для распродажи изготовленное съ зимы. Это распредѣляется такимъ образомъ: пахавину засѣваютъ и скородятъ одни мужики; въ малосемейныхъ домахъ иногда въ этой работѣ помогаютъ и женщины. По окончаніи скородьбы одна часть семьи принимается пахать подъ яровой хлѣбъ, другая занимается углепаленіемъ, а одинъ или двое изъ семьи, на лошадяхъ, отправляются въ дорогу съ угольями, или *плужками*, заготовленными зимою; пока другіе пашутъ, палятъ уголья, готовятъ сѣмена для посѣва, они возвращаются изъ дороги. Если въ семействѣ живъ старикъ, то, пока дѣти управляются съ своей работой, онъ тоже не остается празднымъ; въ любимомъ его сарайчикѣ, или на току, только и слышно: стукъ, стукъ... Это онъ дѣлаетъ плуги, или починиваетъ колеса, или молотитъ сѣмена, и т. п. Женскій полъ въ это время также въ работѣ: снуютъ, ткутъ пряжу, бѣлятъ; убираютъ огороды: садятъ, сѣютъ и проч. Время сѣянія кончилось, *косовица* еще не настала. Въ это время семья пашетъ для проса, гречихи, бакшей, огороды для конопли; огораживается; а по изготовленіи угольевъ и уже на волахъ опять отправляются въ дорогу, или же по ярмаркамъ съ плужками и т. п. Старшіе изъ семьи въ это время ѣздятъ для осмотра и закупки травы у сосѣднихъ помѣщиковъ за рѣку Донецъ, въ Екатеринославскую губернію (по скудости своей земли), или занимаются поправкою телегъ, повозокъ и проч. У женщинъ есть своя работа: онѣ поливаютъ огороды, стригутъ овецъ, прядутъ шерсть и проч; по праздникамъ гурьбами отправляются за скородою, щавелемъ, чеснокомъ, пикульками и проч.

Настаетъ косовица. Вслѣдъ за мужчинами-косарями отправляются, чрезъ два-три дня, и бабы за Донецъ, на помѣщичьи степи, и, пока первые косятъ, послѣднія громадятъ, копнятъ. Покончивъ работу тамъ, возвращаются для уборки луга домой. Между-тѣмъ какъ мужчины возятъ сѣно, бабы полютъ огороды, бакши. Тутъ настаетъ и жатва — труды неимовѣрные, время самое жаркое для работниковъ. Семейства переселяются на поле. Пища ихъ во все рабочее время состоитъ почти исключительно изъ одной *тюри;* только въ праздники и воскресные дни приходятъ домой полакомиться борщемъ и кашей, и то пока работа на своемъ *боку*, а если за Донцемъ верстъ за 30 и далѣе отъ селенія, то живутъ тамъ до тѣхъ поръ, пока совершенно окончатъ работу. Да и въ праздники народъ не остается дома и не сидитъ праздно: мужчины

ходятъ на базаръ для распродажи арбузовъ и т. п. и для покупки нужнаго для домашнихъ потребностей, или ловятъ раковъ, рыбу, пасутъ рабочій скотъ и проч., а женщины въ лѣсу рвутъ ежевику, теренъ, малину, лѣсныя яблоки, дерутъ хмель, собираютъ желуди и т. п. Мужики, покосивши ячмень и овесъ и убравши рожь, жатву пшеницы и проса предоставляютъ уже женщинамъ, а сами принимаются за новую работу: возятъ нажатое, пашутъ для озимаго хлѣба, палятъ уголь, и т. п.

Осенью, по окончаніи полевыхъ работъ и по уборкѣ бакшей, каждый день тянутся изъ слободы обозы на лошадяхъ и волахъ въ дорогу въ города Черкасскъ, Азовъ, Таганрогъ, Ростовъ и другіе, съ углями, плугами, полозьями, *тагунами* и т. п. Женщины, убравъ коноплю, мочатъ ее, трутъ, также волочатъ волну и исправляютъ другія подобныя работы, а мужики, возвратясь изъ дороги, сѣютъ рожь, пашутъ, закупаютъ землю у помѣщиковъ для будущихъ посѣвовъ, и т. п.

Зимой отправляются для закупки лѣса у помѣщиковъ, рубятъ и доставляютъ домой лѣсъ и дрова. Послѣ праздника Рождества Христова, или когда установится зимняя дорога, отправляются съ угольемъ въ приморскіе города и оттуда привозятъ рыбу: тарань, *сулу* (судаки). Въ дорогѣ бываютъ обыкновенно отъ двухъ до трехъ недѣль. Когда же дорога разстроивается, то занимаются дома заготовленіемъ товара для весенней продажи. Женщины во все это время прядутъ, ткутъ и проч. Такимъ-образомъ, занятія болѣе общія и любимыя въ Трехъизбянской слободѣ: хлѣбопашество и лѣсные промыслы, преимущественно плугодѣланіе и углепаленіе. Если положить, что каждый хозяинъ двора сходитъ въ дорогу два раза въ годъ на двухъ подводахъ, т.-е. доставитъ угля четыре сапета, то, полагая на каждый сапетъ 8 четвертей, выйдетъ, что каждый хозяинъ отвезетъ въ годъ 32 четверти угля, а все общество Трехъизбянское, состоящее изъ 400 дворовъ, около 12,800 четвертей. Выпалка угля производится почти круглый годъ; но преимущественно ею занимаются при открытіи весны, когда сырость земли не позволяетъ еще ни скородить, ни пахать, и осенью, по окончаніи полевыхъ работъ. За слободой, весной и осенью, образуются угольныя биржи, и дымъ отъ нихъ покрываетъ всю слободу. При выпалкѣ употребляется одно орудіе — лопата.

ОСОБЕННОСТИ СЕМЕЙНАГО БЫТА.

У Русскихъ большая тяжесть возложена на женщинъ. Правда, что приданаго за дѣвками не берутъ, напротивъ рѣдкій не приплатится еще при сватаньи невѣстѣ на нарядки, на справку кокошника, отъ 3 до 10 рублей серебромъ. Кромѣ того *сговоры*, хотя бываютъ въ домѣ невѣсты, играются на

счетъ жениха, такъ-что не только водка, хлѣбъ и вообще вся провизія привозится женихомъ, но и прислугу при сговорахъ составляютъ только родные жениха. Свадьба также играется на счетъ жениха. Со стороны отца невѣсты требуется расходъ только на обѣдъ, когда послѣ вѣнца молодой съ поѣздомъ пріѣдетъ за молодою княгинею; но это непродолжительно, а потому и неубыточно, тогда-какъ отцу жениха свадьба обходится отъ 15 до 50 рублей серебромъ, смотря по состоянію. Зато женившись мужъ не заботится уже во что̀ одѣваться самому, женѣ и семейству. Зипунъ, поясъ, онучи для черевикъ, рубахи и штаны (портки) для мужа и сыновей, а также сарафаны, рубахи и прочее платье для дочерей приготовляетъ жена. Добрый мужъ, если захочетъ, хлопочетъ объ обуви для семьи, а если нѣтъ, такъ и обувь и все, что̀ нужно для платья, должна промыслить жена. И это соблюдается чрезвычайно строго. Когда недостаетъ у ней домашней шерсти для сукна и сарафанины, а также прядива для полотна, то и это рѣдко покупается мужемъ, а больше зарабатываетъ сама жена по-людямъ. И горе женѣ, которая не умѣетъ или плохо умѣетъ ткать, прясть, шить, или лѣнива, или же по хворости не успѣваетъ одѣвать свою семью.

По снятіи съ овецъ шерсти, а также по уборкѣ конопли, производится раздѣлъ паёвъ: полный пай идетъ на мужа съ женой; если у свекрови есть сынъ, то она отдѣляетъ $^1/_2$ или $^1/_4$ пая для сына, смотря по тому, пахарь ли онъ, или только погонычъ; если невѣстка имѣетъ сына, который уже въ работѣ, то также получаетъ $^1/_2$ или $^1/_4$ пая; на дѣвокъ, сколько бы ихъ ни было, не получаютъ ничего. Если свекоръ вдовъ, то пай свой отдаетъ дочери, которая его одѣваетъ. Вдова получаетъ пай, если есть у ней сыновья работники; если же у нея нѣтъ такихъ дѣтей, то лишается пая или же беретъ на свою долю работника, служащаго по найму, приготовляетъ ему все, что̀ доставила бы мужу, т.-е. зипунъ, поясъ, онучи, рубаху и проч. Дѣвки должны заработывать на одежду для себя сами; въ богатыхъ семействахъ, когда за работою остаются до глубокой осени и не успѣваютъ ничего заработать для себя на-сторонѣ, отецъ или дѣдъ даетъ бабамъ и дѣвкамъ на синьку для сарафановъ, иногда даритъ имъ по платку, и это считается великою милостью.

Бабы пекутъ и варятъ, если семейство большое, по очереди; когда же въ семьѣ душъ около сорока, то одна назначается для печенья, а другая для варенья, и очередная пользуется или расположеніемъ, или ненавистью работниковъ, смотря по своему искусству въ стряпнѣ. Впрочемъ вообще и пироги и вариво здѣсь не вкусны: это происходитъ, между-прочимъ, и оттого, что бабамъ нѣтъ времени съ должнымъ вниманіемъ ухаживать за стряпней. Отъ этого же, что бабы

безпрестанно заняты, въ рабочую пору трехъизбянскіе мужики и ѣдятъ одну тюрю. Едва баба управится съ своею жатвою, какъ спѣшитъ заработать что-нибудь на-сторонѣ для своихъ расходовъ и чтобы избѣжать упрековъ отъ мужа или старшаго въ семействѣ, что она «не рабочая, не успѣла-де заработать и на платокъ». Случается, что иная баба дотого устанетъ, что не въ-состояніи заняться варивомъ, хотя бы и была провизія; она спѣшитъ поѣсть тюри и хоть немного отдохнуть. Нерѣдко въ лунную ночь женщины почти вовсе не спятъ, а все занимаются работою. И нельзя не удивляться ихъ трудолюбію, особенно когда, кромѣ работы, должны еще ухаживать и кормить грудью своихъ дѣтей. Мать, покормивъ дитя, кладетъ его подъ стойку въ холодокъ или въ походную люльку. Оно покричитъ, покричитъ, да и уснетъ крѣпко; но дѣти, которыя на ногахъ, постоянно бродятъ за мамою съ плачемъ.

Садовъ въ нашемъ селеніи вовсе нѣтъ, а лѣсныхъ плодовъ, особенно въ годы урожайные, довольно. Заготовленіе ихъ лежитъ также на обязанности женщинъ. Въ праздничные дни, вмѣсто-того, чтобы послѣ тяжелыхъ трудовъ отдохнуть, женщина должна спѣшить въ лѣсъ, за терномъ, лѣсными яблоками, ежевикой, малиной и т. п., чтобы зимой полакомить иногда семейство узваромъ или, въ-случаѣ гостей, имѣть чѣмъ попотчивать ихъ. Иногда разгульный мужъ смѣло ведетъ цѣлую компанію къ себѣ въ домъ, и счастлива жена, у которой есть чѣмъ принять гостей; въ-противномъ-случаѣ гости, не употчиванные, разносятъ далеко молву о безславіи жены, которая не припасла ничего, чѣмъ бы ихъ попотчивать. Русскіе мужички любятъ у сосѣдей Малороссовъ покушать хорошей *стравы*, и удивляются, отчего ихъ жены не умѣютъ готовить также вкусно.

МѢСТНАЯ СВАДЬБА.

За нѣсколько дней до свадьбы бываютъ *сговоры*, или *своды*. Вотъ кáкъ это бываетъ: одинъ изъ родственниковъ невѣсты созываетъ ея родню; между-тѣмъ, какъ родня невѣсты сходится, вечеромъ пріѣзжаетъ женихъ съ своею роднею и привозитъ всю провизію, нужную при сговорахъ, входитъ въ домъ, кладетъ на столъ *калачъ* и ставитъ штофъ водки. Помолившись Богу и поздоровавшись, дружка требуетъ отъ отца невѣсты, чтобы показали товаръ; тогда выводятъ невѣсту и ставятъ вмѣстѣ съ женихомъ. Въ это время затепливаютъ свѣчи, и всѣ встаютъ. Помолившись Богу, дружка спрашиваетъ о взаимномъ согласіи у жениха и невѣсты и, получивъ утвердительный отвѣтъ, беретъ водку, ставитъ на подносъ, наливаетъ и подноситъ рюмку *сведеннымъ*, жениху и невѣстѣ. Женихъ, прихлебывая, подаетъ невѣстѣ. Въ это время подруги ея начинаютъ пѣть:

Бирчатый, пирибирчатый (*) младъ Михайлушка,
Перебирая красныхъ дѣвакъ у кругу:
Салавей калину щекаталъ,
А Михайлушка Марьюшку цалавалъ.
И та и ся хараша, а моя Марьюшка
Лучше всѣхъ, пригажѣе всѣхъ,
И касою, и красою.

Чего невѣста не допила, выпиваетъ женихъ; потомъ онъ беретъ невѣстинъ подарокъ, который обыкновенно бываетъ хустка, или платокъ, утираетъ невѣсту, и они цѣлуются. Когда женихъ положитъ отдарокъ, который отъ 10 коп. доходитъ до 2 руб. сер., смотря по состоянію жениха, тогда невѣста подноситъ подарки нареченному свекру, свекрови, сестрамъ, братьямъ, дядямъ, теткамъ жениха и проч., всѣмъ подноситъ платки, а свекрови аршина три коленкору на рукава для рубахи. Свекровь же отдариваетъ аршиномъ штофной матеріи или краснаго бархата, для кокошника, или кладетъ сарафанъ для нареченной дочки. Сестрамъ жениха дарятъ ленты, мальчикамъ-братьямъ шелковые или суконные поясочки. Отдарки идутъ своимъ чередомъ и, смотря по состоянію и усердію, бываютъ отъ 2 коп. асс. до 10 коп. сер. Обдаривъ всѣхъ, невѣстину родню усаживаютъ за столъ; а женихова въ это время становится для прислуги у порога, и обязана накормить и напоить новыхъ своихъ родственниковъ. Во время вечера и послѣ того до самой полуночи молодежь веселится и поетъ пѣсни. Вотъ одна изъ нихъ:

Отъ терему до терему дарожка.
Праважала Марьюшка батюшку;
Апаздала пазнымъ-паздно ка двару,
Заначевала падъ сасною у бару.
Наѣхалъ Михайлушка на каню
И хоча сѣчь, рубить сасёнку.
Азвалася Марьюшка у бару:
Руби, руби сасёнку,
Для тибе эта сасёнка сожената
Для тибе зилёная рушиная.

Къ свѣту провожаютъ дѣвки жениха и поютъ ему:

Вярнись, вярнись, Михайлушка,
Вярнись, Степановичъ!
Пазабылъ рукавички
У тёщи на палички.

На другой день утромъ отецъ жениха съ родными идетъ *опохмелиться* и приноситъ съ собой штофъ водки и калачъ. Выпивъ и закусивъ, назначаютъ день свадьбы, и тѣмъ оканчиваются сговоры.

(*) См. языкъ, стр. 2.

Свадьба начинается съ вечера того дня, въ который женихъ и невѣста должны вѣнчаться. Обратимъ вниманіе сначала на то, что̀ дѣлается въ это время у жениха. Въ-продолженіе дня женихъ созываетъ своихъ родныхъ, съ обычнымъ привѣтомъ: «батюшка и матушка прося на хлѣбъ, на соль и на каравай». Вечеромъ собирается родня. Въ это время *свашка* (преимущественно сестра жениха или братова жена) хлопочетъ съ дружкою около каравая. Изготовивъ *три* хлѣба, снимаютъ мѣдный образокъ и прикладываютъ къ каждому такъ, что знакъ этотъ остается и тогда, когда каравай испечется. При этомъ дружка встаетъ: «сватъ и сваха, дружко съ поддружьемъ и весь честной паѣздъ, багаславите каравай сажать». «Богъ багаславитъ», отвѣчаетъ компанія три раза. Тогда наливаютъ два стакана водки, прикрѣпляютъ къ нимъ по свѣчѣ и ставятъ по обѣ стороны печи. Свашка садитъ хлѣбъ на лопату, дружка вмѣстѣ съ ней берется за ручку лопаты и такимъ-образомъ садятъ. Въ это время поютъ:

Нашъ каравай въ печь пашолъ,
Нашъ каравай въ печушку.

Когда посадятъ каравай, дружка съ свашкой цѣлуются, выпиваютъ стаканъ водки, а другой подносятъ всѣмъ присутствующимъ, и всѣ понемногу прикушиваютъ. Когда каравай выпечется, хоръ поетъ:

Заюшка на лавачки хо̀дя,
Сѣринькій въ печь зазирая,
Уже, уже каравай паспѣлъ,
Уже, уже яравой паспѣлъ.

Нашъ каравай вонъ просится,
Нашъ яравой засло̀нку бье:
Вынь, вынь мине, свашунька,
Вынь, вынь, маладая,
Съ огня, съ полымя,
Съ кирпичатой печи.

Послѣ этого дружка возглашаетъ: «сватъ и сваха, дружко съ поддружьемъ и весь честной паѣздъ, багаславите каравай вынимать». «Богъ багаславитъ», отвѣчаютъ всѣ три раза. Вынувъ каравай, ставятъ его на столъ. Свашка подаетъ сито и вмѣстѣ съ дружкою укладываетъ каравай: сначала въ сито кладутъ сѣна, потомъ разстилаютъ хустку, затѣмъ уже кладутъ каравай и накрываютъ его сверху платкомъ. Приготовленный такимъ образомъ каравай относятъ гурьбой въ анбаръ или другое мѣсто, гдѣ будетъ спальня для молодыхъ, припѣвая:

«Нашъ каравай на мѣсто пашолъ,
Нашъ яравой на мѣстечко!»

Положивъ тамъ каравай, возвращаются въ избу, гдѣ уже приготовленъ столъ. Вечеряютъ. Попойка идетъ щедро. Затѣмъ расходятся. У невѣсты въ это время подруги поютъ пѣсни, почти тѣ же, что́ и на сговорахъ. Потомъ невѣста усаживаетъ подругъ вечерять и потчуетъ ихъ водкою. Послѣ вечери молодые парни являются съ сопѣлками, гармоніями и проводятъ вечеръ весело. За-полночь уже компанія расходится.

На другой день невѣста встаетъ утромъ рано. Теперь судьба ея должна рѣшиться. Выйдя на дворъ, она громко голоситъ, припѣвая:

Вставайте, мои подружки!
Уже заря занимается,
Разлучники саветаются,
Хочутъ мине разлучить
Съ роднымъ батюшкой,
Съ родной мамушкой.

Сходятся подружки. Если отецъ и мать живы, начинаютъ одѣвать невѣсту къ вѣнцу; если же невѣста сирота, то ведутъ ее на кладбище — оплакивать родителей.

Возвратясь, одѣваютъ къ вѣнцу. Когда у жениха все готово, является къ невѣстѣ дружка, зоветъ отца и мать. Затепливаютъ свѣчи. Помолясь Богу, отецъ и мать становятся съ образомъ, а дочь, заливаясь слезами, падаетъ въ ноги; ее поднимаютъ, подводятъ къ отцу и матери для благословенья. Дружки поютъ:

Жаль мнѣ тибе, мой батюшка!
Жаль мнѣ тибе, мая мамушка!
Остаются у тибе и рута, и мята,
  И пахучи васильки!
Стой, мая береза, безъ верха,
Живи ты, мой батюшка, безъ меня.

Получивъ благословеніе и поцѣлуясь съ родителями, невѣста идетъ съ подругами въ церковь, при чемъ поютъ:

Шолкова ниточка
Къ стѣнки льнеть,
А Марьюшка батюшки
  Челомъ бьеть:
Прости, батюшка, багаслави
На Божій судъ пайтить.

Подобное тому дѣлается и у жениха. Рано утромъ собираются у жениха родственники его и свадебный *цехъ*, т.-е. дружки, свашки и поддружье, который держитъ вѣнецъ у жениха. Свашка хлопочетъ около стола, который приготовляется такимъ образомъ: разстилаютъ скатерть, кладутъ по краямъ стола *пироги* и ложки, а по срединѣ ставятъ жареный окорокъ свинины. Все это накрываютъ сверху другою скатер-

тью, на которую кладутъ калачъ и штофъ водки. Сваха беретъ калачъ, кладетъ его въ миску и туда же укладываетъ *коточекъ* масла, гребень, двѣ ложечки, связанныя ленточкою, и все это сверху посыпаетъ хмелемъ. Водку распиваютъ бояре. Когда женихъ готовъ, его благословляютъ, какъ и невѣсту; сваха беретъ миску съ описаннымъ снарядомъ, и ведутъ жениха въ церковь.

Послѣ вѣнчанія молодые отправляются домой, каждый къ своимъ родителямъ. У молодой въ это время столъ накрытъ такимъ же точно порядкомъ, какъ и у молодаго; только нѣтъ свинаго окорока.

Приведя отъ вѣнца молодаго домой, поѣзжане усаживаются за столъ и поютъ:

Пагнулися сѣни,
Какъ бояре сѣли:
Не такъ то пагнутся,
Какъ мёду напьются,
Вина наберутся.

Подается закуска. Послѣ двухъ блюдъ подаютъ окорокъ. Завидя его, поѣзжане встаютъ, запрягаютъ коней и подъѣзжаютъ къ крыльцу съ колокольчиками, погремушками, съ развѣвающимися на дугахъ лентами или платками; садятъ молодаго, и вся компанія ѣдетъ къ молодой:

Во время поѣзда бояре поютъ:

Не спите, не дремлите, бояре!
Берите коньи шлычки въ ручки,
Бейте челомъ Михайлину батюшкѣ,
Чтобъ пустилъ Михайлушку съ нами,
Съ честными, похвальными боярами.

Темная, синяя ночушка,
Зажурилась Михайлова матушка,
Што долго, што нескоро
Михайлушки нѣту;
А его красны дѣвки ухватили,
Въ высокъ теремъ павели,
За дубовый столъ посадили
И Марьею подарили.

Прежде, чѣмъ они пріѣдутъ, перейдемъ къ молодой и посмотримъ, что́ дѣлается у нея во дворѣ.

Лишь только молодая переступила порогъ церковный, ее окружаютъ подруги и уводятъ съ собой. Отойдя отъ церкви, дружки поютъ:

Съ лугу, лугу зелёнаго,
Всѣ дѣвушки веселы идуть,

Золотыми вѣнчиками мѣняются,
Одна Марьюшка не мѣняется.

Прійдя домой, молодая сквозь слезы подтягиваетъ вмѣстѣ съ подружками:

Потеряла свой
Зо́лотъ вѣнокъ,
И русую косушку,
И свою волюшку.

Молодая усаживаетъ подругъ за столъ. Подается легкая закуска, въ-продолженіе которой молодая голоситъ, обнимаетъ, цѣлуетъ подругъ, приговаривая: «какъ мнѣ въ чужі́е люди пайтить, какъ свекру и свекровьѣ дагадить, свою волюшку пагубить», и проч.

Вечерѣетъ. Вотъ слышатся уже гулъ, гамъ людей и топотъ борзыхъ коней. Это приближается поѣздъ молодаго. Подружки вскакиваютъ; молодая заливается слезами. Раздается громкій стукъ у воротъ. Дружки поютъ:

Надвинули тучи тёмныя,
Наѣхали незваные гости;
Паламили сѣни новыя,
Выпужнули салавья съ саду.
Всплакалась Марьюшка,
Взгаревалась Ивановна:
Свѣтъ ты мой салавей въ саду!
Кинула ключики, на палу́ въ кутѣ́:
«Я тебѣ, батюшка, не клюшница, не варещница,
Клюшница лютому свёкру да свекровьи.»

Съ послѣдними словами усиливаются удары въ ворота. На дворѣ поднимается суматоха. Поѣзжане рвутся во дворъ; но родственники молодой засунули крѣпко засовы и не пускаютъ ихъ. Видя усилія свои напрасными, поѣзжане вступаютъ въ переговоры и платятъ требуемую дань (коп. 10 сер. и штофъ водки): тогда ворота растворяются, и поѣздъ съ шумомъ и гамомъ въѣзжаетъ на дворъ и останавливается у крыльца. Молодой, сопровождаемый поѣзжанами, идетъ въ хату; въ это время подружки поютъ прощальную пѣснь:

Всѣ, всѣ у́тушки
Съ озера литя́,
Всѣ, всѣ дѣвушки
Съ терема идуть,
Одна Марьюшка остава́ется,
Михайлушки дастава́ется.

Съ послѣдними словами онѣ обнимаются и прощаются съ молодою, но, встрѣтя молодаго, защелкиваютъ дверь и требуютъ съ него выкупа. Послѣ непродолжительныхъ переговоровъ, берутъ *скупъ*, около 50 коп мѣди, и непремѣнно бу-

тылку водки; распиваютъ ее, дѣлятъ между собою деньги, впускаютъ молодаго, а сами съ шумомъ выбѣгаютъ вонъ изъ избы. Сцена перемѣняется.

Дѣвушекъ уже нѣтъ; молодая окружается бабами. Свашка ставитъ на столъ блюдо съ калачемъ, масломъ, гребнемъ, ложечками и хмелемъ.

«Сватъ и сваха, дружко съ подружьемъ и вся чесная кампанія! багаславите молодую княгиню павить и другимъ разомъ и третьимъ!» «Богъ багаславитъ», отвѣчаютъ всѣ три раза. Послѣ сего свашка садитъ молодыхъ за приготовленный уже столъ, подъ образа, и зажигаетъ свѣчи. Всѣ встаютъ и молятся Богу; помолясь, свашка садится подлѣ невѣсты, снимаетъ повязку и начинаетъ расчесывать ей косу. Въ это время поютъ:

Не трубушки трубять
Рано на зарѣ,
Марьюшка плача
Па русай касѣ.
Пріѣхала свашунькя
Немилостива,
Взяла мою косушку
Рвать и метать
И надвое заплетать.
И золото съ косушки вымётывая
И надвое косушку заплётывая.

Въ-продолженіе пѣнія сваха расчесываетъ молодую, примазываетъ ей голову масломъ, надѣваетъ кокошникъ и накрываетъ кисеей, потомъ схватываетъ миску и обсыпаетъ всю компанію хмелемъ, а связанныя ложечки кладетъ передъ молодыми. Молодые, весь день неѣвшіе, и теперь сидятъ, какъ вкопаные, въ-продолженіе всего обѣда. По окончаніи обѣда, поѣзжане бросаются на коней, и вотъ зазвенѣли колокольчики, загремѣли бубенчики; поѣздъ передъ крыльцомъ. Свашка встаетъ изъ-за стола, ставитъ молодыхъ вмѣстѣ; они молятся Богу и прощаются съ батюшкой и матушкой. Въ это время поютъ:

Ѣхала Марья со двора̀,
Ломила березу съ верха̀:
Стой моя береза безъ верха,
Живи, батюшка, безъ меня.
Али мине батюшка не любя,
Середь ночушки са двара шлеть?

Молодаго садятъ вмѣстѣ съ княгиней, и весь поѣздъ трогается. Въ это время каждый изъ поѣзжанъ старается похвастать своими лошадьми; поэтому гонятъ, что̀ есть силы, и всячески стараются обогнать другъ друга. Во время поѣзда мужики и бабы, нерѣдко уже пьяные, кричатъ, что̀ кому при-

детъ въ голову. Такимъ-образомъ проѣзжаютъ по нѣсколькимъ улицамъ взадъ и впередъ, и во все время кричатъ безъ пощады; наконецъ, по командѣ дружки, поѣздъ направляется ко двору молодаго. Крикъ утихаетъ. Въ растворенныя ворота завидя освѣщеніе и среди двора родителей молодаго передъ накрытымъ скатертью столомъ, съ образомъ, хлѣбомъ и солью, поѣздъ останавливается. Дружка и свашка ссаживаютъ молодыхъ, ведутъ къ отцу и матери. Въ это время поютъ:

Сустрѣнь, сустрѣнь, батюшка:
Сынъ соколъ ѣдя,
Саколушку визеть,
Въ полѣ работницу,
Въ домѣ кукобницу,
Гастямъ привѣтницу,
Михайлушки савѣтницу.

Молодые, подойдя къ родителямъ, кладутъ три земныхъ поклона, цѣлуютъ икону, хлѣбъ, отца и кланяются ему въ ноги. Тоже повторяется передъ матерью и передъ старшими братьями, сестрами, дядями и проч. Поѣздъ угощается щедро виномъ.

«Сватъ и сваха, дружко съ подружьемъ и вся чесная кампанія, багаславите молодыхъ въ домъ ввесть», раздается голосъ дружки. «Богъ багаславитъ», отвѣчаютъ всѣ. Молодые, руководимые дружкою, а за ними и вся компанія, входятъ въ избу. Столъ накрытъ. Дружка ставитъ молодыхъ передъ столомъ. Гости усаживаются вокругъ стола. Дружка подаетъ молодымъ подносъ съ рюмками, наливаетъ, и молодые подносятъ по чинамъ. Лишь только рюмка снята, поддружье принимаетъ подносъ; молодые кланяются тому, кто пьетъ, и лежатъ на землѣ до тѣхъ поръ, пока рюмка не будетъ выпита. Такъ потчуютъ всѣхъ гостей. Затѣмъ начинаются пригадки. Многіе, попробовавъ водки, говорятъ: «горько!» Услышавъ это, молодые встаютъ, цѣлуются и опять падаютъ въ ноги, давая знать, что они подсластили, и просятъ выпить; но тотъ, отвѣдавъ немного водки, опять говоритъ: «*шпаруна* впала», и т. п. Эта церемонія иногда съ однимъ гостемъ продолжается четверть часа, между-тѣмъ какъ молодые, еще неѣвшіе въ тотъ день ничего, должны потчивать и кланяться всѣмъ своимъ гостямъ.

Отпотчивавъ всѣхъ, дружка съ свашкой берутъ по рюмкѣ водки, выпиваютъ, цѣлуются и благодарятъ компанію. «Багаславите маладыхъ на хватеру свесть», раздается въ избѣ голосъ дружки.

Молодыхъ ведутъ въ анбаръ, или *пуньку* (такъ называется загородка на току для складки половы), и тутъ только предлагаютъ имъ покушать. Покормя, укладываютъ. Въ

это время гости ужинаютъ, пьютъ безъ пощады, поютъ пѣсни, шумятъ, иногда напиваются до-упада. На другой день поднимаютъ молодыхъ. Это дѣлается такимъ образомъ:

Рано поутру, дружка съ свашкой отправляются къ молодымъ, одѣваютъ ихъ. Въ это время собираются родственники и поютъ пѣсни.

Приводятъ молодыхъ; и молодая остается здѣсь, а молодой отправляется съ дружкою и поддружьемъ звать тестя и тещу. Тесть потчуетъ гостей и снаряжаетъ подводы съ приданымъ; потомъ идутъ, и въ-слѣдъ за ними тянется подвода съ сундукомъ-приданымъ. Въ это время поютъ:

Откудова свѣтелъ мѣсяцъ взойдя,
Оттудова мой батюшка пріѣдя,
И съ шубками, съ нарядками
Съ долгими рукавами.

Компанія, когда завидитъ обозъ, тестя и тещу, поетъ:

Пайди-ка, батюшка, не бойся,
Въ червоны чабаты абуйся!
Пайди-ка, матушка, не бойся,
Въ червоны чабаты абуйся!

Попотчивавъ тестя и тещу, вся компанія отправляется въ спальню молодыхъ; берутъ каравай, съ плясками и пѣснями, кладутъ его на голову дружкѣ, несутъ и поютъ:

Дружко каравай кро́я,
Залатой ножикъ мо́я (моетъ),
Серебряну тарелачку.
Табе было не дружковать,
Табе было пановать
У городѣ паномъ!

Дружка разрѣзываетъ каравай на части. Эти частицы кладутся на подносъ по одной; поддружіе, или дядька, наливаетъ водку, а сваха (теща) кладетъ подарокъ. При этомъ дружка возглашаетъ имя и отчество того, кому принадлежитъ подарокъ; напр., «Сидоръ Пахомычъ! если ты на бесѣдѣ, покажи своё бѣлое лицо, чорныя брови; сыръ, каравай принимай, нашихъ маладыхъ надѣляй: не рублёмъ, полтинай, залатою гривной. Нашимъ молодымъ много надобно: на мыльца, бялильца, чтобы были румяныя лица.» Тотъ, къ кому относится воззваніе, беретъ рюмку и кусочекъ каравая и пьетъ; при этомъ молодые падаютъ ему въ ноги, а онъ беретъ подарокъ и тутъ же кладетъ отдарокъ, если человѣкъ денежный. Если же кто даритъ овцу и т. п., то объявляетъ объ этомъ громогласно, а поддружье громко повторяетъ: «Си

доръ Пахомычъ овцу; пиши овцу.» Братъ невѣсты или тотъ, кому поручается замѣчать подарки, давно уже стоитъ съ рогачемъ, или кочергой, и при словахъ: «пиши овцу», черкаетъ орудіемъ печку или потолокъ въ избѣ, такъ-что *шпаруны* летятъ внизъ. Общій смѣхъ и крикъ: «шпаруна упала, шпаруна упала». При этомъ молодые встаютъ, цѣлуются и благодарятъ за подарокъ. Тоже или подобное дѣлается и съ прочими подарками, и каждый подарокъ непремѣнно сопровождается возгласомъ дружки: «если ты на бесѣдѣ»... и проч.

Свекру и свекрови молодая (или теща) кладетъ рубахи, прочимъ платки. При этомъ поютъ:

Сказали: наша Марьюшка
Ни ткаха, ни пряха;
Ажна наша Марьюшка
И ткаха и пряха!
Рано вставала,
Тонко пряла,
И бѣло бялила,
Весь родъ придарила.

Послѣ подарковъ и обѣда, дружка всю *бесѣду* (компанію) зоветъ къ себѣ. Его дарятъ шараварами, хусткой, платкомъ, деньгами, рублей до 5 асс., и штофомъ водки. Хустка подъ караваемъ и платокъ, которымъ накрытъ былъ каравай, также принадлежатъ ему. Потомъ *бесѣда* идетъ по роднымъ, и это продолжается день, два, смотря по тому, сколько родныхъ. Но *окорокъ* еще цѣлъ; онъ, такъ же, какъ и при печеньи каравая, былъ зрителемъ свадьбы и все-таки уцѣлѣлъ. Какое же назначеніе этого окорока? Прятать концы: когда обойдутъ родственниковъ, тогда всѣ гурьбой идутъ концы прятать къ молодому. Этотъ окорокъ иначе называется *разгонщикомъ*, потому-что *бесѣда*, съѣвъ его и поопохмелившись, расходится по домамъ.

БЫТЪ МАЛОРУССКАГО КРЕСТЬЯНИНА

(ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ВЪ ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНІИ).

Въ-слѣдствіе географическаго положенія и климатическихъ условій, югъ и юго-западъ Европейской Россіи рѣзко отличаются отъ остальныхъ частей нашей обширной имперіи. Вся прекрасная полоса, орошаемая Десной, Сеймомъ, Донцомъ, Сулою, Пселомъ, Ворсклою, Бугомъ, Днѣстромъ и Днѣпромъ, со множествомъ небольшихъ рѣчекъ, изобилуетъ превосходными лугами (степями) и превосходнымъ черноземомъ, который сильно облегчаетъ и вознаграждаетъ съ лихвою трудъ земледѣльца. На этомъ плодородномъ пространствѣ, подъ благодатнымъ небомъ, водятся съ успѣхомъ овцы, начиная отъ простой породы до самыхъ дорогихъ, тонкорунныхъ мериносовъ; водятся табуны прекрасныхъ лошадей; размножаются стада рогатаго скота, составляющаго первое условіе довольства края, и произрастаютъ всевозможные сорты хлѣбовъ, почти всегда приносящихъ обильную жатву. Кромѣ хлѣбовъ жители сѣютъ также масляничныя растенія: коноплю, ленъ, подсолнечники и т. п., а мало-мальски зажиточные хозяева засѣваютъ поля арбузами, дынями, тыквами, огурцами и кукурузой (пшѝнка). Во многихъ мѣстахъ съ успѣхомъ разводится табакъ, не только мѣстный, именуемый *махоркой* (амерсфордскій), но и турецкій и американскій. Послѣдніе сорты

скоро однакожъ перерождаются и теряютъ свои хорошія качества.

Малороссія безлѣсна сравнительно; но берега почти всѣхъ рѣкъ покрыты лѣсами, и есть лѣсистыя мѣстности, значительныя относительно. Зато растительность необыкновенно богата, и подъ открытымъ небомъ произрастаютъ яблоки, рѣдкіе сорты грушъ, сливъ, вишни, абрикосы, грецкіе орѣхи, черешни, и во многихъ мѣстахъ по Днѣстру, Бугу и Днѣпру дозрѣваетъ виноградъ, хотя качества весьма посредственнаго и не въ большомъ количествѣ. Съ нѣкоторыхъ поръ тутовыя деревья (*шовковыця*), доставлявшія прежде два раза въ лѣто плоды для лакомства, начинаютъ принимать на себя роль болѣе значительную, при показавшемся стремленіи къ шелководству не только у просвѣщенныхъ помѣщиковъ, но и у простолюдиновъ.

Небольшіе размѣры статьи не позволяютъ подробно исчислить всѣ удобства страны, представляемыя почвою; но нельзя не упомянуть объ одномъ весьма важномъ мѣстномъ произведеніи: это — выдѣлка селитры, преимущественно по контракту для пороховыхъ заводовъ и въ небольшомъ количествѣ для частнаго потребленія. Въ Черниговской губерніи есть фарфоровая глина, произведенія изъ которой можно видѣть и здѣсь въ Петербургѣ (въ Пассажѣ); а Кіевская Межигорская фаянсовая фабрика извѣстна болѣе или менѣе каждому. Не такъ давно, Кіевской губерніи, Радомысльскаго уѣзда въ имѣніи помѣщика В. И. Сивицкаго открыты огромнѣйшія копи превосходнаго лабрадора, которымъ подобныхъ по величинѣ до сихъ поръ не встрѣчается на всемъ земномъ шарѣ. Въ рѣкахъ водится рыба, начиная отъ осетра и стерляди до самой мелкой плотички; въ лѣсахъ — разные звѣри: и медвѣди, и дикіе кабаны, и дикія козы, и волки, и лисицы, и зайцы. Дичи изобиліе, а флора необыкновенно роскошно убираетъ душистыми коврами разнообразныхъ цвѣтовъ луга, поля и рощи.

Изъ этого краткаго, слегка набросаннаго очерка уже видно, сколько естественныхъ богатствъ разсыпано въ Южномъ краѣ, какой тамъ благодатный климатъ и какими удобствами должна изобиловать жизнь человѣка на этой мѣстности.

Какъ южная природа отличается отъ сѣверной, такъ и племя малорусское отличается отъ великорусскаго: типомъ, языкомъ, характеромъ, одеждою, нравами и обычаями. Малороссъ имѣетъ болѣе или менѣе азіатскій обликъ, темные волосы, загорѣлую кожу, и онъ худощавъ по преимуществу. Языкъ его тотъ же славянскій, но отлившійся въ особую форму, въ-слѣдствіе климатическихъ и нѣкоторыхъ другихъ условій, и удержавшій многія древнія рѣченія.

Характеръ Малоросса добрый, спокойный, слегка насмѣшливый и не скоро забывающій оскорбленіе. Лѣнь проглядываетъ во всѣхъ его дѣйствіяхъ и движеніяхъ, но не та, которую придаютъ ему досужіе наблюдатели нравовъ народныхъ, изучающіе край изъ почтоваго экипажа, не та, о которой такъ краснорѣчиво пописываютъ нѣкоторые беллетристы, а лѣнь — достояніе южнаго климата. Лѣнь эта вытекаетъ собственно изъ всѣхъ его работъ и занятій. Вспомните, что Малороссъ обработываетъ свои поля, перевозитъ тяжести, отправляетъ ремесло извощика все на волахъ, походка которыхъ тяжела и необыкновенно медленна, вспомните, что онъ работаетъ подъ ужаснымъ зноемъ почти съ апрѣля до половины сентября, и лѣнь эта, подвергающая его насмѣшкамъ и порицаніямъ, приметъ въ глазахъ вашихъ не столь ужасающія формы и не столь громадные размѣры. Лѣнь эта вошла въ пословицу, подъ именемъ малорусской, и тѣ, которые любуются dolce far niente итальянскаго тунеядца, тѣ ставятъ климатическое условіе въ укоръ доброму и трудолюбивому Малороссу. Не спорю, что, можетъ-быть, классъ болѣе образованный въ Малороссіи и подверженъ пресловутой лѣни; но зачѣмъ же, не зная дѣла, порицать добраго простолюдина? Когда, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, назначенъ былъ малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ князь Куракинъ, вельможа, снискавшій въ краю всеобщую любовь и уваженіе, онъ сначала тоже, по обычаю всѣхъ, нападалъ на малорусскую лѣнь, о которой слыхалъ столько остроумныхъ и неостроумныхъ анекдотовъ. Однажды завелъ онъ объ этомъ рѣчь съ однимъ изъ просвѣщенныхъ предводителей дворянства и совѣтовался, какъ-бы искоренить это зло. Предводитель спросилъ, гдѣ же князь видѣлъ слѣдствіе этой лѣни, случалось ли ему замѣтить по всему краю хоть одну полоску

необработанной земли? Вельможа задумался и убѣдился, что порокъ этотъ должно-быть не такъ значителенъ, какъ говорятъ о немъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, почва въ Малороссіи необыкновенно плодородна, изрѣдка развѣ кое-гдѣ требующая удобренія, климатъ благодатный; слѣдовательно, земледѣльцу не предстоитъ тѣхъ трудовъ, какіе несетъ его сѣверный собратъ на своей трудной и не всегда благодарной почвѣ. А когда приходитъ время косьбы, жатвы, уборки хлѣба съ полей, то не мѣшало бы вопіющимъ противъ лѣни проѣхать хоть по большимъ дорогамъ Малороссіи. Эти наблюдатели увидѣли бы дѣятельность и движеніе не только днемъ, но цѣлую ночь, въ-продолженіе которой возы, накладенные снопами, медленно двигаются по всѣмъ направленіямъ, — медленно, потому-что, какъ замѣчено выше, волъ идетъ своимъ медленнымъ, однообразнымъ шагомъ. Если же, разметавшись на этомъ возу, крѣпко спитъ Малороссъ, увѣренный, что волы довезутъ его къ порогу хаты, то начавшему работать съ разсвѣтомъ можно и уснуть во время пути.

Представляя все это на судъ просвѣщеннаго читателя, и я съ своей стороны скажу, что хотя лѣнь эта и не такъ ужасна, какъ о ней отзываются, однако при нѣкоторыхъ улучшеніяхъ она дѣйствительно могла бы быть меньше. Дастъ Богъ, современемъ, при развитіи грамотности, чему сильно споспѣшествуютъ Министерство Государственныхъ Имуществъ и многіе разумные помѣщики, народъ займется съ успѣхомъ какими-нибудь новыми работами, промыслами или ремеслами, которые избавятъ его отъ излишняго свободнаго времени. Что же касается до земледѣлія, то его можно и должно улучшить, потому-что Малороссъ пашетъ едва не допотопнымъ плугомъ, иногда четырьмя парами быковъ. Впрочемъ, образчики плуговъ временъ Ноя случалось мнѣ видѣть въ глубинѣ Грузіи, гдѣ запрягаютъ по двѣнадцати паръ, включая въ это число пары четыре буйволовъ. Между-прочимъ надо сказать и то, что на югѣ попадается грунтъ земли необыкновенно твердый, въ-особенности на лугахъ, которыхъ иначе и нельзя вспахать, какъ плугомъ, который бралъ бы очень глубоко. Улучшеніе земледѣлія сбережетъ крестьянину время на другую какую-нибудь работу, потому-что хлѣба и безъ того родится столько, что его дѣвать некуда. Изобиліе

при недостаткѣ хорошихъ путей сообщенія поддерживаетъ почти постоянно самыя низкія цѣны, не смотря на большое количество винокурень, потребляющихъ рожь большими массами; а голода опасаться не возможно, съ тѣхъ поръ, какъ Министерство Государственныхъ Имуществъ учредило общественную запашку, а Министерство Внутреннихъ Дѣлъ строго наблюдаетъ о наполненіи общественныхъ магазиновъ.

Исключительная черта малорусскаго характера — юморъ проявляющійся иногда и въ грубыхъ формахъ, но постоянно преобладающій во всѣхъ рѣчахъ Малоросса. Малороссъ не только подшучиваетъ надъ другими, но и надъ самимъ собою, не смотря иногда на чрезвычайно грустное свое положеніе. Притомъ же, доведя языкъ свой до необыкновенной степени лаконизма, онъ иногда шутитъ необыкновенно остроумно.

Бытъ малорусскаго крестьянина совершенно патріархальный, исключая одно обстоятельство, оставшееся, какъ наслѣдіе древнихъ Славянъ, у Великорусса и утратившееся въ Малороссіи. Я говорю объ исключеніи изъ народнаго быта обычая править родоначальнику всею семьею. Здѣсь очевидно вліяніе безпрестанныхъ войнъ края, въ-продолженіе которыхъ семейства раздѣлялись и дробились при частыхъ переселеніяхъ. Впрочемъ встрѣчаются семейства, гдѣ всѣ члены живутъ вмѣстѣ подъ начальствомъ дѣда и работаютъ сообща, хотя подобные примѣры очень рѣдки и совершенно не въ нравахъ народа.

Крестьяне малорусскіе живутъ въ мѣстечкахъ, селеніяхъ, деревняхъ и хуторахъ. Послѣдніе разбросаны въ степныхъ мѣстахъ, и количество избъ, ихъ составляющихъ, отъ одной доходитъ до двадцати и болѣе. Старинныя селенія и деревни лежатъ обыкновеню по берегамъ рѣкъ, окруженныя небольшими лѣсами и возвышенностями, расходящимися въ разныхъ направленіяхъ и служащими продолженіемъ нагорныхъ береговъ. Селенія эти обыкновенно раскинуты на живописныхъ мѣстностяхъ, окружены рядомъ крылатыхъ мельницъ, которыя преимущественно строятся на горахъ, для того, чтобы вѣтеръ могъ свободнѣе ворочать ихъ крылья. Избы (хаты) Малороссовъ разбросаны въ безпорядкѣ, рѣдко образуя улицы, но по большей части окружая обширные выгоны, на которыхъ пасутся домашнія птицы и молодыя домашнія

животныя. Во многихъ мѣстахъ выгоны эти называются *солонцами*, потому-что состоятъ изъ глинистой солоноватой почвы. Вообще всѣ эти долины, идущія между горами, поросшія лѣсомъ и занятыя подъ селенія и деревни, безъ-сомнѣнія, въ до-историческія времена служили ложемъ рѣкъ, занимавшихъ иногда все это пространство. Доказательствомъ подобнаго предположенія служатъ, во-первыхъ, близость воды отъ уровня земли, во-вторыхъ, остатки болотъ, въ которыхъ окаменѣлости рѣчныхъ раковинъ попадаются въ горахъ, очевидно служившихъ берегами.

Видъ малорусскаго селенія чрезвычайно пріятенъ для взора: чистыя, выбѣленныя хаты почти всегда окружены садиками, и легкій плетень и сквозныя сколоченныя изъ жердей вороты даютъ возможность видѣть всю дѣятельность и движеніе сельскихъ жителей. У оконъ, въ-особенности, если въ семействѣ есть дѣвушка, красуются простые цвѣты: гвоздики, барвенокъ, дзиндзиверъ, красоля, королевъ цвѣтъ, зоря, штокъ-роза и роза обыкновенная (троянда). Огородъ украшенъ высокими подсолнечниками и разноцвѣтнымъ макомъ; тамъ-и-сямъ цвѣтутъ пышными бѣлыми букетами кусты бузины, калины, и возлѣ иныхъ хатъ растутъ душистые кусты сирени (бузокъ).

Дворъ Малоросса не имѣетъ однообразной, постоянной архитектуры; устроивается онъ безъ задуманнаго плана: то бываетъ окруженъ хозяйственными постройками, то постройки эти вытянуты въ одну линію съ хатой, то разбросаны между группами деревьевъ, которыя вообще въ большомъ почетѣ у Малоросса. Никогда, имѣя даже необходимость построить какой-нибудь сарай на извѣстномъ мѣстѣ, на которомъ растетъ дерево, Малороссъ не срубитъ дерева, но, жертвуя наружнымъ видомъ сарая, окружитъ постройкою старинный дубъ или берестъ и пропуститъ дерево сквозь крышу. Хозяйственныя постройки состоятъ изъ *комòри* (кладовой), *возивни* (сарая для телегъ), *кошàри* (сарая для овецъ), *загòна* (открытаго сарая для для скота и лошадей), разнообразныхъ *хлѣвовъ* (для свиней, домашнихъ птицъ), *сажà* (особаго помѣщенія для откармливанія свиней), и нѣсколькихъ *повѣтокъ* (навѣсовъ), а иногда и продолговатыхъ хлѣвовъ. У зажиточныхъ хозяевъ бываетъ и крытое гумно, съ высокой кови-

ческой крышей, которое называется *клуня*. Обыкновенно хлѣбъ ставится на *току́* и молотится подъ открытымъ небомъ. Площадка, предназначенная для этого, утрамбовывается особаго рода орудіемъ, называемымъ *то́локъ*, и дѣлается чрезвычайно тверда. Вотъ и все незатѣйливое устройство. Если хозяинъ ремесленникъ, то онъ ставитъ, гдѣ ему удобнѣе, особую повѣтку для своего спеціальнаго занятія.

Жилище Малоросса, его хата, отличается, если не всегда снаружи, то всегда внутри, необыкновенною чистотою. И снаружи у бо́льшей части крестьянъ избы чисто выбѣлены и даже у оконъ раскрашены разноцвѣтною глиною; но внутри постоянно соблюдается самая строгая чистота, какая только возможна при большомъ семействѣ, и не смотря на то, что зимою въ избѣ помѣщаются многія изъ домашнихъ животныхъ: молодыя телята, ягнята и насѣдки. Архитектура хатъ очень проста; хаты раздѣляются на два рода: на *рубленыя* (срубленыя изъ дерева) и на *ма́занки*. Первыя строятся въ мѣстахъ лѣсистыхъ, при безлѣсьѣ же только людьми зажиточными, а послѣднія тамъ, гдѣ лѣсъ рѣдокъ и вообще на степныхъ пространствахъ. Мы возьмемъ для примѣра мазанку хозяина средняго состоянія. Надо замѣтить, что всѣ вообще постройки Малоросса дѣлаются сосѣдями и знакомыми, безъ всякаго предварительнаго условія, даромъ, по-сосѣдски. Каждый женатый человѣкъ обязанъ умѣть плотничать и не смѣетъ отказаться, если сосѣдъ приглашаетъ его на работу. Хозяинъ обязанъ только хорошо кормить *майстра* (плотника) и въ извѣстное время угощать виномъ. Избравъ мѣсто для новой хаты и сдѣлавъ *закладины*, т.-е. освятивъ мѣсто, врываютъ по угламъ высокіе столбы (*сохи*). Послѣ этого плотники начинаютъ строить крышу, предварительно на землѣ, гдѣ-нибудь по-близости. Размѣривъ, какъ слѣдуетъ, кладутъ они нѣсколько вѣнцовъ дерева, связываютъ ихъ балками *(сволокъ)*, утверждаютъ стропилы *(кроквы)*, которыя обшиваютъ тоненькими жердями *(латы)* въ видѣ сѣти. Въ это время плотники, менѣе искусные, вбиваютъ между поставленныхъ столбовъ дубовыя колья, оставляя мѣсто для дверей и оконъ, и оплетаютъ ихъ хворостомъ. Женщины кладутъ на плетень толстые слои глины, и стѣны готовы. Въ иныхъ мѣстахъ плетень дѣлаютъ въ два ряда и узкое пространство на-

бивають глиной, смѣшанной съ соломой. Тогда плотники разбирають срубъ и крышу и утверждають уже все это на столбахъ накрѣпко. Двери дѣлаются тѣми же мастерами; но окна покупаются на ярмаркахъ готовыми. Крыша бываетъ соломенная или, въ-особенности по-близости большихъ рѣкъ, тростниковая.

Подобное жилище состоитъ обыкновенно изъ избы (*хаты*), сѣней и *хижи* (кладовой). Въ сѣняхъ ставится плетеная дымовая труба, которая называется *димарь*, до верху крыши; а оконечность ея на кровлѣ называется *верхъ* (собственно труба) и бываетъ покрыта иногда деревянной кровелькой, или и просто остается непокрытою. Въ степныхъ совершенно ровныхъ мѣстахъ, во время сильныхъ мятелей, трубы эти служатъ единственнымъ отверстіемъ для выхода, потому-что снѣгъ заваливаетъ избы въ уровень съ крышами. Изъ сѣней бываетъ одинъ или два выхода. Иногда одна дверь отворяется прямо въ *загороду* (открытый сарай для скота), а иногда на гумно, смотря по обстоятельствамъ, потому-что, какъ сказано выше, у Малоросса нѣтъ системы въ расположеніи хозяйственныхъ построекъ.

Внутренность хаты обставлена тоже довольно оригинально. При входѣ, одинъ уголъ занятъ печью, сколоченною изъ глины иногда весьма искусно и красиво. Израсцовая печь уже роскошь и встрѣчается у зажиточнаго хозяина, у котораго есть свѣтлица: такая печь называется *груба*, и въ ней уже не приготовляется пища. По другую сторону двери прибиты пóлки *(полйци)* для разныхъ домашнихъ сосудовъ, а иногда стоитъ *сýдникъ* — родъ шкафа безъ дверецъ, но съ пóлками, для того же самаго употребленія. Вдоль стѣны, противоположной печкѣ, вверху тянется еще одна большая полка, на которой поставлены и положены разныя хозяйственныя принадлежности. Въ переднемъ углу *(покуть)* стоитъ божница (кіотъ) съ иконами, украшенная цвѣтами, преимущественно васильками и гвоздикой. Иногда уголъ этотъ обитъ кускомъ обоевъ. Передъ иконами, на шнурочкахъ, повѣшены различныя писанки и голуби, сдѣланные изъ разноцвѣтной бумаги — произведеніе дѣвушекъ. Въ переднемъ же углу подъ образами стоитъ столъ по бóльшей части сундукъ *(скрыня)* на подмосткахъ, покрытый чистою скатертью, на которой

лежитъ хлѣбъ и соль — признакъ гостепріимства. Вдоль стѣнъ тянутся скамьи (*лавы*), а на пространствѣ между печкой и стѣною устроены нары (*пилъ*), на которыхъ спятъ обыкновенно хозяинъ съ хозяйкой. Прочіе члены семейства размѣщаются гдѣ кому удобнѣе: кто на лавкахъ, кто на печкѣ; а въ лѣтнее время, по обычаю, все народонаселеніе, за исключеніемъ стариковъ, спитъ на открытомъ воздухѣ. Возлѣ наръ виситъ обыкновенно колыбель, на такомъ разстояніи, чтобы мать ночью могла качать ее ногою, если ребенокъ заплачетъ съ просонья. Подъ нарами, а иногда подъ скамьями и даже подъ печью, заплетается помѣщеніе (*куча*) для домашнихъ птицъ, необходимое въ-особенности весною, когда насѣдокъ сажаютъ на яицы. На стѣнѣ на колышкахъ висятъ: шапки, длинные кнуты (*батогъ*), которыми погоняютъ воловъ, и если есть взрослыя дочери, то гдѣ-нибудь въ стѣнѣ вмазанъ кусочекъ разбитаго зеркала. Это хата обыкновеннаго земледѣльца, простаго *хлѣбороба;* но если кто изъ семьи занимается какимъ-нибудь ремесломъ, то въ хатѣ стоятъ и необходимыя для этого принадлежности: орудія бочара, верстакъ ткача или ткачихи, *дзиглик*ъ (треногій стулъ) сапожника и т. п. Въ сѣняхъ тоже не пусто: здѣсь непремѣнно стоятъ ступа, въ которой толкутъ пшено, *тѣрниця*, на которой приготовляютъ ленъ и пеньку въ дурную погоду, бочки, боченки; а вверху на поперечной балкѣ стропилъ виситъ сало, безъ котораго трудно обойтись Малороссу. На чердакѣ (*горыще*) сложены тоже разныя домашнія принадлежности. Въ *хижѣ* хранится мука, крупа, соль, иногда зерновой хлѣбъ и разная домашняя рухлядь. У иныхъ въ сѣняхъ или *хижѣ* устроивается небольшой погребъ, но чаще вырываютъ его вблизи избы. Въ мѣстахъ гористыхъ роютъ погреба въ горѣ; и такой погребъ уже называется *лёхъ*, который имѣетъ иногда очень длинные рукава.

Хорошая хозяйка и изъ сѣней устроитъ весьма приличное помѣщеніе лѣтомъ для обѣда, потому-что въ хатѣ обыкновенно душно. Нижняя часть трубы у нея обложена глиной и смазана чисто; по угламъ сдѣланы тоже глиняные столбики, на которыхъ стоитъ ведро съ свѣжею водою или посуда; полъ болѣе или менѣе чистый и превосходно смазанный.

Зажиточный Малороссъ имѣетъ вѣтряную мельницу, до-

ставляющую ему порядочный доходъ, а именно десятую часть зерна, называемую *размиръ*. Иные же, кто не въ-состояніи имѣть мельницы, а не хочетъ отдавать за помолъ десятой части, устроиваютъ у себя въ сѣняхъ *жорна*, т.-е. ручную мельницу, на которой мелютъ уже руками. За право смолоть хлѣбъ въ чужихъ *жорнахъ* тоже плотится *десятина*. У очень богатыхъ крестьянъ, въ-особенности живущихъ хуторами, бываютъ и водяныя мельницы. Жители деревень, расположенныхъ по берегамъ значительныхъ рѣчекъ, преимущественно занимаются рыбною ловлей, воздѣлывая поля собственно для своего обихода; каждый предпочитаетъ разъѣзжать въ челнокѣ и ловить рыбу и раковъ, сбывая уловъ въ близьлежащихъ городахъ или мѣстечкахъ. Есть села, славящіяся своими рыбаками, и туда изъ далекихъ мѣстъ съѣзжаются покупатели.

Между Малороссами есть и пчеловоды, и въ иной *пасѣкѣ* (пчельникѣ) можно насчитать по нѣскольку сотъ ульевъ. *Пасѣчниками* обыкновенно бываютъ старики, которые, близко ознакомясь съ природой, обладаютъ иногда нѣкоторыми тайнами, до сихъ поръ неразгаданными наукой; такъ, иные знаютъ цѣлебную силу растеній, сзываютъ имъ однимъ извѣстнымъ способомъ змѣй, заговариваютъ зубную боль и т. п. Народъ всегда почти приписываетъ старикамъ-пасѣчникамъ знакомство съ сверхъестественными силами. Въ лѣтнее время, когда цвѣтетъ гречиха, пчельники перевозятся въ поле, чтó называется *вывозить пасѣку въ гречкы*. Медъ и воскъ покупаютъ обыкновенно пріѣзжіе торговцы (преимущественно рыльскіе).

У Малоросса все свое, непокупное, исключая соли и косъ (*). Разумѣется, я говорю о предметахъ первой потребности; но предметы роскоши, конечно условной, пріобрѣтаются на ярмонкахъ, которыхъ въ краѣ изобиліе.

Теперь, когда мы нѣкоторымъ-образомъ, хоть поверхностно, ознакомились съ принадлежностями быта малорусскаго крестьянина, прослѣдимъ вкратцѣ жизнь Малоросса отъ колыбели до могилы, взглянемъ на этого крестьянина во

(*) Косы тоже развозятся по Малороссіи рыльскими купцами, которые получаютъ ихъ изъ Австріи.

всѣхъ возрастахъ, при всѣхъ условіяхъ его праздничной и будничной жизни, при всѣхъ обстоятельствахъ, вытекающихъ изъ его скромнаго патріархальнаго быта.

Рожденіе младенца не всегда происходитъ въ хатѣ: нерѣдко ребенокъ впервые увидитъ свѣтъ Божій въ чистомъ полѣ, на нивѣ колосистой пшеницы, гдѣ-нибудь подъ копнами, и, спеленанный наскоро, укладывается подъ импровизированнымъ навѣсомъ. Мать его, крѣпкая, неиспорченная натура, иногда часа черезъ три снова принимается за работу. Родильницы *(породiля)* производятъ на свѣтъ дѣтей безъ особыхъ мученій, и слабость ихъ много если продолжается дня два, три. Обыкновенно акушерками служатъ старухи, не имѣющія никакихъ спеціальныхъ познаній, а дѣйствующія по преданіямъ и по навыку.

Съ первыхъ же дней жизни ребенокъ поступаетъ или къ какой-нибудь родственницѣ-старухѣ, или чаще къ маленькимъ дѣвочкамъ въ семействѣ, и по цѣлымъ днямъ виситъ въ своей колыбели, качаемый подъ припѣвъ безчисленнаго множества пѣсенокъ, которыя тутъ же импровизируются маленькими няньками, какъ справедливо замѣчаетъ М. Максимовичъ (Украинскія Народныя Пѣсни). Ничего не можетъ быть проще этого напѣва; но пѣсенки иногда бываютъ необыкновенно интересны. По бо́льшей части въ нихъ главную роль играетъ котъ, какъ первая и часто единственная игрушка ребенка. Едва только дитя начинаетъ сидѣть, оно переходитъ изъ колыбели на цѣлый день въ старое лукошко, въ которомъ и сидитъ, часто забытое совершенно, предоставленное самому себѣ, играя съ котенкомъ или какимъ-нибудь лоскуткомъ. Во время полевыхъ работъ, матери однако же носятъ дѣтей съ собою, какъ-бы ни было поле далеко. Выучась ползать, ребенку предстоитъ уже болѣе разнообразія; но едва начинаетъ онъ ходить, какъ дѣлается полнымъ властелиномъ своего времени и цѣлые дни, не смотря на пору года и погоду, проводитъ на дворѣ, играя съ сосѣдними ребятишками. Тутъ уже онъ воленъ бродить, поднявъ рубашенку, по лужамъ, пересыпаться пескомъ, рыть ямки, строить домики, гоняться за домашними птицами, а зимою скользить по льду, спускаться въ саночкахъ и играть въ снѣжки.

Счастливый возрастъ младенчества проходитъ однакожь

очень скоро, а отрочеству предстоятъ уже свои занятія. Достигнувъ семи лѣтъ, мальчикъ надѣваетъ штаны и называется *погóнычъ*, т.-е. погонщикъ воловъ во время паханья, но кромѣ этого онъ пасетъ телятъ, овецъ, свиней и исправляетъ нѣкоторыя самыя легкія обязанности по хозяйству. Дѣвочка повязываетъ *запáски* (см. ниже) и называется *пряха*, потому-что съ этихъ поръ начинаетъ знакомиться съ мочкой и веретеномъ. Съ семи лѣтъ дѣвочка начинаетъ няньчить дѣтей, пасетъ тоже телятъ, овецъ, гусей и помогаетъ матери въ домашнемъ хозяйствѣ. Но вообще до 12 лѣтъ дѣти пользуются еще бóльшей или мéньшей свободой. Послѣ мальчики несутъ работы наровнѣ съ взрослыми, разумѣется, работы легкія; дѣвочки прядутъ, шьютъ, стираютъ, бѣлятъ полотна и во время полевыхъ работъ сгребаютъ сѣно и жнутъ.

Дождавшись 18 лѣтъ, парубокъ (парень) подумываетъ уже о женитьбѣ. Онъ выбираетъ себѣ подругу жизни часто еще съ отроческаго возраста, когда ребятишки пасутъ вмѣстѣ скотъ съ дѣвочками или играютъ въ свои незатѣйливыя игры. Привязанность эта увеличивается съ лѣтами на *улицѣ*, на *вечерницахъ*, *досвѣткахъ* и *грищѣ*. *Улица* значитъ собраніе молодыхъ людей вечеромъ гдѣ-нибудь на площади, весной, лѣтомъ и въ началѣ осени. На улицѣ поютъ пѣсни, балагурятъ, а иногда и танцуютъ до полуночи. Какъ только опустился вечеръ и добрые люди поужинали, старики, дѣти и женатые люди ложатся спать, а юность спѣшитъ на улицу. Лѣтнею ночью пѣсни не умолкаютъ по селенію и звонко переливаются въ разныхъ мѣстахъ подъ навѣсомъ свѣтлаго украинскаго неба. Каждый парень открыто ухаживаетъ за предметомъ своей нѣжности, и, нагулявшись досыта, спѣвъ множество пѣсенъ, потанцовавъ, пары нечувствительно расходятся, окутанныя таинственнымъ покрываломъ ночи, и почти всегда остаются вмѣстѣ до утра. Но да не подумаютъ читатели, что молодость въ это время предается разврату. Я нарочно упомянулъ объ этомъ обстоятельствѣ, потому-что мнѣ хочется показать въ настоящемъ свѣтѣ чистые патріархальные нравы малорусскаго народа. Свидѣтельство объ этомъ можно найти еще у Боплана, который хотя и служилъ польскому королю, слѣдовательно смотритъ на Украинцевъ глазами Поляковъ, однако же отдаетъ полную справедливость поведенію Мало-

россіянокъ. Но кто жилъ долго въ краю и знаетъ основательно бытъ народный, тотъ можетъ сказать, что, хотя грустные примѣры разврата и встрѣчаются иногда въ Малороссіи, однако это чрезвычайно рѣдко и почти всегда бываетъ слѣдствіемъ другихъ условій, но не свободнаго обращенія молодежи. Парень, избравшій дѣвушку, смотритъ на нее какъ на будущую супругу и уважаетъ честь ее до-того, что не осмѣливается даже обнаружить передъ подругой увлеченія пылкаго возраста. Нерѣдко бывали примѣры, что дѣвушка отказывалась гулять вмѣстѣ съ любимымъ парнемъ, позволявшимъ себѣ требовать болѣе того, что́ допускаетъ народная благопристойность. Наконецъ эта свобода съ дѣтства, патріархальная простота, отсутствіе пороковъ вообще умѣряютъ какъ-то требованія пола, и молодежь довольствуется невинными ласками (жениханьемъ). Одно уже это названіе ясно опредѣляетъ характеръ ласки. Разумѣется, любящіеся по бо́льшей части женятся; но бываютъ случаи, что родители противятся браку и принуждаютъ сына жениться на избранной ими, дочь выдаютъ за того, кто имъ кажется приличной для нея партіей. И въ самомъ простомъ быту, въ глуши какого-нибудь хутора, есть свои условія, приличія, свои глубокія драмы, однимъ словомъ, все, что́ встрѣчается и въ мірѣ образованномъ, только подъ другими формами. И здѣсь въ супружествѣ играетъ важную (но не главную) роль богатство, хотя зачастую случается, что бѣднякъ, простой *наймитъ*, служившій у хозяина, женится на его единственной дочери и получаетъ все ея состояніе, и, наоборотъ, самая бѣднѣйшая дѣвушка, трудолюбивая или скромная красавица, выходитъ за перваго богача въ деревнѣ.

Осеннія и зимнія встрѣчи у молодежи происходятъ на *вечерницахъ*, *досвѣткахъ* и *грищѣ*. Опредѣливъ для своего малорусскаго словаря значеніе этихъ словъ, я полагаю приличнымъ сдѣлать здѣсь выписки.

Досвѣтки — это посидѣлки, собраніе молодыхъ дѣвушекъ, сходящихся въ какую-нибудь избу для работы. *Досвѣтки* можно раздѣлить на двѣ части: на *вечерницы* и собственно *досвѣтки*. Дѣвушки сговариваются, избираютъ какую-нибудь женщину и поручаютъ ей устроить свои собранія, принося кто что́ можетъ изъ провизіи, разумѣется, припасае-

мой дома секретно. Надобно замѣтить, что матери и отцы возстаютъ (наружно) противъ этихъ собранiй, и если бы родители увидѣли дочь свою, отправляющуюся на *досвѣтки*, они бы пожалуй и погоняли ее для примѣра; но родители стараются смотрѣть на это сквозь пальцы, потому-что сами провели лучшiе свои годы на этихъ сходкахъ юности. Забравъ всѣ принадлежности работы и не забывая провизiи, дѣвушки отправляются съ вечера въ избранную избу и занимаются работой (это *вечерныци*), тамъ ночуютъ, встаютъ чрезвычайно рано и снова работаютъ, распѣвая пѣсни (это *досвѣтки*). На вечерницы всегда, а на досвѣтки довольно рѣдко являются парни. У каждаго изъ нихъ есть своя зазноба; у кого же нѣтъ, тѣ идутъ съ товарищами провести время. Не только не лишнимъ, но необходимымъ будетъ замѣтить здѣсь, что вечернiя и ночныя эти собранiя основаны на самой чистой, строгой нравственности. Ни одинъ парень, ни одна дѣвушка не позволятъ себѣ ни малѣйшей нескромности, оскорбляющей добрые нравы. Сначала работа идетъ чинно, потомъ начинаются шутки; парни стараются мѣшать работать дѣвушкамъ, эти бьютъ ихъ по рукамъ веретенами, *гребнями* и чѣмъ придется. Наконецъ возстановляется порядокъ: кто-нибудь разсказываетъ сказки, поютъ пѣсни; а если случится, что лихачъ какой принесетъ балалайку или скрипку и хватитъ *го̀рлицу*, *метѐлицу*, конечно работа иной разъ летитъ на лавку, а рѣзвыя пары и попляшутъ немного. До сихъ поръ, смѣло можно сказать, въ Малороссiи была примѣрная чистота нравовъ. Вкусный завтракъ подкрѣпляетъ силы, работа идетъ своимъ порядкомъ, и не умолкаютъ пѣсни беззаботной молодежи.

Какъ вечерницы и досвѣтки учрежденiя постоянныя, въ родѣ нашихъ собранiй, такъ грище собранiе импровизированное, очень похожее на пикникъ. Точно также избирается домъ, нанимается музыка и припасается угощенiе. На грище идутъ уже собственно веселиться, потому-что дѣлается это во время праздниковъ.

Осенью, тотчасъ же послѣ уборки хлѣба, начинаются сватовства. Парень, задумавшiй жениться, спрашиваетъ у родителей благословенiя и избираетъ двухъ *старостъ*, обыкновенно почетнѣйшихъ крестьянъ, обладающихъ также даромъ слова и знакомыхъ съ своей трудной обязанностью. По-

молясь Богу, старосты, въ сопровожденіи жениха, отправляются къ назначенному дому важной, мѣрной походкой, опираясь на *ципки* (палки) и не позабывъ взять съ собою хлѣба и соли.

Въ семействахъ, гдѣ есть невѣсты, все давно уже готово, и дѣвушка почти всегда знаетъ, въ какой день придутъ ее сватать. При словахъ: «старосты идутъ», въ хатѣ подымается суматоха: невѣста спѣшитъ поправить что-нибудь въ своемъ нарядѣ, а родители садятся подъ образами. Старосты должны постучаться въ дверь; ихъ спрашиваютъ: что́ за люди и зачѣмъ пришли? тѣ отвѣчаютъ заученными извѣстными фразами и наконецъ входятъ въ избу. Оффиціальные переговоры продолжаются довольно долго, въ-продолженіе которыхъ женихъ стоитъ, потупя глаза, а невѣста, отворотясь лицемъ къ печкѣ, должна, по обычаю, отламывать кусочки глины (*пичь колупать*), какъ-бы выражая тѣмъ свое крайнее замѣшательство. Если родители согласны, то принимаютъ отъ старостъ хлѣбъ и соль; если же не согласны, то благодарятъ за честь и отказываютъ. Обыкновенно въ случаѣ согласія спрашиваютъ желаніе дочери и, получивъ удовлетворительный отвѣтъ, приказываютъ перевязать дорогихъ гостей. Невѣста спѣшитъ вынуть приготовленныя заранѣе полотенцы (*рушники*) и перевязываетъ ими старостъ черезъ плечо, а жениху повязываетъ на правой рукѣ платокъ повыше локтя. Обрядъ этотъ называется *давать рушники, или знаки*, и отказаться послѣ этого считается уже поступкомъ безчестнымъ. Въ случаѣ отказа, еще водится въ иныхъ мѣстахъ подносить жениху *гарбузъ* (тыкву).

Испекши довольно *шишекъ* (*), съ извѣстными обрядами, за нѣсколько дней до свадьбы, невѣста (*молода*, *заручена*), одѣвшись въ лучшее платье, убравъ голову цвѣтами и подпоясавшись вышитымъ полотенцемъ, идетъ приглашать знакомыхъ на свадьбу, а дѣвушекъ *кликать у дружки*. Войдя въ хату, она должна три раза поклониться, проговорить фразу: «*Просыли батько й маты и я прошу на хлибъ на силь и на весилля*» и положить на столъ шишку. Начинаетъ она съ ближайшихъ сосѣдокъ, и такимъ-образомъ скоро составляется цѣлая

(*) Пшеничный плоскій небольшой хлѣбъ, съ разными украшеніями.

вереница молодыхъ дѣвушекъ, которыя идутъ съ пѣснями отъ хаты до хаты, и число ихъ возрастаетъ безпрестанно. Молодая выбираетъ изъ среды дѣвушекъ *старщу дружку*, т.-е. ту, которая должна держать вѣнецъ надъ нею.

Женихъ съ своей стороны собираетъ бояръ — молодыхъ парней, избравъ изъ нихъ *старшаго боярина* (шафера).

Незадолго до свадьбы (*весилля*), въ домѣ невѣсты собираются женщины мѣсить *коравай* (особеннаго рода хлѣбъ) и мѣсятъ его съ извѣстными пѣснями. Въ это же время идутъ разныя приготовленія къ пріему гостей. Въ субботу собирается *дѣвичъ-вечиръ* (дѣвичникъ), а въ воскресенье обыкновенно чета вѣнчается послѣ обѣдни. Возвратясь изъ церкви, новобрачные (*князь и княгиня*) входятъ въ домъ съ церемоніей и съ музыкой; потомъ начинается обѣдъ, за которымъ новобрачные сидятъ на почетномъ мѣстѣ, а передъ ними въ кувшинѣ, наполненномъ рожью, горятъ ихъ вѣнчальныя свѣчи, связанныя вмѣстѣ красною лентою. Народъ замѣчаетъ, что чья свѣча сгоритъ болѣе, тотъ долженъ умереть скорѣе. Объемъ статьи не позволяетъ здѣсь привести пѣсенъ, которыя сопровождаютъ каждое почти дѣйствіе не только новобрачныхъ, но и всѣхъ чиновъ свадебной церемоніи: *дружка*, *свашки*, *свѣтилки*. Свѣтилка (она же и старшая дружка) держитъ *вильце*, или *гильце:* клинокъ сабли, украшенный цвѣтами и калиновыми ягодами. Очень часто теперь *вильце* дѣлаютъ изъ какой-нибудь вѣтки. Молодыхъ торжественно уводятъ въ *комору*, и чрезъ нѣсколько времени, смотря по тому, окажется ли новобрачная цѣломудренною, или нѣтъ, происходитъ ужасный шумъ: веселыя пѣсни и пляски, или буйство, при которомъ разбиваютъ посуду, утварь и все, что попадется подъ руку. Въ первомъ случаѣ пляшутъ съ обыкновенными пѣснями *приданки* и прыгаютъ по лавкамъ. Въ случаѣ нецѣломудрія надѣваютъ матери на шею хомутъ. Парни и дѣвушки уходятъ вслѣдъ затѣмъ, какъ уведутъ новобрачныхъ....

На другой день, если новобрачная цѣломудренна, что почти всегда и случается, то надъ домомъ ея выставляется шестъ, на который вѣшаютъ красную *запаску*; дружко и старосты перевязываются красными поясами черезъ плечо, и, умывъ торжественно молодую у ближайшаго колодца, весь

свадебный поѣздъ съ музыкой отправляется къ роднымъ и знакомымъ на *добрụ день*, т.-е. съ визитами. Родные и знакомые дарятъ новобрачныхъ каждый по своему состоянію: домашними животными, холстомъ и проч.

Молодую увозятъ въ домъ мужа съ церемоніей: на воротахъ раскидываютъ иногда огонь, черезъ который должны переѣхать новобрачные. За телѣгой, на которой сидитъ она съ мужемъ, и гдѣ заключается ея приданое, слѣдуютъ иногда конные бояре, и всегда ѣдетъ нѣсколько повозокъ съ поѣзжанами. Потомъ идутъ пиры у родныхъ и знакомыхъ (*перезва и бѐседа*). Черезъ недѣлю новобрачные одни уже дѣлаютъ визиты и разносятъ калачи. Ничего не можетъ быть интереснѣе встрѣтить гдѣ-нибудь въ полѣ подобную чету. Изъ веселыхъ, говорливыхъ молодыхъ людей, недавно проводившихъ ночи напролетъ въ нѣжностяхъ и шутливыхъ разговорахъ, они дѣлаются серьёзнѣе, принявъ на себя новыя обязанности. Парень, который недѣлю тому назадъ ходилъ чуть не въ припрыжку, выступаетъ важно и медленно по дорогѣ, съ своею *люлькою* (трубка) въ зубахъ; а новобрачная — недавно еще рѣзвая дѣвушка — тоже подражаетъ мужу. Только на молодыхъ лицахъ нѣтъ перемѣны: та же улыбка, тѣ же веселые взгляды, и чета разговариваетъ, вѣроятно, о будущемъ житьѣ-бытьѣ....

Парень уже не существуетъ; на сцену появляется *чоловикъ*, т.-е. мужъ, женатый, и принимаетъ на себя серьёзныя обязанности. Почти всегда женатый сынъ отдѣляется отъ отца и живетъ своимъ домомъ. Онъ уже теперь *плугàтырь*. Эта одна изъ самыхъ тяжелыхъ и трудныхъ работъ крестьянина. Отъ зари до зари долженъ онъ итти за плугомъ, влекомымъ волами, и смотрѣть, чтобы борозды ложились ровно, чтобы желѣзо брало въ-мѣру, и на каждомъ заворотѣ подымать этотъ тяжелый плугъ, выворачивать его вверхъ желѣзомъ и на обратномъ пути снова направлять по бороздѣ. Въ-слѣдствіе системы паханья, Малороссы и мѣру земли раздѣляютъ на свои плуговые роздыхи. Нормальная мѣра *день*, т.-е. пространство, которое можно вспахать въ-продолженіе дня. День раздѣляется на три *упруга*, т.-е. упряжки: упругъ утренній, послѣобѣденный и вечерній. Четыре упруга составляютъ десятину.

Какъ только сойдетъ снѣгъ и просохнетъ земля, Малороссъ начинаетъ пахать и оканчиваетъ эту работу уже послѣ перваго мороза. Твердыя нивы и подъ извѣстные сорты хлѣбовъ онъ пашетъ тяжелымъ своимъ плугомъ; мягкія же и смотря по надобности онъ разрыхляетъ деревяннымъ раломъ. По вспаханной или разрыхленной нивѣ, передъ сѣйбой онъ проходитъ еще бороною и потомъ посѣявъ боронуетъ снова. Въ маѣ оканчиваются послѣдніе посѣвы поздней гречихи; на какой-нибудь мѣсяцъ Малороссъ разстается съ плугомъ. Но въ это время предстоятъ ему другія работы. Къ двадцатому іюня въ степяхъ поспѣваютъ травы — время *косовицы*. Здѣсь опять я предложу читателямъ выписку изъ моего словаря.

«Полевая эта работа отбывается въ Малороссіи съ какою-то торжественностью. Болѣе зажиточные хозяева еще зимою запасаются косарями, давая послѣднимъ деньги, водку или хлѣбъ съ условіемъ откосить извѣстное число дней. Около Иванова дня или послѣ рабочіе собираются къ своему хозяину, который уже и отправилъ въ степь всю необходимую провизію: водку, хлѣбъ, рыбу, разное вариво, и позаботился выстроить шалаши. Рано утромъ или на ночь выходятъ *косари* изъ деревни съ громкими пѣснями и, положивъ косы на плечи, отправляются въ степь иногда верстъ за десять. Въ этой толпѣ легко узнать молодыхъ парней, которые въ первый разъ отправляются на *косовицу* съ *косами*. «Я косарь» — эта мысль тѣшитъ молодаго парня, потому-что косить начинаютъ тѣ изъ молодыхъ людей, которые приближаются къ совершеннолѣтію. Новички земли подъ собой не слышатъ, и хотя знаютъ, что косьба не бездѣлица, однако тѣмъ съ не ме́ньшимъ удовольствіемъ воображаютъ себя совершеннолѣтними. Вотъ косари приходятъ къ шалашу, а тамъ давно уже вырыта *пала̀нка* (земляная печь), и заботливыя хозяйки поставили возлѣ шалаша нѣсколько *вага̀новъ* (деревянныхъ корытъ), наполненныхъ какимъ-нибудь кушаньемъ, возлѣ которыхъ лежитъ хлѣбъ, нарѣзанный ломтями, и приборы готовы. Каждый добрый человѣкъ долженъ носить ложку съ собою, по пословицѣ: *хто носить, той не просить*.

«Обыкновенно косари встаютъ до разсвѣта, чтобы до зною пройти нѣсколько *ручекъ* (пространство, выкошенное однимъ

человѣкомъ въ длину — до конца всего мѣста, назначеннаго хозяиномъ, а въ ширину — пока захватитъ коса), и позавтракавъ, выпивъ предварительно добрую косарскую порцію, отправляются на работу. Впереди идетъ *отаманъ*, избираемый *косарями*, котораго обязанность — вести ровно товарищей и подгонять лѣнтяевъ и отсталыхъ. Въ атаманы избираютъ обыкновенно человѣка, извѣстнаго по косьбѣ, и онъ ведетъ себя серьёзно, сообразно съ возложенною на него обязанностью. Работаютъ *косари*, *тнутъ* травку-муравку, а около десяти часовъ утра единодушно поглядываютъ на то мѣсто, гдѣ далеко въ степи едва виднѣется таборъ. «Шабашъ!» восклицаетъ вдругъ атаманъ, и работа останавливается, а не одинъ зоркій глазъ усмотритъ близъ шалаша *вѣху*, т.-е. воткнутыя въ землю вилы, на которыхъ надѣта чья-нибудь шапка: это сигналъ, что пора обѣдать. Кухаркамъ небольшаго стоитъ труда отыскать шапку, которыхъ десятки валяются возлѣ шалаша. *Косари* не косятъ въ своихъ обыкновенныхъ бараньихъ шапкахъ, а у кого нѣтъ круглой шляпы (соломенной или войлочной), тотъ завязываетъ голову платкомъ, листомъ, а иной и безъ всякой покрышки отправляется на работу. Съ пѣснями *косари* подходятъ къ шалашу, гдѣ кушанье уже разлито въ *ваганы*. Хозяинъ подчуетъ рабочихъ водкой, и они ту же минуту садятся за изобильный, вкусный обѣдъ. А обѣдъ непремѣнно долженъ быть вкусенъ, потому-что по законамъ косовицы, если кушанье приготовлено дурно, косари имѣютъ полное и неотъемлемое право подвергнуть кухарку наказанію лопатками, которыми они острятъ косу. Каждый *косарь* можетъ ударить одинъ разъ кухарку лопаткой, какъ ему угодно. За обѣдомъ идутъ разсказы о семъ, о томъ; воспоминанія о прошлогодней косовицѣ перемѣшиваются съ замѣчаніями о настоящей; то подтруниваютъ опытные косари надъ молодежью, то разсказываютъ случай, что такой-то чуть не *выкосилъ* перепелку, а тотъ непремѣнно выкосилъ бы зайца, если бы шелъ осторожнѣе, и т. д. Послѣ обѣда небольшой отдыхъ и снова за работу часовъ до 4-хъ, тамъ полдникъ, потомъ работа, а съ заходомъ солнца ужинъ. Необыкновенно живописны группы *косарей* вечеромъ, когда при лунномъ освѣщеніи сидятъ они возлѣ шалаша, загорѣлые, въ олнѣхъ рубахахъ. Почти у каждаго въ зубахъ коротенькая трубка, шапка надѣта на

бекрень; а въ кружкѣ молодежь отхватываетъ *гайдука* или другую плясовую. Бренчитъ *балалайка*, *голосытъ сопилка*, какой-нибудь хватина клеплетъ въ звонкую косу лопаткою или ударяетъ въ мѣдный котелъ; пляска продолжается до поздней ночи, хотя завтра съ разсвѣтомъ снова на работу. А когда присоединятся еще *гребцы*, тогда таборъ становится гораздо живописнѣе, потому-что прибавляется нѣсколько десятковъ дѣвушекъ, молодицъ и парнишекъ, которымъ не выпало еще на долю чести работать косою. И все это подъ открытымъ небомъ, въ атмосферѣ, напитанной запахомъ полевыхъ цвѣтовъ и только-что скошеннаго сѣна. Кокетливыя дѣвушки имѣютъ множество способовъ украшаться цвѣтами, потому-что украинская флора богата, а за цвѣтами ходить не далеко. Когда сѣно сгребено и пролежитъ нѣсколько времени въ длинныхъ рядахъ, тогда его складываютъ въ копны, которыя потомъ сметываютъ въ стоги, или скирды.»

Вслѣдъ за уборкой сѣна настаетъ жатва (жныва). Это самое трудное и требующее необыкновенной дѣятельности время для крестьянина. Прежде всего поспѣваетъ рожь, потомъ созрѣваютъ вдругъ всѣ хлѣба, и жатва продолжается иногда весь сентябрь мѣсяцъ. Снопы складываютъ сначала въ *пятки* (по 5 сноповъ), потомъ въ *полукопы* (по 30 сноповъ), которыя уже и свозятся на гумно. У многихъ крестьянъ празднуются *обжинки* (время окончанія жатвы), сопровождаемыя извѣстными пѣснями, которыхъ множество. Обыкновенно избирается изъ среды жницъ самая красивая дѣвушка, надѣваетъ на голову вѣнокъ изъ колосьевъ и подноситъ такой же вѣнокъ, украшенный цвѣтами, хозяину или помѣщику. Но въ августѣ сѣютъ уже озимыя рожь и пшеницу и принимаются пахать. Женскія работы удвоиваются; кромѣ жатвы, должно еще убирать баштанъ (бакша), пеньку, ленъ и огороды. Осенью женщины рубятъ капусту, квасятъ свеклу, мочатъ коноплю и ленъ и приготовляютъ прядиво. Съ первыми заморозками работы продолжаются въ избахъ.

И такимъ образомъ проходитъ дѣятельная жизнь трудолюбиваго Малоросса, котораго обыкновенно называютъ лѣнивымъ. Далеко до свѣта осенью и зимою просыпается семейство, зажигаетъ *каганецъ* (жирникъ), и умывшись, помолясь Богу и позавтракавъ кускомъ хлѣба, каждый спѣшитъ къ

своимъ обыденнымъ занятіямъ: мужчины идутъ къ скоту, овцамъ подложить корму, и возвратясь занимаются или починкой одежи, упряжи, сбруи, или другимъ дѣломъ; женщины идутъ за водой, затапливаютъ печь и садятся за пряжу, исключая взрослыхъ дѣвушекъ, которыя работаютъ на *досвѣткахъ*. Дѣвушки уходятъ однакожь изъ дому подъ предлогомъ работы у какой-нибудь подруги. Съ разсвѣтомъ мужчины отправляются на молотьбу и входятъ въ хату пообѣдать часовъ около 9; потомъ, послѣ краткаго отдыха, снова работаютъ съ перемежками до сумерекъ. Иногда, если необходимо, молотятъ и при лунномъ свѣтѣ.

Въ праздникъ Малороссъ непремѣнно отправляется къ обѣднѣ, и если въ деревнѣ нѣтъ церкви, то идетъ въ ближайшее селеніе, и цѣлый день не работаетъ, проводя время у родныхъ, знакомыхъ или пригласивъ гостей къ себѣ.

Домашняя, семейная жизнь Малороссa проходитъ спокойно, въ тишинѣ и занятіяхъ. Супруги живутъ между собою миролюбиво, въ-особенности, если, по народному обычаю, женатый сынъ живетъ собственнымъ домомъ. Если же нѣсколько женатыхъ сыновей живутъ при отцѣ, то, въ-особенности между женщинами, затѣваются ссоры, имѣющія вліяніе и на жизнь супруговъ.

Обзаведясь дѣтьми, Малороссъ продолжаетъ свою мирную жизнь, воздѣлывая поле, занимаясь какимъ-нибудь ремесломъ: иной выстраиваетъ мельницу, другой заводитъ маслобойню; тотъ дѣлаетъ колесы, тотъ лѣпитъ горшки, тотъ выдѣлываетъ кожи. Въ каждой деревнѣ есть свой портной *(кравець)*, сапожникъ *(швець)*, кузнецъ *(коваль)*; послѣднимъ ремесломъ преимущественно занимаются Цыгане. Конечно, произведенія этихъ ремесленниковъ грубы, но удовлетворяютъ вполнѣ мѣстныхъ потребителей.

Упрекаютъ Малоросса въ пристрастіи къ водкѣ; но мнѣ кажется, что упрекъ этотъ, хотя отчасти и справедливый, не долженъ бы однакожь всей тяжестью падать на крестьянина. Въ краю выкуривалось огромное количество вина, дешевизна его была непомѣрная, а кромѣ-того въ каждой деревнѣ сидѣлъ въ шинкѣ одинъ или два Еврея, занимаясь чарочной продажей. Въ послѣдніе десять лѣтъ, когда правительство строго запретило Евреямъ жить въ деревняхъ и корчмахъ по

дорогамъ, разница въ потребленіи горячихъ напитковъ сдѣлалась уже ощутительною. Кто не знаетъ Евреевъ, кто не видѣлъ собственными глазами ихъ плутней, тотъ не повѣритъ, до какой степени племя это доводило обманъ и мошенничество. Они нарочно напаивали народъ, чтобы у пьянаго крестьянина легче выманить курицу, мѣшокъ муки или что-нибудь изъ хозяйства. Еврей готовъ попотчивать даромъ стаканомъ водки, если имѣетъ въ виду какую-нибудь торговую сдѣлку. Наконецъ водка сдѣлалась необходимою потребностью крестьянина, при всѣхъ его торжествахъ и праздникахъ. Штофъ водки не такъ еще давно стоилъ 15 копеекъ мѣдью, а на три дома приходился одинъ шинокъ: можно ли было простолюдину остеречься отъ соблазна? Притомъ же, привыкнувъ издревле къ водкѣ, народъ пьетъ ее безъ особеннаго вреда; въ праздникъ вы увидите многихъ подъ хмѣлькомъ, но очень рѣдко пьяныхъ. Пьяница въ Малороссіи, какъ и вездѣ, заслуживаетъ всеобщее презрѣніе.

Что же касается воровства, то и до сихъ поръ чрезвычайно рѣдко встрѣчаются случаи кражи, какъ-бы въ воспоминаніе того, что въ древнія времена порокъ этотъ слишкомъ строго наказывался въ Малороссіи: вора живаго закапывали въ землю вмѣстѣ съ украденной вещью. Во всемъ языкѣ не существуетъ слова *воръ*, а замѣняется оно словомъ *злóдій*. Въ этомъ отношеніи никто не можетъ упрекнуть Малоросса: родители строго наказываютъ малыхъ ребятъ за покушеніе на чужую собственность, и порокъ этотъ вносится въ патріархальныя села болѣе людьми посторонними или тѣми изъ туземцевъ, которые живали въ большихъ городахъ. Послѣдніе приносятъ и прививаютъ въ деревняхъ и другіе пороки — слѣдствіе городской жизни вообще. Но пороки какъ-то нескоро и непрочно прививаются между крестьянами малорусскими: вообще презрѣніе клеймитъ того, кто отступаетъ отъ правилъ добродѣтели, и нерѣдко самый испорченный человѣкъ, возвратившійся въ деревню пьяницей и негодяемъ, мало-по-малу, приходитъ въ нормальное состояніе, не находя ни товарищей, ни подражателей.

Богатство естественныхъ произведеній даетъ Малороссу возможность быть прихотливымъ въ пищѣ, а потому онъ питается пищею болѣе вкусною и изобильною, чѣмъ его сѣ-

верный собратъ. У каждаго, самаго бѣднѣйшаго, изъ крестьянъ готовится обѣдъ и ужинъ ежедневно. Борщъ, уха, галушки, лапша, вареники, каша различныхъ сортовъ, балабушки, голубцы, перепичка и книшъ разнообразятъ попеременно столъ малорусскаго крестьянина. Если нѣтъ мяса, т. е. баранины, свинины, или битой птицы, то у каждаго непремѣнно есть сало, молоко, сметана, творогъ, масло. Говядину найдете развѣ въ городахъ: сельскіе жители никогда не бьютъ скотины, развѣ уже въ крайней необходимости. У зажиточныхъ готовится и завтракъ. Прибавьте къ этому изобиліе разнообразныхъ плодовъ и зелени, и увидите, сколько предметовъ для самой вкусной пищи. Малороссъ пьетъ чистую воду, изрѣдка грушевый или яблочный квасъ, а хлѣбный (сыровецъ), употребляемый для *борща*, служитъ питьемъ весьма нечасто.

Одежда у крестьянъ довольно неприхотлива. Мужчины носятъ штаны суконные и холщовые, тулупы и верхнія одежды (*свиты*), имѣющія различныя подраздѣленія: *кирея*, *кобенякъ*, просто *свита*, *каптанокъ* и *юпка* (коротенькое полукафтанье особаго покроя). Свиты (кирея, кобенякъ) дѣлаются съ капишонами (видлóга, *кóбка)* для защиты головы и шеи отъ дождя и мятели. Шапки вообще высокія бараньи; въ иныхъ мѣстностяхъ лѣтомъ носятъ круглыя шляпы (брыль) войлочныя или соломенныя. Женщины, вмѣсто исподницъ, поверхъ рубахи повязываютъ куски шерстяной ткани, именуемой *запасками*. *Позадниця* надѣвается сзади, потомъ слѣдуетъ *попередниця*, въ родѣ фартука, которыя и стягиваются краснымъ шерстянымъ поясомъ, окрашеннымъ или *кармазиномъ* (кошенилью), или *червцемъ*. Это яички одного насѣкомаго, находимыя въ іюнѣ и началѣ іюля подъ извѣстной травою — предметъ, приносящій порядочный доходъ проворной Малороссіянкѣ. Запаски дѣлаются и изъ другихъ матерій, стаметовыя и шелковыя. Другой, болѣе праздничный родъ этой одежды называется плахта и бываетъ изъ матеріи, собственно для этого приготовляемой и также называемой, или изъ шелковыхъ матерій, и даже изъ парчи. Это уже верхъ щегольства и великолѣпія. На талію дѣвушки надѣваютъ горсетъ, или кирсетъ, родъ легкаго пальто безъ рукавовъ, которыхъ не дѣлаютъ потому, что не хотятъ скрыть рукавовъ сорочки, иногда необыкновенно красиво вышитыхъ. Жен-

щины преимущественнѣе носятъ *юпки* — родъ того же горсета съ рукавами. Подолъ рубашекъ тоже очень красиво вышивается бѣлыми нитками или красною бумагою *(заполочь)*. Эта оборка называется *ля́ховка*. Для холода у женщинъ есть тулупы, отличающіеся отъ мужскихъ откиднымъ полукруглымъ воротникомъ, и свиты особаго покроя. Сверхъ чепца *(очі́покъ)* женщины носятъ прозрачныя, тонкія покрывала съ длинными концами, называемыя *намитка*. Дѣвушки разнообразно заплетаютъ волосы въ мелкія косички (*дрибушки*), оставляя большую косу назади, которая, бывъ убрана множествомъ разноцвѣтныхъ лентъ *(коснíкъ)*, опускается почти всегда ниже пояса. Голову повязываютъ тоже лентами, подкладывая искусно одну подъ другую такъ, чтобы одна не мѣшала видѣть край другой. На шею надѣваютъ множество монистъ.

Мужская обувь состоитъ обыкновенно изъ сапоговъ, *черевиковъ* (башмаковъ) и у бѣднѣйшихъ изъ *постолóвъ*. Это родъ сандалій изъ кожи, которыя поверхъ онучъ завязываются ремнями или просто снурками. Женщины тоже носятъ сапоги (щеголихи сафьянные) и черевики. Но онѣ до-того привыкли ходить босыми ногами, что обыкновенно можно встрѣтить Малороссіянку, идущую полемъ, даже куда-нибудь въ гости или въ церковь, съ сапогами въ рукахъ. Онѣ надѣваютъ ихъ изъ приличія, уже подходя къ мѣсту.

Мужчины сами себѣ плетутъ рукавицы на зиму, а женщины никогда не употребляютъ перчатокъ.

Выѣзды Малоросса изъ деревни бываютъ или на ярмонки и торги въ разные города и мѣстечки, или, чтó очень рѣдко, въ гости къ роднымъ. Въ это время крестьяне надѣваютъ лучшія свои одежды, точно такъ же, какъ въ праздники, на свадьбы, или на похороны.

Малороссъ необыкновенно набоженъ и свято чтитъ все относящееся къ религіи. Привязанность свою къ вѣрѣ онъ доказалъ, во-первыхъ, тѣмъ, что не было еще до-сихъ-поръ ни одного старообрядца или раскольника изъ Малороссовъ, а во-вторыхъ, тѣмъ, что онъ, принимая мученія отъ Поляковъ во время Уніи, бился за вѣру и остался православнымъ. Посты соблюдаются со всею строгостью; даже дѣтямъ, переставшимъ кормиться грудью, не даютъ ничего скоромнаго по середамъ и пятницамъ.

Сочельникъ (*свято-вечиръ*) въ Малороссіи празднуется особеннымъ торжественнымъ образомъ: всѣ члены семейства и кто-нибудь изъ постороннихъ убогихъ сосѣдей, помолившись Богу, садятся за столъ. *Кутья* (*) и *узваръ* (**) въ горшкахъ, обернутыхъ душистымъ сѣномъ, стоятъ въ переднемъ углу подъ образами *(покуть)*. Кутьѣ однакожь отдается преимущество, потому-что существуетъ даже пословица: *кутю на покуть, а узваръ на базаръ*. Передъ ужиномъ еще, когда кутья готова и ее вынутъ изъ печи, тогда кто-нибудь изъ семейства беретъ горшокъ и говоритъ: «*Собъ! кутя на покуть, а узваръ на базаръ*.» При этомъ дерутъ слегка маленькихъ мальчиковъ за *чуприны*, чтобы куры были хохлаты. Когда же подадутъ кутью на столъ и всѣ возьмутъ по первой ложкѣ, хозяинъ отворяетъ окна и приглашаетъ морозъ: «*Морозе, морозе, иды кути исты, та не поморозь нашои гречки*.»

Канунъ Новаго года *(щедрый вечиръ)* праздиутся также. За ужиномъ подаютъ кутью и узваръ; но кушанья эти не играютъ уже никакой особенной роли.

Когда же поѣдятъ послѣднюю кутью 5-го января, тогда старшій изъ семейства выходитъ изъ хаты прогонять кутью, что иногда дѣлается выстрѣлами, но по большей части стучатъ чѣмъ-нибудь объ уголъ избы, приговаривая: «*Зима одъ насъ, а лито до насъ*». Какъ всякій темный простолюдинъ, Малороссъ имѣетъ свои повѣрья и предразсудки, которыхъ онъ не оставляетъ по привычкѣ къ преданіямъ. Такъ, сохранился обычай *колядки* (пѣнія обрядныхъ пѣсенъ подъ окнами), вечеромъ же наканунѣ Новаго года—*щедровки* (пѣнія пѣсенъ подъ окнами), наканунѣ Иванова дня — обрядъ купала. Послѣднее однако же собственно забава молодежи, не имѣющая другаго значенія, кромѣ случая пріятно провести время. Всѣ эти обряды описаны уже во многихъ мѣстахъ, а потому я о нихъ и не распространяюсь.

Народъ вѣритъ также въ существованіе вѣдьмъ, вовкулакъ, упырей, русалокъ и тому подобныхъ остатковъ древ-

(*) Каша изъ пшеничной или ячной крупы, приготовленной крупнѣе обыкновеннаго, а также изъ рису.

(**) Компотъ изъ сухихъ грушъ, яблокъ, сливъ, вишенъ, а иногда съ прибавкой изюму и винныхъ ягодъ.

нихъ преданій, которыя глухо сохранились до нашихъ временъ и съ каждымъ годомъ дѣлаются неявственнѣе въ народномъ воображеніи. Всѣ исчадія славянской миѳологіи блуждаютъ еще по ночамъ, въ силу народнаго повѣрья, хотя ихъ никто и не видитъ никогда собственными глазами.

Малорусскія пѣсни отличаются какъ стройностью содержанія, по бо́льшей части драматическаго, такъ и чрезвычайно пріятными голосами. Простыя эти мелодіи необыкновенно поэтичны, оригинальны, но почти всѣ проникнуты глубокою грустью, исключая пѣсенъ плясовыхъ, которыхъ однако же очень немного. Малороссы народъ необыкновенно пѣвучій: вездѣ по деревнямъ, въ поляхъ, въ лѣсахъ вы услышите ихъ заунывые напѣвы; но все это пѣсни, болѣе или менѣе, новѣйшей эпохи. Прежнія, старинныя казацкія пѣсни почти перевелись, потому-что онѣ знакомы были преимущественно только особому классу рапсодовъ—слѣпцовъ-*бандуристовъ*, или *кобзарей*. У этихъ слѣпцовъ существовали особыя школы, гдѣ извѣстный бандуристъ передавалъ слѣпымъ ученикамъ своимъ искусство пѣнія. Теперешнее поколѣніе бандуристовъ знаетъ очень мало старинныхъ пѣсенъ, и то часто отрывками, съ новыми вставками, съ безчисленными ошибками. Напѣвъ этихъ пѣсенъ, извѣстныхъ у насъ въ литературѣ подъ именемъ *думъ*, монотоненъ, печаленъ, но приличенъ героическому ихъ содержанію.

Пляска Малороссовъ не отличается разнообразіемъ: у мужчинъ казачокъ и присядки въ разныхъ видахъ; у женщинъ мѣрное притаптыванье ногами. Общіе же танцы: горлица, метелица, для которыхъ есть особые напѣвы.

Возъ Малоросса тяжелъ и неуклюжъ, но крѣпокъ и подымаетъ около ста пудовъ, если запряженъ парой добрыхъ *чумацкихъ* воловъ. *Чумаки*, если хотите, особенная каста, и хотя каждый имѣетъ право *чумаковать*, сколько его душѣ угодно, однако есть цѣлыя деревни, населенныя исключительно одними *чумаками*. Это—сословіе извощиковъ и вмѣстѣ торговцевъ солью и рыбою. *Чумакъ* заводится отличными волами, покупаетъ необыкновенно прочную телѣгу (*чумацькій визъ*), и съ открытіемъ весны, когда въ степяхъ есть уже подножный кормъ, отправляется въ Крымъ за солью или на Донъ за рыбою. *Чумакъ* всегда запасается деньгами изъ дому

на покупку товара; но если ему случится съ мѣста клажа, онъ охотно, за недорогую цѣну, берется ее доставить, потомучто все равно долженъ везть пустую телѣгу. Порядочный хозяинъ имѣетъ до десяти и больше возовъ. Чумаки никогда не ѣздятъ въ одиночку, но сговариваются вмѣстѣ и составляютъ *валку*, избравъ изъ среды себя атамана, который облекается, на время пути, безусловною властью. Въ прежнія времена у чумаковъ было оружіе; но теперь не предстоитъ въ этомъ надобности. На атаманскомъ возу ѣдетъ пѣтухъ — живые часы, который аккуратно кричитъ въ извѣстные часы. Это необходимо чумаку ночью въ степяхъ, когда небо покрыто облаками и неизвѣстно время по созвѣздіямъ. Чумаки продовольствуютъ воловъ подножнымъ кормомъ, а сами варятъ себѣ обѣдать и ужинать, имѣя для этого всѣ припасы съ собою. Малороссъ, гдѣ бы то ни было, не можетъ обойтись безъ горячей пищи, въ дорогѣ ли, во время ли полевыхъ работъ; даже пастухи въ полѣ раскладываютъ огонь и варятъ себѣ *кулишъ* (жидкую кашицу), *галушки* или какую-нибудь другую похлебку. Накупивъ соли или рыбы на мѣстѣ по низкой цѣнѣ, чумаки спѣшатъ назадъ, распродаютъ товаръ по ярмаркамъ и снова отправляются, какъ они говорятъ, въ дорогу. Кто нѣсколько лѣтъ занимался этимъ прибыльнымъ промысломъ, тотъ оставляетъ его лишь развѣ уже по особенной причинѣ. Подобная кочевая жизнь, по большей части въ безлюдныхъ степяхъ, имѣетъ вліяніе и на характеръ человѣка: оттого и чумацкія пѣсни, удерживая общую всѣмъ малорусскимъ пѣснямъ черту — заунывность, заключаютъ въ себѣ какое-то удальство, степной разгулъ и неуловимый оттѣнокъ ироніи надъ судьбою. Всѣ вообще чумаки народъ достаточный, хотя и не занимаются земледѣліемъ, предоставляя это членамъ семейства, остающимся дома.

Малороссы вообще рѣдко подвергаются болѣзнямъ, исключая дѣтскаго возраста и болѣзней повальныхъ. Въ каждомъ селеніи существуютъ простонародныя лекарки, которыя пользуютъ преимущественно травами и кореньями, сопровождая леченіе какими-нибудь таинственными дѣйствіями.

Малороссы часто доживаютъ до глубокой старости и продолжаютъ трудиться по-мѣрѣ силъ и возможности, стараясь не быть въ тягость своимъ семействамъ. Покойниковъ опла-

киваютъ особеннымъ речитативомъ, импрофизируемымъ иногда тутъ же на мѣстѣ. Надъ могилами парней, на крестѣ прибиваютъ маленькій флагъ изъ платка *(хустка)* — очень часто подарка любимой дѣвушки.

Вотъ краткій очеркъ быта малорусскаго крестьянина. Современемъ, когда благодѣтельныя мѣры правительства, принимаемыя къ просвѣщенію низшаго класса, достигнутъ своей цѣли, Малороссъ, конечно, оставитъ свои нѣкоторыя грубыя привычки, займется промышленностью; но дай Богъ, чтобы онъ не измѣнялъ своей доброй, строгой нравственности и продолжалъ вести такую же тихую семейную жизнь, какую ведетъ доселѣ.

.54.

.53.

.52.

ЗАМѢТКИ О ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Замѣтки о западной части губерніи Гродненской состоятъ изъ двухъ отдѣленій: въ одномъ разсматриваются историческія извѣстія о временахъ, предшествовавшихъ началу XIV столѣтія; въ другомъ предлагаются замѣтки о современномъ бытѣ въ-отношеніи къ языку. Такъ-какъ древнѣйшими обитателями означенной страны были до конца XIII столѣтія *Ятвяги*, то на нихъ и обращено главное вниманіе въ первомъ отдѣленіи замѣтокъ. А именно:

1) Изъ разсмотрѣнія историческихъ извѣстій оказывается, что не вся западная часть нынѣшней Гродненской губерніи принадлежала Ятвягамъ: южная ея половина находилась во власти князей юго-западной Руси. Этимъ князьямъ, а не Ятвягамъ, принадлежали въ XII и XIII столѣтіи, въ періодъ самостоятельнаго, независимаго бытія Ятвяговъ, нынѣшніе города: Брестъ, Кобринъ, Каменецъ, Мельникъ, Дрогичинъ, Бѣльскъ, т.-е. все пространство по р. Бугу до р. Нарева. Мнѣнія Стрыйковскаго, Бѣльскаго и ихъ послѣдователей относительно пространства, которое занимали Ятвяги, были, кажется, ошибочны.

2) На основаніи историческихъ источниковъ опредѣлено, сколько это было возможно, пространство, которое нѣкогда занималъ этотъ народъ. Пространство это заключалось между средними частями Нѣмана и Наревомъ, между верховьями

р. Лэнки, впадающей въ Бобръ, на западѣ, и верховьями рр. Нарева, Свислочи и Ясіолды на востокѣ.

3) Наконецъ обращено вниманіе на племенное происхожденіе этого народа. На извѣстныхъ основаніяхъ дѣлается заключеніе, что основной элементъ, изъ котораго развилась въ-послѣдствіи народность ятвяжская, былъ элементъ не славянскій, а чуждый ему. Какое-то не-славянское племя, одно изъ племенъ сарматскихъ, кочевавшихъ у сѣверныхъ береговъ Чернаго моря, по мнѣнію Шафарика, успѣло пробраться въ Подлясье. Запертое здѣсь въ-послѣдствіи отвсюду народами славянскими, оно не могло не подвергнуться въ сильной степени ихъ вліянію, не могло потомъ не утратить своей самостоятельности: это племя погибло въ кровавой борьбѣ съ сосѣдями, а народность его была поглощена народностью побѣдителей. Этимъ, кажется, устраняются противорѣчія новѣйшихъ изслѣдователей объ этомъ предметѣ: гг. Шафарика, Шульца, Ярошевича и другихъ, которыхъ мнѣнія имѣютъ только одностороннюю справедливость.

Во второмъ отдѣленіи замѣтокъ бытъ современный разсмотрѣнъ только со стороны языка. При этомъ, согласно требованію программы Русскаго Географическаго Общества, обращено главное вниманіе на мѣстныя свойства языка народнаго и приведены собранные на мѣстѣ образцы его въ двоякой формѣ: а) *прозаической* — три отрывка изъ народныхъ преданій, и b) *стихотворной* — собраніе народныхъ пѣсенъ числомъ 28. Къ образцамъ присоединено нѣсколько замѣчаній филологическихъ и историческихъ, относящихся къ разсматриваемой мѣстности. Для большей ясности приложена карта описываемой страны.

Времена, предшествовавшія XIV столѣтію.

Прежде чѣмъ приступимъ къ разсмотрѣнію нынѣшняго быта обитателей западной части Гродненской губерніи, необходимо бросить хоть бѣглый взглядъ на времена минувшія: настоящее бываетъ слѣдствіемъ прошедшаго, для сужденія

о первомъ надлежитъ вспомнить послѣднее, одно другимъ дополняется и въ связи представляется мыслямъ яснѣе. ([1])

Означенная страна извѣстна въ исторіи подъ именемъ *Подлясья*. Древнѣйшими обитателями ея были *Ятвяги*. Мы не намѣрены входить здѣсь въ подробное разсмотрѣніе судьбы этого народа, о которомъ встрѣчаются отрывочныя извѣстія въ русскихъ и польскихъ лѣтописяхъ съ 983 по 1282 годъ. Обратимъ вниманіе только на слѣдующіе два вопроса, находящіеся въ тѣсной связи съ исторіею здѣшняго края, а именно:

1) Гдѣ жили и какое пространство занимали Ятвяги?

2) Къ какому племени принадлежалъ этотъ народъ?

Относительно перваго вопроса у польскихъ лѣтописцевъ и историковъ находимъ слѣдующія извѣстія. Историкъ первой половины XVI столѣтія *Бѣльскій* (Мартинъ и сынъ его Іоахимъ) говоритъ, что Ятвяги занимали все Подлясье, что Дрогичинъ былъ главнымъ ихъ городомъ, что Ятвягамъ принадлежалъ даже Новогрудекъ (въ Минской губерніи.) ([2]) По словамъ другаго историка второй половины XVI столѣтія, *М. Стрыйковскаго*, Ятвяги простирались отъ Волыни до земли Пруссовъ; столицею ихъ былъ городъ и замокъ Дрогичинъ; Новогрудекъ съ окрестными селеніями принадлежалъ къ владѣніямъ Ятвяговъ. ([3]) Подобныя извѣстія находимъ и у нѣкоторыхъ, предшествовавшихъ Стрыйковскому, писателей, напримѣръ, *Длугоша*, и у бо́льшей части историковъ позднѣйшихъ. Слѣдовательно, по мнѣнію упомянутыхъ историковъ и ихъ послѣдователей, Ятвяги жили во всемъ Подлясьи, или, какъ понимали Подлясье въ то время, на всемъ пространствѣ, занимаемомъ двумя прежними уѣздами Бѣльскимъ и Дрогичинскимъ, съ существующими и въ наше время городами *Бѣльскомъ*, *Бранскомъ*, *Суражомъ*, *Тыкоциномъ*, *Кнышиномъ*, *Паревомъ*, *Васильковымъ*, *Августовымъ*, въ тогдашнемъ Бѣльскомъ, и съ *Дрогичинымъ*, *Мельникомъ*, *Лосице*, *Морды*, въ Дрогичинскомъ уѣздѣ. ([4])

Чтобы видѣть, до какой степени справедливо подобное мнѣ-

([1]) Карамзинъ.

([2]) Кн. I, изд. 1764 года, стр. 88.

([3]) Кн. V, изд. 1766 года, стр. 180.

([4]) См. карту и Гвагнина изд. 1768 года, стр. 207 и 208.

ніе, обратимся къ другимъ источникамъ и по нимъ прослѣдимъ судьбу этого края въ періодъ самостоятельнаго существованія Ятвяговъ. У Нестора подъ 983 годомъ читаемъ: «Иде Володимеръ *на Ятвяги и побѣди Ятвяги и взя землю ихъ*» ([5]); подъ 1018 годомъ: «Ярославъ же (кн. Новгород.), совокупивъ Русь и Варягы и Словѣнѣ, поиде противу Болеславу и Святополку, *приде Волыню и сташа оба полъ рѣкы Буга.*» ([6]) Далѣе подъ 1038 годомъ: «Ярославъ иде *на Ятвягы*»; подъ 1040 годомъ: «Ярославъ иде *на Литву*»; подъ 1041 годомъ: «Иде Ярославъ *на Мазовшаны* въ лодьяхъ»; подъ 1047 годомъ: «Ярославъ иде *на Мазовшаны*, и побѣди я̂, и князя ихъ уби Моислава, и покори я̂ Казиміру.» ([7]) О преемникѣ Ярослава подъ 1057 годомъ сказано: «Побѣди Изъяславъ *Голяди.*» ([8])

Эти походы русскихъ князей показываютъ, что въ XI и концѣ X вѣка западная часть нынѣшней Гродненской губерніи находилась во власти святаго Владиміра и его преемниковъ, что владѣнія ихъ примыкали къ землѣ *Голядъ*; *Мазовшанъ* и *Литовцевъ*. На западѣ владѣнія русскихъ князей простирались въ это время до Западнаго Буга: не только Несторъ, но Кадлубекъ и Галлъ называютъ эту рѣку «fluvius utriusque regna limitans.» Труднѣе обозначить тогдашнія границы русскихъ владѣній со стороны Голядъ: мы можемъ сказать только, что въ гораздо позднѣйшее время, именно въ XIV столѣтіи, границею земли Голядской, или Голендзинской, со стороны Подлясья были рѣки *Мста* и *Бобръ*. ([9]) Слѣдовательно, Подлясье, земля Ятвяговъ, ограничивалось со стороны Голядъ этими рѣками. Но какъ далеко простиралась страна ихъ на востокъ и югъ, означить съ точностью невозможно, за неимѣніемъ объ этомъ предметѣ никакихъ историческихъ данныхъ, и если мнѣнія упомянутыхъ выше историковъ отнести къ этимъ временамъ, то они будутъ одною догадкою, не имѣющею никакого историческаго доказательства.

(5) Полн. Собран. Русс. Лѣт. Т. I, стр. 35.
(6) Тамъ же, стр. 62.
(7) Тамъ же, стр. 66 и 67.
(8) Тамъ же, стр. 70.
(9) Pisma D. Szulca 1854, стр. 133 и 134, и слова акта 1358 года, ibid., стр. 181, 182.

Можно даже полагать, что и во времена, предшествовавшія X вѣку, Ятвяги не могли простираться слишкомъ далеко на югъ внизъ по р. Бугу, потому-что земли, лежащія между р. Бугомъ и Наревомъ, также по р. Припети, издавна заселены были славянскими племенами. Это заключеніе дѣлаемъ мы на основаніи слѣдующихъ извѣстій:

По словамъ Геродота, *Невры* обитали въ его время (около 444 года до Р. Х.) при р. Бугѣ по рр. *Нурцу* и *Нареву*, въ землѣ, которая въ позднѣйшее время и даже теперь называется въ польской исторіи *Нурскою* землею. ([10]) Что эти Невры обитали въ означенныхъ мѣстахъ, гдѣ и по настоящее время слышится это имя въ названіяхъ упомянутыхъ рѣкъ и нѣкоторыхъ мѣстечекъ, и что они принадлежали къ племени виндскому, т.-е. славянскому, доказано Шафарикомъ. ([11]) Эти славянскіе народы обитали здѣсь подъ тѣмъ же названіемъ Невровъ и послѣ Геродота, во времена Р. Х., какъ видно изъ извѣстій о нихъ у *Помпонія Мелы* ([12]), *Плинія* ([13]), а въ-особенности *Тацита* (род. 60 г. по Р. Х.). У послѣдняго ([14]) извѣстны они подъ именемъ *Naharwali*, или, какъ читается въ нѣкоторыхъ рукописяхъ, *Nahanarvali*, также *Nanaharvali*, *Nadhanarvali* ([15]), въ которыхъ явственно слышится трудное для выговора Римлянина и мало знакомое ему славянское названіе *Narwlanie*, *Nadnarwlanie*, т.-е. обитатели по р. Нарвѣ. Этихъ Наревлянъ, потомковъ Городотовыхъ Невровъ, Тацитъ причисляетъ къ многочисленному племени Лигіевъ (Ligii), и г. Мацѣёвскій назначаетъ для ихъ жилищъ все пространство отъ верховьевъ р. Нарева на западъ по ея теченію до р. Вислы и далѣе. Несмотря на всѣ перевороты, которымъ подвергались въ слѣдующихъ послѣ Тацита столѣтіяхъ страны, лежащія между Чернымъ и Балтійскимъ морями, Тацитовыхъ Наревлянъ встрѣчаемъ, между прочими славянскими племенами, у географа Баварскаго въ IX столѣтіи по Р. Х. (между 866—890). Они называются у него *Neriuani*, т.-е. Наревьяне,

([10]) Геродотъ кн. IV, гл. 51.
([11]) Slow. Staroz. w Praze 1837. § 10, стр. 164—168.
([12]) II, c. 1. § 7.
([13]) H. N. IV, c. 12. § 88.
([14]) Tac. Germ. cap. 43.
([15]) Pierwotne dzieje Pols. i Litwy Maciejowskiego Warsz. 1846 r. str. 356.

и, по мнѣнію Шафарика, жили на той же р. Наревѣ, гдѣ и предки ихъ, Геродотовы Νευροι. (16) Упомянутый землеописатель говоритъ: Neriuani habent civitates LXXVIII (17); значитъ, они здѣсь обитали съ давнихъ поръ, если уже въ IX столѣтіи имѣли 78 городовъ, или селеній (civitates).

Изъ сказаннаго нами видно, что юго-западная часть нынѣшней Гродненской губерніи по рр. Нарвѣ и Нурцу уже въ древнѣйшія времена (съ 450 года до Р. Х. по X столѣтіе послѣ Р. Х.) заселена была славянскими племенами, которыя во времена Геродотовы извѣстны были подъ именемъ Νευροι, въ Тацитовы — *Naharvali*, *Nanaharvali*, а въ IX столѣтіи у землеописателя Баварскаго — *Nerivani*. А всѣ эти названія суть только незначительныя видоизмѣненія имени *Наревьяне*.

Какъ далеко простиралось господство этихъ Славянъ на востокъ, неизвѣстно. Изъ словъ Нестора видно, что по р. Припети обитало другое славянское племя *Дреговичи*. (18) Объ этомъ племени, подъ именемъ Δρουγουβιτοί, упоминаетъ и Константинъ Багрянородный подъ 949 годомъ, какъ о племени, подвластномъ кіевскимъ князьямъ. (19) Кажется, не сдѣлаемъ ошибки, если скажемъ, что это славянское племя обитало здѣсь, по Припети, не только въ X и IX столѣтіяхъ по Р. Х., но и во времена гораздо древнѣйшія. А потому скорѣе всего Дреговичи примыкали къ Наревьянамъ, между-тѣмъ, какъ далѣе къ югу отъ тѣхъ и другихъ обитали другія славянскія племена: *Бужане*, или Волыняне, а далѣе *Древляне*.

Такимъ-образомъ, по-мѣрѣ того, какъ будемъ удаляться отъ XI вѣка въ длинный рядъ вѣковъ предшествовавшихъ, слабый лучъ историческій постепенно блѣднѣетъ, наконецъ совершенно погасаетъ. Но и эти немногія извѣстія говорятъ, кажется, довольно убѣдительно въ пользу того, что, задолго до XI столѣтія, страны, лежащія по обѣимъ сторонамъ нынѣшней Бѣловѣжской пущи, заселены были славянскими племенами; къ в. и ю.-в. отъ нея по р. Припети обитали *Дреговичи*, къ з., по рр. Нарвѣ и Нурчику, *Наревьяне*. При

(16) Slow. Star., стр. 539 и 938.
(17) Ibid., стр. 981.
(18) Полн. Собр. Русс. Лѣт., т. I, стр. 3, 5.
(19) Stritter, Mem. popul. II, стр. 985.

взглядѣ на взаимное положеніе пространствъ, занимаемыхъ тѣми и другими, невольно рождается вопросъ: не приходили ль они между собою въ соприкосновеніе? Можетъ-быть, они составляли одну непрерывную цѣпь славянскихъ племенъ, разсѣянныхъ по восточной Европѣ, и, такимъ-образомъ, съ незапамятныхъ временъ запирали Ятвяговъ съ юга въ необозримыхъ равнинахъ подлясскихъ, огражденныхъ густыми лѣсами, топкими болотами и большими рѣками.

Происхожденіе въ этой странѣ городовъ должно отнести только ко времени господства надъ нею первыхъ русскихъ князей. Безъ-сомнѣнія, они строили здѣсь укрѣпленія и зàмки, въ которые поставляли намѣстниковъ, какъ для защиты страны отъ непріятелей, такъ и для собиранія съ жителей дани. Такъ заключаемъ изъ слѣдующихъ мѣстъ Нестора. Подъ 880 годомъ сказано: Олегъ *нача городы ставити и устави дани* Словѣномъ, Кривечемъ и Мери......» «Приде (Олегъ) къ Смоленьску съ Кривичи; и *прія градъ и посади мужь свой.* И взя Любецъ и посади мужь свой». ([20]) Подъ 1032 годомъ: «Ярославъ *поча ставити городы по Рьси*» ([21]) и др. Должно полагать, что и въ разсматриваемой нами странѣ, не менѣе другихъ подвергавшейся нападеніямъ со стороны непріятелей, воздвигнуты были подобнаго рода укрѣпленія, а изъ нихъ въ-послѣдствіи времени и возникли города. Впрочемъ, въ XI вѣкѣ лѣтописи наши упоминаютъ только объ одномъ такомъ пунктѣ въ этой странѣ, именно *о Брестѣ*, можетъ-быть, потому, что мѣстоположеніе его было чрезвычайно важно въ подобномъ отношеніи. Уже Кадлубекъ дѣлаетъ замѣчаніе: Brestensis urbs tam viris quam arte et loci situ munitissima. Основаніе Бреста относятъ къ 1018 году ([22]); но положительныя извѣстія объ этой странѣ начинаются у Нестора только съ 1097 года. Во время раздоровъ русскихъ князей при в. к. кіевскомъ Святополкѣ (1093—1113), подъ этимъ годомъ говорится: «Святополку обѣщавшюся прогнати Давыда *поиде къ Берестью* къ Ляхомъ; се слышавъ Давидъ, иде въ Ляхы къ

([20]) Полн. Собр. Русс. Лѣт., т. I, стр. 10.

([21]) Ibid., стр. 65.

([22]) Obraz Litwy przez Jaroszewicza Wilno 1844. T. I, стр. 36. Но подъ 1019 и 1022 годами у Нестора и подъ 1017 годомъ въ Новгородской

Володиславу, ища помощи. Ляхове же обѣщашася ему помагати, и взяша у него злата 50 гривенъ, рекуще ему: *поиди съ нами Берестью*..... и ту умиримъ тя съ Святополкомъ»; и послушавъ ихъ Давыдъ, *иде Берестью* съ Володиславомъ. *И ста Святополкъ въ градѣ, а Ляхове на Бугу»*, и проч. (23) Далѣе упоминается о немъ подъ 1101 годомъ: «*заратися Ярославъ Ярополчичь Берестьи* и иде на нь Святополкъ и *заста ѝ въ градѣ*, и емъ ѝ, и окова, и приведе ѝ Кыеву». (24) Ярославъ успѣлъ спастись бѣгствомъ изъ Кіева; но не прошло и мѣсяца, какъ онъ вторично былъ привезенъ въ Кіевъ, схваченный недалеко отъ Бреста, на р. Нурѣ. Подъ 1102 годомъ читаемъ: «прелстивъ Ярославъ Святополчичь Ярослава Ярополчича, и *ятъ ѝ на Нурѣ* и приведе ѝ къ отцю Святополку, и оковаша ѝ». (25)

Эти мѣста показываютъ, что Брестъ съ окрестными странами на правой сторонѣ р. Буга, въ XI и началѣ XII вѣка, находился во власти князей юго-западной Руси. Онъ принадлежалъ имъ въ XII и XIII столѣтіяхъ до начала XIV, или до распространенія надъ этою страною господства князей литовско-русскихъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ мѣстъ лѣтописи. Подъ 1142 годомъ Ипат. Лѣт. говоритъ о распряхъ между в. к. кіевскимъ *Всеволодомъ и князьями удѣльными* и о союзѣ, который заключили между собою послѣдніе противъ перваго съ намѣреніемъ овладѣть лучшими удѣлами. «И позва Всеволодъ братью (Святослава, Владиміра, Изъяслава, Игоря) къ собѣ.... И ѣха Святославъ къ Игореви и рече: «что ти дасть братъ старшій»? и рече Игоръ: «*дасть ны по городу, Берестій и Дорогычинъ, Черторыескъ и Кльчьскъ*, а отчинѣ своѣ не дасть Вятичь». (26) Всеволодъ убѣждаетъ ихъ: «братья моя! возьмите у мене съ любовію, что вы даю, Городечь, Рогачевъ, *Берестій*, *Дорогичинъ*, Клнческъ и болѣе не воюетеся

Лѣтописи (Полн. Собр. Русс. Лѣт., т. III, стр. 1) упоминается не объ этомъ Брестѣ. Первоначальную осѣдлость племенъ славянскихъ на мѣстѣ нынѣшняго Бреста относятъ къ X и IX столѣтіямъ (г. Шпилевскій въ «Путешествіи по Полѣсью» и проч. «Совр.» 1853 г. № VI.

(23) Полн. Собр. Русс. Лѣт., т. I, стр. 114.

(24) Ibid., стр. 117.

(25) Ibid.

(26) Полн. Собр. Русс. Лѣт., т. II, стр. 18.

съ Мстиславичи». ([27]) Всеволодъ успѣлъ разстроить союзъ братьевъ, послѣ чего «радъ бывъ разлученью ихъ..... да *Берестій, Дорогичинъ и Вѫщижь*, Ормину (вѣроятно, Владиміру или Изъяславу), а братома да Игореви Городечь, Гюргевъ и Рогачевъ, а Святославу Клеческъ и Черторыескъ и тако разидошася». ([28]) Въ началѣ XIII вѣка Брестъ принадлежитъ Даніилу Романовичу, который въ 1213 году: «возвратившуся къ домови и ѣха съ братомъ и *прія Берестій* и Угровескъ, и Верещинъ, и Столпье, Комовъ и всю украйну. Лестько же великъ гнѣвъ имѣя на Данила; веснѣ же бывши, и ѣхаша Ляховье воевать, и воеваша по Бугу». ([29]) Въ 1227 году Брестъ находится во власти Василька: «братъ же (Даніилъ Романовичъ) да Василькови Луческъ и Пересопницю, *Берестій же ему бя преже далъ*». Въ этомъ же году Даніилъ и Василько отражаютъ Ятвяговъ, напавшихъ на Брестскую область подъ предводительствомъ своихъ князей: Монодунича Шутрова, Стегута Зебровича и Небра. ([30]) Въ 1229 году Даніилъ, отправившись съ Василькомъ на помощь Конраду противъ Владислава, въ области Берестовской, для защищенія ея отъ нападеній Ятвяговъ, оставляетъ въ Брестѣ князя пинскаго Владиміра. «Сама же (Даніилъ и Василько) идоста на войну, *остависта же въ Берестіи* Володимера Пиньского, и Угровьчаны и Берестьяны, стеречи землѣ отъ Ятьвязь.» ([31]) Пользуясь ихъ отсутствіемъ, на Брестскую область напали Литовцы, но были истреблены до одного. «И придоша (Литва) ко Берестью..... и изыде (Владиміръ Пинскій) на нѣ и Берестьяне вси, избиша ѣ всѣ.» ([32]) Далѣе упоминаетъ Лѣтопись о Брестѣ подъ 1235 и 1240 годами ([33]), какъ о городѣ, находящемся во власти князей русскихъ, а еще яснѣе Лѣтопись упоминаетъ объ этомъ во второй половинѣ XIII столѣтія, какъ увидимъ ниже.

Изъ этого обзора лѣтописныхъ извѣстій видимъ, что земли, лежащія на лѣвомъ берегу р. Западнаго Буга, гдѣ глав-

---

([27]) Ibid.. стр. 19.
([28]) Ibid. стр. 89.
([29]) Ibid. стр. 160.
([30]) Ibid. стр. 167.
([31]) Полн. Собр. Русс. лѣт., т. II, стр. 168.
([32]) Ibid.
([33]) Ibid. стр. 175 и 178.

нымъ пунктомъ былъ городъ Брестъ, принадлежали въ XII и XIII столѣтіяхъ князьямъ русскимъ. Не безъ основанія можно думать, что онѣ принадлежали имъ и прежде этого времени, т.—е. въ XI и концѣ X столѣтія. Кромѣ приведенныхъ выше словъ Нестора подъ 983, 1018, 1038, 1040, 1041, 1047 и др. годами, такъ думать можно еще и потому, что Западный Бугъ съ древнѣйшихъ временъ считается у лѣтописцевъ пограничною рѣкою, что самъ Длугошъ называетъ этотъ городъ «Brzescie Ruthenicale», что Берестьяне, по словамъ Нарушевича ([34]), съ давнихъ поръ были послѣдователями православной вѣры и всегда отличались преданностію русскимъ князьямъ. Эти обстоятельства заставляютъ, вопреки мнѣнію Нарушевича, думать, что самое основаніе этому городу положено было населеніемъ русскимъ во времена святаго Владиміра или Ярослава I, тѣмъ болѣе, что уже въ эти времена въ ближайшихъ странахъ на югѣ и востокѣ господствовала національность русская, происшедшая отъ слiянія въ одно цѣлое разнообразныхъ оттѣнковъ славянскаго быта, подъ благотворнымъ вліяніемъ христіанской вѣры и единодержавной власти Норманновъ. Если же королямъ польскимъ и удавалось иногда въ эти три столѣтія присвоить себѣ власть надъ этою страною, при благопріятствовавшихъ тому обстоятельствахъ, то господство ихъ здѣсь было непродолжительно. Берестьяне тяготились этою зависимостью, не упускали случая присоединиться къ единокровной Руси, какъ объ этомъ, напримѣръ, заботится во времена Казиміра такъ-называемый Богуфаломъ, princeps Brestensis.

О городѣ *Кобринѣ* знаемъ изъ грамоты 1493 года, что онъ съ близлежащими мѣстами не только въ концѣ XV столѣтія принадлежалъ русскому князю Ивану Семеновичу, но и гораздо прежде составлялъ владѣніе дѣда жены его князя Андрея Владиміровича. ([35]) Изъ грамоты же короля польскаго Казиміра 1484 года видно, что Андрей Владиміровичъ получилъ кобринскія помѣстья отъ великаго князя литовскаго Витовта, слѣдовательно, между 1392 и 1430 годомъ. ([36]) Князь

([34]) Narusz. Hist. Nar. Pols. T. IV. Xięga I, przyp. 58.
([35]) Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи, т. I. № 3.
([36]) Ibid. № 85.

Андрей, равно-какъ и упоминаемый въ той же грамотѣ родной его братъ *Иванъ* были, по всей вѣроятности, дѣти того *Владиміра*, который, по извѣстію Стрыйковскаго, палъ въ битвѣ съ Гедиминомъ въ 1321 году, защищая наслѣдственный свой городъ Владиміръ-Волынскій. (37) Въ такомъ случаѣ, какъ потомки Даніила Романовича, внуки сына его Льва Даніиловича, они были ближайшими наслѣдниками владѣній бездѣтно скончавшагося *Владиміра Васильковича*, который въ концѣ XIII столѣтія записалъ Кобринъ съ ближайшими помѣстьями супругѣ своей, княгинѣ Ольгѣ Романовнѣ, какъ это видно, изъ его духовнаго завѣщанія, сохраненнаго Ипатьевскимъ Лѣтописцемъ подъ 1287 годомъ. Въ немъ умирающій князь назначаетъ по себѣ преемникомъ брата своего *Мстислава*, которому отдаетъ: «землю свою всю и столпый свой городъ Володимерь»; другою же грамотою: «далъ есмь княгинѣ своей (Ольгѣ Романовнѣ) по своемъ животѣ, городъ свой *Кобрынъ*, и съ людьми и съ данью, како при мнѣ даяли, тако и по мнѣ ать дають княгинѣ моей. Азъ же далъ есмь ей село свое *Городѣлъ* (по другимъ спискамъ, Городло, Городно — очевидно, нынѣшнее мѣстечко *Городѣцъ*, находящееся въ 22 верстахъ отъ Кобрина) и съ мытомъ.... А *Садовое* и *Сомино* далъ есмь княгинѣ своей, и манастырь свой *Апостолы*, иже создахъ й силою своею. А село *Березовичѣ*..... далъ есмь ко Апостоломъ же» и, проч. (38) Самое построеніе этого города, которое относятъ къ XII и даже XI вѣку, приписываютъ русскимъ князьямъ изъ дома князей волынскихъ. (39) Взявъ все это въ соображеніе, нельзя не согласиться, что городъ Кобринъ съ окрестными странами не только въ XIII столѣтіи, но и раньше со времени его основанія находился во власти князей юго-западной Руси изъ дома Романа Мстиславича и сына его Даніила, потомки которыхъ владѣютъ имъ даже въ концѣ XV столѣтія.

Подымаясь отъ Кобрина и Бреста на сѣверъ, вверхъ по теченію р. Буга, т.-е. по западной части нынѣшней губерніи

(37) См. особое примѣчаніе въ концѣ статьи.

(38) Полн. Собр. Русс. Лѣт., т. II, стр. 215.

(39) Г. Шпилевскій «Путеш. по Полѣсью» и проч. «Совр.» за 1853 годъ. № VII. Отд. II, стр. 7.

Гродненской, встрѣчаемъ на этомъ пространствѣ древніе города: *Дорогичинъ*, *Мельникъ*, *Бѣльскъ*, *Каменецъ*. О времени ихъ основанія (кромѣ послѣдняго), хотя и не сохранилось точныхъ извѣстій въ лѣтописяхъ, но должно полагать, что они появились вскорѣ послѣ Бреста, около временъ Ярослава I, и, безъ-сомнѣнія, изъ укрѣпленій, о которыхъ упоминалось выше. О первыхъ двухъ имѣемъ поводъ такъ думать и по существовавшимъ въ нихъ зáмкамъ, о которыхъ часто упоминаютъ историки, и остатки которыхъ видны еще и въ настоящее время ([40]). Изъ этихъ городовъ раньше другихъ упоминается о *Дрогичинѣ*, и мы о немъ распространимся здѣсь болѣе, чѣмъ о другихъ городахъ, такъ-какъ онъ обыкновенно считается столицею Ятвяговъ.

Уже выше изъ словъ Ипат. Лѣтоп. мы видѣли, что въ 1142 году Дрогичинъ вмѣстѣ съ Брестомъ былъ отданъ Давидовичамъ в. к. Всеволодомъ. Это древнѣйшее извѣстіе о Дрогичинѣ; что лѣтопись въ этомъ мѣстѣ говоритъ именно о Дрогичинѣ Гродненской губерніи, лежащемъ на Зап. Бугѣ, выше м. Мельника, можно заключить изъ того, что здѣсь говорится о городѣ, ближайшемъ къ Бресту, и что уже въ 1101 и 1102 годахъ страна по р. Нурцу входила въ составъ владѣній русскихъ князей, какъ видѣли мы выше, а въ 1145 году принадлежала имъ даже Визна, городокъ, лежавшій при впаденіи въ Наревъ Бобра; во время похода въ Польшу русскихъ князей въ 1145 году (Игоря, Святослава, Владиміра) князья польскіе отдали ее Игорю: «а Игореви съ братьею даста Визну и тако возвратишася во свояси» ([41]). Такимъ-образомъ, вся страна отъ Бреста до Визны, или до впаденія Бобра въ Наревъ, принадлежала въ эти времена «Игореви съ братіею»; слѣдовательно, область Дрогичинская, лежавшая на этомъ пространствѣ, необходимо должна была входить въ составъ ихъ владѣній. И, по всей вѣроятности, подъ 1142 г. въ Ипат. Лѣт. говорится о Дрогичинѣ Гродненской губерніи.

Слѣдующее мѣсто древнѣйшаго историка Кадлубека еще луч-

([40]) Остатки зáмковъ, находящіеся въ этихъ двухъ городахъ, заслуживаютъ мѣстнаго изслѣдованія и подробнаго описанія. Подобное описаніе имѣло бъ немалую важность для исторіи здѣшняго края.

([41]) П. С. Р. Л. II, стр. 21.

ше подтверждаетъ сдѣланное нами заключеніе, показывая, что и въ концѣ XII столѣтія въ Дрогичинѣ властвовалъ какой-то русскій князь. Въ описаніи войны, которую велъ съ Ятвягами, или, какъ называетъ ихъ Кадлубекъ, Полѣсянами, король польскій Казиміръ (царст. отъ 1177—1194 г.), лѣтописецъ говоритъ, что онъ прежде всего устремился на дрогичинскаго князя, желая наказать его за помощь Ятвягамъ въ разграбленіи его земли. «Horum (т.-е. Pollexianorum) quia latrunculos *quidam Ruthenorum Drohicensis Princeps fovere consueverat*, primus indignationis excipit aculeos: *Urbi siquidem quae sui caput est Principatus (quam Drogiczyn vocant) inclusus* obsidionum perurgetur angustiis; non tam deditionis legibus accedere, quam perpetuae servitutis conditioni subesse» ([42]). Изъ этого видно, что во второй половинѣ XII вѣка въ Дрогичинѣ властвовалъ какой-то русскій князь, *quidam Princeps Ruthenorum*, что Дрогичинъ былъ главнымъ городомъ въ его владѣніяхъ, мѣстомъ его пребыванія, *sui caput est Principatus*, и что дрогичинскій князь покоренъ былъ Казиміромъ только въ концѣ XII столѣтія perpetuae servitutis conditioni subesse; слѣдовательно, до конца XII столѣтія Дрогичинъ вовсе не принадлежалъ Ятвягамъ.

Но князья русскіе не забывали своихъ правъ на городъ, издавна имъ принадлежавшій и теперь утраченный. Это особенно видно изъ слѣдующаго мѣста Ипатьевской Лѣтописи, подъ 1240 годомъ. По удаленіи Батыя въ Венгрію, Даніилъ Романовичъ возвращается въ этомъ году въ Брестъ изъ Мазовша отъ князя Болеслава, у котораго нашелъ убѣжище во время опустошеній его владѣній Татарами. «И приде ко граду Дорогычину и восхотѣ внити въ градъ, и вѣстьно бысть ему, яко «не внидеши во градъ.» Огорченный такимъ поступкомъ, Даніилъ говоритъ: *«се былъ градъ нашь и отець нашихъ....»* и отъиде мыслячи, иже Богъ послѣже отьмстье створи *державтелю града* того и вдасть й въ руцѣ Данилу; и обновивъ й созда церковь прекрасну святоѣ Богородици, и рече: «се градъ мой, преже бо пріяхъ й копьемъ» ([43]). Отсюда Даніилъ отправился въ Брестъ, потомъ въ Холмъ.

([42]) Кадлубекъ въ отдѣлѣ своего сочиненія — de principatu Lesconis Albi.

([43]) П. С. Р. Л., т. II, стр. 179.

Кому же принадлежалъ въ это время Дрогичинъ и кто былъ этотъ «держатель града», не впустившій Даніила въ этотъ городъ?

Извѣстно, что мазовскій князь Конрадъ, тревожимый безпрестанными нападеніями и грабежами древнихъ Пруссовъ-язычниковъ, призвалъ рыцарей тевтонскихъ и отдалъ имъ во владѣніе землю Хелминскую между рѣками Вислою, Држвѣнцею и Оссою, также всѣ тѣ земли, которыя они еще завоюютъ отъ Пруссовъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы рыцари, кромѣ обращенія этихъ язычниковъ въ христіанскую вѣру, защищали отъ ихъ нападеній Мазовше. Конрадъ получилъ на это соизволеніе императора нѣмецкаго Фридриха II особою грамотою 1226 года, также папы, и 1230 года подписанъ былъ окончательный трактатъ между Конрадомъ и рыцарями. Германъ Балькъ назначенъ былъ провинціальнымъ магистромъ этихъ рыцарей въ зависимости отъ гроссъ-мейстера тевтонскаго ордена. Подъ управленіемъ воинственнаго и храбраго Германа Балькъ рыцари эти, называвшіеся отъ древняго зàмка на р. Држвѣнцѣ *Добржиня*, бывшаго главнымъ мѣстомъ ихъ пребыванія, *Братьями Добржиньскими*, быстро дѣлаютъ завоеванія въ земляхъ язычниковъ-Пруссовъ и въ какіе-нибудь 10 лѣтъ распространяютъ свое господство надъ большею половиною земель Пруссовъ въ Натангіи, Бартніи, Варминіи, части Голендзя (44) и приближаются къ предѣламъ владѣній русскихъ князей. Къ этому времени относится договоръ, заключенный между Конрадомъ Мазовецкимъ и Германомъ Балькомъ 1237 года, найденный въ Берлинскомъ Архивѣ и приводимый у Фойгта. Въ немъ говорится: «Conferimus et donamus Herm. et fratribus sui ordinis militum Christi domus quondam Dobrzynensis, *castrum Drohiczyn, et totum territorium, quod ex eadem castri parte continetur, a medietate fluminum Bug et Nur, usque ad metas Ruthenorum*, salvo jure ecclessiae Masoviensis et nobilium, si quod in praedictis fluminibus hactenus habuerunt, ut Christo, sub ordinis sui debito militantes, ab jactantia paganorum defendant populum Christianum» (45).

---

(44) Dzieje Krzyżakow przez L. Rogalskiego Warsz. 1846 г. Т. I, стр. 243—262, также карта при соч. Pisma D. Szulca Warsz. 1854 г.

(45) Voigt II, стр. 277, 278.

Изъ этого документа видно, что границы русскихъ владѣній въ первой половинѣ XIII столѣтія отодвинуты были на востокъ отъ Дрогичина до р. Нурца, что Дрогичинъ съ землями между Бугомъ и Нурцомъ принадлежали подъ конецъ первой половины XIII столѣтія рыцарямъ, которымъ были отданы Конрадомъ Мазовецкимъ въ замѣнъ за землю Добржиньскую. Если договоръ этотъ состоялся 1237 года, то очень естественно, что «держатель града», не пустившій Даніила Романовича 1240 года въ этотъ городъ, были рыцари нѣмецкаго ордена.

Неизвѣстно съ точностью, какъ долго эти земли находились подъ властью рыцарей. Послѣднія слова вышеприведеннаго мѣста Ипат. Лѣт. «и обновивъ й созда церковь прекрасну свтоѣ Богородици», и пр., показываютъ, что уже 1240 года Дрогичинъ былъ во власти Даніила, если онъ въ этомъ году *обновилъ его и выстроилъ въ немъ церковь во имя Пр. Богородицы;* но слова эти, стоящія послѣ слова «отъиде», находятся въ противорѣчіи со смысломъ предъидущаго и возбуждаютъ нѣкоторое сомнѣніе относительно хронологіи. Если вѣрить хронологіи Ипат. Лѣтописи ([46]), то Даніилъ Романовичъ старался изгнать отсюда рыцарей даже прежде 1240 года, какъ показываетъ слѣдующее мѣсто подъ 1235 годомъ. «Веснѣ же бывши, поидоста на Ятвязѣ и пріидоста Берестью; рѣкамъ наводнившимся, и не возмогоша ити на Ятвязѣ. Данилови рекшу: «не лѣпо есть держати нашее отчины крижевникомъ, Тепличемъ (Темпличемъ), рекомымъ Соломоничемъ», и поидоста на нѣ въ силѣ тяжьцѣ; пріаста градъ мѣсяца марта, старѣйшину ихъ Бруна яша и вои изонмаша и возвратися Володимерь» ([47]). Хотя здѣсь Лѣтопись и не говоритъ, какимъ именно городомъ овладѣлъ Даніилъ, а Карамзинъ упоминаетъ только, что Даніилъ ратоборствовалъ съ Нѣмецкимъ Орде-

---

([46]) Хронологія Ипат. Лѣт. во многихъ мѣстахъ сбивчива, запутана и не всегда согласна съ хронологіею другихъ лѣтописей. А потому повѣствуемое въ ней подъ 1235 годомъ о рыцаряхъ и предводителѣ ихъ, Брунѣ, не будетъ ли относиться къ 1240 или къ одному изъ ближайшихъ къ нему годовъ? Въ такомъ случаѣ прояснилось бы сомнительное мѣсто въ ней относительно того, когда Даніилъ отнялъ Дрогичинъ отъ рыцарей.

([47]) П. С. Р. Л., т. II, стр. 175.

номъ, «занявшимъ какія-то изъ нашихъ древнихъ владѣній» ([48]); но, основываясь на предъидущемъ, можно думать, что здѣсь дѣло идетъ о Дрогичинѣ. «Старѣйшина же Брунъ», упоминаемый въ этомъ мѣстѣ Лѣтописи, есть начальникъ тѣхъ 14 рыцарей, которые были посвящены въ это званіе епископомъ прусскимъ еще прежде 1226 года, и которымъ Конрадъ Мазовецкій далъ во владѣніе, кромѣ зaмка Добржина въ землѣ Хелминской, еще и Сѣдлецъ въ Кувахъ ([49]). Потому очевидно, что въ это время земли по Бугу принадлежали рыцарямъ.

Какъ бы то ни было, но что вскорѣ послѣ 1240 года эти земли были уже во власти Даніила, видно изъ описаній войнъ, веденныхъ Даніиломъ въ половинѣ XIII столѣтія съ Ятвягами. Чтобы наказать Ятвяговъ за безпрестанные набѣги и грабежи, князья юго-западной Руси предпринимаютъ походы въ ихъ землю въ 1250 и 1251 годахъ. Въ 1250 году отправились Василько и Конрадъ Мазовецкій, но дошли только до р. Нурца и должны были возвратиться съ дороги; «падшу снѣгу и серену не могоша ити и воротишася на Нурѣ» ([50]). Слѣдовательно, вся страна Дрогичинская до р. Нурца уже въ 1250 году принадлежала князьямъ русскимъ. Яснѣе это видно изъ описанія похода 1251 года, въ которомъ многочисленная рать Даніила, Василька, Семовита Мазовскаго и Болеслава отправляется противъ Ятвяговъ. Войска выступаютъ изъ Дрогичина. «*И сняшася во Дорогичинѣ* и поидоша (въ землю Ятвяжскую) и преидоша *болота* (безъ-сомнѣнія, болота Наревскія, которыя и теперь тянутся по теченію этой рѣки) и наидоша на страну ихъ» ([51]). Ужасное опустошеніе было произведено во всей странѣ Ятвяжской до р. «Олгъ», называемой иначе «Лъкъ». «Оттуда же князь Данилъ *приде ко Визьнѣ и прейде рѣку Наровь.... и придоста со славою на землю сою....*» ([52]). Слѣдовательно, переправясь чрезъ Наревъ, при Визнѣ, Даніилъ былъ уже въ своихъ владѣніяхъ, «на землѣ своей»; иначе,

---

([48]) Кар. Ист. Гос. Рос., изд. Эйн., т. III, стр. 164.
([49]) Dz. Krzyż. p. Rogals. t. I. str. 243.
([50]) П. С. Р. Л., т. II, стр. 175.
([51]) П. С. Р. Л., т. II, стр. 185.
([52]) Ibid. стр. 187.

р. Наревъ въ это время отдѣляла его владѣнія отъ Ятвяговъ.

Около этого же времени Лѣтопись начинаетъ упоминать и о другихъ городахъ на означенной мѣстности между Бугомъ и Наревомъ: *Мельникъ*, *Каменцъ* и *Бѣльскъ*. О первомъ хотя упоминается въ Лѣтописи только подъ 1247 годомъ; но по древности онъ едва ли уступаетъ Дрогичину, судя по остаткамъ старины, замѣтнымъ въ немъ и въ настоящее время, а также и по самому его географическому положенію между двумя древними пунктами — Дрогичиномъ и Брестомъ. Подъ 1247 годомъ упоминаетъ о немъ Лѣтопись Ипат. по-случаю опустошительныхъ набѣговъ Литвы, простиравшихся до этого города (53). Далѣе та же лѣтопись упоминаетъ о немъ подъ 1260 годомъ, когда татарскій предводитель, Бурундай, отправляясь на войну въ Литву, звалъ и Даніила отправиться вмѣстѣ съ нимъ. «И ѣха Василко за брата и проводи его братъ до Берестья и посла съ нимъ люди своя; и помолився Богу святому Спасу Избавнику, яже *есть икона, яже есть въ городѣ Мѣлницѣ во церкви святоѣ Богородицѣ* и нынѣ стоитъ въ велицѣ чести, обѣща ему Данило Король украсити й» (54). Въ 1262 году Литва снова произвела опустошенія въ окрестностяхъ Мельника, гдѣ «взяша полона много»; но Василько съ сыномъ Владиміромъ нанесли имъ такое пораженіе, что ни одинъ изъ нихъ не успѣлъ спастись (55). Подъ 1281 г. упоминается о Мельникѣ по-случаю передвиженія чрезъ него войскъ, которыя шли на помощь кн. мазовскому Конраду, воевавшему съ братомъ своимъ Болеславомъ. Мельникъ служилъ сборнымъ пунктомъ, откуда выступилъ съ соединенными полками Василько въ Мазовше (56). Въ 1282 г. Мельникъ принадлежитъ Юрію Львовичу. «*Быша (Юрій) въ Мѣлницѣ* и присла къ нему отець его Левъ, река ему тако: «сыну мой Юрьи! не ходи самъ съ Литвою (на Болеслава, мазовскаго князя).... Юрьи же не поиде по отнѣ словѣ, но посла рать свою...» (57) Тому же

(53) Ibid. стр. 182.
(54) Ibid., стр. 197.
(55) Ibid., стр. 200.
(56) Ibid., стр. 209.
(57) Ibid., стр. 211.

Юрію принадлежитъ Мельникъ и въ 1288 году вмѣстѣ съ Дрогичиномъ, какъ увидимъ ниже.

Земли къ востоку отъ Дрогичина и Мельника и къ сѣверу отъ Бреста лежали въ запустѣніи 80 лѣтъ послѣ Романа. «Сія же страна бяше пустѣла 80 лѣтъ по Романѣ.» Только Владиміръ Васильковичь (1272 — 1289 г.) выстроилъ здѣсь на р. Льстнѣ (Леснѣ) городъ *Каменецъ*, подробности построенія котораго сообщаетъ Лѣтопись подъ 1276 годомъ (58). Выстроенный имъ каменный «*столпъ*», высотою въ 17 саженъ, стоитъ въ теченіе почти шести вѣковъ и въ настоящее время въ его первоначальной формѣ и размѣрахъ, равно-какъ и церковь Благовѣщенія. «Създа же въ немъ столпъ каменъ, высотою 17 сажней, подобенъ удивленію всѣмъ зрящимъ на нь; и церковь постави Благовѣщеніа святыа Богородицы и украси ю иконами златыми, и съсуды скова служебныа сребрены», и пр. (59)

Раньше чѣмъ о Каменцѣ упоминаетъ лѣтопись *о Бѣльскѣ* въ странахъ, простиравшихся на сѣверъ отъ Дрогичина и Каменца до р. Наревъ, которыя не только въ 1250 году, но и гораздо раньше принадлежали Даніилу Романовичу и его предшественникамъ. Первое о немъ извѣстіе находимъ подъ 1253 годомъ; но лѣтописецъ упоминаетъ здѣсь о немъ уже какъ объ общеизвѣстномъ, а не какъ о новомъ, недавно выстроенномъ городѣ (60). Потомъ упоминается о немъ въ княженіе Владиміра Васильковича, слѣдовательно, между 1272 — 1289 годомъ. Лѣтописецъ, повѣствуя о благочестивой ревности сего князя къ строенію церквей и снабженію ихъ золотыми иконами, серебряными сосудами, крестами, также книгами и пр. въ Брестѣ, Каменцѣ и другихъ церквахъ, говоритъ: «такоже и *у Бѣлску* поустрои церковь иконами и книгами» (61). Но къ которой изъ бѣльскихъ церквей относится это замѣча-

---

(58) П. С. Р. Л., т. II, стр. 206 и 222.

(59) Впрочемъ, нынѣшняя каменецкая церковь Благовѣщенія деревянная, а потому, можетъ-быть, одно только названіе ея сохраняется по настоящее время отъ 1276 года.

(60) Ibidem.

(61) П. С. Р. Л., т. II, стр. 222.

ніе лѣтописца, мѣстный изслѣдователь рѣшить этого не можетъ ([62]).

Въ-теченіе всей второй половины XIII столѣтія до временъ распространенія надъ западною Русью господства Литвы и Польши, земли между Бугомъ и Наревомъ съ городами Дрогичиномъ, Мельникомъ, Каменцомъ, Бѣльскомъ и др. находились постоянно во власти Даніила Романовича (который, по мнѣнію нѣкоторыхъ, даже короновался 1255 года въ этомъ Дрогичинѣ), а по смерти его—во власти его преемниковъ. При Василькѣ, братѣ и преемникѣ Даніила, Дрогичинская область принадлежала *Шварну Даніиловичу* до 1267 года, а по смерти сего послѣдняго перешла къ *Льву Даніиловичу*, владѣтелю Галича и Холма, и оставалась въ его власти чрезъ все время княженія *Владиміра Васильковича* (1269—1289 г.). Послѣдній, не имѣя дѣтей, назначилъ въ духовномъ завѣщаніи своимъ наслѣдникомъ *Мстислава* Даніиловича, мимо старшаго его брата *Льва* Даніиловича и сына *Юрія*, которыхъ набожный и добродушный Владиміръ не любилъ за ихъ лукавые происки. Оскорбленный Левъ Даніиловичъ хотѣлъ выпросить у него по-крайней-мѣрѣ *Брестъ*; но и это ему не удалось. Не удалась также и хитрость сына его *Юрія*, властвовавшаго въ Дрогичинѣ и Мельникѣ, который съ притворною печалью жаловался Владиміру на своего отца, говоря: «Господине, строю мой!... отець мой... отнимаеть у мене городы, что ми былъ далъ, Бѣлзъ, и Червенъ, и Холмъ, а велитъ ми быти въ *Дорогычинѣ* и въ *Мѣлницѣ;* а бью челомъ Богу и тобѣ, строеви своему, дай ми, господине, *Берестій*, то бы ми сполу было» ([63]). Владиміръ не смягчился просьбою своего племянника и не далъ ему Бреста. Тогда Юрій прибѣгнулъ къ другимъ мѣрамъ. Еще при жизни Владиміра онъ склонилъ на свою сторону Берестьянъ, которые, по словамъ лѣтописца, «учинили коромолу..... ѣхавше къ Юрьеви князю цѣловаше крестъ на томъ, рекуче: «како не достанеть стрыя твоего (Владиміра) ино мы твои и городъ твой, а ты нашь князь» ([64]).

([62]) Г. Ярошевичъ, въ ст. о прав. церк. въ Бѣльскѣ — см. «Гродн. Губ. Вѣд.».

([63]) П. С. Р. Л, т. II, стр. 218.

([64]) Ibid, стр. 223.

И дѣйствительно, какъ-только не стало Владиміра Васильковича, Юрій сталъ властвовать въ Брестѣ, Каменцѣ и Бѣльскѣ; но еще въ томъ же 1289 году былъ изгнанъ изъ этихъ городовъ Мстиславомъ и бѣжалъ съ своими приверженцами въ Дрогичинъ. Мстиславъ повсюду былъ встрѣчаемъ съ живѣйшею радостью и овладѣлъ *Брестомъ*, *Каменцомъ* и *Бѣльскомъ*. «Поѣха Юрьи вонъ изъ города съ великимъ соромомъ, пограбивъ всѣ домы стрыя своего, и не остася камень на камени въ *Берестьи*, и въ *Каменци*, и въ *Бѣльски*..... ради ему (Мстиславу) быша вси людье; утвердивъ людій, засаду посади въ Бѣльски и въ Каменци....» Берестьянъ же обложилъ онъ тяжкою данью за ихъ коромолу ([65]). Миръ и спокойствіе царствовали въ этихъ странахъ подъ управленіемъ Мстислава, потому-что князь «миръ держа съ околными сторонами, съ *Ляхы* и съ *Нѣмци*, съ *Литвою*, одержа землю свою величествомъ олны по Тотары, а сѣмо по Ляхы и по Литву.» Ятвяги также не тревожили уже этихъ земель своими набѣгами, ибо за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ они были совершенно истреблены.

Изъ сдѣланнагó доселѣ обозрѣнія историческихъ извѣстій оказывается:

1) Что нынѣшніе города Брестъ, Кобринъ, Мельникъ, Дрогичинъ, Каменецъ, Бѣльскъ въ XIII, XII, отчасти XI столѣтіяхъ находились во власти князей юго-западной Руси, и, слѣдовательно, все пространство, на которомъ они находились, т.-е. земли между Западнымъ Бугомъ и р. Наревомъ, принадлежали этимъ князьямъ (иногда Польшѣ), а не Ятвягамъ. Мы видѣли также, что и во времена, предшествовавшія XI столѣтію, это пространство заселено было славянскими племенами, а не Ятвягами.

2) Чтò касается столицы Ятвяговъ, Дрогичина, то изъ разсмотрѣнія историческихъ о немъ извѣстій оказывается, что этотъ городъ находился во власти князей русскихъ, иногда переходилъ къ Польшѣ и съ самаго появленія его до временъ распространенія надъ западною Русью господства Литовцевъ рѣшительно нельзя найти такого момента времени, въ который бы можно было допустить подобное въ немъ господство Ятвяговъ. Нельзя этого сказать и о Дрогичинѣ Кобрин-

---

([65]) П. С. Р. Л., т. II. стр. 224 и 225.

скаго уѣзда, который если бы и существовалъ въ эти времена (чего, впрочемъ, и предполагать невозможно), то постоянно находился во власти князей кобринскихъ или пинскихъ; а еще менѣе можно это думать о Дрогичинѣ волынскомъ, принимаемомъ Нарушевичемъ (66) за столицу этого народа. Такимъ-образомъ, господствующее еще и въ настоящее время мнѣніе, по которому Дрогичинъ былъ столицею Ятвяговъ, оказывается ложнымъ.

3) Уже въ XIII столѣтіи находимъ на означенномъ пространствѣ, какъ-то: въ Дрогичинѣ, Мельникѣ, Каменцѣ, Бѣльскѣ и др., православныя церкви, которыя, быть-можетъ, существовали въ этихъ мѣстахъ и гораздо раньше. Это показываетъ, что уже во времена, предшествовавшія ихъ появленію, было немалое число послѣдователей православной вѣры на этомъ пространствѣ; иначе, кѣмъ и для кого онѣ строились бы? Появленіе же въ XV и XVI ст. православныхъ церквей и монастырей въ дальнѣйшихъ пунктахъ на сѣверѣ, какъ-то: въ Гродкѣ, Заблудовѣ, Супраслѣ, Нарвѣ и др. (67), при всѣхъ

(66) Hist, Nar. Pols. Warsz. 1803 r. T. IV, str. 61.

(67) 1. *Въ Бѣльскѣ* въ XV и XVI столѣтіяхъ было уже 5 православныхъ церквей (см. статью г. Ярошевича въ «Гродненскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ». Объ одной изъ нихъ — Пречистенской, или Замковой, въ которой положено тѣло княгини Вассы Михайловны, упоминаетъ грамота короля польскаго Александра, данная 1504 года (ibid.).

2 Нынѣшній православный *Супрасльскій* монастырь (въ 16 верстахъ отъ Бѣлостока) основанъ былъ первоначально, въ 1498 г., Александромъ Ивановичемъ Ходкевичемъ въ мѣстечкѣ *Гродкѣ*, оттуда 1500 г. перенесенъ былъ въ м. Супрасль, гдѣ и теперь находится. Это отчасти подтверждаетъ и слѣдующая надпись на портретѣ основателя (во весь ростъ), стоящемъ въ церкви Супрасльскаго монастыря: «Alexander Chòdkiewicz Wojewoda Nowogrodzki i Marszałek W. X. L. *ufundował Supraśl na Choroszczy r. 1506*, a zamiana stanęła Choroszczy na Chorostow r. 1533 d. 30 X bra.» Въ другой надписи на портретѣ митрополита Іосифа Солтыка сказано: «Jozef Sołtyk Marszałek Nadworny W. X. L. Posłem obrany od Synodu Ruskiego a od Alexandra approbowany do Syxta IV Papieża, z wyznaniem stolicy S. Apostolskiey posłuszeństwa in religione S. B. M. Josephiqus wprzod Arcy-Biskupem Smoleńskim a potem *w r. 1497 został Metropolitą całej Rusi. Dobrazasługach w sobie od Króla Alexandra nadane Klasztorowi Supraślskiemu applikował*. Umarł. roku 1515.»

3. Православная церковь въ *Заблудовѣ* основана 1597 года Григоріемъ Ходкевичемъ, сыномъ упомянутаго Александра, основавшаго монастырь Супрасль. Въ фундушевой записи основатель говоритъ: «*иже подданные*

неблагопріятствовавшихъ тому обстоятельствахъ, показываетъ ту постепенность, съ которою свѣтъ христіанской вѣры распространялся изъ Кіева по западнымъ частямъ губерніи Гродненской съ юга на сѣверъ, между массами народонаселенія. Все это ведетъ къ тому заключенію, что страны эти давнымъ-давно освободились (если когда-нибудь и были въ ихъ власти) отъ такихъ полукочевыхъ дикарей, каковыми были Ятвяги, коснѣвшіе въ язычествѣ во всѣ времена своего существованія.

Послѣ такого положительнаго свидѣтельства исторіи можно ли согласиться съ вышеприведенными мнѣніями Стрыйковскаго, Бѣльскаго и ихъ послѣдователей, утверждающихъ, что Ятвягамъ принадлежала вся страна отъ земли древнихъ Пруссовъ до Волыни, что столицею ихъ былъ городъ Дрогичинъ? По-крайней-мѣрѣ, относительно тѣхъ временъ, о которыхъ сохранились несомнѣнныя историческія извѣстія, т.-е. съ X по XIII столѣтіе, ошибочность подобныхъ мнѣній обнаруживается какъ нельзя яснѣе.

Перейдемъ ко второй половинѣ нашего вопроса: обозначенію пространства, занимаемаго Ятвягами.

Уже изъ сказаннаго доселѣ явствуетъ, что Ятвяговъ не должно искать въ странахъ, лежащихъ къ югу отъ р. Наревъ, ибо съ юга почти до этой рѣки простирались владѣнія князей юго-западной Руси въ XIII столѣтіи и раньше. Ихъ должно

нашы того имени нашого Заблудовского.... *повинни будут на год давати десятины зволоки зуполное жыта полкопы ячменю полкопы* итакто есмо насес час подлуг волок тепер оседлых окром того што еще напрод осести могут и шацовали ижъ *вчинит тое десятины с подданых жыта копъ двесте а ячменю копъ двесте* нагод.....» (Собр. грам. и акт. Минской губер., № 138) Одна половина этой десятины давалась «Священнику и диакону Рускому,» а другая «плебану до костела Римского.» Слѣдовательно, въ XVI столѣтіи въ окрестностяхъ мѣстечка было уже 400 волокъ (т.-е не менѣе 6,000 десятинъ) земли, обработанной и заселенной послѣдователями «закону Грецкого и Римского», и первыхъ было въ это время не менѣе половины.

Все это показываетъ, что около Супрасля, Гродка, Заблудова, Нарева, Бѣльска было большое число исповѣдовавшихъ православную вѣру въ XV столѣтіи, т.-е. чрезъ два столѣтія послѣ того, какъ лѣтописи начинаютъ упоминать о православныхъ церквахъ, возникшихъ въ странахъ между р. Наревомъ и Бугомъ, въ Дрогичинѣ, Мельникѣ, Каменцѣ и др.

искать на правомъ берегу этой рѣки. Въ 1279 году, когда голодъ распространился въ Руси, Польшѣ, Литвѣ и въ *странѣ Ятвяжской*, Владимiръ Васильковичъ, по просьбѣ Ятвяговъ, посылаетъ въ ихъ страну хлѣбъ для продажи. «Володимеръ *изъ Берестья* посла къ нимъ жито, въ лодьяхъ, *по Бугу*..... Идущимъ же имъ по Бугу, и тако *возiидоша на Наревъ* и *поидоша по Нарови* и *придоша подъ городъ подъ Полтовескъ*» (68). Но подъ этимъ городомъ, принадлежавшимъ въ то время мазовскому князю Конраду, везшiе хлѣбъ были перебиты ночью неизвѣстно кѣмъ, хлѣбъ расхищенъ и не доставленъ по назначенiю въ землю Ятвяжскую. Изъ этого мѣста Лѣтописи видно, что въ Ятвяжскую страну ходили по р. Наревѣ, слѣдовательно *земля Ятвяжская примыкала къ Нареву съ правой стороны*. А такъ-какъ съ лѣвой стороны примыкали къ этой рѣкѣ владѣнiя русскихъ князей — область Бѣльская и Визна, то, безъ-сомнѣнiя, только эта рѣка и тянущiяся по ея теченiю большiя болота отдѣляли однихъ отъ другихъ. Слѣдовательно, *р. Наревъ отдѣляла Ятвяговъ отъ владѣнiй князей юго-западной Руси*.

На сѣверо-западѣ страна Ятвяжская въ древнѣйшiя времена, въ XI столѣтiи, примыкала къ землѣ *Голядской*, или *Голендзинской*. Это видно изъ Несторовой Лѣтописи, въ которой говорится, что Ярославъ I въ 1038 году покорилъ Ятвяговъ, а сынъ его Изъяславъ одержалъ побѣду 1057 года надъ сосѣдями ихъ «Голядью». Съ этимъ же народомъ граничили Ятвяги и въ XIII столѣтiи. Земля же Голендзкая простиралась въ XIII и XIV столѣтiяхъ до верховьевъ рѣки Мсты (теперь Нетта), до верховьевъ рѣки Лэнки; а отъ Мазовша отдѣляла ее р. Винцента, какъ это видно изъ договорныхъ грамотъ и актовъ (69). А потому на сѣверо-западѣ земля Ятвяжская примыкала къ землѣ Голендзинской при верховьяхъ Нетты и Лэнки, а отъ Мазовша отдѣлялась р. Винцентою. Это подтверждаетъ отчасти и слѣдующее мѣсто Ипатьевской Лѣтописи. Въ описанiи похода Данiила Романовича на Ятвяговъ 1251 г. сказано, что войска выступили изъ Дрогичина, перешли р. Наревъ и опустошили землю Ятвяжскую до р. Лэнки. «И

(68) П. С. Р. Л., т. II, стр. 208.

(69) См. Pisma D. Szulca 1854 г., стр. 133 — 135.

гнаша Русь и Ляхове по нихъ (Ятвязехъ), и мнози князи Ятвязьсціи избьени быша; и гнаша ѣ до *рѣкы Олга*, и преста брань..... Идущимъ же имъ и плѣнящимъ и жгущимъ землю ихъ, *пришедшимъ же имъ рѣку Олегъ*.....» ([70]) Разумѣется, что эта «рѣка Олгъ, Олегъ», называемая въ другомъ мѣстѣ «Лъкъ», есть нынѣшняя Лэнка (Łęka, Łecha), впадающая въ Бобръ выше Гоніондза. На другой день по переходѣ чрезъ эту рѣку напали на Ятвяговъ сосѣди ихъ Пруссы и Борты. Это были рыцари, покорившіе уже въ это время бо́льшую часть земли Голендзкой, какъ видно изъ описанія ихъ вооруженія. «*Щитъ* же ихъ яко зоря бѣ, *шеломъ* же ихъ яко солнцю восходящю, *копіемъ* ихъ дрьжащимъ въ рукахъ яко трьсти мнози, *стрѣлцемъ* же обаполъ идущимъ, и держащимъ въ рукахъ *рожанци* своѣ.....» ([71]). Итакъ, *къ сѣверо-западу отъ р. Наревъ, выше Визны, страна Ятвяжская простиралась за р. Бобръ до истоковъ р. Лэнки, Нетты и Винценты*, которыя отдѣляли ихъ съ одной стороны отъ Мазовша, съ другой отъ земли Голендзкой (Голядской) и отъ Пруссовъ, Бортовъ и рыцарей ([72]).

([70]) П. С. Р. Л, т. II, стр. 186.

([71]) Ibid.

([72]) Еще и въ настоящее время въ этихъ мѣстахъ, по обѣимъ сторонамъ р. Бобра, замѣтны нѣкоторые слѣды пребыванія Ятвяговъ. Къ нимъ принадлежатъ: 1) Два селенія на лѣвомъ берегу р. Бобра (въ Бѣлостокскомъ уѣздѣ, въ 14 верстахъ отъ мѣст. Суховоли), изъ которыхъ одно называется *Ятвезь стара*, другая—*Ятвезь нова*. Это названіе сохранилось, безъ-сомнѣнія, отъ Ятвяговъ. Стрыйковскій, вѣроятно, указываетъ на эти селенія, говоря объ остаткахъ Ятвяговъ около Райгрода (изд. варш., 1766 г., на стр. 181). Что селенія эти могли существовать въ его время, доказательствомъ тому можетъ служить одинъ деревянный домъ, находящійся и въ настоящее время недалеко отъ этихъ селеній, въ которомъ на одномъ бревнѣ вырѣзанъ 1619 годъ, означающій время его построенія. О другихъ селеніяхъ упомянемъ ниже. 2) Недалеко отъ этихъ селеній, въ двухъ или трехъ мѣстахъ, находится нѣчто въ родѣ кладбищъ. Нѣкоторые изъ здѣшнихъ обитателей даже называютъ ихъ *Ятвяжскими кладбищами* (mogilki Jadźwingowskie) и говорятъ, что на камняхъ, находящихся во множествѣ на этихъ кладбищахъ, видѣли вырѣзанныя земледѣльческія орудія, какъ-то: серпы, косы, топоры и пр. Пишущему это случилось видѣть только одно подобнаго рода кладбище, находящееся въ полуверстѣ отъ Ятвези. Оно находится среди вспаханныхъ полей, занимаетъ пространство около 150 шаговъ длины и около половины того

На востокъ отъ истоковъ Лэнки и Нетты предѣлы страны Ятвяжской *простирались подъ Гродно и примыкали къ Нѣману и Литвѣ.* Это видно изъ Дузбурга ([73]) и Длугоша ([74]), которые, впрочемъ, ошибочно считаютъ обитателей между Нѣманомъ и Наревомъ Литовцами, а не Ятвягами. Стрыйковскій также говоритъ, что Ятвяги поражены были въ 1282 году Лешкомъ Чернымъ «между *Наревомъ и Нѣманомъ*» ([75]); а Хвальчевскій (писавшій въ 1549 г.), что они жили на границахъ Литвы, при Мазовши, иначе между Мазовшемъ и Литвою ([76]). Кромеръ также назначаетъ имъ съ этой стороны границею Литву, говоря, что «Ятвяги занимали пространство между Польшею, Русью, землею Пруссовъ, жили при границахъ литовскихъ» ([77]). Впрочемъ, и за Нѣманомъ, въ Лидскомъ уѣздѣ (Виленск. губер.), между мѣстечкомъ Каменкой и Щучинымъ, есть еще и теперь два селенія, называющіяся *Ятвескъ*; а недалеко отъ этихъ селеній, на берегахъ рр. Котры и Пѣласы, живутъ *Іодвежаи*, потомки Ятвяговъ, между которыми и по настоящее время сохранились нѣкоторыя свойства ихъ предковъ ([78]); но это, безъ-сомнѣнія, переселенцы съ лѣваго берега Нѣмана, а границы Ятвяговъ едва ли могли простираться за Нѣманъ до этихъ мѣстъ.

ширины. На немъ находится до 100 большихъ, необтесанныхъ камней, плитообразныхъ, продолговатыхъ, — всѣ въ стоячемъ положеніи. Ни на одномъ изъ нихъ не было замѣчено упоминаемыхъ изображеній. Жители не берутъ ихъ съ мѣста, ибо часто случалось, что поселянъ, бравшихъ эти камни для какого-либо употребленія, тревожили страшныя сновидѣнія; они избавлялись отъ нихъ, коль-скоро возвращали взятые камни на прежнее мѣсто. Оттого съ давнихъ временъ камни остаются нетронутыми. Къ какому времени отнести появленіе этихъ кладбищъ? Не имѣютъ ли они какой-нибудь связи съ походомъ Даніила Романовича, который 1251 г. былъ за Лэнкою, и гдѣ-то въ этихъ мѣстахъ, между Райгродомъ и Ятвезью, происходили кровавыя битвы?

([73]) Изд. Гартк., стр. 331.

([74]) Т. I. X, стр. 43.

([75]) Варш. изд., стр. 182.

([76]) Изд. варш., 1829, на стр. 49: «Jaczwyngowye sza to ludzye okrutny *na granyczach lithewskych podla mazowsza myeskaya..... myedzy lythwa swym yezykem* mowyącz.»

([77]) Изд. варш., 1767, стр. 91, кн. IV.

([78]) См. Ист. Нарбута, также Шафар. «Слав. Древн.», пер. Бодянск., т. II, стр. 291.

Труднѣе отыскать *восточные предѣлы* страны Ятвяжской по направленію къ югу отъ Нѣмана. Съ этой стороны она граничила съ Русью и Литвою. Въ лѣтописи подъ 1256 годомъ говорится, что во время похода Даніила Романовича на Ятвяговъ къ нему присоединился съ своею дружиною «Романъ съ Новгородцами (Новогрудекъ), и со цтемъ своимъ Глѣбомъ, и *со Изяславомъ со Вислочьскимъ*» ([79]). Можетъ-быть, Изяславъ имѣлъ свои владѣнія на р. Свислочѣ, гдѣ нынѣ находится мѣстечко Свислочь; потому онъ по ошибкѣ переписчиковъ и названъ «со Вислочьскимъ», также «съ выслоческимъ», вмѣсто «*Свислочьскимъ*». О Слонимѣ и Волковискѣ также упоминается въ Лѣтописи подъ 1252 и 1256 гг., какъ о ближайшихъ пунктахъ къ странѣ, занимаемой Ятвягами и имъ не принадлежавшихъ. Слѣдовательно, ни Слонимъ, ни Волковыскъ, можетъ-быть, даже земли, находящіяся у верховьевъ р. Свислочи, не были въ XIII столѣтіи во власти Ятвяговъ. Но что селища ятвяжскія распространялись даже подъ мѣстечко Свислочь, доказываетъ нынѣшняя деревня *Ятвескъ* (Jatwesk), находящаяся въ 7 верстахъ отъ этого мѣстечка и которая есть ничто иное, какъ остатокъ древнихъ поселеній ятвяжскихъ, сохранившій отъ древнихъ временъ одно только названіе. Вѣроятнѣе всего, что къ сѣверу отъ этого селенія полоса лѣсовъ между рр. Свислочью и Россою была границею, стѣною, ограждавшею Ятвяговъ съ восточной стороны отъ Руси и Литвы; а къ югу, по направленію къ мѣстечку Каменцу и къ Пружанамъ, подобною же границею служила нынѣшняя Бѣловежская пуща ([80]). Въ такомъ случаѣ поселенія ят-

---

([79]) П. С. Р. Л., т. II, стр. 192.

([80]) Какъ велики были нѣкогда въ этомъ мѣстѣ лѣса, видно изъ одного мѣста договорной грамоты великихъ князей литовскихъ Кейстута и Ягеллы съ рыцарями въ 1379 г., гдѣ сказано: «Обитателямъ земли Гродненской для рыбной ловли, для охоты, также на строеніе жилищъ и другія потребности назначается пространство лѣсовъ на лѣвомъ берегу Нѣмана, начиная за милю отъ Пржеломки до того мѣста, гдѣ сходятся границы земли Гродненской съ границами округа Волковыскаго. Къ югу и ю.-з. отъ Нѣмана, по направленію къ землѣ Прусской, Ельской и Волковыской позволяется пользоваться этими лѣсами на разстояніи 6 миль; съ другой стороны Нѣмана на такое же пространство.» (См. Kodex Litwy Raczyńskiego; также Voigt'a t. X.) Слѣдовательно, пуща въ этомъ мѣстѣ имѣла въ ширину не менѣе 12 миль; нынѣшняя Бѣловежская пуща была ихъ продолженіемъ.

вяжскія выступали у верховьевъ р. Нарева къ югу отъ этой рѣки (на пространство d e f., см. карту) по направленію къ Каменцу и Пружанамъ до того мѣста, гдѣ начинались владѣнія русскихъ князей. — Непроходимые лѣса Бѣловежской пущи служили, безъ-сомнѣнія, для воинственныхъ хищниковъ главнымъ притономъ, откуда они предпринимали отважные набѣги на сосѣдственныя страны земледѣльческихъ Славянъ, съ цѣлію грабежа. Такимъ-образомъ, на югѣ они часто нападали и грабили область Брестскую, вторгались нерѣдко даже на Волынь; на востокъ проникали, можетъ-быть, до самаго Новогрудка. Это дало Стрыйковскому и другимъ поводъ думать, что Новогрудекъ съ окрестными селеніями находился въ ихъ власти, и назначать подъ жилища этого племени столь обширныя пространства.

Итакъ, *Ятвяги занимали въ XIII столѣтіи пространство между двумя большими рѣками: на сѣверѣ — Нѣманомъ, на югѣ — Наревомъ; на сѣверо-западѣ страна ихъ простиралась до верховьевъ рр. Лэнки и Щетты, на востокѣ — до верховьевъ р. Нарева и полосы лѣсовъ, идущей на югъ и сѣверъ отъ истоковъ этой рѣки.* Такимъ-образомъ, мѣстность a b c d e f g (см. карту) будетъ означать пространство, занимаемое Ятвягами, съ приблизительнымъ означеніемъ границъ ихъ страны. На этомъ пространствѣ должно искать упоминаемыхъ въ лѣтописи подъ 1256 г. и другихъ слѣдующихъ селищъ ятвяжскихъ: «вси Болдикища, Привища, Тайсевиче, Буряля, Раймоче, Комата, Дора, села Корковичи, Жебровичи» (81). Въ недавнее время сдѣланы попытки къ отысканію нѣкоторыхъ изъ этихъ селеній ятвяжскихъ, самыхъ древнихъ въ здѣшнемъ краѣ, и г. Шульцъ (82) находитъ: Раймоче въ нынѣшнемъ селеніи *Рамоты*, недалеко отъ р. Бобра; Жебровичи—въ нынѣшн. *Жебрахъ*, *Жебркахъ*, тамъ же; Буряля—въ *Добржыяловѣ*, выше Визны; Корковичи — въ *Коробице*, недалеко отъ Домбровы (83).

Эта непрерывавшаяся въ то время полоса лѣсовъ отъ Нѣмана до Каменца была границею страны Ятвяжской на востокѣ.

(81) П. С. Р. Л., т. II, стр. 192 и 193.

(82) Pisma..... стр. 145.

(83) *Коревичи*—селеніе въ 14 верстахъ отъ Свислочи мѣст.—и *Куриловичи* за Волковыскомъ еще ближе подходятъ подъ лѣтописное названіе *Корковичи*; но на одномъ сходствѣ названій, которое можетъ быть и

На означенное нами пространство должно, впрочемъ, смотрѣть только какъ на главное гнѣздо Ятвяговъ, и мы означаемъ здѣсь границы ихъ страны только приблизительно: въ строгомъ же смыслѣ этого слова ихъ не должно искать. Да ихъ и не могло быть въ такомъ смыслѣ у народа полудикаго, полукочеваго, занимавшагося не земледѣліемъ, а грабежами, разбоями, безпрестанными набѣгами на сосѣдственныя страны. Такому народу сама природа поставляетъ границы въ высокихъ горахъ, большихъ рѣкахъ, непроходимыхъ лѣсахъ, топкихъ болотахъ. Означенное здѣсь пространство показываетъ вмѣстѣ, въ какихъ тѣсныхъ предѣлахъ было замкнуто это полукочевое племя въ послѣднія времена своего существованія племенами славянскими, племенами земледѣльческими, которыя, бывъ выведены изъ терпѣнія безпрестанными грабежами и хищничествомъ дикарей, какъ бы съ общаго согласія, рѣшили истребить ихъ совершенно. И они достигли своей цѣли. Исподоволь ослабленные ими Ятвяги погибли отъ мстительнаго оружія озлобленныхъ сосѣдей. Лешекъ Черный 1282 года нанесъ имъ такое пораженіе, что ни одинъ изъ нихъ не возвратился съ поля кровавой битвы. Съ этого времени самое имя Ятвяговъ исчезаетъ изъ лѣтописей, изглаживается изъ памяти народной, и только весьма немногіе остатки вещественныхъ памятниковъ напоминаютъ въ настоящее время о Ятвягахъ и кровавыхъ битвахъ съ ними.

Что́ же это былъ за народъ, который находился въ постоянной враждѣ съ сосѣдями своими — Русью, Польшею, Литвою, Пруссами, не могъ ужиться въ мирѣ ни съ однимъ изъ нихъ и погибъ наконецъ какъ бы очистительною жертвою въ отчаянной борьбѣ съ ними?

Объ этомъ предметѣ какъ у историковъ древнѣйшихъ, такъ и у новѣйшаго времени изслѣдователей встрѣчаемъ мнѣнія разнообразныя, однѣ съ другими несогласныя. Мы уже видѣли, что Ятвяги жили между Пруссами и Литвою, между Польшею и Русью: этого достаточно было для писателей, чтобы выводить ихъ происхожденіе отъ одного изъ этихъ на-

---

случайнымъ, не подтвержденномъ другими историческими доказательствами, утверждать этого не можемъ.

родовъ, именно отъ того, съ которымъ, какъ имъ кажется, они имѣютъ наиболѣе сходства.

Такимъ-образомъ, *Длугошъ* считаетъ Ятвяговъ за одно племя съ *Литовцами* и *Пруссами*, потому-что между языкомъ и нравами Ятвяговъ и этихъ народовъ замѣчается много сходства ([85]). Того же мнѣнія держатся *Кромеръ*, *Стрыйковскій*, *Бѣльскій*. Послѣдніе два увѣряютъ, что Ятвяги были одного происхожденія и языка *съ Литвою*, *древними Пруссами*, *Половцами;* что они, подобно Литвѣ, произошли изъ смѣшенія *Готовъ* съ остатками *Кимвровъ* ([86]). Каллубекъ говоритъ о Ятвягахъ: «Sunt autem Pollexiani (т.-е. Ятвяги), *Getharum* seu *Prussorum* genus, и, какъ бы въ подтвержденіе своей догадки, дѣлаетъ далѣе слѣдующее замѣчаніе объ одномъ вѣрованіи Ятвяговъ: «est enim omnium Getharum communis dementia, exutas corporibus animas, nascituris infundi corporibus quasdam etiam in brutorum assumptione corporum brutescere ([87]).

Другое мнѣніе, совершенно противоположное упомянутымъ, находимъ у *Сарницкаго* и *Нарушевича*. Первый, на основаніи свидѣтельствъ древнихъ географовъ, выводитъ Ятвяговъ съ сѣверныхъ береговъ Чернаго моря. Второй дѣлаетъ замѣчаніе, что если и было сходство языка ятвяжскаго съ языкомъ Литовцевъ и древнихъ Пруссовъ, то это еще не доказываетъ одного съ ними происхожденія, ибо это сходство могло произойти отъ сосѣдства и сношеній съ ними. Онъ доказываетъ далѣе, что этотъ народъ былъ совершенно отличенъ какъ отъ Литвы и древнихъ Пруссовъ, такъ и отъ Славянъ и, вмѣстѣ съ Сарницкимъ, выводитъ ихъ отъ племенъ, кочевавшихъ у сѣверныхъ береговъ Чернаго моря. Нынѣшнихъ Цыганъ считаетъ онъ потомками древнихъ Ятвяговъ; а изъ отвѣта ихъ на вопросъ: кто ты? *Я Цыганъ*, объясняется,

---

([85]) Т. I, p. 394. Pens Jaćvingorum natione, lingua, ritu, religione et moribus magnam habębat *cum Litvanis, Pruthenis* et *Samogitis* conformitatem, cultui idolorum et ipsa dedita. Въ другомъ мѣстѣ: Jaćvingorum natio.... *cum Pruthenica* et *Lithvanica lingua* habens magna ex parte similitudinem et intelligentiam.

([86]) Кром. кн. IV, стр. 8; Стрыйск., стр. 180; Бѣльск., стр. 88.

([87]) Кадлуб. въ отд. своей хроники: «de principatu Lesconis Albi».

по мнѣнію его, и самое названіе ихъ: *Яцыги*, *Языги* (Jazygae), т.-е. *Ятвяги* ([88]). Но это совершенно ложно.

Отсюда видимъ, какъ сбивчивы и несогласны мнѣнія писателей объ этомъ предметѣ. По мнѣнію однихъ, Ятвяги были Литовцами, Готами, древними Пруссами; по мнѣнію другихъ, они не были ни первыми, ни вторыми, ни третьими, а племенемъ особымъ, одинаково чуждымъ всѣмъ тремъ. Не будемъ входить въ подробный разборъ справедливости каждаго изъ этихъ мнѣній; разсмотримъ здѣсь только результатъ, полученный позднѣйшими изслѣдователями изъ разбора этихъ разнообразныхъ свидѣтельствъ, на которомъ основаны мнѣнія, въ настоящее время господствующія объ этомъ предметѣ.

Изслѣдованія ученыхъ новѣйшаго времени привели ихъ не къ одинаковымъ результатамъ. Г. *Ярошевичъ* считаетъ Ятвяговъ народомъ одноплеменнымъ съ Литвою, основываясь преимущественно на свидѣтельствѣ Длугоша ([89]). Но другой изслѣдователь, г. *Шульцъ*, доказавъ ошибочность Длугошева мнѣнія (между-прочимъ, на основаніи рукописнаго экземпляра Хроники Богуфала, найденнаго въ Кролевецкомъ архивѣ, въ которомъ фраза Кадлубка *Getharum* seu Prussorum genus, перемѣняется въ *Lechitarum* seu Prussorum genus), опровергаетъ тѣмъ и мнѣніе г. Ярошевича и приходитъ къ тому заключенію, «что эти Ятвяги не были Литвою, ни Русью, ни Молдаванами; что они называются *Полѣсянами* у Кадлубека, *Лехитами* у Богуфала; что только господство надъ ними то Литвы, то Руси, которые иногда покоряли этотъ народъ своей власти, сдѣлало ихъ племенемъ чуждымъ, отличнымъ отъ Лехитовъ, и дало поводъ считать ихъ то Литвою, то Русью. «Ходъ событій, лучшее уразумѣніе лѣтописей, папскія буллы, точнѣйшее означеніе границъ *доказываютъ несомнѣннымъ образомъ ихъ происхожденіе польское.*» А потому Ятвяги, по словамъ изслѣдователя, не должны быть привидѣніями въ исторіи здѣшняго края, не должны никого пугать суровыми чертами своего лица, ибо это Полѣсяне, Лехиты, подъ маскою литовскою ([90]). Такимъ-образомъ, выходитъ по этому

([88]) Hist. Nar. Pol. T. IV, примѣч. 115 къ кн. I.
([89]) Obraz Litwy. Wilno. 1844. T. I, str. 12, § 5.
([90]) Pisma D. Szulca Warsz. 1853. стр. 23, также 140—151.

мнѣнію, что никакихъ Ятвяговъ не было; а, между-тѣмъ, исторія этого народа представляетъ слишкомъ ясные и убѣдительные доводы противнаго.

Рядомъ съ этимъ мнѣніемъ встрѣчаемъ другое, совершенно ему противоположное и тѣмъ болѣе замѣчательное, что принадлежитъ ученому, отличающемуся всестороннимъ изслѣдованіемъ и глубокимъ знаніемъ нашихъ древностей. Говоримъ объ авторѣ «Славянскихъ Древностей». Въ отдѣлѣ этого сочиненія о народахъ сарматскаго племени Шафарикъ ([91]) говоритъ, что это азіатское племя, переселенное скиѳскими царями (около 633—605 г. до Р Х.) изъ Мидіи въ страну, лежащую между Волгою, Дономъ и Меотійскимъ заливомъ, стало распространяться отсюда на западъ за Донъ, въ III вѣкѣ до Р. Х. подвинулось къ самому Днѣпру, а въ I вѣкѣ (между 60—55 г. до Р. Х.) является уже на всемъ пространствѣ между Днѣпромъ и Дунаемъ. Въ первыхъ вѣкахъ по Р. Х. до конца IV Сарматы господствуютъ во всемъ Черноморскомъ и Придунайскомъ краѣ до р. Тиссы въ видѣ отдѣльныхъ племенъ: *Яксаматовъ*, обитавшихъ при устьяхъ Дона съ восточной стороны; *Роксоланъ* — между Дономъ и Днѣпромъ (истреблены Готами и Гунами); *Аланъ* и *Языговъ*. Одна вѣтвь этихъ послѣднихъ, скитавшихся въ 7—17 г. по Р. Х. по нынѣшней Бессарабіи и Валлахіи, проникла отсюда, около половины I столѣтія, за Карпатскія горы, въ Венгрію на берега Тиссы; другая успѣла пробраться въ Подлясье и дѣлается извѣстною въ исторіи только въ концѣ X столѣтія подъ именемъ *Ятвяговъ*, или *Ятвези*, *Яцьвези*. Прибытіе ихъ въ эти покрытыя травой и лѣсомъ пустыни скрывается, по мнѣнію изслѣдователя, въ глубокой древности. Основываясь на свидѣтельствѣ Іорнанда, Мелы и Плинія, глубокомысленный изслѣдователь, вопреки Нарбуту и Нарушевичу, относящихъ прибытіе ихъ въ эту страну къ IV столѣтію съ береговъ Тиссы, думаетъ, что «сарматскіе Языги проникли сюда уже въ I вѣкѣ по Р. Х. со стороны Днѣпра и черноморскихъ краевъ, раскинули здѣсь свои станы среди Славянъ и питались либо данью и платой, налагаемой ими на незначитель-

([91]) Slowanské Starožitnosti, w Praze. 1837, str. 274—295, § 16; перев. Бодянск. II, стр. 266—312.

ные окружные народы, либо грабежемъ, опустошеніемъ и раззореніемъ сосѣднихъ земель.» Возможность этого подтверждается, между-прочимъ, еще и тѣмъ, что около того же времени и братья ихъ *Алане* пробрались далеко на сѣверъ чрезъ мирные славянскіе и чудскіе народы и для своихъ жилищъ заняли мѣсто около истоковъ Волги, Днѣпра и Западной Двины.

Такимъ-образомъ, кромѣ мнѣнія, по которому Ятвяги считаются племенемъ *литовскимъ*, господствуютъ въ настоящее время еще слѣдующія два мнѣнія, одно другому противоположныя: одно — по которому Ятвяги считаются *Мазовшанами*, слѣдовательно, племенемъ чисто *славянскимъ*; другое — по которому они были *Сарматами*, слѣдовательно, племенемъ совершенно отличнымъ отъ славянскаго. Принявъ безусловно первое мнѣніе, нужно совершенно отказаться отъ втораго, совершенно уничтожить Ятвяговъ и вѣрить, что ихъ вовсе не было, между-тѣмъ, какъ второе имѣетъ сильное доказательство въ сохраненныхъ лѣтописцами чертахъ народнаго быта и во всей исторіи этого народа. Кому же вѣрить? которое мнѣніе справедливо?

Подобная противоположность мнѣній объ одномъ и томъ же предметѣ показываетъ, что истина должна заключаться въ чемъ-то среднемъ между этими крайностями, и вмѣстѣ обнаруживаетъ односторонность приведенныхъ мнѣній. Не отказывая ни тому, ни другому мнѣнію въ односторонней справедливости, нельзя не согласиться съ Шафарикомъ, что въ отдаленныя времена, какъ онъ полагаетъ, въ I вѣкѣ по Р. Х., племя не-славянское, чуждое ему, успѣло пробраться сквозь племена славянскія въ пустынное или малонаселенное Подлясье, гдѣ нашло много удобствъ для правильной кочевой жизни въ равнинахъ и тучныхъ пастбищахъ этой страны, огражденной большими лѣсами, рѣками и болотами. Такое племя дало начало племени Ятвяговъ, не-славянское происхожденіе которыхъ ясно обнаруживаютъ не только безпрестанная борьба съ окружавшими и чуждыми ему племенами, но и черты народнаго быта, сохраненнаго лѣтописцами въ языкѣ, отличномъ отъ славянскаго (92), въ полукочевой жизни на по-

(92) Всѣ историки единогласно утверждаютъ, что языкъ ятвяжскій

возкахъ («колымагахъ»), воинственномъ духѣ, образѣ веденія войны и пр. Если лѣтописцы начинаютъ упоминать о нихъ только съ конца X вѣка, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ заключать, чтобы они появились только теперь. Напротивъ, Ятвяги могли здѣсь существовать задолго до этого времени, и сохранившіяся въ лѣтописяхъ извѣстія съ конца X до конца XIII вѣка относятся только къ послѣднимъ временамъ ихъ существованія. Предшествовавшія же X столѣтію времена представляютъ широкую, пустынную степь, въ которой взоръ историка теряется въ туманной дали. Въ-послѣдствіи это племя заперто было отвсюду другими племенами, мало-по-малу разселявшимися, такъ-что не имѣло никуда выхода. Оттого по необходимости должна была завязаться упорная борьба, борьба на жизнь и смерть, которая и оканчивается въ концѣ XIII столѣтія совершенною гибелью Ятвяговъ.

Окруженное отвсюду племенами другаго происхожденія, бóльшею частью славянскими, находясь въ безпрестанномъ соприкосновеніи съ ними, это чуждое по своему началу племя не могло не подвергнуться въ сильной степени ихъ вліянію, не могло долго сохранять свою національность въ чистотѣ безпримѣсной. Въ-теченіе нѣсколькихъ столѣтій сгладились рѣзкія формы національности не-славянской, и лишь двѣ-три отличительныя черты ея изъ послѣднихъ временъ существованія Ятвяговъ успѣли захватить и внести въ свои сочиненія лѣтописцы. Во второй же половинѣ XIII столѣтія, т.-е. въ послѣдніе полъ-вѣка изъ жизни, остатки эти были уже такъ незначительны, слабы и едва замѣтны, что г. Шульцъ, по разсмотрѣніи источниковъ, относящихся бóльшею частью только къ послѣднимъ временамъ ихъ существованія, имѣетъ справедливую причину считать ихъ *Лехитами* («Поляками»), ибо

былъ совершенно отличенъ отъ славянскаго. Кромеръ (IV кн.) говоритъ. «Feruntur adhuc tenues eorum reliquiae superesse in Lithvania et Russia *diversa prorsus a Slavis et Lithvanis lingua utentes.* Мы уже выше привели нѣсколько названій селеній ятвяжскихъ, отличныхъ отъ славянскихъ. Изъ предводителей упоминаются въ лѣтописи подъ 1227 г.: «Монъдуничь Шутръ, Стегутъ Зебровичь», подъ 1251 г. — «Ящелтъ, Небястъ, Стекинтъ, Коматъ», подъ 1256 г. — «Юндилъ». Изъ племенъ ятвяжскихъ извѣстны: «Злинци, Крисменцѣ, Покѣнцѣ», упоминаемыя въ лѣтописи подъ 1256 годомъ.

уже въ это время элементъ славянскій (Мазовшане) преобладалъ въ странѣ Ятвяжской. Можно доказать, что въ такомъ же точно смыслѣ Ятвяги могутъ быть племенемъ *литовскимъ*. Напротивъ-того, авторъ «Славянскихъ Древностей», обращавшій болѣе вниманія на это племя во времена гораздо древнѣйшія, видитъ въ нихъ *Сарматовъ*. Думаемъ, что отъ такого воззрѣнія на одинъ и тотъ же предметъ съ двухъ различныхъ сторонъ, отъ устремленія усиленнаго вниманія на два крайніе пункта произошла подобная противоположность во мнѣніяхъ и изслѣдователи получили неодинаковые результаты.

Самое названіе этого народа остается до сихъ поръ нерѣшенною загадкою: ибо мнѣніе объ этомъ предметѣ Нарушевича, производящаго это названіе отъ «*ia Cygan*», Сарницкаго, выводящаго его отъ греческаго *ζύγον* (ярмо), равно-какъ г. Θ. Булгарина ([93]) и отчасти Нарбута ([94]), объясняющихъ это названіе словомъ *языки*, которымъ называлъ себя будто бы этотъ народъ въ отличіе отъ *безъязычныхъ*, т.-е. *Нѣмцевъ*, также словомъ *язычники* (Czestobohi) т.-е. идолопоклонники, и другія мнѣнія давно потеряли свой вѣсъ и въ настоящее время не имѣютъ смысла. Различныя формы этого названія у сосѣдственныхъ съ Ятвягами племенъ славянскихъ: у Русскихъ, Поляковъ, также у Литовцевъ (въ русскихъ лѣтописяхъ они называются: *Ятвяги*, *Ятвязь*, *Ятвезь;* въ польскихъ: *Jatweź, Jaćwieź,* также *Jaćwing, Jaźwing, Jadźwing, Jaczwing,* во множественномъ числѣ *Jadźwingowie;* у Литовцевъ *Jatwezy, Jodweżaj*), показываютъ, что всѣ они проистекли изъ одного источника. Намъ кажется довольно правдоподобнымъ выводъ этого названія отъ *язвецъ*, *язвикъ*, общеупотребительнаго слова во всѣхъ нарѣчіяхъ языка славянскаго, особливо въ древнія времена — въ XII столѣтіи и раньше. ([95]) Въ кожи этихъ звѣрей одѣвались нѣкогда дикіе обитатели лѣсовъ подлясскихъ; наружность эта рѣзко бросалась въ глаза ихъ сосѣдей: это и дало поводъ къ названію народа. Что кожи этихъ животныхъ были здѣсь въ

([93]) «Россія» и проч., т. II, стр. 289.

([94]) Dzieje Star. Nar. Litews. Wilno 1837. o jadźw. § 172.

([95]) См. словарь Линде, изд. Варш. 1808 года. Т. I. Часть II, стр 871: «*Jaźwiec* wca. т. Bh. *gezwec;* Slo. *gazwec;* Sr. 2. *jahs;* Sr. 1. *Swincz;*

немаломъ употребленіи въ древнія времена, это доказываетъ не только употребленіе ихъ на нѣкоторые предметы въ настоящее время жителями этой страны ([96]), но и свидѣтельство Ипатьевской Лѣтописи. Въ этой послѣдней подъ 1241 годомъ говорится: «Андрей же..... удоси владыку и слуги его разъграби гордые, и *тулы ихъ бобровье* раздра, и *прилбицѣ ихъ волъчье и борсуковые* раздраны быша; словутьного пѣвца Митусу..... не восхотѣвша служити князю Данилу, раздраного акы связоного приведоша, сирѣчь, якоже рече Приточникъ: «буесть дому твоего сокрушиться, *бобръ и волкъ и язвецъ снѣдяться*». Изъ другаго мѣста той же Лѣтописи подъ 1279 годомъ видно, что вообще мѣха животныхъ составляли важную статью въ народной промышленности и торговлѣ; Ятвяги говорили Владиміру Васильковичу: «пошли господине къ намъ жито свое продавать, а мы ради купимъ: *чего восхочешь, воску ли, бѣли ль, бобровъ ли, черныхъ ли кунъ*, серебра ль, мы ради дамы». ([97]) Слова Лѣтописи подъ 1235 годомъ: «бѣжа во Угры путемъ, имъ же идяше на *Боръсуковъдѣлъ*»..... ([98]) также намекаютъ на этихъ животныхъ, несмотря на повреждение послѣдняго слова переписчиками. Что слово *язвецъ, яцвезъ, яцьвежъ, яцьвѣзъ* перемѣнилось въ русскихъ лѣтописяхъ въ *ятвязь, ятвезь, ятвягъ, ятвязи* и наоборотъ, въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго, ибо это произошло вслѣдствіе того правила, по которому буква польскаго языка *ц* (c) перемѣняется въ русскомъ языкѣ въ букву *т*. Такимъ-бразомъ, *Brześćie, Brześć, Połock, Maciej, dać, znać, cień, cierpieć* и мн. др. перемѣнились въ языкѣ русскомъ въ *Берестье, Брестье, Брестъ, Полотскъ, Полотескъ, Матвей, дать, знать, тѣнь, терпѣть* и проч. По этому же самому и *Яцьвѣзъ* перемѣнилось въ русскихъ лѣтописяхъ въ *Ятвѣзь, Ятвязь* и др. Что́ же касается до названій: *Jaćwing, Jadźwing,*

Crn. *jasbez;* Vd. *jasbez, jasbiz;* Cro. *jazvëcz;* Dl. *jazavacz;* Hg. borz; Sla. *jazavac;* Rg. *jàzavaz;* Bs. *jazvaç, jazovaç;* Ross. *язвецъ, язвикъ,* borsuk, podobny co do kształtu do niedźwiédsia małego.»

([96]) Особенно часто теперь встрѣчаются у лѣсныхъ жителей здѣшняго края охотничьи сумки («стрѣлецкія торбы»), также шапки и нѣкоторые другіе предметы, которые дѣлаютъ изъ барсуковыхъ кожъ.

([97]) Полн. Собр. Русс. Лѣт., т. II, стр. 207. 208.

([98]) Ibid. стр. 175.

Jadźwingowie и *Ятвягъ*, которыя при первомъ взглядѣ могутъ показаться кому-нибудь совершенно отличными другъ отъ друга, то всякое различіе между ними исчезнетъ, если припомнимъ себѣ, что въ древнихъ рукописяхъ славянскихъ, напримѣръ, въ Остромировомъ Евангеліи, писанномъ въ 1056 году, буква *я* стоитъ вездѣ тамъ, гдѣ въ польскомъ языкѣ *ią, ię,* а въ другихъ языкахъ ей соотвѣтствуетъ н, м. А потому какъ слова им*я*, тел*я*, плем*я*, пять, м*я*, т*я*, люб*я*, сѣд*я* и др. перемѣнились въ *imię, cielę, plemię, pięć, mię, cię, lubiąc, siedząc,* такъ и слово *Ятвягъ* перемѣнилось въ *Jatwiąg, Jatwięg, Jaćwięg,* т.-е. *Jatwiong, Jatwieng, Jaćwieng,* или, по замѣненіи *ć* букв. *dź, Jadźwieng, Jadźwing,* во множественномъ числѣ *Jadźwingowie;* слѣдовательно, *Ятвяги* и *Jadźwingowie* суть однѣ и тѣ же слова.

По замѣчанію Нарбута, Литовцы называли Ятвяговъ *Jatwezy,* т.-е. *Jodwežaj.* Послѣднее слово означаетъ въ языкѣ литовскомъ «*черные раки*» и употреблялось у Литовцевъ для означенія не однихъ только Ятвяговъ, но и русскихъ поселянъ, обитавшихъ недалеко отъ города Гродно при р. Пѣласѣ. Названіе это дано имъ, по мнѣнію Нарбута, оттого, что они любили носить одежду чернаго цвѣта. ([99]) Можетъ-быть, въ названіяхъ *Jaćwież, Jatweż, Jatwezy* и *Jodwežaj* заключается только случайное сходство, и послѣднее слово едва ли можетъ похвалиться такою общеизвѣстностью въ земляхъ славянскихъ и такою глубокою древностью, какъ три первыя; во-всякомъ-случаѣ, оно подтверждаетъ народныя обыкновенія называть своихъ сосѣдей и по наружности, по ихъ наряду, особливо во времена патріархальной простоты нравовъ и низкой степени народной образованности, чему можно было бы представить множество примѣровъ. ([100]) Если никого не удивляетъ, что *Лонгобарды* получили это названіе отъ своего оружія *hallabard,* или отъ длинныхъ бородъ *longa barba; Франки* —

([99]) Dzieie Staroż. Nar. Litews. Wilno 1837 г. Отд. о Jadzwingach. § 172.

([100]) Указываемъ здѣсь на замѣчательное въ этомъ отношеніи слѣдующее мѣсто одной рукописи булгарской, относящейся къ началу XIII столѣтія. (См. Slow. Star. Szafar., стр. 996 и 997), въ которой говорится: «фрягъ (Francus) есть лявь. аламанинъ (аллеманъ) орель. саракининъ вепрь. тоурчинъ зьміа арменинъ коущеръ. индіанинъ голвбь. сиріанінъ,

отъ *franc* (вольный), или отъ *frech*, *vrek*, *vrang* (наглый, дерзкій, врагъ), или же отъ *framée* (копье)); *Саксы* — отъ *sachs*, *sahs* (короткій мечъ); *Свевы*—отъ *swee*, *see* (море); *Вандалы*—отъ *wand* (вода); если самые сосѣди Ятвяговъ, Геродотовы Невры превращались въ волковъ ([101]), а по словамъ одной рукописи XIII столѣтія «Русинъ есть выдра, Литвинъ—туръ, Болгаринъ—быкъ, Сербинъ—волкъ», и проч., то послѣ всего этого насъ нисколько не должно удивлять, если и Славяне своихъ безпокойныхъ сосѣдей-грабителей, вырывавшихся изъ своихъ лѣсовъ и нападавшихъ на ихъ мирныя селенія, также назвали, по той характеристической наружности, которая рѣзко бросалась имъ въ глаза, *язвецами*, *яцвезами*, *ятвезами*, *ятвезью*, *язвиками*, и съ этимъ именемъ соединили понятіе *хищникъ*, *грабитель*, *разбойникъ*. Это подтверждаетъ нѣсколько и слѣдующая народная пословица подлясская: «выгляда якъ Ядвинга», что̀ означаетъ: выглядываетъ изъ-за угла, какъ разбойникъ (łotr, latro)», а еще больше то обстоятельство, что когда съ XIII столѣтія не стало грабителей или, по-крайней-мѣрѣ, эти *язвецы*, *язвики* были уже до такой степени ослаблены, что не могли больше *язвить* славянскихъ племенъ, не могли больше наносить ихъ селеніямъ такихъ глубокихъ и тяжкихъ *язвъ*, какъ прежде, то и самое имя ихъ было совершенно забыто и дотого изгладилось изъ памяти народной, что мы его даже не знали бъ, если бы оно не было сохранено русскими и польскими лѣтописцами древнѣйшими, ибо позднѣйшіе также молчатъ о немъ.

Если теперь однимъ взглядомъ окинемъ времена минувшія и все сказанное доселѣ сведемъ къ одному результату, то увидимъ, что во времена, предшествовавшія XIV столѣтію, двѣ

или нагомядрь, рыба. иверинь овень. татаринь загаря (ζαγάριον, canis venaticus etc.). команинь пардось. *роусинь видра. литвань тоурь. блъгаринь быкь. влахь котка. срьбинь вълкь. вягринь рись.* хізинь (мало извѣстное славянское племя въ Македоніи) вѣверица. ясинь (Осетинъ) еленъ. сасинь пастоухь. нѣмьць свракa. чехь норець. *евреинь язвець.* арбанасинь бебрь. егуптенинь козель. хоунавь заець. сакоулатинь канѣ. черкесь биволь. персѣнинь жеравь или врань. харватинь аспида или сова. цаковь *яжь*. грькь лисица. Въ словахъ фрягь и проч. и *вягринь* не я, а юсъ.

([101]) Геродотъ, кн. IV.

національности, отличныя одна отъ другой, два враждебные другъ другу элемента приходили между собою въ соприкосновеніе въ западной части нынѣшней губерніи Гродненской: національность, занесенная племенемъ чуждымъ славянскому, — племенемъ, извѣстнымъ у славянскихъ народовъ подъ именемъ *Ятвяговъ;* другая народность — *русская*, проникшая сюда и распространившаяся съ юга и юго-востока. Другіе элементы, отличные отъ этихъ двухъ, проникали сюда особливо въ слѣдующихъ столѣтіяхъ съ запада и сѣвера, именно: *польскій*, *литовскій*, *германскій*, а въ-послѣдствіи *Евреи* наводнили собою города и мѣстечки здѣшняго края. Это показываетъ, сколь разнообразные элементы приходили между собою въ столкновеніе на означенной мѣстности. Все пространство отъ Бреста до Гродно, широкую полосу земель, заключающуюся между двумя большими рѣками — средними частями Нѣмана на сѣверѣ и средними частями Западнаго Буга на югѣ, можно назвать воротами европейскими, въ которыхъ съ древнѣйшихъ временъ сталкиваются цивилизаціи восточно-европейская и западно-европейская. Попеременный приливъ и отливъ то одной, то другой, борьба съ древнѣйшихъ временъ разнородныхъ стихій не могли не сообщить народонаселенію этой страны особеннаго характера. Этотъ характеръ обнаруживается въ величайшемъ разнообразіи, господствующемъ въ настоящее время во всѣхъ классахъ и сословіяхъ народонаселенія, во всѣхъ отрасляхъ народной жизни, разнообразіи языка, религіи, нравовъ, обычаевъ, и проч. и проч. Такимъ-образомъ, отсутствіе единства и величайшее разнообразіе, какое, быть-можетъ, не встрѣчается ни въ одной странѣ обширнаго отечества нашего, составляютъ въ настоящее время отличительную черту этого края, жизнь котораго сложилась изъ чрезвычайно разнообразныхъ элементовъ. Подобнаго разнообразія, выработаннаго ходомъ историческихъ событій, не долженъ упускать изъ виду изслѣдователь современнаго быта означенной страны, ибо оно объясняетъ очень многое.

Бытъ современный.

А. Языкъ.

Разсмотрѣвъ историческія извѣстія о временахъ, предшествовавшихъ XIV столѣтію, переходимъ къ разсмотрѣнію быта современнаго и прежде всего приступаемъ къ разсмотрѣнію народной рѣчи. Для этого приводимъ здѣсь образцы языка, живущаго въ настоящее время въ устахъ многочисленнаго класса народа, издавна здѣсь осѣдлаго, — языка низшаго сословія, простонароднаго. Образцы эти приводятся здѣсь въ двоякой формѣ: *прозаической* и *стихотворной*. Они списаны со словъ простолюдиновъ, при чемъ главнѣйшее вниманіе обращено было на то, чтобы сохранить какъ можно вѣрнѣе звуки дѣйствительной рѣчи: никакихъ измѣненій (кромѣ разстановки знаковъ препинанія) не дѣлано. Для перваго отдѣла, кромѣ образца языка разговорнаго, удалось записать два преданія, сохраняющіяся въ народной памяти и относящіяся къ извѣстной мѣстности; для втораго удалось списать на мѣстѣ нѣсколько пѣсенъ. Послѣднія приводимъ здѣсь безъ разбора, хотя бы содержаніе ихъ было и неважно. Нельзя, однако, не пожалѣть, что не можемъ представить здѣсь самаго напѣва, чрезъ что̀ теряется самая характеристическая черта ихъ. Изъ него яснѣе были бъ видны характеръ и душевныя свойства самаго народа: тихая сердечная грусть, сердечный ропотъ (пѣсни 2, 4, 7 и друг.), печаль (пѣсня 15), влеченіе сердца, надежды и проч.

а) *Образцы рѣчи прозаической, разговорной и повѣствовательной.*

1.

А! што-жъ, со́коле, за-моро́зъ! здае́цэ (1) ћэтои зимы щэ й-ра́зу нѣбыло́ тако́ћо, якъ ни́няка! (2)

---

(1) Кажется. Польск. zdaię się.

(2) Сегодня. — Слова іоћо и нѣкоторыя другія въ рукописи написаны неодинаково; такъ они и напечатаны. *Ред.*

Моро́зъ то щэ й-нѣ-вѣльми (3) вѣлики, оно вjе́цѣръ, кобъ (4) іоhо̀ наhорну́ло, якъ оhнёмъ смали́тъ.

Пра́уду й-ка́жэшь, Яську. Моро́зъ нѣхай собjѣ бу́дзѣ хоць и найбу́ольшы, алѣ коли́ нима̀ вjе́тру, а якъ щэ со́унычко hрыэ̀ѣ, тоhды́ усе́нько (5) ба́йка. Пля! то-жъ нѣ-да́ромъ пока́зуютъ, (6) што дзjесь (7) йшоу разъ собjѣ одзіонъ чоловjѣкъ и судоси́у (8) на доро́зи со́унычко, моро́зъ и вjе́цѣръ. Ото-жъ-то споткáушисѣ (9) зъьими, сказа́у вуонъ имъ «похвалjоны» (10) — Кому́ вуонъ оддáу похвалjоны? — Со́унычко собjѣ кажэ што мнjѣ, кобъ я jоhо̀ нѣ пѣкло̀; а моро́зъ собjѣ ка́жэ, што мнjѣ, а нѣ тобjѣ, бо вуонъ цѣбѣ нѣ-та́къ бойцэ, якъ мѣнѣ. О-то-жъ-бо лжэцѣ! нѣпра́уда! кажэ наресьци (11) вjѣцѣръ; той чоловjѣкъ оддау похвалjоны нѣ-вамъ, а мнjѣ. Почали́ мижи собою ажъ спѣрацисѣ, (12) свари́цисѣ (13) й оно̀што, (14) соколе, за чубы нѣ побралисѣ.... (Ну, ну, лжи́ да́лѣй, бо-уже

---

(3) Очень, весьма. См. П. С. Р. Л., т. I, стр. 9: «дѣтескъ *вельми*.»

(4) Чтобъ.

(5) Все. Употребляется также *усѣнюлѣнько, усѣнютко* и пр.

(6) Разсказываютъ, точнѣе: повѣствуютъ.

(7) Польск. gdzieś, гдѣ-то.

(8) Встрѣтилъ, повстрѣчался (см. Ипат. Лѣт. подъ 1241 г.: «*удоси* владыку» и проч.).

(9) Тоже. Польск. spotkawszy się.

(10) При встрѣчѣ съ знакомымъ или незнакомымъ лицемъ, также при входѣ въ чужой домъ и пр. крестьянинъ имѣетъ обыкновеніе, въ видѣ привѣтствія, почтенія, говорить: «Нѣхъ бэндзѣ похвалjоны Іезусъ Христусъ;» другой долженъ отвѣтить: «на вѣки, вѣковъ Аминъ.» Замѣчательно, что этотъ обычай сохраняется и у Славянъ западныхъ. По словамъ одного путешественника, въ Илларіи, въ 3 миляхъ отъ Лайбаха, наши единоплеменники также при встрѣчѣ привѣтствуютъ словами: «Chwalon bud'Jezu Krist;» другой отвѣчаетъ: «Amen na wieczne czasy.»

Примѣчаніе. Всѣ буквы въ приводимыхъ образцахъ читаются безъ всякой перемѣны; такъ, напр., буква *о* нигдѣ не читается, какъ *а*; h читается какъ лат. h; *g* какъ лит. g; j какъ лит. j; курсивные буквы *у* и *j* замѣняютъ ў и ј съ краткимъ знакомъ; этотъ краткій знакъ имѣетъ то же значеніе, какъ въ русск. надъ и (й) - бы*у*. со*у*нычко и пр.; черта надъ словами означаетъ удареніе.

(11) Наконецъ. Польск. nareszcie.

(12) Отъ споръ, преніе.

(13) Браниться.

(14) Чуть-чуть, чуть-не....

мýситъ ([15]) нѣ одзіóнъ килйшокъ махнуў). Ну, колйжъ такъ, то спытáймосѣ ([16]) јоhò, komý вуонъ оддáў похвалјóны мнјѣ, чи вамъ. Доhонйли тоhò чоловјѣка, спытали; ажъ вуонъ сказаў — вјѣтреви.—«А што, бачъ, ([17]) нѣ казáў ([18]) я што мнјѣ.» — Постуóй же ты! я цѣбѣ, ракару спѣкý! — кáжэ слóнцэ; покјѣмишь ты мѣнѣ. — Ажъ-но вјѣцѣръ кажэ: «нѣ-буось, нѣ спѣчэ; я буду вјѣяў и охолоджаци буду јоhо.» — Такъ я-жъ цѣбѣ, hйцлю, заморожу — кажэ морозъ. — Нѣ лѣкайсѣ, ([19]) нѣбóжэ, тоhды́ я нѣ буду вјѣяци и вуонъ тобјѣ ничóhо нѣзрóбитъ, безъ вјѣтру нѣзаморóзитъ. — Ото-жъ-то, дзѣцюкй, такъ и цѣпѣрь: хоць морóзъ й-нѣ-такъ-то вѣлйки — онò вјѣцѣръ ажъ до косьцѣй проймáѣ.

Алѣ-жъ бо тэнgо ([20]) лжэ, такъ hлáдко якъ зъ писаноhо бѣрэ!

Што прáўда, то прáўда. А ну-жъ-бо, Олѣксо, щэ што-лѣнь ([21]) полжй; бо якъ хто hлáдко ўмјѣ полhаци то-й послýхаци добрэ.

Э, колй бо, дзѣцюкй, нимá й-часу лhаци, пришла рыба до hаци, людзи нѣсýтъ, вѣзýтъ, а я побѣhý хучјѣй ([22]) хоць торбочьку набѣрý.

hóтымъ насъ ўжэ нѣ пудманѣшъ, ([23]) бы-той Лицьвйнъ своhò Пáна!

А якъ же вуонъ јоhо пудмануў?

hля! то-жъ покáзуютъ, што дзјéсь одзіóнъ Панъ споткáўши якóhось Лйцьвина, што дóбрэ лhаў, бы hэто ты кажэ јому: «а ну, Михáлку, Ондрéй (чи якъ тамъ јоhо звали) золжй мнјѣ што-лѣнь.» — «А калйба hэта, Панóчку, кáжэ Лицьвйнъ, нямáю цяпѣрь часу лhаци, ба пришла рыба да hаци, людзи нясуць, вьязýць, а я пабѣhý хучѣй хаць тарбйнку набьярý.» —

([15]) Вѣрно, вѣроятно; польск. musi być.
([16]) Спросимъ. Польск. spytaymy się.
([17]) Бачь, бачици — малороссійское; видѣть.
([18]) Говорить.
([19]) Польск. nie lękaj się.
([20]) tęgo Польск.
([21]) Что-нибудь.
([22]) Хýтко, хучјѣй, хуцѣнько, хуцютко—скоро, скорѣй и пр.
([23]) Обманывать.

Панъ почýуши (24) такóѣ дзйво, казáу хучéй запраhàци кóни, волы, и натыхмястъ выруширу до hàци, кобъ забрáци усѣньку рыбу. Коли-жъ-но прiѣжджáѣ туды, ажъ тамъ якъ ничóhо нѣбыло, такъ ничóhо й-нѣмá. И уже по чáси оглѣдзѣусѣ той Панъ, што johò той Лицьвйнъ пудманýу.

— Алѣ-жъ, пэуно, (25) потуомъ дóбрэ попобйу за тоѣ тоhò лhунà!

— Зá-што! коли-жъ вуонъ самъ казáу jомý што-лѣнь-ка золhàци, такъ вонъ и золhàу. Колй-бо цѣпѣрь якось и Пануóу крыха (26) спынйли.

— А нѣбуось такй N. бодáй крыху прохворосьцйли. Алѣ-жъ-бо й варто! (27) Штобъ-то-й было, кобъ нáшому брàту дау вóлю! Гля! тожъ якъ N. продáу волà, то цыэлы тыдзѣнь нѣ-ворочаусѣ зъ мjѣста до дóму, и усѣ пйу, да-пйу.... (Сокóлику ты муой!!) Якъ-же уже нѣ-стало за-штó пйци, то тоhды пришóу до хàты и Панъ казàу johò до двора привѣсьцй на справу. «Гдзѣ ты, кáже, лайдáку, препáдалъ до hэтуль?» — «Пиу, кажэ, Паночку.» — «А пѣнѣндзы зкондъ взióлъ?» — — «Гля! тожъ волà, Панóчку, продáу, той стáло на якйсь часъ....» — «Лýозъ на лайдáка!» — «Ой добрэ, Панóчку, дóбрэ, бо й вáрто; алѣ штожъ, кáжэ, Панѣ, робйци, колй ужэ Буоhъ свѣцѣньки дау такýю натýру собáчую. Якъ штось лихóѣ навьяжэцэ, то ужэ ни якъ нѣ-утрываѣшь; (28) пиу-бы й пиу Буóhъ вjѣдаѣ докуóль, кобъ онó было зá-што.»

Ну, hóдзи, (29) хлóпцы, тутъ балáкаци; (30) jедзьмо до дóму покуóль щэ вйдно, кобъ до дóму хоць на вѣчéру поспѣци; а то людзи й нуочь розбѣрýтъ.

2.

Показýютъ старые людзи, што на туомъ мjéсцу, дзjѣ (31) цѣпѣрь Заблудуóвье, былй колись (32) велйкiе лѣсы. То-жъ

(24) Послышавши.
(25) Вѣроятно, вѣрно; польск. pewnie, zapewnie.
(26) Крыха, крышку, крышечку — немного, немножко; польск. trochę.
(27) Стóитъ; польск. warto.
(28) Не утерпишь, не удержишься; польск. nie wytrwasz.
(29) Довольно.
(30) Балагурить, болтать и т. п.
(31) Гдѣ.
(32) Когда-то, въ давнiя времена.

лóни (33) бодáй, чи по-залóни N. выкопау въ болóци Ш. бѣрóзовы пѣнь. На јуомъ щэ й нѣзоусúмъ корà згнила̀. То зноу N.′ тоhó-жъ, бодáй, рóку выцяhнуу у туóмъ же мјѣсцу зъ болóта вѣлúзны соснóвы вѣрхъ, такъ што лѣдзва (34) парукуóньми привьюóзъ до дóму. Або знóу нѣдалѣко одъ Ш. за вѣрсту́ также мижи болотáми лятось (35) выцяhнуу N.″ зъ воды́ вѣлúзноhо (36) дуба. Муóцвы Боже! хтобъ муогъ сподзивáцисѣ, (37) што у hэтыхъ мјѣсцáхъ, дзјѣ цѣпѣръ такіе болотá и топѣлицы былú колúсь–цика вѣльки лѣсы́.

Гля! то-жъ щэ бáцько, (38) чи дзјѣдъ старòhо N.‴ кјѣмиу, (39) якъ у hэтомъ мјѣсцу выводзилисѣ нѣдзьвѣдзи. Покàзовау, што дзјѣсь за hорóдами, коло мóhилокъ (40) у туомъ мјѣсцу, дзјѣ цѣпѣръ щэ стóитъ шыэсьць, чи сјемъ сосјонъ (хвојóкъ) нѣдзьвѣдзица вывѣла дзѣцѣй.

— Або-жъ зноу у лјѣси К. щэ й цѣпѣръ ѣ одна сóсна, што зовѣцэ нѣдзьвѣджою. Хоць уже й зацяhнуло оболóнѣю, алѣ щэ такú й цѣпѣрь знаць, што до половúны борць была вылупляна колúсь нѣдзвѣдзјомъ. Кажутъ, што-то колúсь нѣдзьвјѣдзь выhлодау, добирáючисѣ до пщуолъ. То му́ситъ-то колúсь были тутъ нѣмалыѣ лѣсы́, коли ажъ нѣдзьвѣдзи выво́дзилисѣ.

— Ото-жъ то у тыхъ вѣлúкихъ лѣсáхъ ѣздзиу разъ собјѣ по полјовáню якúсь (41) mágnатъ, чи Ксіонжэ и заблудзúу у лјѣси. Блудзúу вуопъ по лјѣси блудзúу и ни якъ нѣ муоhъ никуды́ выѣхаци. Нарéсьци змэнчыушисѣ зхоцјѣлосѣ јому и јѣсьци: такъ вуонъ пообјѣдау на дубовомъ пню и у туомъ мјѣсцу былó побудóвано цѣпѣрешніоѣ мјѣсто Заблу́доу. То-жъ одъ тоhо, кáжутъ, й Заблудуóвьомъ зовѣцэ, што у hэтумъ мјѣсцу заблудзиу той Ксіонжэ. Дзјѣсь, бодай, (42) и у óписахъ

(33) Въ прошломъ году.
(34) Едва, польск. ledwie.
(35) *Сего-лѣта.*
(36) Очень великій, величайшій.
(37) Надѣяться, польск. spodziewać się.
(38) Отецъ.
(39) Помнить, памятовать.
(40) Кладбище, польск. mogiłki.
(41) Какой-то, польск. iakiś.
(42) Кажется.

(т.-е. въ книгахъ) ѣ, што «място Заблудоу стои надъ рэко Мѣлстыно, а побудовано на дэнбовомъ пню.» Щэ нѣдауно, за нашеи памѣци быу у мјѣсьци замокъ и стояу тамъ дзјѣ цѣпѣръ двуоръ. Иншыѣ щэ кјѣмлятъ, якъ у јуомъ жиу Ксіонжэ Радзивилъ. Лјѣтъ будзѣ можэ зо двацець, якъ роскидали той палацъ.

3.

— Можэ то щэ у тыхъ лѣсахъ жила колись и тая *Татарка*. То-жъ и цѣпѣръ щэ коло З. у лјѣси К. тоѣ мјѣсцэ зовѣцэ «Татаркою.» Показуютъ людзи, што то была якаясь ([43]) розбуойница, чи вјѣдзьма, алѣ то ужэ вѣльми дауни часы. Вона жила у лјѣси при дорози и якъ оно хто йшоу, чи јѣхау вона зарезъ ([44]) выбѣжитъ зъ лјѣса, перепынитъ ([45]) и забье. Якось цыцкою, кажутъ, удыэрытъ и одъ-разу забье чоловјѣка. Алѣ одзіонъ жоунјѣръ ([46]) ухитриусѣ и забиу ѣјѣ самую. Было-то такъ. Послали јоһо кудысьцика ([47]) зъ листомъ, чи зъ чимсь иншымъ ([48]) и трэба ([49]) јому было јѣхаци коло Татарки. Такъ вуонъ узяу, зробиу зъ соломы бы чоловјѣка и посадзиу јоһо на коня, а самъ набиуши фузыэю срыэбною кулѣю, чи сырэбнымъ ꙋузикомъ (бо, кажутъ, злои моцы лѣдаякая куля нѣ озьмѣ, оно срыэбна) зачаиусѣ за хвоѣю. ([50]) Якъ же Татарка выбѣһла до тоһо коня зъ кулјомъ соломы, подумауши што-то јѣдзѣ чоловјѣкъ на конѣви, вуонъ зъ-за-хвои выстрэлиу у розбуойницу и забиу тую вјѣдзьму. Вона розлиласѣ у смолу, сказауши туолько: «цѣпѣръ же һодзи мнјѣ жици и людзѣй һубици; ты мѣнѣ перехитриу.» Кажутъ зноу, што передъ смѣрцѣю показала јому усѣньки својѣ скарбы и потуомъ уже сконала дзјѣсь у лiохахъ. (Тожъ и цѣпѣръ щэ знаць у туомъ мјѣсцу цэꙋлы ([51]) и бы-склѣпы, хоць ужэ тоѣ мјѣсцэ й-зарослó

([43]) Какая-то.
([44]) Тотчасъ, польск. zaraz.
([45]) Останавливаетъ, задерживаетъ.
([46]) Польск. żołnierz.
([47]) Куда-то.
([48]) Съ чѣмъ-то другимъ.
([49]) Нужно, польск. trzeba.
([50]) Сосна.
([51]) Кирпичи.

соснами, што маютъ (52) по лjѣтъ дзьвjѣсцѣ, або й буольшъ. Можэ тамъ дзѣлѣнь (53) узѣмлjѣ й ліохи ѣстука зъ скарбами; кобъ попокопау дзіонъ зъ килька може-бъ и нашоу-бы червуонцоу зъ коціолъ.) — Алѣ й-по смерци злая-муоцъ нѣдавала людзямъ спокою. Особливѣ якъ у-ночjѣ хто йдзѣ, чи ѣдзѣ, то у һэтуомъ мjѣсцу привьязуѣцэ лихоѣ. Бывало кажды хто йдзѣ, чи jѣдзѣ кинѣ на тоѣ мjѣсцэ трыэску, патыкъ, або гуольку (54) на-забитка, кобъ лихоѣ нѣпричеплялосѣ. Щэ нѣдауно за нашеи памѣци лежала тутъ һурьба патыкуоу и һольа зъ тоһо, што наскидали, сажонъ (и сажніоу) зо-два высокая. Коло тридзѣстоһо, бодай, року спалили остатнюю гурьбу и одъ тоһо часу уже пэрестали скидаци. Цѣпѣръ уже нѣ-такъ часто привьязуѣцэ тутъ лихоѣ; алѣ усѣ-такі якъ идзѣшь коло тоһо мjѣсца у-вѣчери а тымъ бардзѣй у-ночыэ то якось страшно робицэ и бы морозъ по цjѣли подзирaѣ.

б) *Образцы рѣчи стихотворной.*

ПѢСНИ ВЕСЕННІЯ.

1.

Полѣцѣу соколикъ на сини озіора —
Жаль-же мнjѣ сокола, поліоту joһo.
Нима сокола рочокъ и други —
Жаль-же мнjѣ сокола, полёту joһo.
На треци рочокъ соколикъ лѣцитъ —
Жаль-же мнjѣ сокола, полёту joһo.
Соколикъ лѣцитъ, утоньку вѣсѣ —
Жаль-же мнjѣ утоньки, рабоһо пjѣрьечки.
Поjѣхау Ясѣнько я у чужыѣ людзи —
Жаль-же мнjѣ Ясѣнька, поjѣзду joһo.
Нима Ясѣнька дзѣніокъ и други —
Жаль-же мнjѣ Ясѣнька поjѣзду joһo.
На треци дзѣніокъ Ясѣнько jѣдзѣ —
Жаль-же мнjѣ Ясѣнька, поjѣзду joһo.
Ясѣнько jѣдзѣ, Марысю вѣзѣ —
Жаль-же мнjѣ Марыси, русои куосоньки.

(52) Имѣютъ.
(53) Гдѣ-нибудь.
(54) Вѣтвь, польск. gałęź, gałązka.

2.

Зазуля (55) куѣ, лјѣцѣчко (56) чуѣ —
Ой рано-рано-лјѣцѣчко чуѣ.
Марыся плáчэ, замужъ нѣхочэ —
Ой рано-рано-замужъ нѣхочэ.
Ѣѣ матонька цјѣшитъ, нѣуцјѣшитъ —
Ой рано-рано-цјѣшитъ, нѣуцѣшитъ.
Нѣ плачь, дзицятко, моѣ роднѣнько —
Ой рано-рано-моѣ роднѣнько.
Нѣ оддáмъ я цѣбѣ, далѣко одъ сѣбѣ —
Ой рано-рано-далѣко одъ сѣбѣ.
Оддамъ блызѣнько презъ поле узѣнько —
Ой рано-рано-презъ поле узѣнько.
Будзѣшь ходзици, што дзѣнiокъ до мѣнѣ —
Ой рано-рано што дзѣнiокъ до мѣнѣ.
Будзѣшь чесаци русу-косу у мѣнѣ —
Ой рано-рано русу-косу у мѣнѣ.

3.

Ѣстъ на мору һрудочокъ, һрудочокъ,
Вила Марыся вѣночокъ, вѣночокъ.
Вила вила й-заснула, й-заснула,
Прiѣхаў Ясѣнько нѣўчула, нѣўчула.
Трейчы (57) конякомъ окружыў, окружыў,
Пуоки Марысю нѣзбудзиў, нѣзбудзиў.
— Устань, Марысю, доўко спишь, доўко спишь,
Чимъ своѣ свацики подаришь, подаришь?
— Што тобјѣ, Ясѣньку, до тоһо, до тоһо,
Ѣ у мѣнѣ подарки готовы, готовы.
Ѣ у мѣнѣ подарки готовы, готовы,
У повуой скрыни зложоны, зложоны.
У повуой скрыни (58) зложоны, зложоны,
Золотымъ замочкомъ замкнiоны, замкнiоны.
Я замочокъ одобью, одобью,
Своjѣ свацики (59) подару, подару.

4.

Лѣтала, лѣтала сива зазýлька, перегорýлька,
Коло һорода (60), лѣтала.

(55) Кукушка.
(56) Смягчит. лѣто.
(57) Трижды.
(58) Сундукъ.
(59) Уменьш. сватъ.
(60) Огородъ и садъ.

Искала, искала цисовоho дрéуца
Коло hорода, искала.
Нѣзнашлá, нѣзнашла циса-дзѣреуца
Коло hорода, нѣзнашла.
Кинула, й махнула трусово пьуорцэ ([61])
О сухо дреуцо, й кинула.
Розбисѣ, розсыпсѣ трусово пьуорцэ
О сухо дреуцо, розсыпсѣ.
Коли вjѣтъ, коли вjѣтъ циса-дзѣреуца
Гнѣзьдзѣчко вици, коли вѣтъ.
Ходзила, блудзила красна Касѣнька
Я-у чужихъ людзяхъ, ходзила.
Искала, искала своhо Ясѣнька
Я-у чужихъ людзяхъ, искала.
Нѣзнашла, нѣзнашла своhо Ясѣнька
У чужихъ людзяхъ, нѣзнашла.
Кинула, махнула золоты пjѣрсьцѣнь ([62])
Объ цисовы стуолъ, кинула.
Розбисѣ, розсыпсѣ золоты пjѣрсьцѣнь
О цисовы стуолъ, розсыпсѣ.
Коли вjѣтъ, коли вjѣтъ моhо Ясѣнька
Я-у чужихъ людзяхъ коли вjѣтъ.

5.

Бѣжитъ рjэчка одъ мѣльничка-ой рано!
Бѣжитъ рjэчка одъ мѣльничка-й рано.
А друhая одъ Дуная-ой рано! (2 р.)
На туой рjэчцы човьовъ ([63]) плывѣ-ой рано! (2 р.)
Бjѣлъ-молодзѣцъ красны-Стасѣнько-ой рано! (2 р.)
Стружэ стрыэлки зъ калиновьки-ой рано! (2 р.)
Што просьцjѣйши у човьовъ кладзѣ-ой рано! (2 р.)
Што кривjѣйши на Дунай мѣцѣ-ой рано! (2 р.)
Плыньцѣ стрыэлки до моѣ дзjѣуки-ой рано! (2 р.)
Моя дзjѣука..... ика (по имени деревни)-ой рано! (2 р.)
Моя дзjѣука Касюлѣнка-ой рано! (2 р.)
Нѣхай празѣ на подарки-ой рано! (2 р.)
Нѣхай прадзѣ цѣнюсѣнько-ой рано! (2 р.)
Нѣхай бjѣлитъ бѣлюсѣнько-ой рано! (2 р.)

6

— Ой бѣлѣньки, ты лѣбѣдзю!
Чи бывау ты на мору?

([61]) Уменьш. перо.
([62]) Кольцо.
([63]) Лодка.

Чи бывау ты на мору,
Чи видзѣу ты лѣбьюдку?
— Ой якъ же я нѣ бывау,
Ой якъ же я нѣ видзѣу!
Скоро я на муостъ зѣѣцјѣу,
Лѣбьюодка у ситникъ упала.
Лѣбьюодка у ситникъ упала.
Ситничокъ поломала.
Ситничокъ поломала,
Быструю воду розоѣнала.
— Молодзѣньки Ясѣньку!
Чи бывау ты у N. (имя деревни)?
Чи бывау ты у N.
Чи видзѣу ты Марысю?
— Ой якъ же я нѣ бывау,
Ой якъ же я нѣ видзѣу?
Скоро я на двуоръ въјѣхау,
Марыся зъ сјѣнѣй выбѣкла.
Марыся зъ сјѣнѣй бѣжитъ,
Пудъ ею зѣмля стучитъ.
Пудъ ею зѣмля стучитъ,
А на јуой сукни шасьцятъ.
А на јуой сукни шасьцятъ,
Коло поѣса ключи брасчатъ.
Ой на јуой зѣлёныѣ.
Коло поѣса золотыѣ.

пѣсни лѣтнія *и преимущественно* «жнйуныѣ.»

7.

Ой стоитъ-стоитъ вѣрбонька надъ водою,
Зимная вода крыница пудъ тобою.
Ни ѣјѣ рици, ани јѣсьци варици.
Ой оно туолько козаченькоу чарици.
— Ой очарила, дзѣвонько, очарила,
Сјѣу вѣчераци-вѣчеронька нѣ мила.
— Бодай ты нѣ знау, якъ коника сѣдлаци,
Якъ я нѣзнаю чимъ цѣбѣ чароваци.
Ой очарила лихими чароньками
Бјѣлымъ личенькомъ, чорнѣнькими очами.

8.

Пойду я пойду горею-долиною
Ой чи нѣзнайду квјѣтоньки зъ калиною.
Ой стану же я калиноньку ломаци,
Ой станутъ мепѣ думоньки ([64]) ошибаци.

([64]) Думы, уменьшит.

Сама нѣзнаю, што на свіѣци робици,
Чи замужъ выйци, чи Панѣнкою быци.
Замужъ пошечи клопотъ голуововьку ссушитъ,
Панною бышуши лихая молва згубитъ.
Катъ ѣјѣ бѣри съ чужою поволькою
Лѣпјѣй же ([85]) быци красною Панѣнкою.

9.

Пойду я пойду, куды лјѣтомъ ходзила,
Ой чи нѣзнайду, кого вјѣрнѣ любила.
Ой хоць нѣ того, то товарища јоho
Запытаюсѣ здоруовьечка одъ јоho.

10.

Мала пташечка, нѣ вѣликая,
По бадылинцы скачэ:
Дурна дзѣучина, нѣ розумная,
По кавалјеру плачэ.
— Якъ мнјѣ нѣ плакаць (2 р.)
Сами слюзоньки льюцэ:
Ой одъ любоho листоньkоу ([86]) нѣма,
Одъ нѣлюбоho шлюцэ.
Ой волы-жъ моѣ, дай половыѣ
Чому-жъ вы нѣ орэцѣ?
Ой лјѣта-жъ моѣ, дай молодыѣ,
Чому-жъ вы марнѣ йдзѣцѣ?
Ой hукну-жъ я (2 р.)
На волы половыѣ:
Чи нѣ вѣрнуцэ (2 р.)
Лјѣцѣчка молодыѣ!

11.

Бјѣлъ молодзѣцъ (2 р.) сјѣно коситъ,
Млода удова јѣсьци носитъ,
Нѣсла (4 р.) нѣдонѣсла,
Сјѣла собіѣ й зопочила.
Сјѣла собјѣ (2 р.) й заночила
Бјѣла сына породзила,
Породзиуши (2 р.) й окупала
Й окупауши уповила.
Й уповивши (2 р.) hоворила:
— «О муой сыну бѣлюсѣньки,
«Муой Дунаю быструсѣньки;
«Ой чи цѣбѣ утопици,

([85]) Лучше, польск. lepiey.
([86]) Уменьш. польск. list, письмо.

«Ой чи цѣбѣ й hодовацн.
«Й утопнуши (2 р.) одъ Боhа hрыѣхъ,
«Подуючи одъ людзѣй сыјѣхъ.» —
Чуѣ тоѣ (2 р.) бјѣлъ молодзѣцъ
Кинуу косу у покосу,
Самъ поскочыу до удововьки:
— «Чи ты, удово (2 р.). ошалјѣла
«Чи розуму мало мјѣла?
«И насъ матка (2 р.) hодовала
«И поцјѣхи дожидала.
«И мы будзѣмъ (2 р.) годоваци
«И поцјѣхи дожидаци.» —

12.

Хто-жъ по бору hука? (2 р.)
— Кася Ясѣвька шука.
— Выдзи, Ясѣньку, зъ бору (2 р.)
До мѣнѣ на розмову.
— Нѣ буду выходзнци (2 р.)
Й до цѣбѣ hоворици.
— Вытни, Ясѣньку, липку (2 р.)
Дзицяци на колыбку.
— Нѣ буду липки цяци (2 р.)
Для чужоhо дзицяци.
— Дамъ ци вола-роляка (2 р.)
Поваддй на дворака.
— Нѣ буду й вола браци (2 р.)
Й на дворака казаци.
— На ци кровѣ зъ цѣлѣнцѣмъ (2 р.)
Идзь до лиха зъ дзѣцѣнцѣмъ.

ПѢСНИ ОСЕННІЯ.

13.

Ой за лјѣсомъ, за боромъ,
Ой за синимъ озіоромъ,
Ой тамъ соунычко йграѣ
Зъ мјѣсяцомъ розмоуляѣ.
Пытаю цѣбѣ, мѣсяцу, (2 р.)
Чи ранѣнько ты зходзишь
Чи позьнѣнько заходзишь?
Што тобјѣ, соунычко, до тоhо (2 р.)
До зыходу моhо,
Я выду змѣркаючи,
А зайду свитаючи.

Освѣчу нѣбо й зѣмлю (2 р.)
Й тоѣ ново сюолко —
Ой у туомъ новомъ сѣлјѣ
Марыся зъ Ясіомъ розмоулаѣ.
Пытаю цѣбѣ, Ясѣньку, (2 р.)
Чи мнуоhо конѣй маѣшь?
— Одного и-коня маю (2 р.)
И тоhо нѣззынаю.
Побјѣhъ куонь до крынвицы (2 р.)
До здројовои водзицы.

14.

Сјѣяу-бы лёвъ пудъ боромъ: (2 р.)
Алѣ нѣмаю кому,
Нјѣ-кому лёнку рвапи, —
Вѣрнусѣ до дому.
Сјѣяу бы *матцы* својуой: (2 р.)
Матонька вѣльми стара,
Нѣ будзѣ лёнку рвала, —
Вѣрнусѣ до дому.
Сјѣяу бы *сѣстрыэ* својой; (2 р.)
Сѣстра барзо мала,
Нѣ будзѣ лёнку рвала, —
Вѣрнусѣ до дому.
Сјѣяу бы *жуонцы* својуой,
Жуонка вѣльми млода,
Ђјѣ пѣква урода,
Нѣ будзѣ лёнку рвала, —
Вѣрнусѣ до дому.

15.

Ой пойду я мутлавою,
Нѣма дзјѣ воды пици;
Бјѣдна-жъ моя hолуовонька!
Нѣма дзјѣ прихилици.
Прихилюсѣ до *дубочька* —
Дубочокъ нѣ-ойчэнько;
Бјѣдна-жъ etc.
Прихилюсѣ до *бѣруозки* —
Бѣруозка нѣ матонька;
Бјѣдна-жъ etc.
Прихилюсѣ до *хвуоѣчки* —
Хвуоѣчька нѣ-сѣструонька;
Бјѣдна-жъ etc.

16.

Бѣжитъ коничокъ, сиу-нѣвѣличокъ —
Калина!
Калино моя, тобою вода лѣлјэѣ.
За тымъ коникомъ Ясѣнько бѣжитъ —
Калина!
Калино моя, тобою вода лѣлјэѣ.
Наупроцив joho, Марыся joho —
Калина!
Калино моя, тобою вода лѣлјэѣ.
Марысю моя, зупыни коня
Калина!
Калино моя, тобою вода лѣлјэѣ.
Ой рада-бъ я.....

ПѢСНИ СВАДЕБНЫЯ («вѣсјжѣльныѣ»).

Поются на «заручины».

17.

Дозволялисѣ дзѣвоньки
У Марысиной матоньки:
Ой чи скажэ, чи позволитъ,
Вѣсјѣлѣ засьпиваци?
— Спивайцѣ, дзѣвоньки, спивайцѣ,
Й вы, молодзицы, зачинайцѣ;
Нѣ руокъ, нѣ два мы тоho ждали,
Марысю hодовали.

18.

Зѣлёна рутонька жоуты-цвјѣтъ
Чомъ цѣбѣ, Ясѣньку, доуго вјѣтъ;
Зѣлёна рутонька, зѣлёна,
Доукола сэрденька дробнѣнька;
Доукола сэрдэнька дробнѣнька
Нѣ сѣдзи, Касѣньку, смутнѣнька.

19.

Чомъ соловѣйки нѣщэбѣтали,
Якъ сады зацьвитали?
Чомъ ты, Касѣньку, нѣзаплакала,
Якъ цѣбѣ заручали?

Поются, когда отъезжают «да шлюбу».

20.

Чомъ, Марысѣньку, такъ сѣдзишь,
На доруожэньку нѣ-һлѣдзишь?
Уже-жъ коліоса заточоны,
Коники заложоны.
Кажу й-коникомъ обруокъ даць,
Нѣхай коники постоятъ;
Пуоки придзѣ моя матонька
Зъ-саду-винограду.

21.

Кланяйсѣ, Марысею, кланяйсѣ,
Кланяйсѣ старому й-малому;
Старому й-малому до ручокъ,
Своjой матоньцы до ножокъ.

22.

Ой одъ вина доруоженька, одъ вина,
Зъѣжджаѣцэ Ясѣнькова родзина.
А Ясѣнько своѣ *матоньки* пытаѣ:
На што-жъ тая родзинонька зъѣжджаѣ?
— Ой на тоѣ, моѣ дзjэцятко, на тоѣ,
Ой на твоѣ вѣсjѣлѣчко слаўноѣ.
А Ясѣнько своѣ *сjѣструонки* пытаѣ:
На што-жъ и пр. (какъ выше)
А Ясѣнько своһо *брацишка* пытаѣ:
На што-жъ и пр.

23.

Черезъ двуоръ новы, мураў зѣлёны
Золотомъ потрушоны,
Ой туды бjѣһла красна-Марыся
Зъ своими дружэчками.
Наўпроциў ѣjѣ, матонька ѣjѣ
Зъ своими поўночками:
— «Витамъ, дзицятко, витамъ, родѣнько,
Зъ твоими дружэчками.»
Вона молода й-һордая была,
Привjѣту нѣ приняла;
За слjозоньками, за друобнѣнькими
Матоньки нѣ-познала.

Поются во всякое время.

24.

Служила Кася вэ Львови, (2 р.)
А Ясѣнько у Кракови.
Кася до Яся тужила, (2 р.)
Пару вѣночкоу увила.
Пару вѣночкоу увила, (2 р.)
На быстры Дунай пусьцила.
— Плыньцѣ, вѣночки, до млина: (2 р.)
Тамъ муой Ясѣнько пребыва.
Тамъ же вуонъ васъ поймаѣ, (2 р.)
Мою работу познаѣ.
— То моjѣ Каси робота (2 р.)
Пара вѣночкоу, якъ злота.
Плыньцѣ, вѣночки, тамъ назадъ,
До моjѣ Каси на обjѣдъ.
Кася обjѣдзѣцъ ћотуѣ, (2 р.)
Ясь на конику вэндруѣ.
Кася обjѣдзѣцъ выдаѣ, (2 р.)
Ясь на конику омлѣваѣ.
Скочила Кася до ћаю, (2 р.)
Копаци зiуолка-розмаю.
Эй, зiуолко зiуолко-розмаю; (2 р.)
Копаю цѣбѣ, нѣзнаю.
Ѣ у розмаю жоуты цвjѣтъ (2 р.)
У моћо Ясѣнька духу нjѣтъ.
Нѣходзи, Касю, у зѣлѣни (2 р.)
То пуойдзѣшь замужъ у ѣсѣни.
Ходзи, Касѣньку, бѣлѣнько, (2 р.)
То пуойдзѣшь замужъ хуцѣнько.

25.

У сусѣда хата бjѣла
У сусѣда жуонка мила,
Нуожки бjѣлы, нѣвѣлички,
Носитъ жоуты черэвички.
Вона устанѣ ранюсѣнько,
Прибѣрэцэ чупурнѣнько,
На снѣданѣ пирожки,
Галушки, да-й пампушки.
А къ обjѣду барщь зъ сьмѣтаной,
Ѣщэ у мисцы поливануой,
Гарбузъ, буза, зубцы, квата
Зэ скварками ячна каша.

А у мѣнѣ хата чорна,
Жуонка, бридка, нѣ позуорна,
Усѣ-но спитъ, да лѣжитъ,
И нѣ хочэ ницъ робиць.
Скажэшь: „Гапко! устань ранѣнько, —
Прибѣрисѣ чупурнѣнько» —
Вона й-слухаць мнѣ нѣ хочэ,
Обѣрнѣцэ дай буркочэ.
Якъ буркочэ, такъ буркочэ,
Говориць зо мной нѣ хочэ,
Обѣрнѣцэ до куточка,
Да й смѣѣцэ, суча дочка.
Тамъ бѣжитъ на вѣчэрницы,
Дзјѣ зайграютъ на скрыпицы,
Скочно, hарно потанцуѣ,
Зъ Москалями пожартуѣ.
Было нѣ сватаць у ночи,
Нѣ вылѣзали тобјѣ очи,
Было мѣнѣ сватаць у дзѣнь,
Розпытаушисѣ людзѣй.
А у насъ людзи нѣ-таковы,
Вони-бъ тобјѣ розказали,
Чи хорóша, чи прыhожа,
Чи подуобна до людзѣй.

26.

Ой стояла на мосьци,
Клавялася старосьци:
— Кланямъ, кланямъ, старосто, Ясѣньку,
Цо тамъ слыхаць у Торуню на рынку?
— Ой тамъ слыхаць новинэ:
Бэндзѣшь мяла дзѣцинэ.
— О болай ты, Ясю, каркъ скрэнцилъ,
Якъ ты моѣ сэрдэнько засмэнцилъ.
— Не засмэнцилъ я тобјѣ —
Засмэнцили ци оцѣцъ, мацъ,
Цо нѣхцѣли цѣ за мнѣ оддаць
А допѣро за мнѣ оддаѣ,
Якъ на тобѣ шнуроуки нѣ стаѣ.
— Я доточэ стонжэчко,
Таки бэндэ дзѣвэчко.
— О жэбы ты й-злотэмъ доточила,
Южъ нѣ бэндзѣшь яка пјервѣй была.

27.

Калина-малина, чэрвона ягода,
Чэgо заплакала дзѣучинонька млода? (2 р.)

— Заплакала тэgo вьянка руцяnеgo
Цо страцила ѣgo для цѣбѣ млодэgo (2 р.).
Страцилам, страцилам зъ танэчку мдовцы,
Тысь зналязлъ, Ясѣнѣку, въ ночлѣhy ядовцы. (2 р.)
— Ты муовишь, Касѣньку, цошъ я вянэкъ укралъ,
Якъ ты водэ брала у студзънэчкэ упадъ (2 р.).
Доставай, Касѣньку, право рончко до дна:
Якъ достанѣшь до дна, бэндзѣшь ѣgo godнà. (2 р.)
— Достала, достала, алѣ нѣ цалэgo,
Чтэры румянэчки южъ выпадло зъ ѣgo. (2 р.)
Повѣсила ѣgo у коморы за дрвями,
Цо спуойры матонька облѣва сѣлзами. (2 р.)
— Уважай, Ясѣньку, на моѣй матки плачъ,
Або ты мнiѣ вазь, або ты мнiѣ заплаць! (2 р.)
— Я цѣ брайць нѣ бэндэ и плациць нѣ мыслѣ
Сiондэ на коника подэ до нишэй. (2 р.)
Посыпалъ Ясѣнько талары на столѣ:
— «Уважай, Касѣньку, чи бэндзѣ за твоѣ?» (2 р.)
— Нѣ бэндзѣ, нѣ бэндзѣ хоцьбы ѣщȩ зъ тысiонцъ
Мусишь, Ясюлѣньку, прэдъ олтаромъ присiондзъ. (2 р.)
— Присѣнgнэ, присѣнgнэ алѣ я нѣ тобѣ,
Тылько тэй чапэчцэ по ношэ на gловѣ. (2 р.)
Зgарнэла Касѣнька талары у фартушэкъ,
Устала, заплакала, упадла до подушэкъ. (2 р.)
Подушэчки моѣ, цѣнѣньки, бѣлѣньки,
Чэму нѣ муовицѣ-дзѣнь добры, панѣнцы. (2 р.)
Тылько вы мовицѣ мнiѣ-дзѣнь добры, пани,
А я мэнжа нѣмамъ облјѣвалѣ сѣ лзами. (2 р.) (*)

Не дѣлая здѣсь дальнѣйшихъ выводовъ изъ приведенныхъ образцовъ, ограничимся на этотъ разъ только немногими замѣчанiями, именно: о нѣкоторыхъ свойствахъ этого языка, о важнѣйшемъ пунктѣ того пространства, на которомъ онъ употребляется, и о границахъ, въ которыхъ заключенъ. По наружной формѣ важнѣйшiя отступленiя въ немъ отъ общеупотребительнаго, грамматическаго языка русскаго заключаются въ слѣдующемъ.

(*) Послѣднiя двѣ пѣсни, 26-я и 27-я, не туземнаго происхожденiя. Онѣ занесены сюда изъ Польши, судя по ихъ языку и мѣсту дѣйствiя первой.

1) *Буква л переходитъ послѣ гласной въ букву* у *въ концѣ и срединѣ словъ:* а) въ концѣ — во всѣхъ глаголахъ, оканчивающихся этою буквою, и, вмѣсто былъ, бывалъ, зналъ, стоялъ, употребляется: быу, бывау, знау, стояу, бачыу, казау, пу, читау; покляусѣ, зогрыэусѣ, зоугнуусѣ и проч.; б) въ срединѣ вмѣсто столпъ, волкъ, во́лна, полно и др. употребляется: стоупъ, воукъ, во́уна, поуно, поуночь, жоуты, тоуку, тоукачь, доуго (пѣсни 3 и 19), жоунјеръ, коунјѣръ и проч. Въ эту же букву измѣняется и *в* въ началѣ и срединѣ словъ, если она слѣдуетъ послѣ гласной: вмѣсто бывши, сказавши, говорится: быуши, сказауши, зробиуши, пошоуши, уста́уши, пэуны, прауда и проч.

2) *Буква* т *часто перемѣняется въ* ц. а) *Въ концѣ* словъ во всѣхъ неопредѣленныхъ наклоненіяхъ, имѣющихъ форму, похожую на славянскую; вмѣсто быть, ѣхать, знать, стоять употребляется: *быци*, *j*ѣхаци, *стояци*, *знаци*, *бачици*, *казаци*, сjѣяци, *драци*, *плакаци; смѣяцисѣ*, *гнѣвацисѣ*, *знацисѣ*, *знакомицисѣ* и проч. Въ повелительномъ наклоненіи: *стуойцѣ*, *знайцѣ*, *плыньцѣ*, *слухайцѣ*, *скапсыэцѣ* и проч. Но въ изъявительномъ наклоненіи въ третьемъ лицѣ буква т никогда не перемѣняется, какъ въ другихъ оттѣнкахъ бѣлорусскаго языка, въ ц: употребляется здѣсь всегда *бѣжитъ*, *бѣгутъ*, *бачитъ*, *бачатъ*, *крычитъ*, *крычатъ*, а не бѣжиць бѣгуць, и пр. бачиць и проч. б) *Въ срединѣ* въ словахъ: вѣтеръ, дитя, батько, дядько, мать, стѣна, мѣсто, употребляется: вjѣцѣръ, *дзици*, *бацько*, *дзяцько*, *маци*, *сцѣна*, мjѣсцэ, *смѣрць*, *старосць*, *пусцици* и проч. в) *Въ началѣ* словъ: вмѣсто теперь, тѣсто, употребляется *цѣпѣръ*, цjѣсто, цjѣсно, цjѣнь, *цѣля*, цjѣло, *цѣмно*, *цяжко*, *цягнуци*, *цвѣрды*, *цвѣрозы* и проч.

Въ этомъ отношеніи онъ имѣетъ сходство съ языкомъ польскимъ. Это внѣшнее сходство съ языкомъ польскимъ замѣчается еще и въ томъ, что

3) *Послѣ буквы д во многихъ словахъ вставляется з.* Вмѣсто: день, недѣля, дитя, дѣдъ, употребляется: *дзѣнь*, нѣдзjѣля, *дзиця*, дзjѣдъ, *дзяцько*, *будзѣ*, *ходзици*, jѣзьдзици, гнѣдзjѣци, *грудзи*, дзѣука, *злодзѣй* и проч.

4) *Отбрасывается:*

а) *Всегда на концѣ буква т въ изъявительномъ наклоненіи*, наст. вр., 3 лица ед. ч., *въ глаголахъ 1-го спряженія* (по грам.

Востокова). Вмѣсто читаетъ, знаетъ, употребляется: *читаѣ*, знаѣ, бјѣгаѣ, *маѣ*, *кажэ*, *идзѣ*, јѣздѣ и проч. Но въ словахъ: гнѣвается, сердится, смѣется, употребляется: гнјѣваѣцэ, *спрдуѣ*, *смјѣцэ*, *клинѣцэ*, *божицэ* и проч.

Но не отбрасывается т въ глаголахъ 2-го спряженія (на ишь) и всегда употребляется *кричитъ*, *ходзитъ*, *глѣдзитъ*, *бачитъ*, *чорнитъ*, *скрыпитъ*, *рыпитъ* и проч.

б) *Въ прилагательныхъ именахъ—й*, и всегда употребляется *добры*, *милы*, *бјѣлы*, свјѣты, *сіни*, *гуорьки*, *солодки* и проч.

в) *Выбрасывается т въ нѣкоторыхъ словахъ* въ срединѣ и говорится: *скло*, *склянка*, *скляны*, *сроги* и проч.; *г* въ словахъ *гдѣ*, гдѣ нибудь и говорится дзјѣ, *дзѣлѣнь*; *с* въ словѣ сколько и говорится *куолько*, *килькоро* и проч.

5) *Прибавляется:*

в въ мѣст. *онъ* и гов.: *вуонъ*, *вонà*, *вонò воны́* и проч.

г въ мѣст. *этотъ* и говор.: *гэтой*, *гэта*, *гэто*, *гэтыѣ*; *зъ-гэтуль*, *зъ-гетуля* (отселѣ) и проч.

Не распространяемся на этотъ разъ о другихъ особенностяхъ и свойствахъ языка, которыя можно будетъ лучше и яснѣе видѣть изъ сравнительнаго обзора собранныхъ нами образцовъ съ образцами другихъ нарѣчій.

Относительно границъ замѣтимъ, что разсматриваемый нами языкъ примыкаетъ *на западѣ къ языку мазовецкому*. Послѣдній простирается *отъ Дрогачина* до мѣст. *Домбровы* и *Липска* и идетъ по западной части Гродненской губерніи, мимо Цѣхановца, Бранска, Суража, Хорощи, Кнышина, Суховоли. На картѣ чертою E F приблизительно означаемъ его направленіе и границу. Это означеніе основываемъ мы не только на собственномъ опытѣ, но и на показаніи г. Шульца ([1]) и г. Ярошевича. ([2])

На югѣ разсматриваемый языкъ примыкаетъ къ особенному оттѣнку русскаго языка, который у здѣшнихъ жителей называется «королјоускимъ». Онъ употребляется въ окрестностяхъ мѣст. *Нарева*, простирается подъ *Бѣльскъ* и между прочими особенностями отличается отъ разсматриваемаго языка тѣмъ, что въ немъ нѣтъ вставочной *з* послѣ *д*. Такимъ-обра-

([1]) Pisma D. Szulca Warsz. 1853 v., str. 26.
([2]) Obraz Litwy, t. I, str. 206 prsp. 13.

зомъ не говорятъ *пуойдзѣ*, *поѣдзѣ*, *будзѣ*, но *пуойдэ*, *поѣдэ*, *будэ* и проч. Оттого сосѣди и прозываютъ одни другихъ въ насмѣшку «*дэкалами*» и *дзѣкалами*.»

На востокѣ и сѣверо-востокѣ онъ граничитъ съ языкомъ собственно бѣлорусскимъ, который у здѣшнихъ жителей называется «литоускимъ». Этимъ языкомъ говорятъ уже около Свислочи, Крынокъ, Яловки и около мѣст. Гродка, при которомъ встрѣчаются эти два оттѣнка. Смѣшнымъ въ немъ кажется для здѣшняго жителя употребленіе вмѣсто идутъ, јѣдутъ, знаютъ и проч. *идуць*, *јѣдуць*, *знаюць;* также постоянное въ немъ произношеніе *о* за *а*, вмѣсто пошоу, говориу, хочу, мои, свои, чого и проч. *пашоу*, *гавариу*, *хачу*, *маи*, *сваи*, *чаго;* вмѣсто вуонъ, вона, јого употребленіе *уонъ*, *янà*, *яго*. Яснѣе можно видѣть различія этихъ двухъ оттѣнковъ русскаго языка изъ сравненія одного изъ приведенныхъ нами образцовъ съ другими образцами, напримѣръ, хоть пѣснею, приводимою въ «Современникѣ» за 1853 годъ, № 11., библ., стр. 26, или же съ другою въ «Современникѣ» за 1853 годъ, № 7., отд. II, стр. 17.

Разумѣется, что невозможно съ математическою точностію означить границы разсматриваемаго нами языка отъ сейчасъ упомянутыхъ, смежныхъ съ нимъ оттѣнковъ, къ которымъ онъ примыкаетъ на востокѣ и западѣ, югѣ и сѣверѣ. Въ самой натурѣ, въ дѣйствительности едва ли существуетъ такой переломъ, такой рѣзкій переходъ одного оттѣнка въ другой, чтобы можно было это обозначить на картѣ съ строгою точностью. По-крайней-мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на чертѣ EF мы имѣли случай удостовѣриться, что житель такъ же почти свободно объясняется и по-русски, какъ и по-мазовецки. Утвердительно можемъ сказать только то, что на всемъ пространствѣ mnors (*) живетъ въ настоящее время въ устахъ народа (низшаго сословія, издавна здѣсь осѣдлаго) языкъ, какой мы видимъ въ приведенныхъ образцахъ,—языкъ вездѣ одинаковый, безъ всякихъ оттѣнковъ, или же съ оттѣнками ничтожными, вовсе незамѣтными. Слѣдовательно, границы разсматриваемаго языка почти совпадаютъ съ границами при-

---

(*) См. карту. На этомъ пространствѣ находится болѣе 40 деревень и селеній; названія ихъ приведены выше.

ходовъ Заблудовской Православной церкви и Заблудовскаго Римско-Католическаго костела, съ небольшими только, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, выступами.

Замѣчательнѣйшимъ пунктомъ на означенномъ пространствѣ среди многолюдныхъ селеній есть *мѣстечко Заблудовъ*. Мы привели выше преданіе, хранящееся въ народной памяти, объ основаніи этого мѣстечка. Это преданіе, равно-какъ и то, что всю страну покрывали нѣкогда непроходимые лѣса, подтверждается и лѣтописными извѣстіями, и самымъ взглядомъ на современную культуру этой мѣстности (не говоря уже о доказательствахъ, упоминаемыхъ въ третьемъ и особенно во второмъ образцѣ рѣчи прозаической). Такъ, еще Кадлубекъ объ этой странѣ говоритъ: Pollexiani...... propter vastissimas solitudinum intercapedines, *propter concretissimas nemorum densitates*, propter bituminata inaccessibilis palustria ([1]); а нынѣшніе лѣса, разбросанные въ 6 или 7 мѣстахъ, на пространствѣ mnors, среди обработанныхъ полей, очевидно суть только скудные остатки прежнихъ, нѣкогда составлявшихъ одну сплошную массу. Мало-по-малу, по-мѣрѣ увеличивающагося народонаселенія, они были истреблены и обращены въ пахотныя поля рукою человѣка, находившаго въ землѣ единственный источникъ удовлетворенія своимъ нуждамъ. Самое дѣйствіе преданія, т.-е. самое основаніе мѣстечка, относится къ XV или началу XVI столѣтія. Такъ заключаемъ изъ словъ документа XVI вѣка (1597 года), въ которомъ гетманъ Григорій Александровичъ *Ходкевичъ*, записывая фундушъ Заблудовской православной церкви Успенія и Св. Николая, говоритъ о духовенствѣ и служащихъ при церкви и костелѣ: «а они зато послуги своее костелное мают быт пилныи и ктому мают на науце детеи держати, надто *што есмо еще засажываючи знову место нашое Заблудовское* так есмо постановили и на листе на дате нашои им данои то описали, ижъ мают и повинни будутъ все мещане зъ домов их местских платити..... ([2])

([1]) Изданіе 1824 года, стр. 86.

([2]) «Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Минской губерніи», № 138, стр. 297

Слѣдующее извѣстіе, подтверждая сдѣланное нами заключеніе, имѣетъ еще и другой интересъ. Извѣстно, что при царѣ Іоаннѣ IV, въ Москвѣ, заведена была, въ 1553 году, первая типографія подъ руководствомъ двухъ мастеровъ: діакова Ивана *Өедорова* и Петра Тимоөеева *Мстиславцева*, напечатавшихъ въ 1564 году первую книгу *Дѣянія* и *Посланія* Апостоловъ. Злые люди и суевѣры, изумленные новостью изобрѣтенія, не дали распространиться благому дѣлу, и Өедоровъ съ товарищами, какъ мнимые еретики, должны были удалиться изъ Москвы отъ преслѣдованій своихъ враговъ. Въ послѣдствіи времени они нашли убѣжище на Волыни, у Константина Острожскаго, который завелъ типографію въ своемъ городѣ Острогѣ, и здѣсь, въ 1580 году, напечатаны были *Новый Завѣтъ* и *Псалтырь*, а въ слѣдующемъ 1581 году—*вся Библія*. Прежде этого Иванъ Өедоровъ жилъ во Львовѣ и здѣсь напечаталъ, въ 1573 году, *Апостолъ* (*). Гдѣ же Өедоровъ и Мстиславцевъ провели прежніе 9 лѣтъ по удаленіи изъ Москвы, т.-е. съ 1564 по 1573 годъ и не напечатали ль въ это время какихъ книгъ, о томъ ни слова не говорятъ ни Карамзинъ, ни Сопиковъ. Вопросъ этотъ въ настоящее время начинаетъ проясняться. Самъ Иванъ Өедоровъ говоритъ о себѣ и товарищахъ въ «Послѣсловіи» книги Апостолъ, напечатанной имъ во Львовѣ 1573 года, слѣдующее. «Зависть и ненависть..... насъ отъ земля и отечества и отъ рода нашего изгна и въ ины страны незнаемы пресели. Егда же оттуду семо прейдохомъ..... воспріяша насъ любезно благочестивый государь Жикгимонтъ Августъ кроль Польскій..... Въ то же время со тщаніемъ умоли государя велеможный панъ Григорій Александровичъ *Ходкевичъ..... прія насъ любезно къ своей благоутѣшнѣй любви, и упокоеваше насъ не мало время*, и всякими потребами телѣсными удошевляше насъ, еще и сіе недовольно ему бѣ еже тако устроити насъ, *и весь не малу дарова ми на успокоеніе мое. Намъ же работающимъ* по воли Господа нашего Ісуса Христа, и слово его по вселеннѣй разсѣвающе; егда же пріити ему въ глубу старость, и начастѣ главѣ его болезнію одержмѣ быти, *по-*

(*) Опытъ Росс. Библіографіи, В. Сопикова. Ч. I, стр. LX—LXV и др.; «Истор. Государ. Росс.» Карамзина, изд. 1837 года, т. IX, стр. 47, 48 и прим. 87 къ гл. I.

велѣ намъ работанія сего престати, и художество рукъ нашихъ ни во чтоже положити, и въ веси земледѣланіемъ житіе міра сего препровождати..... но имамъ убо вмѣсто рала художество наручныхъ дѣлъ сосуды, вмѣсто же житныхъ сѣменъ духовная сѣмена по вселѣннѣй разсѣвати..... И сего ради понудихся ити оттуду, и въ путь шествующи ми, многи скорби и бѣды обрѣтоша мя, не точію долготы ради путнаго шествія, но и презельному повѣтрію дышущу и путь шествія моего стѣсняющу и просто рѣщи вся злая и злыхъ злѣе. И тако промысломъ Божія человѣколюбія до богоспасаемаго града, *нарицаемаго Львова* пріидохъ.....»

Въ какомъ именно мѣстѣ пребывалъ у Ходкевича Өедоровъ съ своими сотрудниками и чѣмъ занимался («намъ же работающимъ.... повелѣ намъ работанія сего престати»), лучшимъ отвѣтомъ тому будетъ слѣдующее заглавіе книги, хранившейся прежде въ Вроцлавѣ, въ Редигеровской библіотекѣ (*): «Книга зовомая *учительное* (Евангеліе ?) отъ всѣхъ четырехъ Евангелистовъ избрана и отъ многихъ божественныхъ писаній.... выдрукована за счастливого панованя найяснѣйшаго господаря нашого Зыгмонта Августа б. м. короля Польскаго.... а при архіепископѣ б. м. митрополитѣ Кіевскомъ и Галицкомъ и всея Руссіи и *выдана есть въ отчизномъ имѣню пана Виленского гетмана* найвыжшаго Вел. Кн. Литовскаго..... пана *Григорія Александровича Ходкевича въ мѣстѣ зовомомъ Заблудовью* власнымъ накладомъ его милости, а *началася книга сія друковати по воплощенію Слова Божого року 1568 мѣсяца юля, а свершися 1569 мѣсяца марта 31*», и проч. (399 листовъ).

Знаемъ еще одну книгу, напечатанную также въ этомъ мѣстечкѣ Заблудовѣ тѣмъ же Ив. Өедоровымъ, иждивеніемъ гетмана Ходкевича. Это *Псалтирь* in folio, напечатанная въ слѣдующемъ, 1570 году, хранящаяся въ настоящее время въ Императорской Публичной Библіотекѣ, куда поступила изъ Москвы изъ древлехранилища Погодина (**). Современемъ, быть-можетъ, окажутся еще и другія книги той же типогра-

(*) См. Historya drukarń Krakowskich, Bandtkie wyd. 1815 r. str. 174; «Архивъ Юрид. Свѣдѣній» Калачева, кн. I. въ Матер. для исторіи.

(**) «Современникъ» за 1853 годъ, октябрь, Библіогр., стр. 22.

фіи. Но уже и изъ этихъ ясно видно, что первые московскіе типографщики Өедоровъ и Мстиславцевъ въ означенныхъ годахъ пребывали у Ходкевича въ Заблудовѣ, напечатали здѣсь двѣ (а можетъ-быть и болѣе) книги, составляющія теперь библіографическую рѣдкость: *Евангеліе учительное* 1569 г. и *Псалтирь* 1570 года. Слѣдовательно, въ исторіи книгопечатанія въ Россіи промежутокъ времени отъ 1565 г. по 1573 г., о которомъ доселѣ умалчивалось, долженъ быть пополненъ этими извѣстіями. Съ другой стороны эти извѣстія показываютъ, что приведенныя выше слова Ходкевичевой грамоты *«што есмо еще засаживаючи знову место нашое Заблудовское* постановили....» могутъ быть отнесены ко временамъ, предшествовавшимъ 1568 году, а самое начало народнаго преданія объ основаніи мѣстечка— къ гораздо древнѣйшимъ временамъ.

Не можемъ здѣсь умолчать еще объ одномъ извѣстіи, умилительномъ для всякаго добраго сына православной церкви, извѣстіи, относящемся къ исторіи заблудовской церкви, пребывшей непоколебимою въ православіи среди всѣхъ потрясеній Уніи. Сто-тридцать-четыре года тому назадъ въ Заблудовскомъ монастырѣ почивали нетлѣнные мощи младенца Гавріила. По монастырскимъ запискамъ, Гавріилъ родился 1684 года, въ селѣ Звѣркахъ (въ 3 или 4 верстахъ отъ Заблудова; существуетъ и теперь). Въ 1690 году шестилѣтній отрокъ былъ похищенъ того жь села жидомъ арендаторомъ въ *Бѣломъ стану* (вѣроятнѣе въ *Бѣломъ стоку*, т. е. въ Бѣлостокѣ), замученъ и выброшенъ въ поле на съѣденіе птицамъ. Родители сыскали тѣло невиннаго страдальца и погребли въ православномъ Заблудовскомъ монастырѣ. Чрезъ 30 лѣтъ обрѣтены были нетлѣнные мощи младенца Гавріила и поставлены въ церковный погребъ, гдѣ почивали съ небольшимъ 50 лѣтъ. 1775 года, мая 9, они были перенесены изъ Заблудова въ Слуцкій монастырь архимандритомъ Казачинскимъ; теперь же почиваютъ въ Слуцкомъ Свято-Троицкомъ монастырѣ, находящемся близъ уѣзднаго города Слуцка (*).

По немногимъ приведеннымъ здѣсь историческимъ фактамъ о главнѣйшемъ пунктѣ разсматриваемой мѣстности, мы

(*) См. «Словарь Историч. о Святыхъ, прославленныхъ въ росс. церкви», стр. 71, или же «Энц. Лексиконъ».

имѣемъ возможность подняться къ началу XVI и къ концу XV столѣтія. По нимъ можно сдѣлать заключеніе, что хотя и въ эти времена, такъ же, какъ и теперь, низшій слой народонаселенія означеннаго пространства дѣлился по вѣроисповѣданію на двѣ большія половины: православную и римско-католическую (ибо Григорій Ходкевичъ для означеннаго пространства учреждаетъ въ Заблудовѣ, 1597 г., настоятелей при православной церкви и римско-католическомъ костелѣ съ совершенно одинаковыми для того и другаго правами и преимуществами)(*), однако, обѣ половины, безъ всякаго сомнѣнія, и тогда, т.-е. 300 лѣтъ тому назадъ, употребляли языкъ совершенно такой же, какой живетъ въ устахъ народа обѣихъ половинъ и въ настоящее время. Какъ мало этотъ языкъ измѣнился въ послѣднія 300 лѣтъ, мы могли бы яснѣе это видѣть, если бы имѣли образцы для сравненія тогдашняго языка съ нынѣшнимъ. За неимѣніемъ таковыхъ, предлагаемъ здѣсь для сравненія съ приведенными выше образцами нынѣшняго языка хоть слѣдующее, напримѣръ, мѣсто упомянутой фундушевой записи Ходкевича второй половины XVI вѣка, гдѣ основатель налагаетъ слѣдующія обязанности на духовенство основанной имъ церкви въ Заблудовѣ.

.... «зволок испляцов наоселене попу плебану идиякону однас даныхъ немають, инебудут повинни цыншу або плату никоторого нанас платити идавати; але будут повинни ужываючы того хлеба справы церковные яко насвещенников прыслушить быти пилны аза господара Бга Милостивого просити; а людеи дотое Божеи церкви идокостела прыходящих немают наних незбожных вымыслов вымышляти надпроводу, также иодупису немают помногу брати але побожне як подиншых речеи духовных маютсе такъ заховати.... тымже обычаем ивышшыхъ речех асправах духовных заховатисе мают, авубогих людей, которыибы немел чего дати, яко отпроводу, отвенчаня, одхрещеня дитяти иодиншых духовных справ, тогды товсе повинен будет свещенник безплаты чинити; аотместца якоперваи вымыслы чынивано потося торговывано прыпохо-

---

(*) См. «Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Минской губерніи», № 138.

ваню змерлых людей тела, тогды то вже болше немаетъ быт чынено....» (*)

Сличивъ этотъ языкъ съ нынѣшнимъ (вышеприведенными образцами), замѣтимъ между ними разницу небольшую, и, слѣдовательно, въ 300 лѣтъ, несмотря на всѣ измѣненія и перевороты, которымъ подвергался народъ въ другихъ отношеніяхъ, въ языкѣ его не произошло никакихъ перемѣнъ, или же эти измѣненія совсѣмъ незначительны. Если въ эти 300 лѣтъ онъ не измѣнился, то нѣтъ достаточной причины допускать въ немъ какія-либо измѣненія и для временъ древнѣйшихъ, для двухъ, трехъ столѣтій предшествовавшихъ. Поколѣнія, отживъ свой вѣкъ, нисходятъ въ могилу, ихъ смѣняютъ новыя, а языкъ живетъ неизмѣнно; переходилъ и переходитъ отъ отцовъ къ дѣтямъ, внукамъ, правнукамъ и хранится отдаленнымъ потомствомъ, какъ завѣтная святыня, хотя совершенно безъ вѣдома и воли завѣщателей и хранителей.

Здѣсь оканчиваемъ наши замѣчанія, коснувшись въ нихъ двухъ противоположныхъ концовъ: быта современнаго, со стороны языка, и временъ, предшествовавшихъ XIV столѣтію. Въ послѣднемъ случаѣ по историческимъ источникамъ приблизились мы къ концу XIII и началу XIV вѣка; въ первомъ поднялись изъ одного пункта на 300 лѣтъ и приблизились къ началу XVI столѣтія. Взявъ въ соображеніе сказанное въ первомъ и второмъ случаяхъ, будетъ уже замѣтна нѣкоторая связь, общая цѣпь, соединяющая чрезъ длинный рядъ столѣтій минувшихъ два противоположные конца — настоящее и прошедшее. Можетъ-быть, когда-нибудь въ другое время, будемъ имѣть возможность обнаружить болѣе очевиднымъ образомъ, что эта цѣпь не прерывается въ-теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, о которыхъ мы здѣсь еще ничего не говорили, т.-е. въ-теченіе XIV, XV и другихъ столѣтій.

(*) «Собр. акт. и гр. Минск. губ.», № 138, стр. 298.

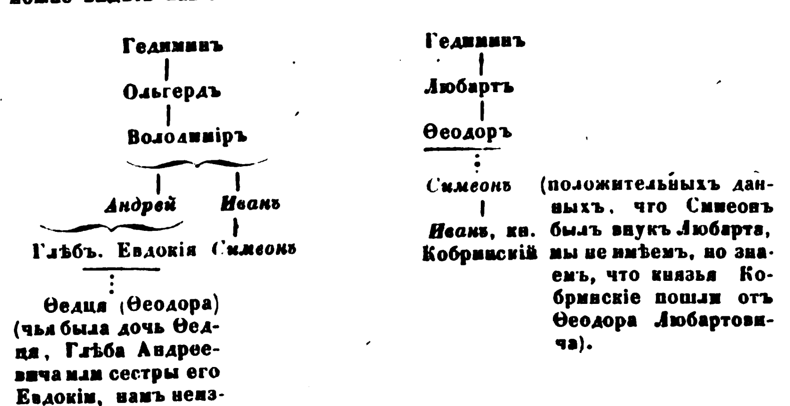
Списокъ деревень и селеній, находящихся на пространствѣ
m n o r s.

	По произношенію польскому.	По произношенію простонародному.
1.	Zabłudow m.	Заблудо́вье — мjесто.
2.	Kucharówka	Ку́хароука, Ку́хары.
3.	Zwierki	Звѣрки́.
4.	Protàsy	Протасы́.
5.		Kurjany.
6.	Borowiki	Боровики́.
7.	Rafalowka	Рохвалоука.
8.	Dobrzyniowka	Добрыніоука.
9.	Folwarki	По́дварки.
10.	Tylwica	Цильви́чи.
11.		Potoka.
12.		Małynka.
13.		Olszanka.
14.	Ochremowicze	Охрые́мовичи.
15.	Sieśki	Сѣськи́.
16.	Hnieciùki	Гнѣцюки́.
17.		Оле́ксичи.
18.	Kozliki	Куо́зьлики.
19.	Lászki	Ляшки́.
20.	Krynickie	Кринйицкіе.
21.	Pasýnki	Па́сынки.
22.	Solniki	Сальники́.
23.	Ostrówki	Остру́оуки.
24.	Kowalówce	Ковалiȯуцы.
25.	Łubniki	Лу́бники.
26.	Skrybicze	Скри́бичи.
27.		Загру́шане.
28.	Karakùle	Кара́кули.
29.	Bagnówka	Багну́оука.
30.	Grabówka	Грабу́оука.
31.		Sobolewo.
32.	Zasciànki	Засьціе́нки.
33.	Kamionka	Ка́мѣнка.
34.		Zajeziércy.
35.	Łukjàny	Лукьяны́.
36.		Bobrówa.
37.	Tatarówce	Тата̀роуцы.
38.	Rudnica	Ру́дница.
39.		Zayma.
40.	Zièdna	Зѣдна́я.
41.	Topolanie	Тополя́ны.
42.	Hereminów	Гарейно́во, Гаринно̀во.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Князья Андрей и Иванъ Володиміровичи, упоминаемые въ судной грамотѣ польскаго короля Казиміра, 1484 года, августа 25, были дѣти князя Владиміра Ольгердовича, внука Гедиминова. Въ грамотѣ этой, между-прочимъ, сказано: «присудилъ есмо: тые имѣнья, *Айну*, *а Могильную*, *а Словенескъ*, *а Илемьницу*, *а Полоное* княгини Ивановой Семеновича Кобринского, княгини Ѳельцѣ, *внуцѣ князя Андрея Владиміровича*, вѣчно съ всимъ тымъ, што къ тымъ имѣньямъ здавна слушаетъ, потому *какъ держалъ небожьчикъ князь Андрей Володимеровичь*». Что этотъ небожьчикъ князь Андрей Володиміровичъ былъ внукъ Ольгерда, видно изъ духовной его грамоты 1446 года, іюня 16. въ которой читаемъ: «се азъ рабъ Божій, князь Андрей Владиміровичь, пріѣздилъ есмь въ Кіевъ, съ своею женою и съ своими дѣтками, и были есмо въ дому Пречистыя.... и поклонихомся отца своего гробу князя Владиміра Олькгердовича.... и отписалъ есмь своей женѣ княгини Маріи, и своимъ дѣтемъ и еѣ дѣтемъ, свою отчину и свою выслугу.... имѣніе прьшое, *Айну*, *Словенескъ*, *Могилное*, Каменецъ, Логожескъ, *Илемницю* и *Полоное*», т.-е. то самое имѣнье, о которомъ былъ споръ въ 1484 году между княземъ Семеномъ Ивановичемъ, внукомъ князя Владиміра Ольгердовича, и княземъ Иваномъ Семеновичемъ Кобринскимъ, который былъ женатъ на внукѣ князя Андрея Владиміровича. А что князь Иванъ Владиміровичъ, упоминаемый въ судной грамотѣ 1484 года, былъ тоже сынъ Владиміра Ольгердовича, то это очевидно изъ содержанія той же грамоты; онъ называется въ ней братомъ князя Андрея Владиміровича Ольгердовича, а этотъ послѣдній *дядькомъ* (дядею) князя Семена Ивановича Володиміровича. Въ родословіи князей Бѣльскихъ князь Иванъ Владиміровичъ показанъ бездѣтнымъ (см. Барх Кн. 1. 47), между-тѣмъ, какъ изъ грамоты 1484 г. оказывается у него сынъ Семенъ. Изъ духовной грамоты князя Андрея Владиміровича мы узнаемъ еще, что у него въ 1446 году были дѣти сынъ Глѣбъ и дочь дѣвица Евдокія, а изъ судной грамоты 1484 г. видимъ, что княгиня Ѳеодора (Ѳелця), жена князя Ивана Семеновича Кобринскаго, была внука князя Андрея Владиміровича Ольгердова и наслѣдовала всѣ его имѣнія, кромѣ Каменца и Логожьска Но кто же такой былъ князь Иванъ Семеновичъ, которому въ концѣ XV вѣка принадлежалъ городъ Кобринъ и который поэтому назывался Кобринскимъ? Князь Иванъ Семеновичъ Кобринскій происходилъ, кажется, какъ и жена его, отъ великаго князя литовскаго Гедимина, она отъ князя Ольгерда Гедиминовича, а онъ отъ князя Любарта Гедиминовича. По-крайней-мѣрѣ, въ «Бархатной Книгѣ» сказано. «7 сына Гедиманова Люборта Волынскій князь взялъ къ дочери на свое

мѣсто на княжество. У Любарта сынъ Θедоръ, и отъ того пошли Санкушковскіе князи да Карбинскіе (читай Кобринскіе) князи». Изъ составленныхъ нами и предлагаемыхъ здѣсь родословныхъ таблицъ яснѣе можно видѣть наше мнѣніе.



Редакторъ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ВЗГЛЯДЪ НА ВИЛЕНСКУЮ ГУБЕРНІЮ.

ВВЕДЕНІЕ.

Желая представить этнографическій очеркъ Виленской губерніи, согласно программѣ, изданной Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ, считаю необходимымъ предварительно сказать нѣсколько словъ о географическомъ и статистическомъ положеніи губерніи.

Она лежитъ подъ среднею географическою широтою: 54° 36′; крайнія широты суть: на сѣверѣ 55° 50′, на югѣ 53° 23′; крайнія долготы, или меридіаны отъ Парижа: на западѣ 21° 34′, на востокѣ 26° 4′. Сѣверные уѣзды ея: Виленскій, Свенцянскій и Дисненскій, граничатъ съ Ковенскою, Курляндскою и къ сѣверо-востоку съ Витебскою губерніями; отъ послѣдней отдѣляются они рѣкою Двиною. Западные уѣзды, Трокскій и Лидскій, граничатъ съ царствомъ Польскимъ (край Запущанскій), отъ котораго отдѣляются рѣкою Нѣманомъ, и къ юго-западу — Гродненскою губерніею. Южные, Лидскій, Ошмянскій и Вилейскій, — съ Гродненскою и Минскою губерніями. Восточные, Вилейскій и Дисненскій, — съ Минскою и Витебскою.

По исчисленіямъ Виленской астрономической Обсерваторіи, протяженіе всей поверхности губерніи составляетъ 73,159 квадр. верстъ, или 768,0 квадр. геогр. миль.

По прямой линіи съ сѣвера на югъ, отъ границы Свенцянскаго уѣзда съ Ковенскою губерніею, выше селенія Синишки, до границы Ошмянскаго уѣзда ниже селенія Севявская

слобода, заключается 220 верстъ. Съ востока же на западъ отъ границы Вилейскаго уѣзда съ Минскою губерніею, вблизи мѣстечка Крайска до рѣки Нѣмана, на границѣ Трокскаго уѣзда отъ царства Польскаго, близъ мѣстечка Бирштаны, 224 версты.

Виленская губернія представляетъ песчаную равнину; въ ней нѣтъ ни одной цѣпи горъ. Живописные берега орошающихъ ее рѣкъ, и преимущественно Виліи и Нѣмана, увѣнчаны холмами, какъ обыкновеннымъ слѣдствіемъ углубленія рѣкъ, но не представляютъ постоянной грады горъ.

Въ городѣ Вильно уровень рѣки Виліи надъ моремъ составляетъ $55^1/_2$ саж., или 386 футовъ.

Самая возвышенная гора надъ морскимъ горизонтомъ, близъ деревни Цюпишки, въ Ошмянскомъ уѣздѣ, составляетъ 147 саж.

Въ геологическомъ отношеніи въ Виленской губерніи явственны признаки поздняго наноснаго происхожденія почвы. Она вообще песчаная и глинистая, но перемѣшанная съ нѣкоторыми посторонними веществами органическими и неорганическими, и въ-особенности черноземомъ, почти вездѣ способна къ воздѣлыванію, при тщательномъ удобреніи. Ленъ и пенька произрастаютъ съ успѣхомъ. Лѣсъ составляетъ одно изъ главнѣйшихъ богатствъ губерніи. Вообще подъ лѣсомъ полагается 1,331,717 десятинъ. Наводненія рѣкъ имѣютъ большое вліяніе на урожай, занося землю иломъ и способствуя къ ея удобренію.

Главныя рѣки: 1) *Нѣманъ*, имѣющій 15 пристаней для причала судамъ и плотамъ. Въ Нѣманъ впадаютъ, съ правой стороны: Вилія, Страва, Вержхпя, Меречанка, Ротничанка, Котра, Турія, Свѣнница, Деражная, Линичанка, Лебіода, Нѣманокъ, Зарѣчанка, или Ельненка, Дзитва, Наревъ, Гавія, Березина, Быстрая, Усса, Черная и Сула; съ лѣвой стороны: Щара, Мовчатъ, Прудовая и Черновка. Всѣхъ вообще рѣкъ, протекающихъ по Виленской губерніи и впадающихъ преимущественно въ Нѣманъ и Вилію и другія, считается 116.

Виленская губернія богата озерами: ихъ считаютъ до 330. Самыя большія, въ *Свенцянскомъ* уѣздѣ: *Нарочь* имѣетъ 11,500 саженъ длины, 7,500 ширины, 15 глубины; *Эйсяты* имѣютъ 10,000 саж. длины, 1,500 ширины, $14^1/_2$ глубины,

Свиръ 7,000 длины, 1,500 шир., 3 глуб.; въ *Диcненскомъ: Перебродзь* 4,000 длины, 3,000 шир., 18 глуб., *Укма* 4,000 длины 1,500 шир., 14 глуб.; въ *Трокскомъ: Трокское, или Гальва*, 3,000 длины, 1,000 шир. 20 глуб., *Окмяна* 2,500 длины, 1,500 шир., 12 глуб., *Давги* 7,000 длины, 1,000 шир., 15 глубины; въ *Виленскомъ: Дуинки* 10,000 длины, 500 шир., 20 глубины.

После третьяго раздѣла Польши, по манифесту 14 декабря 1795 года, четырнадцатая часть Литовскаго княжества, или воеводства Виленское, Трокское и княжество Самогитія, т.-е. Жмудь, присоединены къ Россіи, и изъ нихъ образованы двѣ губерніи: Виленская и Слонимская. 12 декабря 1796 года эти двѣ губерніи соединены въ одну, подъ названіемъ Литовской губерніи. 9 сентября 1801 года эта губернія раздѣлена на двѣ: на Литовско-Виленскую и Литовско-Гродненскую. Въ первой были уѣзды: Виленскій, Трокскій, Завилейскій (Свенцянскій), Ошмянскій, Вилкомирскій, Ковенскій, Браславскій (Ново-Александровскій), Упитскій (Поневежскій), Шавельскій, Тельшевскій и Россіенскій, и заключала, кромѣ губернскаго и уѣздныхъ городовъ, 191 мѣстечко. 24 декабря 1839 года Трокскій уѣздъ былъ упраздненъ, и губернія составлена изъ 10 уѣздовъ. 18 іюля 1840 года повелѣно именовать литовскія губерніи отдѣльно: Виленскою и Гродненскою. Наконецъ 1 іюля 1843 года (на основаніи Высочайшаго повелѣнія 18 декабря 1842 года) изъ семи уѣздовъ Виленской губерніи образована Ковенская губернія, въ составъ которой вошли слѣдующіе уѣзды: Вилкомирскій, Поневежскій, Ново-Александровскій, Шавельскій, Тельшевскій, Россіенскій и часть Ковенскаго, съ назначеніемъ города Ковно губернскимъ городомъ. Южная же половина, т.-е. уѣзды Виленскій, Ошмянскій и Свенцянскій, оставлены въ составѣ сей губерніи; въ замѣнъ же отошедшихъ уѣздовъ отдѣлены отъ Минской губерніи Вилейскій и Дисненскій и отъ Гродненской губерніи Лидскій уѣзды и возстановленъ Трокскій уѣздъ, къ которому приписано все пространство бывшаго Ковенскаго уѣзда до черты мѣстечка Румтишекъ.

Виленскій, Трокскій и Свенцянскій уѣзды, а также часть Ошмянскаго и Лидскаго, составляютъ древнее достояніе Литвы и принадлежали постоянно до 1795 года къ великому княже-

ству Литовскому. Въ 1413 году образовано было Виленское воеводство, въ составъ котораго входили нынѣшніе уѣзды Виленскій, Свенцянскій и Ошмянскій; Трокскій же составлялъ особое воеводство, образованное въ томъ же 1413 году. Вилейскій уѣздъ и юго-восточная часть Ошмянскаго уѣзда принадлежали къ Минскому княжеству — отчизнѣ Славянъ-Кривичей, съ 1300 года постоянно находившихся подъ властію князей литовско-русскихъ; впослѣдствіи уѣзды эти вошли въ составъ Виленскаго воеводства. Дисненскій уѣздъ былъ древнимъ достояніемъ Полоцкаго княжества, подчиненнаго владычеству Литовской Руси въ первой половинѣ XIII столѣтія, изъ котораго въ 1500 году образовано было особое воеводство. Наконецъ Лидскій уѣздъ, состоящій изъ бывшаго Дейновскаго княжества(*), частію Литовцевъ и Славянъ, занимающихъ южную часть уѣзда, во время Ольгерда составлялъ особое удѣльное княжество, причисленное потомъ къ Виленскому воеводству. Вилейскій и Дисненскій, послѣ втораго раздѣла Польши, съ 3 мая 1795 по 1 іюля 1843 принадлежали къ Минской губерніи. Лидскій уѣздъ съ 1795 года принадлежалъ къ Слонимской губерніи, потомъ съ 1801 къ Гродненской, а наконецъ съ 1 іюля 1843 года къ Виленской.

Населеніе губерніи по 9-й переписи въ 1855 году составляло

въ городахъ.	39,170 муж.	39,212 жен.
— уѣздахъ	364,365 —	372,315 —
а всего . .	403,535 муж.	411,527 жен.
		(815,062)

Въ томъ числѣ:

неподатныхъ	44,342 муж.	31,956 жен.
податныхъ	359,193 —	379,571 —

Противъ 8 народной переписи въ-теченіе 16 лѣтъ (съ 1834—1850) населеніе губерніи въ мужескомъ полѣ уменьшилось на 996 душъ, а въ женскомъ увеличилось на 27,544 души.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1851 году, населеніе губер-

(*) Дейновское княжество граничило съ Гродненскимъ княжествомъ, по р. Котру, съ нынѣшними уѣздами Волковыскимъ, Новогрудскимъ и Ошмянскимъ.

ніи по вѣроисповѣданіямъ представляетъ слѣдующіе выводы, въ общемъ итогѣ несогласные съ вышеприведенными свѣдѣніями, взятыми изъ дѣлъ Казенной Палаты :

православнаго.	92,181 м.	91,276 ж.	=	183,457
римско-католическаго.	313,551 —	321,138 —	=	634,689
евангелическаго. . . .	458 —	456 —	=	914
старообрядческаго . .	6,630 —	6,147 —	=	12,777
магометанъ	1,299 —	1,031 —	=	2,330
караимовъ.	257 —	259 —	=	516
евреевъ	30,151 —	40,506 —	=	70,657
	440,174 м.	456,744 ж.	=	896,918

Исповѣдующіе православную вѣру, съ весьма небольшими исключеніями, и всѣ старообрядцы принадлежатъ къ славянскому племени; бо́льшая часть р.-католиковъ — къ литовскому племени.

Магометанскую вѣру исповѣдуютъ Татары, которые, равно какъ Караимы, поселены здѣсь вел. кн. литовскимъ Витовтомъ. Первые взяты имъ въ плѣнъ въ 1395 году и привезены въ Литву цѣлыми улусами. Послѣдніе, вѣроятно, тогда же или во время втораго похода его въ 1398 году, какъ гласитъ преданіе караимскихъ синагогъ, переселены изъ Крыма въ числѣ 383 семействъ.

Евреи пришли сюда первоначально изъ Кіева въ XII столѣтіи.

Есть еще небольшое число Цыганъ, пришедшихъ въ эту страну около 1417 года. Сколько ихъ именно, неизвѣстно, потому-что они вошли въ составъ разныхъ сословій.

Такимъ-образомъ, видимъ, что Виленскую губернію населяютъ два главныя племена: славянское и литовское, различныя между собою происхожденіемъ, языкомъ, бо́льшею частію вѣроисповѣданіемъ и, несмотря на вѣковое сближеніе, еще во многомъ отличающіяся преданіями, нравами и обычаями. Поэтому, желая представить этнографическій очеркъ Виленской губерніи, мы должны отвѣчать на всѣ вопросы программы вдвойнѣ, особо о Славянахъ и особо о Литовцахъ, прежде же всего считаемъ необходимымъ представить раздѣленіе губерніи на эти два племени.

Для опредѣленія, хотя приблизительнаго, границъ этихъ двухъ поколѣній и сдѣланія, такимъ-образомъ, вывода о числѣ

населенія особо каждаго поколѣнія, представляются два средства: изслѣдовать названіе древнѣйшихъ мѣстъ, рѣкъ, озеръ и т. д. и изъ нарѣчій, къ которымъ принадлежатъ эти названія, опредѣлить границы. Этотъ способъ самый вѣрный, но здѣсь представляетъ особаго рода затрудненія; ибо сосѣдственныя поколѣнія, при безпрерывныхъ столкновеніяхъ и живучи въ близкомъ сосѣдствѣ, а нерѣдко въ одной и той же деревнѣ, перенимали названія, отчего одна и та же мѣстность часто бываетъ наполнена литовскими и славянскими названіями, такъ что весьма трудно провести между ними границу. Другое средство — изслѣдовать преданія народныя, согласить ихъ съ древними хрониками, изучить мѣстность въ-отношеніи нравовъ и обычаевъ, обращая вниманіе на нарѣчія, и, такимъ образомъ, извлечь изъ всего этого общій выводъ.

По этимъ даннымъ представляю хотя приблизительное разграниченіе Виленской губерніи по поколѣніямъ, составленное мною послѣ многолѣтнихъ изслѣдованій и усерднаго изученія мѣстностей, при пособіи и по указаніямъ во многихъ случаяхъ маститаго историка и глубокаго изслѣдователя литовско-русской старины Ѳеодора Евимовича Нарбутта.

Взявъ въ основаніе пунктъ при впаденіи рѣки *Ротничанки* въ Нѣманъ (на сѣверо-южномъ рубежѣ Трокскаго уѣзда), провести линію вверхъ по теченію Ротничанки до деревни *Лютъ*, далѣе, по прямому направленію на востокъ, до деревни *Кермуши*; потомъ по границѣ Гродненской губерніи до озера *Дупъ* и деревни *Романовъ*, или *Ромуве;* отсюда по прямой линіи до впаденія рѣки *Пелюсы* въ озеро того же названія, при деревнѣ *Дубичи*, потомъ вверхъ по рѣкѣ Пелюсѣ до устья ея при имѣніи Пелюса, далѣе границею, отдѣляющею приходъ *Заблоцкій* отъ *Радунскаго*, и вверхъ по рѣкѣ *Дзитвѣ* до впаденія ея въ рѣку *Оссовку*, далѣе по теченію этой рѣки до деревни *Подворонцовъ,* а потомъ на востокъ до деревни *Дайновка,* лежащей на правомъ берегу рѣки *Жижмы*, оттуда вверхъ правымъ берегомъ Жижмы до м. *Стокъ*; съ этого пункта до устья рѣки *Ошмянки* при имѣніи *Граужишки* и по теченію этой рѣки внизъ лѣвымъ берегомъ до впаденія ея въ Вилію; отсюда лѣвымъ берегомъ послѣдней до м. *Михайлишекъ*, потомъ до сѣвернаго берега озера *Свиръ*, затѣмъ на сѣверо-востокъ вверхъ по теченію рѣки *Струны* и *Отры*, а потомъ по

прямой линіи до м. *Поставы*; отсюда по границѣ Дисненскаго уѣзда до границы губерніи Ковенской, далѣе по этой границѣ до Нѣмана и наконецъ по теченію Нѣмана обратно до рѣки Ротничанки. Вся верхняя часть надъ этой полосой, или сѣверозападная часть губерніи, заселена литовскимъ поколѣніемъ, нижняя часть, или юго-восточная половина губерніи — славянскимъ племенемъ. Такимъ-образомъ, оказывается, что литовское племя занимаетъ цѣлые уѣзды Виленскій и Трокскій, сѣверныя части Лидскаго и Ошмянскаго уѣздовъ и сѣверозападную часть Свенцянскаго уѣзда. Остальное пространство губерніи, т.-е. Вилейскій и Дисненскій уѣзды, остальное пространство Свенцянскаго уѣзда населены Славянами-Бѣлоруссами, юго-восточная часть Ошмянскаго уѣзда и все пространство за правымъ берегомъ Дзитвы — Славянами-Кривичами. Въ Лидскомъ же уѣздѣ отъ озера Дупъ по границѣ Гродненской губерніи и приходы Лидскій, Новогрудскій и Заблоцкій населяетъ племя Чермноруссовъ. Юго-восточная часть уѣзда, а именно приходы: Оссовскій, Жирмунскій, Мытлянскій, Лидскій и Бѣлорусскій, составляла до XIV столѣтія особое княжество, извѣстное подъ именемъ Дейновскаго.

По этому распредѣленію, можно вывести приблизительное заключеніе, что въ Виленской губерніи

Славянскаго племени 177,091 м. 176,200 ж. = 353,290
Литовскаго . . . . . 195,738 — 192,959 — = 388,697 (*).

1. Наружность.

Въ-отношеніи наружныхъ примѣтъ и физическихъ свойствъ жители Виленской губерніи рѣзко отличаются отъ жителей великороссійскихъ губерній Россіи; но внутри различіе славянскаго племени съ литовскимъ, въ наше время, не всегда и не вездѣ замѣтно. Наружность жителя Виленской губерніи славянскаго племени совершенно сходна съ наружностью Бѣлоруссовъ, обитающихъ въ Минской, Могилевской и Витебской губерніяхъ; болѣе отличительныя черты лица встрѣчаются въ цѣломъ Трокскомъ уѣздѣ, въ смежной съ нимъ ча-

(*) Вообще Литовскаго племени считаютъ до 2,000,000 человѣкъ, въ томъ числѣ Литовцевъ и Самогитянъ, или Жмудиновъ, болѣе 1,300,000, Латышей 400,000, Куровъ 300,000.

сти Лидскаго уѣзда и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Виленскаго, Свенцянскаго и Ошмянскаго уѣздовъ, тамъ, гдѣ обитаютъ исключительно Литовцы и гдѣ господствующее — литовское нарѣчіе.

Литовцы, съ рѣдкими исключеніями, имѣютъ волоса бѣлокурые, въ юности совершенно бѣлые, доходящіе почти до цвѣта жемчуга, въ среднемъ возрастѣ и въ старости немного потемнѣе, но никогда не превращающіеся въ рыжій цвѣтъ. Глаза выпуклые, полные, голубые. Носъ бо́льшею частію античный, въ прямой линіи съ челомъ. Вообще лице и тѣло цвѣта совершенно бѣлаго. Женщины литовскія, тамъ, гдѣ обитаютъ одни Литовцы, очень красивы. Правильныя черты, бѣлый цвѣтъ лица, голубые глаза, бѣлокурые волосы и гибкій станъ отличаютъ ихъ отъ прочихъ туземцевъ. Такія красавицы славятся въ-особенности въ Трокскомъ, Ковенскомъ и Вилкомирскомъ уѣздахъ, въ другихъ мѣстахъ ничѣмъ или очень рѣдко разнятся отъ Бѣлоруссиновъ. Бѣлоруссы, или, правильнѣе, Русины, Виленской губерніи отличаются какъ отъ Литовцевъ, такъ и Великороссіянъ темнымъ цвѣтомъ волосъ и глазъ, нѣсколько выстающимъ носомъ и худощавостію.

Какъ Литовцы, такъ и Бѣлоруссы вообще роста средняго, отъ 2 арш. 3 вершковъ до 2 арш. 7 вершковъ; но часто случается видѣть въ 8, 9, 10, иногда и болѣе вершковъ. Ростъ Литовцевъ примѣтно уменьшается въ послѣднее время, ибо извѣстно, что прежде, во время привольной жизни среди лѣсовъ, войны и буйной отваги, между Литовцами попадались великаны. Мои собственные археологическіе поиски неоднократно убѣждали меня въ этомъ. У меня есть голень, вырытая въ Свенцянскомъ уѣздѣ въ курганѣ. Ежели всѣ члены были пропорціональны, то владѣлецъ ея имѣлъ, по-крайней-мѣрѣ, 16—18 вершковъ; но найденный при томъ черепъ чрезвычайно малъ и не соразмѣренъ съ этимъ ростомъ. Онъ сплюснутъ надъ глазами, такъ-что чела почти нѣтъ. Впрочемъ, еще и теперь случается встрѣтить человѣка ростомъ до 14 вершковъ, особенно на берегахъ Нѣмана и Виліи (*). Карлы между Ли-

(*) Во время послѣднихъ пяти рекрутскихъ наборовъ въ Виленской губерніи, произведенныхъ въ 1849—1850, 1852 и двукратно въ 1854 году, принято всего рекрутъ (кромѣ Евреевъ) 12,841. Въ томъ числѣ было ростомъ

товцами большая рѣдкость. Какъ Литовцы, такъ и Бѣлоруссы бороду и усы брѣютъ; нѣкоторые, однако, носятъ усы. Волосы носятъ длинные, съ раздѣломъ не пополамъ, но ближе къ правому виску. Литовцы же большею частію подстригаютъ въ кружокъ, съ вырѣзкою на челѣ, безъ всякаго раздѣла.

Крестьяне здѣшніе не отличаются особенною ловкостію и проворствомъ, болѣе безпечны и лѣнивы и хотя почти всѣ худощавы, но способны къ перенесенію физическихъ трудовъ самыхъ тяжкихъ, всякаго рода лишеній и недостатковъ. Кромѣ обыкновенныхъ дѣтскихъ болѣзней: оспы, одры, горлянки, здѣсь свирѣпствуютъ гнилыя горячки, кровавые поносы, лихорадки и колтунъ. Замѣчательно, что послѣдній рѣдко нападаетъ на Литовцевъ, и тамъ, гдѣ это племя живетъ отдѣльно, безъ смѣшенія и въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Бѣлоруссовъ, колтунъ почти неизвѣстенъ (*). Колтунъ въ Польшѣ и западныхъ губерніяхъ почитается мѣстною эпидемическою болѣзнію (plica polonica). Онъ поражаетъ всѣ сословія, не разбирая ни пола, ни состоянія, ни возраста, но только однихъ коренныхъ жителей. Лица, подверженныя какому-либо истощенію тѣла или душевнымъ потрясеніямъ, подвергаются внезапному появленію колтуна, постепенно усиливающемуся и нерѣдко дѣлающемуся наслѣдственнымъ. Болѣзнь эта свирѣпствуетъ въ-особенности въ мѣстахъ низменныхъ, хотя нерѣдко, при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, при одномъ и томъ же источникѣ, жители одной части деревни болѣе подвергаются ей, нежели жители другой части той же деревни.

въ	10	вершковъ	11.
—	9	—	79.
—	8	—	481.
—	7	—	1,424.
—	6	—	2,902.
—	5	—	5,194.
—	4	—	2,319.
—	3	—	461.

(*) Во время вышеприведенныхъ пяти наборовъ, изъ числа представленныхъ рекрутъ обраковано 9,713 человѣкъ, въ томъ числѣ по слабости сложенія 1,008, за грыжею 434, по обнаруженію колтунной болѣзни 171, прочіе — за неуказнымъ ростомъ, которыхъ, сравнительно, небольшое число, неуказныхъ лѣтъ и за разными случайными тѣлесными недостатками.

Холера свирѣпствовала здѣсь съ 5 апрѣля по декабрь 1831 года, съ 12 іюля по 1 декабря 1848 г. и лѣтомъ въ 1853 году, но дѣйствовала весьма слабо. Въ 1848 году въ цѣлой губерніи больныхъ было 14,376 человѣкъ; изъ того числа умерло 2,822. Самая бо́льшая смертность въ-сравненіи съ народонаселеніемъ была въ Вилейскомъ и Дисненскомъ уѣздахъ. Въ Вильно больныхъ было 2,055 челов.; изъ нихъ умерло 490. По увѣренію лекарей, холера слабѣе дѣйствовала въ приходахъ литов- нежели бѣлорусскихъ.

II. Языкъ.

Простой народъ въ Виленской губерніи говоритъ двумя языками: по-литовски или по-бѣлорусски. Литовскій языкъ въ общемъ употребленіи въ цѣломъ Трокскомъ уѣздѣ, отчасти въ Виленскомъ, почти въ половинѣ Лидскаго, и отчасти въ Свенцянскомъ и Ошмянскомъ, въ остальныхъ мѣстахъ Бѣлорусской. Приведенное нами разграниченіе губерніи по племенамъ яснѣе показываетъ, гдѣ какой языкъ въ употребленіи, съ нѣкоторыми, впрочемъ, исключеніями, ибо среди деревень, заселенныхъ Литовцами, есть мѣста, гдѣ говорятъ и по-бѣлорусски, и, наоборотъ, среди племени славянскаго есть поселенія Литовцевъ. Въ этомъ отношеніи болѣе однообразія въ Трокскомъ уѣздѣ, гдѣ почти исключительно говорятъ по-литовски, и бо́льшая часть крестьянъ другаго языка вовсе не знаютъ, а также въ Вилейскомъ и Дисненскомъ уѣздахъ, гдѣ господствуетъ бѣлорусское нарѣчіе; но и въ Вилейскомъ уѣздѣ есть деревни, жители которыхъ говорятъ по-литовски. Мѣщане, однодворцы и граждане говорятъ по-польски. Въ селеніяхъ, близкихъ къ городамъ, многіе крестьяне тоже знаютъ этотъ языкъ, по-крайней-мѣрѣ примѣшиваютъ много польскихъ словъ къ своему природному языку.

Почти всѣ говорящіе по-литовски исповѣдуютъ вѣру римско-католическую, и, наоборотъ, употребляющіе бѣлорусское нарѣчіе — бывшіе уніаты, нынѣ православные, съ небольшими исключеніями.

Бѣлорусское нарѣчіе, употребляемое жителями Виленской губерніи славянскаго племени, составляетъ нѣчто среднее между великороссійскимъ, украинскимъ и польскимъ. Оно нѣсколько разнится и отъ нарѣчія, которымъ говорятъ крестьяне

могилевской и бѣлорусской части Витебской губерніи, ибо тамъ болѣе русскихъ словъ, тогда какъ-здѣсь болѣе польскихъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что нарѣчіе, называемое нынѣ бѣлорусскимъ, именно то самое, которое употребляли древніе Кривичи. На немъ писаны были литовскіе законы, грамоты и всѣ публичные акты до временъ Стефана Баторія, который, не зная ни по-русски, ни по-польски, сталъ вводить въ употребленіе латинскій языкъ, сдѣлавшійся потомъ, при ревностномъ поборничествѣ іезуитовъ, дипломатическимъ. На бѣлорусскомъ нарѣчіи извѣстны слѣдующія, болѣе важныя книги: Статутъ Казимира Ягеллона 1492 г., Статутъ Литовскій, составленный въ 1505 г., исправлявшійся въ 1522, 1529, 1564 и 1588 гг. (печатаемъ былъ въ 1856, 1858 и 1821 г.), Трибуналъ великаго князя литовскаго 1581., Лѣтописецъ Литовскій и Русскій (изд. Даниловичемъ въ 1827 г.), Хроника Быховца (изд. Нарбуттомъ въ 1846 г.), Библія, изд. Скорины въ 1517 (въ Прагѣ, а потомъ, въ 1585 году, въ Вильно), Псалмы, Апостольскія дѣянія, его же, изд. 1525 г., Посланія апост., 1528 г., и много другихъ.

Въ бѣлорусскомъ, или кривичанскомъ, нарѣчіи замѣтно сходство съ польскимъ, въ-отношеніи глаголовъ, въ измѣненіяхъ буквъ б на дз, т на ць. Замѣчательно, однако, что въ глаголахъ для указанія различія лицъ не употребляются измѣненія окончаній самыхъ глаголовъ, но прибавляются мѣстоимѣнія личныя. Напр., Украинецъ, по образцу польскаго языка, скажетъ: *ходылъ*, *ходыла*, *ходыло;* здѣсь же говорятъ, согласно съ правилами великороссійской грамматики: *я хадзіу*, *ты хадѕила*, *іано* (оно) *хадзило*. Буква *д* большею частію замѣняется звукомъ *дз;* вмѣсто же *л* почти всегда употребляютъ *у*, соединяя ее съ предъидущею гласною. Такъ, напр., *даў* (далъ); *любиў* (любилъ); *ѣхаў* (ѣхалъ) и. т. д. То же самое употребляется въ словахъ, заимствованныхъ изъ другихъ языковъ: напримѣръ, *жауніеръ*, съ польскаго *żołnierz* (солдатъ); *кауніеръ* — *cołnierz* (воротникъ); *аутаръ* — алтарь; *каутунъ* — колтунъ; въ окончаніяхъ же нѣкоторыхъ словъ женскаго и средняго рода бук. *л*. не исключается: напримѣръ, *я была*, *ано было*.

Буква *у* въ соединеніи съ словами, а въ нѣкоторыхъ слу-

чаяхъ и отдѣльно употребляется вмѣсто предлоговъ: напримѣръ, *у дворѣ*, *у селѣ*.

Къ словамъ, начинающимся буквою *о* и нѣкоторыми другими гласными, почти всегда прибавляется буква *в.:* напримѣръ, *вокно* (окно), *воко (око)*, восень (осень); вулица (улица).

Вмѣсто буквы *ф* употребляютъ *х* или *п:* напр., *хвальварокъ* (фольварокъ), пранцузъ (французъ), *ахвицеръ* (офицеръ), *хвигура* (фигура), *хвига* (съ польскаго *figa*, — кукишъ). Точно также слова, происходящія съ польскаго и начинающіяся латинскою буквою *g*, замѣняются русскою *г:* напр., *ганечекъ* вмѣсто *ganeczek* (крылечко). Подобнымъ образомъ въ словахъ, перешедшихъ съ польскаго, буква *р* замѣняется буквою *л* или *н:* напр., левизоръ вмѣсто ревизоръ; *нѣкрутъ* вмѣсто рекрутъ; *алендаръ* вмѣсто арендаръ (т.-е. арендаторъ, aredarz).

О очень часто измѣняется въ *а: агонь, асмина*; если въ началѣ слова стоитъ буква *е*, то она переходитъ въ *а:* акономъ (экономъ); *ѣ* и *е* почти всегда переходятъ въ *и: нима* (*nieта* нѣтъ), *злитаець* (слетаетъ); *у чисьцинкомъ* (въ чистенькомъ). Точно также русское окончаніе на *ій* замѣняется одною буквою *и: цихи* (тихій), *цяжки* (тяжкій).

Предлогъ *съ* предъ словами, начинающимися буквами *б л м п о у з*, замѣняются бук. *з: збогомъ* вмѣсто съ Богомъ; *злюдзьми* — съ людьми *(z ludzmi)*; *змяты* — смятый (zmięty); *зняты* снятый; *зозера* — съ озера; *зуха* — *съ уха; ззалоўки* — съ заловки; *збиты* — сбитый; *зсаломы* — изъ соломы.

Измѣненія частей рѣчи такія же, какъ и въ русскомъ языкѣ. Прилагательныя имена и нарѣчія имѣютъ три степени сравненія, съ сокращеніями на концѣ, которыя отличаютъ ихъ отъ русскихъ выраженій. Въ превосходной степени прибавляется *най* (съ польскою *naj*): *найкраснѣйши* — прекраснѣйшій; *найлепшъ* — всего лучше; *найбольшъ* — всего болѣе.

Въ именительномъ и винительномъ падежахъ имена прилагательныя жители береговъ Нѣмана оканчиваютъ на *е: бѣлые*, *дробные* (мелкіе); жители же береговъ Двины — на *я: бѣлыя*, *дробныя*.

Окончаніе уменьшительныхъ именъ существительныхъ жители восточныхъ уѣздовъ губерніи произносятъ, какъ Рус-

скіе: *садочикъ, вяночикъ*, а въ западныхъ уѣздахъ: *садочекъ, вяночекъ*.

Въ родительномъ падежѣ мѣстоименій и именъ прилагательныхъ тоже бываетъ разница: одни говорятъ: *да маѣ миленкаѣ*, а другіе — *да маей миленкой*.

Мѣстоимѣніе себѣ, соединяясь съ глаголами, измѣняется прибавленіемъ къ глаголу послѣ гласной *ся*, *сѣ*, *си*, а послѣ согласной *ца* и *це: любицце, любицися*.

Въ именахъ существительныхъ находится двойственное число: *двѣ руце, двѣ шкодзѣ* (два вреда, убытка).

Глаголы въ неопредѣленномъ наклоненіи оканчиваются на *ци* или *ць: прасци, прасць;* женицисѣ, женицца. Въ третьемъ лицѣ единственнаго числа настоящаго времени говорится *скачець и скаче, плачець и плаче*. То же самое при окончаніяхъ на ѣць: *злетаець, злетаѣ*. На берегахъ же Двины, гдѣ *ѣ* произносится какъ *и*, не отбрасывая, однако, ц: *злетаиць, скачиць*.

Въ восточныхъ уѣздахъ въ повелительномъ наклоненіи такая же форма, какъ и въ русскомъ словѣ *итти: пошоў робиць* (работать), *пошли тушиць*.

Причастія настоящаго времени оканчиваются на *чи* и *я*, прошедшаго на *уши* (вши), а прилагательныя на *вій*, *ая*, *ее*: *паси*, *робѣчи*, *аручи*, *жнучи*, *ходзя; рабѣуши*, *арауши*, *хадзіуши; арующій*, *працующая*, *бѣдоваушое*. Давно-прошедшее употребляется по образцу польскаго *сказаў бы* (powiedzicał-by), *зрабіў бы* (zrobłtby).

И здѣсь, какъ въ великороссійскомъ нарѣчіи, перемѣна ударенія измѣняетъ значеніе слова: *ко́ня* — хищная птица; *ка̀ня* — коня, лошади. *Сыры́* — сырой; *сы́ры* — сыры. *Гадзіна* — часъ, *га̀дзина* — змѣй.

Имена существительныя женскаго рода, оканчивающіяся на *га*, въ третьемъ падежѣ оканчиваются на *зѣ: сѣрмяга — сѣрмязѣ*, *присяга — присязѣ*, *адвага — адвазѣ*. (*)

(*) Замѣчательно, что такой же оборотъ рѣчи употреблялся еще во времена знаменитаго пѣвца древней славянщины. Въ *Словѣ о полку Игоря*, при описаніи кроваваго боя князя Всеслава съ Изяславомъ въ 1067 году надъ рѣкою *Нѣмигою*, говорится: *на Немизѣ сноны стелютъ головами*... (См пер Гербеля, стр 98). Кстати будетъ указать здѣсь на ошибку

Послѣ продолжительныхъ и разнорѣчивыхъ толкованій о происхожденіи Литовцевъ, нынѣ, кажется, никто уже изъ людей просвѣщенныхъ не сомнѣвается, что племя литовское *самостоятельное* и языкъ литовскій *самобытный*.

Множество славянскихъ, греческихъ, латинскихъ и германскихъ словъ, вкоренившихся въ литовскій языкъ, ввело нѣкоторыхъ изыскателей въ заблужденіе насчетъ самобытности литовскаго языка; но кому хорошо знакомы судьбы литовскаго народа, тотъ не будетъ удивляться этому введенію чужеплеменныхъ словъ. Что языкъ литовскій есть коренной, самобытный, какъ греческій или славянскій, въ томъ убѣждаютъ литовскія названія важнѣйшихъ занятій человѣка, ближайшихъ въ употребленіи предметовъ и даже отвлеченныхъ понятій. Слова эти не заимствованы ни изъ какого извѣстнаго языка и доказываютъ самостоятельность языка литовскаго.

Мы не станемъ приводить здѣсь этихъ словъ въ доказательство нами сказаннаго, но отсылаемъ читателя къ словарю литовскихъ коренныхъ словъ, помѣщенному въ сочиненіи замѣчательнаго изслѣдователя литовскихъ древностей *Богуша: О началѣ народа и языка литовскаго* (1808). Въ этомъ словарѣ помѣщены слова, относящіяся къ военному ремеслу, названія разныхъ предметовъ въ домашнемъ употребленіи, къ мореходству, яствамъ, предметамъ отвлеченнымъ и названія нѣкоторыхъ наукъ, искусствъ и предметовъ, къ нимъ принадлежа-

---

Карамзина, который думалъ, что *Нѣмига* значитъ *Нѣманъ* (см. II т., стр. 43, изд. Эйнерлинга). Этому повѣрили переводчики прославленной поэмы Гербель (стр. 102) и Бѣлевскій (на польскомъ языкѣ). Но Нѣменъ, или Нѣманъ, никогда нигдѣ не назывался даже въ простонародьи Нѣмигою. Нѣманъ отъ мѣста описываемаго боя находится въ 84 верстахъ. Нѣмига же текла въ самомъ г. Минскѣ (губернскомъ), въ такъ-называемомъ старомъ городѣ, отчего названа Нѣмигою и эта часть города. Рѣка эта нынѣ совсѣмъ высохла; но весною она принимаетъ размѣры большой рѣки, наводняетъ улицы, такъ-что жители сообщаются другъ съ другомъ на лодкахъ. Она вытекала изъ горъ, окружала бывшія укрѣпленія Минскаго замка и впадала въ р. Свислочъ. Извѣстный польскій писатель Вл. Сырокомля (Л. Кондратовичъ), въ прекрасно написанной хроникѣ г. Минска (см. №№ 127—129 и др. «Газеты Варшавской» 1854 года), весьма логически доказываетъ, что боянъ, воспѣвавшій Всеслава, господствовавшаго въ Минскѣ, жилъ, хотя нѣкоторое время въ царствованіе Ярослава и Святослава, *въ Минскѣ*.

щихъ. Языкъ литовскій довольно богатъ, звученъ, способенъ къ метрическимъ стихамъ. Смѣшеніе его съ языками славянскимъ и другими, какъ полагаютъ знатоки, не только не придало ему красы, но ослабило его силу. Земли, осужденныя на частыя столкновенія съ чужеземцами, болѣе исказили языкъ, и оттого въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно въ Самогитіи, языкъ литовскій раздѣлился даже на нѣсколько нарѣчій, сродныхъ съ собою, но отличныхъ удареніями и особенностію выраженій. Литовскіе барды, *Burtinikas*, воспѣвали подвиги своихъ вождей, отраженіе кровавыхъ набѣговъ враговъ; изъ рода въ родъ передавали дѣла своихъ предковъ. Жрецы воспѣвали славу своихъ боговъ; странствующіе нищіе, гадатели, даже дѣвушки слагали новыя пѣсни или изучали старыя и пѣли при всѣхъ житейскихъ случайностяхъ. Труды и игры, религіозные обряды и воинскіе набѣги сопровождались пѣніемъ. Эти пѣсни, вѣрный отпечатокъ нравовъ и характера древнихъ Литовцевъ, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе, дошли до нашихъ временъ въ первобытной чистотѣ. Берега многочисленныхъ озеръ Трокскаго уѣзда, дубовыя рощи, высокіе курганы и нынѣ оглашаются звуками древнихъ литовскихъ пѣсенъ, въ которыхъ нерѣдко встрѣтишь воспоминанія о литовскихъ, еще языческихъ, обыкновеніяхъ, обрядахъ, встрѣтишь даже имена идоловъ, которымъ почти шесть вѣковъ уже народъ пересталъ поклоняться.

Гораздо бѣднѣе письменность на литовскомъ языкѣ. Древнимъ Литовцамъ извѣстны были письмена руническія. Нарбуттъ раздѣляетъ ихъ на три рода: руны, заимствованныя отъ Варяговъ, біармскія и собственно литовскія. Первыя два рода рунъ употреблялись на монетахъ и печатяхъ, послѣдніе — жрецами накапищахъ, хоругвяхъ и разныхъ священныхъ сосудахъ. Политическія событія, измѣнившія образъ мыслей и направленіе литовскихъ властителей, не дозволили литовскимъ письменамъ ни удержаться въ употребленіи, ниже усовершенствоваться. Названія письменности (Rasztas, raszau), буквъ или знаковъ (Raszytine), знаковъ препинанія (Zimele-Tarpbrussznelis), пѣсни (Dainos), преданія, повѣсти (Lekime), загадокъ (Mysles Klausimas), разсказа (pasakojimas), дѣяній (Nasidawimas) и т. п. ясно убѣждаютъ, что языкъ литовскій былъ письменнымъ и до XIV столѣтія не только находился въ общемъ употребле-

нія, но даже могъ быть довольно обработаннымъ. Но на этомъ онъ и остановился. Литва со временъ Ольгерда, Гедимина, Ягайлы и Витовта, составляя незначительную часть въ числѣ русскихъ княжествъ, одному князю подвластныхъ, естественнымъ образомъ не могла развить свой языкъ. Литовскій языкъ употреблялся только въ проповѣдяхъ, въ домашнемъ быту народа и даже двора; но дипломатическимъ, оффиціальнымъ и судебнымъ сталъ языкъ русскій, или, лучше, кривичанскій. Дѣла разбирались и судились долго еще по-литовски, но записывались въ книги или акты по-русински. Точно также и въ единоплеменной Пруссіи еще въ 1309 году в. магистръ крестоносцевъ Сигфридъ фонъ-Феухтвагенъ особымъ повелѣніемъ воспретилъ употребленіе природнаго языка. Вотъ почему мы не имѣемъ, кромѣ руническихъ надписей на нѣкоторыхъ идолахъ и монетахъ, никакого письменнаго памятника литовскаго языка.

Лѣтописецъ Альбертъ (Alberti Chronicon, p. 527) утверждаетъ, что Вильгельмъ, епископъ моденскій, находясь въ Пруссіи и изучивъ языкъ, перевелъ на литовскій языкъ грамматику Доната около 1223 года. Но только и знаемъ мы объ этой грамматикѣ. Іезуиты были ревностными поборниками литовскаго языка. Ихъ стараніемъ и трудами переведены въ XVI столѣтіи на литовскій языкъ священное писаніе, псалмы и разныя духовныя пѣсни. Въ 1561 изданъ въ Кёнигсбергѣ катехизисъ на нѣмецкомъ и прусско-литовскомъ языкахъ.

Въ послѣднее время, особенно въ Пруссіи, стали издавать много книгъ на литовскомъ языкѣ, но преимущественно духовнаго содержанія. Въ Пруссіи Бреткунасъ, Хилинскій, Квандтъ, Доналейтисъ, Ругикъ, Мельске и др. много писали по-литовски. Изъ нихъ Доналейтисъ пользуется даже славою поэта (умеръ около 1780 года). Онъ, между-прочимъ, написалъ поэму *Четыре Времени Года*, въ которой прекрасно изобразилъ домашній бытъ народа. Поэму эту перевелъ на нѣмецкій языкъ д-ръ Л. І. фонъ-Реза и напечаталъ, вмѣстѣ съ подлинникомъ, въ Кёнигсбергѣ въ 1818 году. Этотъ же Реза собралъ и издалъ литовскія народныя пѣсни. Самогитскій епископъ князь Іосифъ Арнульфъ Гедройцъ перевелъ на литовскій языкъ Новый Завѣтъ. Вотъ его заглавіе по-литовски: Naujas istatimas Sezaus Christaus Wieszpaties musu, Lietuwiszka lezuwiu iszgul-

ditas, pas Jozapa Arnulpa-Kunigajkszti Giedrajti Wiskupa Ziemajciu, zenklinika S. Stanisława: Jszspanstas pas Cunugus Missionarius, Wilniuje 1816. Евангеліе это посвящено имени Императора Александра I. Ксендзъ Станевичъ писалъ остроумныя литовскія басни. Кромѣ-того, въ послѣднее время издается много разныхъ сочиненій.

Извѣстнѣйшіе словари литовскаго языка: Ширвида, Милка, Гаака. Императрица Екатерина II въ сравнительномъ словарѣ включила много литовскихъ словъ.

Извѣстнѣйшая литовская грамматика издана была въ Вильно іезуитами, еще въ 1713 году подъ заглавіемъ: Universitas linguarum Lithvanicas, in principali Ducatus ejusdnm dialecto. Изъ новѣйшихъ грамматикъ извѣстны: Клейна, Шульзена, *Haack'a*, *Ruhig'a*, *Mielck'a* и Коссаковскаго.

Собраніе литовскихъ пѣсенъ, переведенныхъ на русскій языкъ П. В. Кукольникомъ, помѣщено въ изданной Виленскимъ Губернскимъ Статистическимъ Комитетомъ книгѣ, подъ заглавіемъ «Черты изъ исторіи и жизни литовскаго народа» (Вильно, 1854 г.). Здѣсь мы приведемъ нѣсколько пѣсенъ, а также пословицъ и поговорокъ въ подлинникѣ, съ переводомъ:

НА ЛИТОВСКО-ПРУССКОМЪ НАРѢЧІИ.

O wakor wakaratij,	Вчера въ вечеру, вчера,
Prapule manu owate.	Пропала моя овца.
Aj! kas gelbés jeszkoti,	Ахъ, кто жь мнѣ поможетъ искать
Manu wienturtę owatę.	Мою единственную овечку.
Jszejau pas Aussrinnę.	Пошла я къ зарѣ.
Ausrinne atsilepe:	Заря отвѣчала:
Aź angsti ryt sautelej	Я должна утромъ солнцу
Turru prakart ugneti.	Огонь разжигать.
Jszejau pas Wakarinnę.	Пошла я къ вечерней звѣздѣ.
Wakarinne atsilépe:	Звѣзда вечерняя сказала:
Az Wakareis Sautelej	Я должна въ вечеру солнцу
Turru klot patałeli.	Ложе постилать.
Jszejau pas Meneseli,	Пошла я къ лунѣ.
Meneselis atsilépe:	Луна отвѣчала:
Aż Kardu perdalutas;	Я разсѣчена мечемъ.
Nuludis mano wejdélis!	Печаленъ мой обликъ.

Iszejau pas Sauteże	Пошла я къ солнцу.
Saułuże atsilepe:	Солнце отвѣчало:
Dewynes dienas jezkosn;	Девять дней будешь искать,
O deszimta nej nusilejsu.	А десятаго (я) не буду закатываться.
Kur paliku deeewa sirgi?	Куда дѣвались божія кони?
Deewa dehli jahdija.	Божіи сыны на нихъ поѣхали.
Kur aisjahje Deewa dehli?	Куда поѣхали божіи сыны?
Saułes mejtos raudsitees.	Искать дочерей солнца.
Patti Saułe atbildeja:	Солнце само сказало:
Mazi manni behrnini,	Дѣти мои маленькія,
Mazas mannas dahwanas.	Маленькое ихъ я приданое!

ПО-ЛИТОВСКИ:

Skrindau Kaunis iź tola	Летѣлъ Каунисъ (*) издалека,
Kur wassara umżynoja,	Гдѣ царствуетъ вѣчное лѣто.
Man pasake Naszaugole	Этотъ карличокъ мнѣ сказалъ.
Jog tinaj mejlis karaujoja:	Что тамъ воюетъ мой любовникъ,
Unt szirwu arklu rejtważoja,	Пріѣдетъ на сивомъ конѣ,
Su didu iżdu nuopłesiu.	Съ большой добычей дорогихъ сокровищъ.
Ej sugriźe Dewulesiu!	О, возвратись, маленькій божокъ!
Paimk jus unt sanos sparnos,	Возьми его на крылья свои
Atneszk man jus swejku tiktej,	Да принеси мнѣ его только здороваго.
Ne noru aź brungiu dikłej,	Не хочу я дорогихъ камней —
Gań man sakos apimirnos.	Довольно мнѣ его объятій!
Prapałtas żmogus,	Пропащій человѣкъ,
Kur pasidiesiu?	Куда я дѣнусь?
Kas mana aszaras,	Кто мои слезы
Czion nuramins?	Здѣсь осушитъ?
Oj ejsu, asz ejsu,	Охъ, пойду я, пойду
Ji giła gireli	Въ глубокую пущу,
Ju giła gireli,	Въ глубокую пущу,
Pas tejsu useli	Къ справедливой ясени.
Ten Diewas tejsingas,	Тамъ богъ справедливый
Man iszkłausis.	Меня выслушаетъ,
Mana wargus,	Мои страданія,
Mana bedas	Мои горести
Nuramins....	Облегчитъ....

(*) Каунисъ — литовскій Амуръ, сынъ Мильды, литовской Венеры. Жилъ въ Ковно.

Вотъ еще языческая пѣсня, которую до сихъ поръ поютъ въ окрестностяхъ Вильно, въ день св. Петра:

Dydisie musu,	Дыдисъ нашъ,
Dewejte musu,	Божокъ нашъ.
Czuta, ruta,	Чута, рута,
Czuteła, ruteła,	Чутела, рутела,
Musu!	Нашъ! (*)
Dowenok raktus,	Подари намъ ключи,
Nupint wajnikus.	Сплести вѣночикъ...
Czuta, ruta,	Чута, рута,
Czuteła ruteła	Чутела, рутела...
Wajnikus!	Вѣночикъ!
Sujung manis,	Соедини насъ,
Priglausk mumis.	Приголубь насъ...
Czuta, ruta,	Чута, рута,
Czuteła ruteła,	Чутела, рутела...
Mumis!	Насъ!
Dudisie musu,	Дыдисъ нашъ,
Dewajte musu,	Божокъ нашъ.
Czuta. ruta,	Чута, рута,
Czuteła ruteła	Чутела, рутела,
Musu!	Нашъ!
Sutark, prigłausk,	Помири, приголубь,
Raktelems rausk,	Ключами свяжи...
Czuta, ruta,	Чута, рута,
Czuteła, ruteła,	Чутела рутела...
Nausk!	Свяжи!

ПОСЛОВИЦЫ (PRIEŻODIS).

Gienis margs, żmogaus giwenims dar margiesnis.
Пестръ дятелъ, а жизнь человѣческая еще пестрѣе.
Su Diewu negali bartis.
Богъ не смотритъ на состояніе человѣка.

(*) Чута, рута, чутела, рутела не имѣютъ никакого особеннаго значенія. Это нѣчто *въ-родѣ ля, ля ля!* Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поютъ цѣлыя пѣсни хоромъ изъ однихъ этихъ восклицаній. Кромѣ этихъ припѣвовъ, часто употребляютъ еще восклицанія, тоже не имѣющія значенія, но взятыя съ польскаго: гопъ, гопъ, го, го!

Кунтай, балабай!
Джунгеса, Гоферпеса!
Минджура!
Гога!

О Дудусѣ нѣтъ вѣрныхъ свѣдѣній. Нѣтъ ли тутъ связи съ славянскимъ припѣвомъ: дидъ, ладо, дидъ!

Dangus auksztaj, ant žiames kiet.
Небо высоко, а на землѣ жестко.
Gieltine ne weizd Dantû.
Смерть дня не дожидается.
Diews wislab iszlaiko.
Кому Богъ сулитъ, тому и даетъ (сдержитъ). (*)

III. Домашній бытъ.

Грустно описывать домашній бытъ здѣшнихъ крестьянъ! Бѣдные труженики, кровавымъ потомъ снискивающіе дневное пропитаніе, съ удивительною энергіею и мужествомъ переносящіе свое жалкое положеніе, съ непонятнымъ самоотверженіемъ жертвующіе всѣми своими силами съ самаго младенческаго возраста, съ дѣтскою любовью привязанные къ своей родной землѣ, не пользуются часто не токмо всѣмъ необходимымъ для безбѣдной жизни, но нерѣдко бываютъ удручены самыми тяжкими нуждами и далеко не достигаютъ той степени домашняго благоденствія, какимъ пользуются крестьяне внутреннихъ губерній.

Постараемся передать сколь можно болѣе вѣрную картину домашняго быта крестьянъ здѣшней губерніи. Въ этомъ отношеніи разницы между Литовцами и Бѣлоруссами самыя незначительныя.

1) Деревни здѣшнихъ крестьянъ состоятъ изъ 10, 20, иногда 50 и 70 дворовъ. Крестьянскій дворъ, со всѣми принадлежностями, называется по-бѣлорусски *хата*. Хатою же называютъ и жилой домъ. На прилагаемомъ чертежѣ представлена такая хата снаружи (подъ № 18). Она строится обыкновенно изъ еловаго или сосноваго дерева, нѣкоторыя — на каменныхъ фундаментахъ, что́, впрочемъ, очень рѣдко. Хата раздѣляется обширными сѣнями на двѣ избы. Изъ нихъ въ жилой (№ 1) большая печь для печенія хлѣба (№ 2), большой столъ (№ 3), на которомъ обѣдаютъ и ужинаютъ, пользующійся особеннымъ уваженіемъ, такъ-что на немъ никому не позволятъ лечь, а рѣдко и сѣсть. Кругомъ стола и избы простыя скамьи. Кромѣ-того, особая широкая скамья, насупротивъ стола, на которой ставятъ воду и другіе хозяйствен-

(*) Собраніе пословицъ въ переводѣ Кукольника въ «Чертахъ изъ ист. и жизни лит. нар.»

ные сосуды. Часть избы обыкновенно отъ печки отдѣляется особою перегородкою, за которою сдѣлано изъ простыхъ досокъ возвышеніе—*палаци*, на которыхъ спятъ (№ 4). Въ нѣкоторыхъ избахъ такой перегородки вовсе не бываетъ. Въ углу избы Распятіе или какой-нибудь образокъ. У болѣе зажиточныхъ крестьянъ, весьма немногихъ, бываютъ еще особыя небольшія комнатки, называемыя *святлицы*, убранныя образами. Здѣсь стоятъ кровать для гостей или самого хозяина, шкапъ, небольшой столикъ и нѣсколько скамеекъ. Передъ печью сдѣланъ особый каминъ, куда загребаютъ жаръ. Печи дѣлаютъ изъ глины, выкладывая только внутри кирпичемъ. Полъ изъ глины. Жилой домъ снаружи не отесанъ, внутри не штукатуренъ. Крыша вездѣ соломенная, называемая *стржеха*. Она довольно прочна и можетъ простоять до 25 и болѣе лѣтъ. Трубъ почти нигдѣ нѣтъ. Отъ этого хаты называются *курными*, т.-е. наполненными дымомъ, который выпускаютъ черезъ окно и двери, а также въ душники, устроенные за печкой, отчего дѣти и даже взрослые нерѣдко въ зимнее время, и особенно въ большіе морозы, подвергаются простудамъ и страшнымъ недугамъ; но крестьяне этому не вѣрятъ. Они говорятъ: *наши бацьки такъ жили!* и неохотно соглашаются на введеніе трубъ. Этотъ предразсудокъ имѣетъ самое вредное вліяніе на здоровье. При тѣснотѣ, духотѣ, при сквозной тягѣ воздуха, когда воздухъ внизу холоденъ, а вверху удушливъ, невозможно, чтобы и самая крѣпкая натура не подвергалась недугамъ и поврежденію организма. Поэтому-то статистическія таблицы смертности, особенно въ дѣтскомъ возрастѣ, представляютъ ужасающіе результаты. Въ послѣднее время нѣкоторые помѣщики, въ-особенности гр. Райкольдъ Тызенгаузъ, князь Пузыно, г-жа Бучинская, урожденная графиня Гинтеръ, Нясецкій и другіе, обратили особенное вниманіе на удобства жизни своихъ крестьянъ, построили цѣлыя деревни и въ нихъ печи вездѣ съ трубами. Избу освѣщаютъ лучиной изъ сосноваго дерева, хорошо высушенною. Лучину затыкаютъ въ особо устроенное отверстіе въ печкѣ или въ особый изъ дерева сдѣланный для этого постаментъ. Отопляютъ дровами или хворостомъ.

Сѣни (№ 5) бываютъ обыкновенно большія, въ которыхъ зимою содержатъ телятъ, поросятъ и проч.

Насупротивъ жилой избы, черезъ сѣни, находится особая изба, называемая *клецъ* (№№ 6 и 7), съ каменною печкою, нагрѣваемою въ большіе морозы. Она служитъ для склада разныхъ съѣстныхъ припасовъ, варива и другихъ предметовъ, на зиму заготовляемыхъ. Надобно прибавить, что въ жилой избѣ соблюдается чистота, сколько таковая возможна при тѣснотѣ и сообществѣ съ домашнимъ скотомъ, нерѣдко зимою содержимымъ въ самой избѣ; но скамьи и столъ всегда вымыты.

Передъ жилымъ домомъ небольшой дворикъ (№ 8), очень часто садикъ съ цвѣтами и цѣлебными травами (№ 11), у многихъ колодезь (№ 12) на дворѣ.

Прочія хозяйственныя строенія каждаго крестьянскаго двора, или хаты слѣдующія: анбаръ, по здѣшнему *свирнъ*, или клецъ (№№ 9 и 19), почти всегда на каменномъ фундаментѣ, съ деревяннымъ поломъ, безъ потолка. Здѣсь складываютъ хлѣбъ въ зернѣ и прочіе большей стоимости предметы. Овинъ, по-здѣшнему, *гумно*, бываетъ двоякій: въ мѣстахъ, изобилующихъ лѣсомъ, *съ осѣцью*, т.-е. съ печкой, посредствомъ которой высушиваютъ прежде снопы, а потомъ молотятъ; въ мѣстахъ же безлѣсныхъ овины безъ осѣтей, и такіе овины называютъ сталолами. Мѣсто передъ овиномъ, гдѣ сушатъ хлѣбъ и складываютъ сѣно, называютъ *гумниско*. Сарай, гдѣ складываютъ сѣно, иногда хлѣбъ, называютъ *пуня*, или *адрина*; а куда загоняютъ скотъ — *хлѣвъ*, или *хлѣу*. Навѣсъ, гдѣ стоятъ сани и тѣлеги и гдѣ рубятъ дрова, называютъ *повѣтка*. Лошадей ставятъ вмѣстѣ съ скотомъ или въ *пунѣ*. Всѣ эти строенія сдѣланы изъ мелкаго дерева; иногда стѣны плетутъ изъ лозы и хвороста. Крыши на всѣхъ строеніяхъ соломенныя.

Деревни построены обыкновенно въ одну линію; дома строятся по обѣимъ сторонамъ улицы (№ 16), а ежели небольшія деревушки, то съ одной стороны.

2) Одежда здѣшнихъ крестьянъ неприхотлива и однообразна. Литовцы и Славяне одѣваются почти одинаково. Дѣти обоего пола до 5 и 6 лѣтъ ходятъ босикомъ, въ однѣхъ рубашкахъ изъ толстаго домашняго холста. Дѣвушки и замужнія женщины носятъ рубахи (кашули) изъ домашняго холста, такія же юбки (сподницы), передникъ, или фартукъ, ситцевый, обыкновенно цвѣтной и узорчатый, корсетъ изъ синяго сукна

или какой-либо недорогой цвѣтной ткани, бо́льшею частію красной или зеленой, безъ рукавовъ, съ прорѣзомъ на срединѣ или на боку груди связанный ленточкою, обыкновенно красной, подъ шеею. На шеѣ бисеръ, или *карали*, изъ стекла, въ нѣсколько нитокъ. На головѣ цвѣтной или бѣлый платокъ, а зимою у замужнихъ теплый капторъ. У дѣвушекъ изъ-подъ платка спадаютъ двѣ сплетенныя косы, съ ленточками на концахъ, лѣтомъ украшены полевыми цвѣтами; въ большіе праздники, на свадьбахъ или крестинахъ дѣвушки являются иногда и безъ платка, въ однихъ волосахъ, испещренныхъ цвѣтами. Во время лѣтнихъ работъ, въ нѣкоторыхъ литовскихъ приходахъ, женщины носятъ черныя юбки изъ крашенаго холста и такія же длинныя и широкія покрывала, прикрѣпленныя къ головѣ. Во многихъ мѣстахъ лѣтомъ и осенью въ праздничные дни сверхъ этого костюма надѣваютъ свитку, или *катанку*, изъ синяго сукна, домашняго или тонкаго, покупнаго, смотря по состоянію, въ будни же изъ обыкновеннаго сѣраго домашняго сукна, а зимою — овчиные домашніе полушубки *(кожухи)*, рѣдко тулупы; на ногахъ, въ праздники и на пиршествахъ, кожаные башмаки и чулки, въ обыкновенное время лапти (лапци); а лѣтомъ ходятъ бо́льшею частію босикомъ. Праздничная одежда вообще ничѣмъ не отличается отъ будничной, съ тою только разницею, что бѣлье тоньше и чище, а все остальное новое. Въ нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ приходахъ женщины изъ экономіи носятъ рубахи изъ двухъ сортовъ холста: подъ юбкою толстаго, а подъ корсетомъ тонкаго.

Мужчины носятъ рубаху изъ толстаго домашняго холста, съ откладнымъ воротникомъ, съ длиннымъ прорѣзомъ на груди, связаннымъ подъ шеею, портки изъ такого же холста или изъ сѣраго домашняго сукна; рубахи опущены сверхъ портковъ и обыкновенно подпоясаны ремнемъ, за которымъ ножъ, трубка. Сверхъ рубахи, лѣтомъ, въ литовскихъ приходахъ, носятъ короткія свитки изъ бѣлаго холста, называемыя *триницы*, спереди не застегнутыя; осенью и зимою свитки *сѣрмяги-опратки* изъ обыкновеннаго сѣраго сукна, съ небольшимъ стоячимъ воротникомъ, съ карманами по бокамъ, иногда застегнутыя на пуговки въ поясѣ и всегда подпоясанныя ремнемъ; зимою— полушубокъ (кожухъ) до колѣнъ или ниже. На

головѣ шапка съ длинными ушами, подбитая овчинами, покрытая краснымъ темнаго цвѣта сукномъ: лѣтомъ—обыкновенныя суконныя фуражки съ козырьками, рѣдко шляпы домашняго издѣлія. На ногахъ по праздникамъ сапоги, въ будни лапти изъ липовой коры или изъ лозы, прикрѣпленныя лыкомъ. Онучи изъ холста, зимою у болѣе зажиточныхъ изъ толстаго сукна. Въ деревняхъ, поближе къ городамъ, крестьяне носятъ длинные камзолы изъ синяго сукна, съ металлическими пуговками и съ небольшимъ стоячимъ воротникомъ, часто платокъ яркаго цвѣта на шеѣ и всегда почти шапка въ родѣ фуражки съ козырькомъ. Лѣтомъ во многихъ мѣстахъ крестьяне носятъ соломенныя шляпы, которыя отлично плетутъ сами. Платье дѣлается дома изъ собственныхъ издѣлій, за исключеніемъ ситца, иногда синяго сукна на корсеты, головныхъ платковъ и тому подобныхъ украшеній. Кушаки обыкновенно носятъ красные, но только въ славянскихъ приходахъ; Литовцы же подпоясываются ремнемъ. Постель составляется изъ мѣшка, набитаго сѣномъ, рѣдко пуховика, подушки, набитой перьями, и холстянаго одѣяла.

3) Пища болѣе или менѣе одинакова у Литовцевъ и Славянъ. Весна для крестьянъ самое трудное время. Бо́льшая часть живетъ тогда насчетъ помѣщика, получая отъ него вспомоществованіе хлѣбомъ или занимая насчетъ будущихъ урожаевъ у Евреевъ. Весною ѣдятъ картофель, главнѣйшій предметъ ихъ ѣды, крапиву, щавель; нѣкоторые, только зажиточны и немногіе, молоко, солонину. Главная ѣда — черный хлѣбъ, непріятный на видъ. Онъ печется изъ муки берловой, т.-е. смолотой изъ невѣянной ржи. Иногда вмѣсто хлѣба употребляютъ вареный сухой картофель. Въ болѣе тяжкое голодное время самые бѣдные къ невѣянной ржи прибавляютъ ровное, а иногда двойное количество разной мякины или муки изъ высушенныхъ въ печи листьевъ папоротника, копытника, вереска, разныхъ лѣсныхъ и торфяныхъ мховъ, березовой коры, кореньевъ: пырейника, водянаго шильника, водяной змѣйки, или бобовника, бѣлыхъ и желтыхъ кувшинчиковъ, или водяныхъ лилій. Выпеченный съ такою примѣсью хлѣбъ черенъ, мокроватъ, крошится и не вкусенъ. Гдѣ есть винокуренные заводы, крестьяне въ голодное время выпрашиваютъ у заводчика барды, какъ лакомства. Они

солятъ ее, подогрѣваютъ въ печи и ѣдятъ вмѣсто кислой похлѣбки.

Есть еще весеннее кушанье, подъ названіемъ *лапеней*. Оно составляется изъ крапивы, снити, борща, лебеды, щавеля и осота. Все это парятъ въ ведрахъ и ушатахъ калеными каменьями, для уничтоженія сырости, вымываютъ холодною водою, мелко крошатъ или рубятъ ножами и варятъ съ водою, посоливъ и, по-возможности, съ примѣсью муки или молока. *Лѣтомъ* хлѣбный квасъ, холодецъ *(холодникъ)*, приправляемый пареной зеленью, разведенной холоднымъ легкимъ квасомъ, посоленной и забѣленной молокомъ, *зацирка*, изъ ячныхъ крупъ, каша разныхъ сортовъ, рѣдко приправленная саломъ, у немногихъ молоко, грибы и ягоды составляютъ важный предметъ роскоши. *Осень представляетъ* болѣе изобилія. Крестьянинъ ѣстъ ржаной черный хлѣбъ, но не съ такимъ значительнымъ количествомъ плевелъ, похлебки — прѣсную съ овощами, или приваркомъ, т.-е. мукою разныхъ яровыхъ хлѣбовъ, и кислую, съ квашеной капустой, бураками или грибами. Похлебки приправляются молокомъ, или *окрасою*, изъ копченой баранины, свинины, разнаго сала. Кромѣ-того, крестьянинъ ѣстъ хлѣбный квасъ, ботвинью, картофель и т. п., а *зимою* — кислую капусту, *бураки*, картофель, кашу, или размазню гречневую или ячную, прѣсныя грешневыя лепешки, называемыя *бабки*. Чистый вѣяный *бѣлый* хлѣбъ употребляется только у самыхъ зажиточныхъ крестьянъ, для дѣтей или по праздникамъ. Въ мѣстахъ, гдѣ занимаются рыболовствомъ, рыба свѣжая, сушеная и вяленая составляетъ родъ лакомства для крестьянъ, ибо какъ рыбу, такъ яица и почти весь приплодъ отъ домашней скотины и птицъ употребляется немногими, и то развѣ по-случаю праздниковъ или въ особенныхъ случаяхъ, а обыкновенно продается для пріобрѣтенія соли, желѣза и другихъ необходимыхъ въ хозяйствѣ предметовъ или же относится въ корчмы для промѣна на водку. Крестьяне очень любятъ кашу изъ *зеленцовой крупы*, для чего часто жнутъ рожь въ прозелень. Соли употребляютъ мало. На барщинѣ и въ дорогѣ ѣдятъ бóльшею частію одинъ сухой хлѣбъ, печеный или вареный картофель, горохъ и бобы пареные. Питьемъ служатъ

вода и квасъ. Пиво не въ большомъ употребленіи, медъ еще менѣе; главный любимый напитокъ — водка *(гарѣлка)*.

Въ обыкновенное время каждый зажиточный хозяинъ выпиваетъ въ сутки крючекъ вина; но по праздникамъ или при семейныхъ пиршествахъ пьютъ много. Въ такихъ случаяхъ и ѣда болѣе изысканная: на столѣ являются яичница, *верещака*, приготовляемая изъ свинины. съ кислымъ соусомъ, гусь, курица, баранина. Говядина рѣдко появляется на столѣ крестьянина, развѣ у болѣе зажиточныхъ и въ особенно важныхъ случаяхъ. Къ предметамъ роскоши въ литовскихъ приходахъ принадлежитъ *крупникъ*, т.-е. водка, сваренная съ медомъ и приправою разныхъ кореньевъ. Кушанье стряпаетъ всегда сама хозяйка. Вообще Литовцы имѣютъ болѣе притязанія на гастрономію, нежели Бѣлоруссы. Крестьяне, и молодые и старые, ѣдятъ чрезвычайно медленно и жуютъ долго, что̀ происходитъ отъ грубости пищи и, естественнымъ образомъ, нѣсколько смягчаетъ ее. Взрослый мужчина съѣдаетъ въ день хлѣба 3 фунта, похлебки 2 кварты прѣсной и 2 кварты кислой, женщина хлѣба 2 фунта, похлебки нѣсколько менѣе. Для пятилѣтняго ребенка полагается полтора фунта хлѣба.

Крестьяне встаютъ съ восходомъ солнца, *обѣдаютъ* часовъ въ пять или шесть утра, въ 12 часу *полдничаютъ*, часу въ восьмомъ по-полудни *вечеряютъ*. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ѣдятъ четыре раза, именно, кромѣ описанныхъ часовъ, еще часу въ третьемъ по-полудни, что̀ называется *подвечеркомъ*; но это принадлежитъ уже къ излишеству и рѣдко гдѣ слѣдуютъ этому обычаю.

Вотъ названія по-литовски платья, утвари и другихъ предметовъ, въ домашнемъ употребленіи находящихся:

Сапоги	*чеботай*	cżebotaj.
Платокъ.	*скара*	skara.
Шапка	*кяпуре*	kiapure.
Чепецъ	*панамѣтисв* . .	panamietis.
Фартукъ (передникъ) . .	*пѣѣіоустуве* . .	priejoastowe.
Кафтанъ	*сѣгуте*.	siegute.
Шляпа	*брилюсв*	brilus
Рубашка	*маршкинѣ* . . .	marszkinie.
Тулупъ	*кайлинѣй*. . . .	kajliniej.

Лапти	*вижуо*	vizuo.
Платье, одежда	*дунгатасъ*	dungatas.
Перчатки	*пирштынѣ*	pirsztynie.
Юбка	*апатинѣ*	apatinie.
Штаны	*коѣ*	koje.
Башмакъ	*курпе*	kurpe.
Горшокъ	*пуодасъ*	puodas.
Одѣяло	*апдунга*	apdunga.
Колыбель (люлька)	*любшисъ*	łobszis.
Скамья	*суоласъ*	skołas.
Ложка	*шаукштасъ*	szauksztas.
Ножъ	*пѣйлисъ*	piejlis.
Сковорода	*батилласъ*	batillas.
Печка	*пацiусъ*	pacius.
Миса	*блюдасъ*	bludas.
Столъ	*скомья*	skomja.
Тарелка	*торелка*	torielka.
Стулъ	*сестелисъ*	sestelis.
Постель	*паталасъ*	patalas.
Подушка	*прiегалвисъ*	priegalwis.

Не нужно, кажется, объяснять, какія изъ этихъ словъ коренныя литовскія, и какія заимствованныя. Для предметовъ, которые не были въ употребленіи у древнихъ Литовцевъ, нѣтъ и названій самобытныхъ.

4. а) *Рожденіе и крещеніе:* еще въ лонѣ матери крестьянскій малютка приготовливается къ бремени будущей своей труженической, безрадостной жизни. Беременная женщина почти до послѣдней минуты родовъ исполняетъ всѣ тягостныя обязанности хозяйки дома. Она вынимаетъ тяжелые горшки изъ печи, мѣситъ хлѣбъ, работаетъ въ полѣ подъ знойнымъ небомъ, укладываетъ сѣно и снопы на возы. Наступаютъ роды — нѣтъ опытной повитухи (*), приглашаютъ *знахарку* и,

(*) Благодѣтельная мѣра правительства въ дозволеніи изучать повивальное искусство у патентованныхъ повитухъ, подъ надзоромъ медиковъ, и потомъ держать экзаменъ на природномъ языкѣ скоро должна принести самые благодѣтельные плоды. Президентъ Императорскаго Виленскаго Общества, докторъ медицины Ю. И. Мошинскій, написалъ на польскомъ языкѣ образцовое руководство для обученія повитухъ, примѣненное практически къ понятіямъ и способностямъ уже и теперь во множествѣ обучающихся частнымъ образомъ повивальному искусству,

при ея содѣйствіи, совершаются роды, часто насильственно, безъ всякой медицинской помощи. Иногда знахарка зажигаетъ освященную восковую свѣчу и держитъ ее передъ носомъ больной, и въ то же время стучитъ метлой въ потолокъ избы. Природа совершаетъ чудеса. Собственно ея силами очерствѣвшая, одеревенѣвшая родильница, тотчасъ послѣ ужасныхъ болей при родахъ, пьетъ *троянку*, т.-е. грѣтое вино со смѣсью красной глины, меда, перца и коровьяго масла. Не прошло двухъ-трехъ дней; она уже опять работаетъ въ потѣ чела, сама кормитъ новорожденнаго, просиживаетъ надъ нимъ безсонныя ночи.

Вскорѣ послѣ рожденія, у Бѣлоруссовъ везутъ ребенка въ церковь, или костелъ, тамъ крестятъ, потомъ привозятъ въ домъ родителей, передаютъ отцу, и начинается пиршество, на счетъ кумовей, которые привозятъ съ собою водку и закуски. У Литовцевъ тотчасъ послѣ рожденія повитуха, или знахарка обмываетъ дитя самою холодною водою, въ память богини Лаумы. (*) Когда воротятся изъ костела, ребенка передаютъ отцу, который кладетъ его на нѣсколько минутъ на порогѣ, что́ называется *освятить дитя черезъ порогъ*. Кумъ долженъ непремѣнно принести съ собою водку, а кума яичницу и пироги, жареные въ маслѣ, съ творогомъ. Незамужнія даютъ по нѣскольку копѣекъ бабкѣ *на мыло для ребенка*. Когда водка вся выпита, кума поетъ:

Kumuczik tu, tu, tu!	Куманекъ, ты, ты, ты!
Kad arełkas butu,	Чтобы водочка была,
Śr saldzios, iz gardzios,	И сладкая и вкусная.
Szit piragas uszkundos.	Вотъ пирогъ на закуску.

Въ-теченіе перваго года жизни малютку пеленаютъ кусками холстины, не вкладывая рубашки, приговаривая: довольно еще будетъ времени свой вѣкъ износить.

такъ-что черезъ нѣсколько лѣтъ несчастныя крестьянки за доступную по ихъ состоянію цѣну будутъ въ возможности облегчать свои страданія пособіями опытныхъ повитухъ.

(*) *Praksimas Launius prakajte!* — Вымыть въ потѣ Лауны! *Лаума, или Лайма,* богиня изобилія и оплодотворенія земли. Она являлась народу въ различныхъ видахъ: когда предсказывала урожай — зеленою, когда войну — красною, а когда голодъ или моровую язву — черною.

Мы не станемъ подробно описывать обрядовъ и обычаевъ Литовцевъ при свадьбахъ, похоронахъ и при другихъ случаяхъ, но отсылаемъ читателя къ прекрасной статьѣ П. В. Кукольника, помѣщенной въ «Чертахъ изъ исторіи и жизни литовскаго народа»; займемся здѣсь преимущественно Бѣлоруссами, или племенемъ Кривичей.

б) *Свадьба.* Браки по любви между крестьянами здѣсь рѣдки. Бо́льшею частію родители между собою составляютъ проекты женить своихъ дѣтей, въ чемъ почти всегда разсчетъ играетъ важную роль. Разумѣется, что есть исключенія: бываютъ случаи, когда молодой парень, влюбившись въ дѣвушку, хотя бы и бѣдную, но красивую и невинную, неохотно подчиняется разсчетливой волѣ родителей. Отецъ, который хочетъ женить своего сына, выбираетъ свата и сваху и посылаетъ ихъ въ домъ родителей дѣвушки, на которую палъ выборъ. Сватъ и сваха, взявъ съ собою гарнецъ или и болѣе вина и большую булку хлѣба, пріѣзжаютъ къ домъ невѣсты и подчуютъ водкою всѣхъ домашнихъ, отъ чего никто не отказывается. Ежели отецъ невѣсты, заранѣе знавшій о пріѣздѣ сватовъ, не раздумалъ и согласенъ выдать свою дочь, то въ боченокъ, въ которомъ было вино, сыплетъ рожь, а въ противномъ случаѣ наливаетъ виномъ, и тогда сваты печально возвращаются домой, безъ всякихъ разсужденій или увѣщеваній. Когда же боченокъ насыпанъ рожью, невѣста собираетъ своихъ подругъ, приглашаетъ крестныхъ отца и мать и почетныхъ сосѣдей и вмѣстѣ съ ними является въ избѣ. Сватъ встрѣчаетъ ее обычнымъ христіанскимъ (древне-славянскимъ) въ здѣшней сторонѣ привѣтствіемъ: *няхъ бендзѣ похвалены Іезусъ Христусъ! — На вяки вѣкоу!* Отвѣчаетъ невѣста. Сватъ встаетъ, пожимаетъ ей правую руку, кладетъ передъ нею пирогъ, сыръ, иногда кусокъ говядины, нѣсколько монетъ въ чашу и заливаетъ ихъ виномъ. Дѣвушки, между-тѣмъ, поютъ:

Отожъ табѣ Василька
Увядзіонка Агатка,
Кали яѣ любишъ, дай пирогъ,
Кали ня любишъ, вонъ за порогъ,
Не хвалися, што у насъ быў,
Что нашей Агатки не злюбіў!

Разумѣется, что собственныя имена замѣняются смотря по надобности, не заботясь о риѳмахъ. Начинается ужинъ; дѣвушки, между-тѣмъ, удаляются въ особую свѣтлицу, ежели есть, или за перегородку и поютъ соотвѣтственныя пѣсни. (*) Пиршество оканчивается поздно ночью. Обрядъ этотъ называется *запоины*.

На другой день родители испрашиваютъ согласіе помѣщика или сельскаго управленія, получаютъ дозволительныя свидѣтельства и отправляются къ священнику, съ которымъ условливаются о днѣ брака, даютъ ему *злотый* (15 к. сер.) или и болѣе на *заповѣдзи*, т.-е. троекратное оглашеніе въ храмѣ о предстоящемъ бракосочетаніи; между-тѣмъ, обрученные приготовляются къ торжественному дню. Для этого невѣста приглашаетъ двухъ подругъ и двухъ кавалеровъ, которыхъ называютъ *закосьники*. Въ тоже время женихъ избираетъ дружку и свата, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напр., въ Ошмянскомъ уѣздѣ) человѣка два или три ассистентовъ, для увеселенія публики и распоряженія праздникомъ, которыхъ величаютъ *маршалами*. Наканунѣ бракосочетанія, въ одно и тоже время, въ домахъ невѣсты и жениха совершается особое празднество *печенія каравая*. Женихъ и невѣста въ этотъ день исповѣдываются и причащаются; въ вечеру собираются въ оба дома родственники, сосѣди, знакомые. Дѣвушки поютъ разныя пѣсни (см. подъ 6. Б.) Всѣ принадлежащіе къ свадебному торжеству собираются и условливаются о порядкѣ, какъ будетъ происходить предстоящее празднество. Сватъ, между-тѣмъ, ставитъ на столъ вино и житный пирогъ, предназначаемый обыкновенно повитухѣ, бывшей при рожденіи молодой, ежели она на лице. Потомъ слѣдуетъ закуска. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно въ Дисненскомъ и отчасти въ Вилейскомъ уѣздахъ, при печеніи каравая соблюдаются еще особые обряды. Предъ тѣмъ, какъ слѣдуетъ всыпать муку въ лежу (квашню), крестная мать или старшая годами изъ живущихъ въ избѣ говоритъ слѣдующее: «*Госьць тутъ Богъ, бацька, матка, радзоные и суспѣды близкіе и дальные мужи статечные, бабки запечныя, дзѣтки заплечныя, благословиць красней паннѣ каравай учиниць.*» При печеніи присутствуютъ семь коравайницъ и трое

(*) Смотри въ собраніи пѣсенъ подъ буквою А.

мужчинъ, пособляющихъ стряпанью. Одна изъ коровайницъ поетъ разныя пѣсни (см. подъ б. В.). Когда каравай изготовленъ въ домѣ жениха, онъ отправляется къ невѣстѣ; но прежде его садятъ на коробѣ съ рожью, крестная мать подстригаетъ ему волосы, а дѣвушки опять поютъ (см. подъ б. Г.) Въ Свенцянскомъ уѣздѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ въ бѣлорусскихъ приходахъ *дѣвичій вечеръ*, или обрядъ печенія каравая, называютъ *великая гарѣлка*.

Въ день брака, предъ тѣмъ, какъ ѣхать къ вѣнцу, невѣста отправляется, съ нѣсколькими подругами, къ сосѣдямъ и друзьямъ просить благословенія. Оставшіяся, между-тѣмъ, дѣвушки, ежели молодая сирота, поютъ:

Нѣмажъ Марьянки въ дому:
Пашла Марьянка до Пана Бога.
Станцъ гадзинку,
Станцъ другую,
Пакуль адчинюць райскіе дзвери,
Пакуль выпусцяць яѣ мамуню,
Ей на вэселе,
Ей на благословенство.
Яѣ мамуля вельми далеко,
У зямли глубоко,
За трема замками:
Першій замочекъ
Зелены мрочекъ;
Други замочекъ
Жолты пясочекъ,
Нѣмыя доски.
Вздымицѣсѣ вѣтры и бури,
Разорвицѣ зелены мрочекъ,
Разадзмійцѣ жолты пясочекъ,
Разобійцѣ нѣмыя доски,
Выпусцицѣ яѣ мамуню,
Ей на вэселе,
Ей на благословенство!

Когда молодая возвратится, ее сажаютъ на концѣ стола, припѣвая:

Молодая Марьянка
Рано сѣла на посадзѣ.
Кто дзись цѣбѣ парадзи?

Мамуня Богу служиць,
На злотѣмъ крѣслѣ сядзиць.
З паномъ Богомъ говориць,
Пана Бога проситца:
Божегъ-на Бацюхна,
Пусци мянѣ знеба,
Поглядзици дзѣцяци,
Чи хорошо прибрана,
Чи на пасадъ пасажена? —
— Мая дзѣцятечка
Прибрана якъ панятечка,
Пасадзена якъ сѣротечка...

Потомъ вводятъ въ избу родителей и прочихъ родныхъ, а между-тѣмъ поютъ:

Черезъ сѣни сцѣжечка,
А въ коморѣ другая:
Тамъ Марьянка сѣдзѣла,
Русую косу чесала,
Сильнѣ жалоснѣ плакала.
Привядзицѣ мамуню,
Воймицѣ (уймите) Марьянку.
Якъ мамуню привяли,
Больше жалю задали.

Закосники и маршалы приносятъ невѣстѣ вѣнокъ на салфеткѣ, положенной на тарелкѣ, а подъ салфеткой, — башмаки, чулки и подвязки для молодой. При этомъ въ Ошмянскомъ уѣздѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ начинаются между закосниками и маршалами продолжительные споры, уморительныя аллегоріи и двусмысленности, которыхъ цѣль — допросить маршаловъ, зачѣмъ они пришли; тѣ, въ свою очередь, объявляютъ, что они отъ имени цѣлаго общества пришли поздравить молодыхъ. Чѣмъ богаче и знатнѣе свадьба, тѣмъ длиннѣе и утомительнѣе эти поздравленія.

Когда назначенный часъ свадьбы наступилъ, молодой, на двухъ или трехъ повозкахъ, со своими дружками, сватами и родственниками, предшествуемый скрипачемъ-скоморохомъ, является передъ воротами невѣсты. Между-тѣмъ, она падаетъ къ ногамъ родителей и поетъ:

Да, мой таточка! благослови меня до шлюбу —
Ступиць, кали благословишь, самъ Богъ благословиць!

Въ это время дѣвушки поютъ:

Карися (смирися), Агатка, старому,
Кланяйся и малому.
З паклону галоўка не балиць,
Стары и малы благословиць.

Есть что-то трогательное, даже торжественное въ этомъ обрядѣ. Всѣ присутствующіе толпятся вокругъ невѣсты. Она подходитъ къ каждому, сначала къ родственникамъ своимъ, а потомъ къ роднымъ жениха и ко всѣмъ присутствующимъ, всѣхъ обнимаетъ, цѣлуетъ и проситъ благословенія. Въ это время молодежь садится на коней, старики и женщины въ повозки. Невѣста съ дѣвушками, предшествуемая закосниками, на пароконной бричкѣ, съ музыкою и пѣніемъ, отправляется въ храмъ. Невѣста въ дорогѣ кланяется всѣмъ встрѣчнымъ. Ежели надобно проѣзжать мимо мельницы, мельникъ останавливаетъ воду, и невѣста должна ему отдать свой поясъ, чтобы тотъ опять пустилъ воду. Въ церкви или костелѣ молодая кланяется каждому здѣсь находящемуся и останавливается у стѣны, окруженная подругами. Женихъ, съ своими ассистентами, подходитъ къ ней, кланяется подругамъ своей невѣсты и проситъ, чтобы ее ему отдали. Тѣ сначала не соглашаются, а потомъ какъ-будто нехотя уступаютъ его просьбамъ. Нѣкоторые же не кланяются дѣвушкамъ, не просятъ ихъ, но силою уводятъ свою суженую. Передъ налоемъ подъ ноги невѣсты стелютъ утиральникъ. Во время бракосочетанія вниманіе всѣхъ обращено на свѣчи: ежели горятъ ярко — славная будущность предстоитъ новобрачнымъ; ежели же, упаси Боже, свѣча потухнетъ — быть бѣдѣ! Изъ храма отправляются въ домъ священника, который потчуетъ молодыхъ водкой. Потомъ опять тѣмъ же порядкомъ возвращаются домой. Въ нѣкоторыхъ приходахъ есть обычай заѣзжать по дорогѣ въ ближайшую корчму — позавтракать. Пріѣхавъ домой, общество раздѣляется; одни отправляются въ домъ молодой, другіе — молодаго. Ввечеру большею частію собираются вмѣстѣ въ домъ родителей молодой, которая, съ своими ассистентками, садится у печки, а молодой въ углу. Между-тѣмъ,

общество пьетъ и танцуетъ. Молодымъ подаютъ особенно для нихъ приготовленное кушанье, преимущественно яичницу, которую они ѣдятъ одною ложкою; передъ тѣмъ же молодой пьетъ здоровье своей жены, говоря: «*пью да цябѣ поунымъ кубкомъ, щерымъ серцемъ, добрымъ здоровьемъ; што мыслю сабѣ, то и табѣ!*» Мать новобрачной беретъ ее на колѣни, обнимаетъ, цѣлуетъ; а новобрачная поетъ:

Мая мамечка!
Приступи къ столачку,
Къ майму славѣчку.
Ня сына жанишъ,
Ня невѣсту бярешъ:
Мяне молодзенькую аддаешъ
Мая мамачка! што жъ табѣ лягчей:
Чи малую было хавацъ,
Чи цяпѣрь въ сулоня аддавацъ?

Потомъ отецъ или братъ беретъ ее за руку и подводитъ къ мужу. Она садится по срединѣ между нимъ и сестрой и близкой родственницей. Мать кладетъ ей на голову три тесемки льна и накрестъ поджигаетъ волосы; а въ тоже время сестра поджигаетъ волосы молодому. Мать уходитъ; является сваха, снимаетъ ленъ, укладываетъ косы на головѣ и повязываетъ платокъ. Отецъ даритъ ей *дежу* (квашню), на которую кладетъ булку хлѣба съ солью и нѣсколько монетъ, приговаривая: «*дарю цябѣ, дзѣцятка, хлѣбомъ солей!*» Потомъ молодой закрываютъ глаза, и всѣ присутствующіе дарятъ ее чѣмъ кто можетъ. Она благодаритъ каждаго, приговаривая:

Да мой брахненка!
Дзякую табѣ за дары вялкіѣ тваѣ
Кали жива буду да спамагуся,
Табѣ адгаджуся,
А кали нѣ табѣ,
То дзѣткамъ твоимъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ молодая ночуетъ въ домѣ родителей и на другой уже день отправляется къ мужу, а въ другихъ въ туже ночь, послѣ пиршества. При этомъ молодой даритъ сваху и дружку. Прощаніе съ родителями и домашними самое трогательное; молодая поетъ при этомъ:

Таткоў куточекъ.
Божи дамочекъ,
Заставайся здороў,
Живи багата!

Къ матери:

Мая матечка!
Заставайся здорова,
Живи багата,
Не забывайся на менѣ маладую:
Кали буду жебраваци,
Воротца атчиняйцѣ,
Хоць по кусочку хлѣба давайцѣ.

Когда молодые ѣдутъ черезъ деревню въ домъ родителей молодаго, мальчики на дорогѣ зажигаютъ куль соломы; молодая должна имъ подарить что-нибудь, чтобы пропустили. Молодыхъ встрѣчаютъ семья, сосѣди; новобрачная даритъ всѣхъ холстомъ, ей показываютъ хозяйскія строенія, домашнюю утварь. Потомъ она обязана мѣсить хлѣбъ, въ заблаговременно приготовленной дежи. Между-тѣмъ, собираются сосѣди и родные. Въ Лидскомъ уѣздѣ при этомъ устраивается родъ маскарада, т. е. молодежь наряжается какъ можно страннѣе, бѣгаетъ по деревнѣ, захватываетъ въ опустѣвшихъ избахъ что-либо съѣстное и приноситъ въ домъ, гдѣ празднуется свадьба. Пиршество продолжается до глубокой ночи. На слѣдующій день молодые съ караваемъ, нарочно для сего испеченнымъ, отправляются въ господскій домъ, гдѣ ихъ дарятъ, потчуютъ виномъ, пивомъ, медомъ; а у многихъ и здѣсь затѣваются пляски и веселье и продолжаются весь день и ночь, уже на счетъ владѣльца.

Надобно еще прибавить, что дѣвственность у здѣшнихъ крестьянъ считается чѣмъ-то священнымъ. Невинная дѣвушка, вошедшая въ домъ мужа, приноситъ съ собою благословеніе Господне. Ее уважаютъ, и во все время свадьбы она дѣлается предметомъ общаго особеннаго подобострастія: въ ея непорочности видятъ залогъ благоденствія и счастія. Напротивъ, согрѣшившая до замужства не можетъ скрыть своего стыда, тѣмъ болѣе, что у крестьянъ такія вещи не удерживаются въ секретѣ; на нее смотрятъ совсѣмъ иначе, и самые обряды во многомъ измѣняются: не поютъ многихъ обычныхъ торже-

ству пѣсенъ, не глядятъ на нее съ такою любовью. Часто она со слезами сама сознается въ своей винѣ и проситъ прощенія. Такая жена не сулитъ покоя и счастія въ новомъ семействѣ; перешагнувъ порогъ мужнина дома, она вноситъ туда вѣчный раздоръ, ибо домашніе не имѣютъ къ ней должнаго уваженія. Привязанность мужа, болѣе зажиточное состояніе новобрачной, покровительство господскаго дома, ежели тамъ источникъ, что̀ чаще всего случается, ея посрамленія, не всегда могутъ защищать несчастную отъ насмѣшекъ и поруганій домашнихъ, особенно свекрови, сестеръ мужа и другихъ.

Мы старались передать болѣе общіе обряды, свойственные всему населенію кривичанскаго племени въ Виленской губерніи; но почти каждый приходъ имѣетъ свои особенности, свои пѣсни, прибаутки. Всѣ вообще обряды эти носятъ здѣсь вѣрный отпечатокъ домашняго быта здѣшнихъ крестьянъ, поэтическаго ихъ настроенія, смѣси самыхъ странныхъ предразсулковъ съ истиннымъ чувствомъ. Начала этихъ обрядовъ доискаться невозможно; крестьяне свято ихъ чтутъ и ни за что̀ въ свѣтѣ не согласятся на измѣненіе чего-либо изъ того, что̀, какъ они говорятъ, *наши дзяды дзѣлали*. Нѣкоторыя изъ прилагаемыхъ пѣсенъ ясно убѣждаютъ, что начала многихъ обрядовъ надобно доискиваться еще во временахъ язычества. Измѣнилось вѣрованіе; но обряды переходили изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣнія, не всегда для нихъ самихъ понятные, но непреложно исполняемые.

в) *Похороны*. Трогательна и торжественна кончина бѣднаго труженика, весь вѣкъ проведшаго въ потѣ чела, а при закатѣ дней, когда одряхлѣвшія силы лишили его возможности работать, нерѣдко лишеннаго первыхъ житейскихъ потребностей. Несчастный! онъ умираетъ со скорбнымъ сознаніемъ, что послѣдніе дни его были тягостію для семейства, его призрѣвавшаго. Конечно, горесть семейства по утратѣ престарѣлаго, дряхлаго старика и продолжительна и нелицемѣрна; но, ежели членъ семейства умираетъ во цвѣтѣ лѣтъ, здоровый и сильный, остающіеся приходятъ въ страшное отчаяніе, ибо съ нимъ теряютъ подпору, труженика, жертвовавшаго для нихъ своими силами и здоровьемъ.

Одръ умирающаго окружаютъ родные, сосѣди, иногда священникъ, или ксендзъ. Онъ оканчиваетъ дни свои какъ истин-

ный христіанинъ, послѣ исповѣди и св. причастія, умираетъ сопровождаемый воплями и рыданіями всѣхъ окружающихъ.

Похороны называются здѣсь *хаутуры*. До сихъ поръ сохранился языческій обычай *голошенія*, т. е. оплакиванія. Ежели умершій не оставилъ близкихъ родныхъ или друзей, которые бы по внушенію истинной горести *голосили* по немъ, то отъискиваются въ деревнѣ постороннія женщины, принимающія на себя роль древнихъ плакальщицъ. Онѣ провожаютъ покойника и присутствуютъ при погребеніи съ отчаянными воплями, неестественными восклицаніями и рыданіями. Дико смотрѣть на такую сцену, порождаемую не чувствомъ, но только обычаемъ, хотя и въ этомъ случаѣ нельзя не дивиться непреклонному уваженію къ памяти и обрядамъ предковъ. Покойника тотчасъ послѣ кончины моютъ, одѣваютъ въ лучшее, какое у него было, платье и кладутъ на столѣ ногами къ дверямъ; въ руки даютъ ему бумажную икону, въ головахъ зажигаютъ восковую свѣчу. Когда гробъ сколоченъ, оставшимися стружками набиваютъ подушку, гробъ окропляютъ святою водою и кладутъ въ него покойника. Между-тѣмъ, до самыхъ похоронъ и день и ночь поютъ святыя пѣсни. Отправляясь на кладбище, берутъ съ собою вновь сдѣланный простой деревянный крестъ, перевязанный красною ленточкой, и несутъ его впереди, а также горшки со святою водою и святымъ зельемъ. Ежели церковь близка, изъ нея принесутъ хоругви, распятіе, и несутъ передъ гробомъ. Пока проѣдутъ деревню, покойника сопровождаютъ всѣ ея жители; далѣе ближайшіе родственники садятся на гробѣ или идутъ вокругъ его. Ежели священникъ, или ксендзъ, по отдаленности, не присутствуетъ при похоронахъ, покойника везутъ прямо на кладбище; тамъ открываютъ крышу (вѣко), дѣти и родственники бросаются къ гробу съ воплями и рыданіями, цѣлуютъ его въ лицо, потомъ окропляютъ могилу святою водою, опускаютъ гробъ, насыпаютъ небольшой курганчикъ, въ головахъ котораго ставятъ принесенный крестъ и горшокъ съ святымъ зельемъ; въ заключеніе всѣ вмѣстѣ поютъ священныя за упокой пѣсни, а католики молитву Anioł Pański (Ангелъ Господень). Послѣ этого тутъ же пьютъ по чаркѣ вина и возвращаются домой, гдѣ приготовленъ обѣдъ. Первую рюмку вина и первую ложку каждаго кушанья выливаютъ на уголъ стола, *для души покойника*. Послѣ

обѣда до самаго вечера опять поютъ священныя пѣсни. Въ годовщину болѣе зажиточные совершаютъ поминки въ церкви, или костелѣ, и потомъ приглашаютъ сосѣдей обѣдать; а бѣдные отправляются прямо на могилу, тамъ плачутъ, поютъ и потомъ пьютъ и ѣдятъ.

Похоронный пѣсенникъ невеликъ. Онъ приспособленъ къ болѣе частымъ случайностямъ и не всегда соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ. Но есть пѣсни, въ которыхъ видно глубокое неподдѣльное чувство, простая, но благородная душа, оцѣнивающая свою потерю и воздающая хвалу почившему собрату.

Приводимъ здѣсь нѣсколько такихъ пѣсенъ:

Ахъ, мая жъ ты зязюлечка!
Ахъ, мая жъ ты матулечка!
Ахъ, чаму жъ ты мяне пакидаешъ?
Ахъ, кому жъ ты мяне остаўляешъ?
Хто жъ цяперь мяне будзиць научаци,
Хто жъ цяперь мнѣ будзиць спагадаци?
Ахъ, гора жъ, мое гора,
Ахъ, я бездомница нещаслива!

Ахъ, мая жъ ты квятечка,
Ахъ, мая жъ ты пташечка!
Куды жъ гэта я цябѣ наражаю?
Куды жъ гэта я цябѣ выпраўляю?
Ой ня у церкоўку подъ вянецъ зиляненьки,
Ай, на могилу у пясокъ сыреньки!
Ахъ, хто жъ мнѣ цяперь защабечиць?
Ахъ, хто жъ мяне цяперь дай пацѣшиць?
Хто будзиць старосци моей пильноваци?
Хто будзиць мяне матулькой цяперь зваци?
Ахъ, цижъ гэта мнѣ нада цябѣ хаваци.

Ахъ, татулька нашъ
Ахъ, сизый голубе нашъ!
Ты жъ насъ гадаваў,
Ты жъ намъ спагадаў!
А цяперь покидаешъ!
Чи ты жъ жалости нямаешъ?
Ахъ, загадникъ (*) нашъ!

(*) Распорядитель.

Хто жъ насъ цяперь парадокъ павядзѣць?
Хто жъ насъ цяперь пирасцяряжець? (*)
Ахъ, бѣдныя жъ наши голоўки, бѣдныя
Ахъ, гора жъ намъ, гора!

Эти же и подобныя имъ пѣсни, съ нѣкоторыми только измѣненіями, во многихъ мѣстахъ поются при провожаніи, иногда цѣлою деревнею, взятыхъ въ рекруты. Тамъ, гдѣ эта повинность исполняется по жеребью, домашніе еще отчаяннѣе оплакиваютъ судьбу того, на котораго палъ жребій.

Когда кладутъ камень на могилѣ или ставятъ большой деревянный крестъ (**), обрядъ этотъ называется *прикладины* и сопровождается молитвами и пирушкой (***). Совершаемые черезъ годъ послѣ смерти поминки по умершемъ называются *радовщица*. Кромѣ того ежегодно совершаютъ общіе поминки въ-теченіе мѣсяца со второй половины октября по вторую половину ноября, извѣстные подъ громкимъ именемъ *дзядоў*, воспѣтые знаменитымъ польскимъ поэтомъ Мицкевичемъ. Названіе, кажется, происходитъ оттого, что въ это время поминаютъ *Дзядоў*, т.-е. почившихъ предковъ, дѣдовъ и прадѣдовъ. Дзяды празднуются исключительно славянскимъ племенемъ. Древнѣйшій этотъ обычай сохранился до сихъ поръ во всей своей языческой чистотѣ. Духовенство успѣло только придать этому обряду христіанскую форму въ томъ, что крестьяне въ это время посѣщаютъ церкви, приглашаютъ священнослужителей на кладбище для поминовеній; но все прочее осталось неприкосновеннымъ. Главный праздникъ Дзядовъ бываетъ 2 ноября, когда римско-католическая церковь совершаетъ богослуженіе за всѣхъ умершихъ. Наканунѣ этого дня, ночью

(*) Предостережетъ.

(**) При самыхъ похоронахъ ставятъ въ головахъ маленькій деревянный крестикъ или обозначаютъ мѣсто могилы небольшою насыпью.

(***) Въ славянскихъ приходахъ кресты и камни ставятъ только надъ могилами мужчинъ; могилы же женщинъ означаются курганчиками, но за то ставятъ имъ памятникъ особеннаго рода: гдѣ-нибудь при дорогѣ на болотистомъ мѣстѣ или же на ручейкѣ, чрезъ который идетъ дорожка, кладутъ бревно или доску; на нихъ вырѣзываютъ крестъ, башмаки или серпъ, а нѣкоторые и годъ кончины. Я распрашивалъ стариковъ, почему они это дѣлаютъ; но ни одинъ не умѣлъ мнѣ объяснить причины, говоря, наши дзяди такъ дѣлали. У Литовцевъ обычай этотъ не существуетъ.

крестьяне избираютъ пустынное мѣсто на кладбищѣ или же вблизи онаго, буде возможно, въ развалинахъ церкви или оставленнаго жильцами дома, ставятъ разнаго рода кушанье и питья и начинаютъ вызывать покойниковъ, родныхъ и друзей. Они вполнѣ увѣрены, что тѣни ихъ являются, что заставленная трапеза имъ пріятна, что они ею подкрѣпляютъ свои силы. Кромѣ-того, ставятъ кушанье на могилахъ своихъ близкихъ, а когда ѣдятъ у себя дома, то бросаютъ нѣсколько кусковъ говядины или чего-либо съѣстнаго подъ столъ и ставятъ горшки съ кушаньемъ на дворѣ подъ окнами. Въ каждой хатѣ приготовляютъ къ этому празднику маленькіе блины, и, когда начинаются вызыванья духовъ, глава семейства, по очереди исчисляя имена всѣхъ своихъ близкихъ умершихъ, послѣ произнесенія каждаго имени, прибавляетъ: *хаутуры!* (*) и бросаетъ одинъ блинъ подъ столъ. Пока продолжается вызыванье, вся семья хранитъ глубокое благоговѣйное молчаніе. Потомъ ѣдятъ, а все, что останется не съѣденнымъ, отдаютъ нищимъ, которые въ это время всю ночь толпами расхаживаютъ по деревнѣ.

Радауница въ нѣкоторыхъ славянскихъ приходахъ празднуется во вторникъ на недѣлѣ Ѳомы. Въ это время собираются на кладбищѣ и тамъ, на могилахъ своихъ близкихъ, пьютъ и ѣдятъ.

г) *Полевыя работы*. При начинаніи полевыхъ работъ, священники освящаютъ поля, предназначенныя для посѣвовъ. При этомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно на перекрестныхъ дорогахъ, ставятъ высокіе деревянные кресты съ распятіемъ или изображеніемъ святаго.

Важнѣйшій деревенскій праздникъ — *дожинки* т.-е. окончаніе жатвы. Обычай этотъ одинаковъ у Литовцевъ и Бѣлоруссовъ; даже пѣсни у обоихъ племенъ почти одинаковаго содержанія. Осенью, когда всѣ полевыя работы окончены, собирается цѣлая *волость*, т.-е. жители всѣхъ ближайшихъ дере-

(*) *Хаутуры* собственно означаетъ имѣть въ домѣ покойника. Отъ этого даже произошла пословица: *у одной хацѣ вясельѣ* (свадьба), *а у другой хаутуры* (покойникъ).

У древнихъ славянъ праздникъ Дзядовъ назывался праздникомъ *козла*, или *козляра-гусляра*, жреца-поэта, руководившаго праздникомъ, пѣснями, игрою на гусляхъ.

вень, принадлежащихъ одному владѣльцу, отправляется въ госполскій дворъ, имѣя впереди нѣсколько дѣвушекъ, изъ которыхъ красивѣйшая несетъ на головѣ или на подносѣ вѣнокъ изъ ржи или другаго хлѣба, который послѣдній снятъ съ поля. Заунывная ихъ пѣсня слышится издалека. Владѣлецъ выходитъ на крыльцо, встрѣчаетъ крестьянъ, принимаетъ вѣнокъ, кладетъ на подносъ нѣсколько монетъ, благодаритъ за ихъ труды и приглашаетъ повеселиться. Въ нѣкоторыхъ приходахъ, при отдачѣ вѣнка, старѣйшій изъ крестьянъ говоритъ привѣтственную рѣчь, въ которой аллегорически изображаетъ несчастную судьбу своихъ собратовъ, говоря, что долго они скитались по міру, проходили степи, дебри, темныя пущи, терзаемые голодомъ, изнуренные, не знали, куда преклонить голову, какъ вдругъ встрѣтили медвѣдя, который далъ имъ благой совѣтъ итти и служить *такому-то* доброму пану (при этомъ называютъ имя владѣльца); они послушались, пришли, нашли пріютъ, довольство, живутъ припѣваючи и вотъ поработали для него, собрали ему хлѣбъ съ полей, принесли вѣнокъ, не *золотой*, не *серебряный*, но *изъ алмазныхъ колосьевъ*, а за то проситъ водочки, и пр.

По данному знаку, раздаются пѣсни, выкатываютъ нѣсколько бочекъ пива, вина, устраиваютъ столы съ ужиномъ, является скоморохъ со скрипкою, ѣдятъ, пьютъ, пляшутъ, поютъ до утра.

д) *Купала*. Древній языческій праздникъ Купалы сохранился до сихъ поръ во всѣхъ славянскихъ и литовскихъ племенахъ. Онъ извѣстенъ въ Россіи подъ именемъ Купалы, въ Польшѣ — *Соботекъ*, въ Литвѣ — *Kekiris*. Въ Виленской губерніи и въ самомъ городѣ Вильно Купала празднуется повсемѣстно наканунѣ св. Іоанна, 23 іюня. Въ Вильно есть особое загородное мѣсто, называемое Роса, отъ котораго и кладбище получило названіе Росы. Во времена язычества Литовцы собирались сюда, зажигали костры, прыгали черезъ него, приносили въ жертву богинѣ Ладо бѣлыхъ пѣтуховъ, пѣли въ честь ея пѣсни (Lada, lada! di do musu deve! т.-е. лада, лада, лада, великая наша богиня!), ѣли, пили и плясали всю ночь. Исчезло язычество; но обычай празднованія сохранился до сихъ поръ. Въ Вильно, за кладбищемъ, на роскошной полянѣ, тоже называемой Росса, собирается почти все населеніе го-

рода, играетъ музыка, пестрыя толпы гуляющихъ живописно рисуются на зеленой муравѣ, окруженной пригорками, покрытыми дубовымъ и березовымъ лѣсомъ.

Въ деревняхъ и селахъ, въ этотъ день, послѣ заката солнца молодежь собирается на лугъ и разводитъ огонь. Въ ненастное время заблаговременно устраиваютъ шатры изъ свѣжихъ зеленыхъ деревьевъ, а въ хорошую погоду означаютъ мѣсто сборища зелеными березками. Являются закуска, пиво и водка. Приходятъ и пожилые, а нерѣдко и все населеніе деревни. Послѣ ужина и попойки, совершаемыхъ возлѣ огней, начинаютъ пѣть и плясать, иногда подъ скрипку, ежели найдется скоморохъ. Въ глубокую ночь отправляются въ лѣсъ искать папоротникова цвѣта, какъ знаменія всезнанія и указателя кладовъ. Во многихъ мѣстахъ простолюдины подъ именемъ Купалы разумѣютъ св. Іоанна Крестителя, производя названіе оттого, что онъ *купалъ* Спасителя.

Странные понятія и предразсудки сохранились въ народной памяти до сихъ поръ. Простолюдины увѣрены, что въ ночь Купалы деревья и животныя разговариваютъ между собою; а кто знахарь и можетъ ихъ подслушать, многому можетъ поучиться. У чертей въ это время большая возня: они разъѣзжаютъ на крестьянскихъ лошадяхъ и спѣшатъ на Лысую гору, въ Кіевъ, гдѣ происходитъ у нихъ торжественное собраніе. Поэтому крестьяне не выводятъ въ эту ночь лошадей на пашню, но крѣпко запираютъ въ конюшняхъ. Деньги (клады), зарытыя въ землѣ, являются на ея поверхности въ различныхъ видахъ: въ видѣ огня, волка, но чаще всего папоротника. Добыть кладъ нелегко, ибо при каждомъ насторожѣ чортъ, и нужно особенное мужество и отвага, чтобы устоять противъ дьявольскихъ козней и ухищреній. Черти тогда прикидываются чѣмъ угодно, заводятъ смѣльчаковъ въ болото, въ трущобы, снимаютъ съ нихъ обувь, перемѣняютъ наизнанку одежду, стращаютъ дикимъ звѣремъ и т. п. Только знахарямъ удается перехитрить чорта и добыть кладъ. Въ эту-то ночь цвѣтетъ папоротникъ, и счастливъ, кому удается найти цвѣтъ его: онъ дѣлается могучимъ и всевѣдущимъ. Въ Дисненскомъ уѣздѣ сохранилось преданіе о работникѣ, который нечаянно наступилъ на папоротникъ, и цвѣтъ его упалъ ему въ лапоть. Въ тоже мгновеніе онъ сталъ всевѣдущимъ: открылъ пропавшихъ

лошадей, узналъ, гдѣ сокрыты клады, какія мѣры должно принять противъ проказъ чаровницъ. Прійдя домой, этотъ всевѣдущій разулся, цвѣтъ папороти остался въ лаптѣ, и — увы! — кончилось всевѣдѣніе! Окружающіе его, удивленные этимъ быстрымъ переходомъ отъ всезнанія къ ничтожеству, догадались, въ чемъ дѣло, и бросились осматривать лапоть. Нѣкто *Сципанъ* поймалъ цвѣтокъ и убѣжалъ. Донесли пану. Тотъ не побоялся знахарства Сципана, силою отнялъ отъ него волшебный цвѣтъ, и съ того времени горькое житье стало у него не только крестьянамъ, но и чертямъ. Смѣльчаки въ эту ночь, плотно поужинавъ и выпивъ добрую порцію *для резона*, отправляются поодиначкѣ въ глубокіе лѣса или трущобы, взявъ съ собою распятіе, святое зелье и восковую освященную свѣчу (громницу, которую зажигаютъ и кладутъ въ руки умирающему; ее освящаютъ 2 февраля). Тамъ, въ самомъ пустынномъ мѣстѣ, смѣльчакъ дѣлаетъ свѣчей большой кругъ и садится въ самой срединѣ его, держа въ рукахъ распятіе. Вдругъ разгоряченному воображенію представляются черти въ самыхъ страшныхъ видахъ; они прыгаютъ вокругъ его, сверкаютъ огненными глазами, бьютъ его по лицу длинными хвостами, цѣпляются за волоса когтями; поднимается вой, ревъ, свистъ; потомъ вдругъ является чортъ-великанъ, котораго видъ приводитъ въ трепетъ бѣднаго смѣльчака. Вотъ усвоенное фактическое описаніе этого великана-чорта: чудовище необыкновенно высокаго роста; на челѣ у него одинъ большой глазъ; носъ съ одною ноздрею, обнаженная голова, страшной величины; вмѣсто ушей большія дыры; на головѣ одинъ крючковатый длинный рогъ; правое плечо гораздо выше лѣваго; шеи вовсе нѣтъ, вмѣсто рукъ и ногъ конскія копыта, вмѣсто тѣла у него рыбья чешуя, а грудь покрыта длинною шерстью. Несчастный защищается распятіемъ и прочими святыми предметами, препятствующими сатанѣ переступить заколдованный кругъ. Еще не нашелся такой смѣльчакъ, который бы устоялъ противъ всѣхъ этихъ страстей и не убѣжалъ, но ежели бы выдержалъ и не струсилъ, предъ нимъ бы отверзлись необъятныя сокровища. Впрочемъ, въ настоящее время сохранилось только преданіе и о чудовищахъ и о самыхъ смѣльчакахъ, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ увѣряютъ, отправясь искать кладовъ, не возвращались болѣе, и ихъ находили мертвыми въ лѣсу.

Черти, отправляясь на Лысую гору, дают порученія куралесить своимъ ученицамъ, т.-е. чаровницамъ. Онѣ отнимаютъ у коровъ молоко, для чего поятъ ихъ росою, собранною въ огородахъ. Для защиты отъ этого крестьяне давно открыли лекарство: замѣтивъ, что корова менѣе обыкновеннаго даетъ молока, хозяйка беретъ *цѣдзилку* и варитъ ее въ горшкѣ *съ св. янскимъ зельемъ*. Отъ этого чаровница тотчасъ заболѣетъ и сама придетъ къ хозяйкѣ просить чего-нибудь взаймы, напр., рѣшета, ушата, и т. п.: хозяйка, такимъ-образомъ, узнаетъ чаровницу, ничего не даетъ ей взаймы, стережетъ, чтобы она чего-нибудь не унесла, хотя бы щепки, или песчинки, и ежели успѣетъ въ этомъ, чаровница начинаетъ сохнуть, хворать и вскорѣ умираетъ, къ великой радости отмщенной хозяйки.

Солнце при восхожденіи своемъ въ день св. Іоанна *играетъ*, т.-е. изъ одного обыкновеннаго солнца раздробляется на нѣсколько частей, которыя, играя одно подлѣ другаго, разбѣгаются и опять сливаются въ единое солнце.

Утромъ въ день св. Іоанна крестьяне собираютъ цвѣты и травы, несутъ ихъ въ церковь и послѣ обѣда просятъ объ освященіи. Такіе травы и цвѣты называются *св. янскимъ зельемъ*. Ихъ хранять цѣлый годъ и употребляютъ какъ лекарство отъ разныхъ болѣзней, а иногда какъ противодѣйствіе зачарованію, или предугадываніе будущаго. Такъ, напр., цвѣтъ *богатки* предсказываетъ удачу или наоборотъ. Ежели разовьется, вѣщаетъ счастіе, въ противномъ же случаѣ бѣду.

Въ день св. Іоанна мальчуганы поютъ слѣдующую шутливую пѣсню:

А на Яна
Баба пьяна,
На Барвса
Баба лыса,
А на Юрья
Баба дурна! и т. д.

е.) *Куцья*. На канунѣ Рождества Христова, Новаго года и Богоявленія народъ здѣсь празднуетъ куцью, т.-е. кутью; это названіе происходитъ отъ извѣстнаго рода пищи, подаваемой въ эти дни. *Куцья* наканунѣ Рождества называется

постною, ибо приготовляется изъ разнаго рода зерноваго хлѣба, гороха, пшеницы, ячныхъ и гречишныхъ крупъ и т. п.; наканунѣ же Новаго года мясною, ибо въ числѣ кушаній подаютъ мясное.

Наканунѣ Рождества, послѣ заката солнца, не только среди простаго народа, но и въ высшемъ и среднемъ классѣ устилаютъ столъ сѣномъ, покрываютъ скатертью, на которой разставлены блюда, въ католическихъ домахъ прикрытыя *оплатками* съ изображеніями Спасителя, символовъ вѣры, Божіей Матери и св. Іосифа. Хозяйка беретъ такую оплатку, подходитъ къ каждому изъ присутствующихъ и приглашаетъ отломить кусочекъ и съѣсть, при чемъ принимаетъ поздравленія съ наступающими праздниками. Потомъ садятся за столъ. Въ промежуткахъ вытаскиваютъ изъ-подъ скатерти сѣнную былинку, и по длинѣ ея заключаютъ о будущемъ ростѣ льна. Послѣ ужина наблюдаютъ, протоптаны ли тропинки по двору дочерна и много ли звѣздъ на небѣ. Первое предсказываетъ обильный сборъ гречихи, а послѣднее — хорошій приплодъ скота. Осматриваютъ также древесныя вѣтви: ежели онѣ всѣ покрыты инеемъ, это сулитъ хорошій урожай садовыхъ плодовъ. Если въ этотъ день оттепель, то санная дорога продлится до половины марта и притомъ предсказываетъ раннюю весну и изобильное лѣто; точно также, ежели въ Срѣтенье большой морозъ, то снѣгъ недолго пролежитъ, весна же и лѣто немного обѣщаютъ хорошаго.

Когда пожилые гадаютъ о погодѣ и урожаѣ, дѣвушки въ то же время прислушиваются къ лаю собакъ: откуда онъ слышенъ, оттуда явится женихъ. Потомъ бѣгаютъ подъ сосѣднія хижины и подслушиваютъ подъ окнами. Необыкновенный восторгъ объемлетъ ихъ, когда подслушаютъ слова, изгоняющія кого-либо изъ дома: *напр., что засидѣлся? Довольно, братъ! ступай!* и т. п. Отчаянная грусть, когда въ хатѣ приглашаютъ кого посидѣть, остаться, ежели говорятъ: *еще рано! успѣешь!* и т. п. Первый случай предсказываетъ непремѣнное замужство въ-теченіе года, послѣдній — сидѣнье въ дѣвкахъ. Но всего ужаснѣе, ежели послышатся слова: священникъ, свѣчи, доски и т. п., ибо это вѣщаетъ близкую смерть самой подслушивающей или ея суженому. Тѣ, которымъ не удалось подслушать и разгадать свою судьбу, берутъ охапку дровъ или обхва-

тываютъ простертыми руками плетень, и потомъ считаютъ число полѣнъ или кольевъ: четное число предсказываетъ замужство, нечетное — бѣду; весь годъ никто не посватается.

Въ этотъ же вечеръ связываютъ ноги у стола, чтобы скотъ не перескакивалъ плетней и не стаптывалъ посѣвовъ, а также, чтобы рои пчелъ не уходили. Женщины въ это время свиваютъ клубки, какъ можно тщательнѣе и побольше, ибо это увеличитъ *качны*, т.-е. головки капусты; небрежная же свивка клубковъ лишитъ воловъ силы въ ногахъ. Нельзя также въ это время сгибать обручей, ободьевъ и полозьевъ, ибо это имѣетъ дурное вліяніе на скотъ: весь приплодъ въ-теченіе года будетъ рождаться съ кривыми ногами. Нельзя связывать *памяла* для выметанія печей, ибо отъ этого произойдетъ пожаръ или громъ ударитъ въ домъ. Какъ съ Рождества до Богоявленія праздники, и крестьяне въ это время рѣшительно ничего не дѣлаютъ, то въ вечеръ куцьи приготовляютъ къ пряжѣ ленъ, начинаютъ прясть, сучить нитки, веревки, счепать лучину и свивать клубки.

Сѣно, бывшее подъ скатертью, и остатки кушанья на другой день отдаютъ скоту; оставшіяся же на столѣ зернышки собираютъ и хранятъ до посѣвовъ, а тогда смѣшиваютъ съ зерномъ, которое сѣютъ. Это предохраняетъ отъ порчи колосья.

Кутьи наканунѣ Новаго года и Богоявленія не имѣютъ такой восторженной вѣры въ гаданья.

Наканунѣ Богоявленія до вечерняго освященія воды соблюдаютъ строгій постъ, и даже во время *куцьи* нѣтъ того обилія яствъ и питья, которыя необходимы наканунѣ Рождества. При освященіи воды римско-католическаго исповѣданія, освящаютъ и мѣлъ, которымъ надписываютъ надъ всѣми дверьми, не только въ домѣ, но и прочихъ строеніяхъ, три буквы: C + M + B +, т.-е. три первыя буквы именъ волхвовъ, прибывшихъ на поклоненіе Христу (Caspar, Melchior, Baltasar). Водою же окропляютъ жилье, анбары, сараи и другія строенія. Надписи эти и окропленіе сохраняютъ здоровье и защищаютъ отъ чаръ. Мѣлъ хранятъ цѣлый годъ и употребляютъ какъ лекарство, съ виномъ, отъ желудочной боли.

ж.) *Калядьі*. Подъ этимъ словомъ крестьяне разумѣютъ

рождественскіе праздники. Это же слово означаетъ все съѣстное, даримое священнику, посѣщающему крестьянъ въ это время. Наконецъ калядой называютъ даръ, которымъ надѣляетъ хозяинъ своего наемнаго работника (паробка), оставляющаго въ это время службу; даръ этотъ состоитъ обыкновенно изъ одного большаго хлѣба, окорока и пары колбасъ.

Откуда происходитъ слово *коляда?* Нѣтъ ли связи съ языческимъ славянскимъ идоломъ *ляда?* У Литовцевъ праздникъ Ляды происходилъ между 25 мая и 25 іюня; слѣдовательно, числа эти не совпадаютъ съ праздникомъ коляды. Знаемъ, что и у Славянъ было *Ладо*, или *Лядо*, но не знаемъ, когда оно праздновалось. Славянская Ладо была не Венера, какъ думалъ Ломоносовъ, не Марсъ, какъ говоритъ Карамзинъ, но скорѣе *Золотая Баба*, покровительница малютокъ. Знаемъ, что въ Тюрингенѣ Ладо, дѣйствительно, была богинею любви, потомъ преображена въ дряхлую старушку, съ пряжею, а вслѣдъ затѣмъ въ злую вѣдьму, покровительствовавшую волшебству и колдунству. У нашихъ Славянъ праздникъ *Чаровницъ*, какъ мы уже сказали, происходилъ наканунѣ праздника Купалы; слѣдовательно, и это число не соотвѣтствуетъ колядѣ. Еще замѣчательно, что до сихъ поръ каждый порядочный хозяинъ считаетъ для себя обязательнымъ кормить съ осени кабана и убить его къ Рождеству. Это убіеніе зовутъ здѣсь: *забиць каляду*, или *забили къ калядзѣ*. Нѣтъ ли въ этомъ древнемъ обычаѣ и много вѣковъ повторяемомъ изрѣченіи напоминанія жертвоприношенія языческому Ладо? *Забиць-ко-Лядзѣ*, т.-е. принести въ жертву ко дню Ляды. Нѣкоторые хотятъ видѣть происхожденіе слова коляда и самый обычай въ польскомъ словѣ *Kolenda*, взятомъ съ латинскаго языка *Calendae*. (*) Дѣйствительно, ксендзы въ это время посѣщаютъ своихъ прихожанъ, которые дарятъ ихъ по-возможности, и это называется *Xądiz jedzie po kolendzie*, т.-е. ксендзъ ѣдетъ за колядой.

И въ бѣлорусскихъ и въ литовскихъ приходахъ второй день праздника Рождества Христова считается годовымъ сро-

(*) У Римлянъ *Calendae* означало первый день мѣсяца. Былъ еще праздникъ *Calendae Martiae*, во время котораго Римлянки разсылали другъ другу подарки.

комъ найма работниковъ (паробковъ — батраковъ). Хозяева и работники разсчитываются въ этотъ день, высказываютъ другъ другу свои обиды и неудовольствія и или мирятся за чаркой водки и заключаютъ новыя условія, или же разстаются. Отъ этого произошла пословица: «На святый Сципанъ каждый сабѣ панъ!»

в.) *Святые вечера или вечеринки.* Со дня Рождества Христова до Богоявленія *(Крещенья)* включительно крестьяне празднуютъ и особенно съ закатомъ солнца ни за что не возьмутся за какую бы то ни было работу; несоблюденіе этого влечетъ за собою неминуемыя несчастія. Ежели же крайняя необходимость заставитъ крестьянина взяться за какую-нибудь работу, онъ, для избѣжанія бѣды, обязанъ на другой день разсѣчь жердь въ своей загороди. Во всѣ эти дни по вечерамъ крестьяне собираются по домамъ и проводятъ истинно святые вечера; не пьютъ вовсе или очень мало, поютъ пѣсни, слушаютъ разсказы людей *бывалыхъ*, предлагаютъ одинъ другому *гадки*, пляшутъ подъ скрипку или дуду, называемую *муцянка*. Болѣе любимая игра въ эти вечера въ орѣхи. Берутъ горсть орѣховъ и предлагаютъ другъ другу угадать, *четное* или *нечетное* число заключается въ пригоршнѣ, говоря: *ци цотъ, ци лишка?* Угадавшій получаетъ эти орѣхи, не угадавшій обязанъ столько же дать выигравшему. Въ это же время работники и работницы, получившие годовую плату отъ хозяевъ, пируютъ въ корчмахъ, и не такъ воздержно, какъ по домамъ, въ деревняхъ. Бѣдные труженики съ непостижимымъ хладнокровіемъ и безпечностью въ нѣсколько дней пропиваютъ иногда годовой заработокъ. Вечера эти называются *игрицами* и лишены названія святыхъ вечеровъ.

и.) *Праздникъ св. Троицы* празднуютъ четыре дня. Домà внутри и снаружи украшаютъ березками. Скотинѣ, особенно коровамъ, рога украшаютъ цвѣтами.

Ночью передъ днемъ Сошествія Святаго Духа молодежь изъ цѣлой деревни собирается на лужокъ, раскладываютъ огонь, жарятъ яичницу, пьютъ и танцуютъ. Это называется пиршествомъ для пастушковъ и пастушекъ, которые приглашаются на эту забаву. Въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ ночью передъ днемъ Св. Троицы такимъ же образомъ проводятъ

всю ночь, ноплежники, т.-е. присматривающіе за лошадьми ночью.

i.) *Въ Вербное Воскресеніе* стараются какъ можно ранѣе встать, и заранѣе приготовленною вербою будятъ спящихъ, приговаривая: «не я бью — верба бьецъ, за тыдзянь вяликъ дзѣнь!» Въ-особенности достается дѣвушкамъ, и многія изъ нихъ всю ночь не спятъ, боясь сердечнаго изліянія вербою ухаживающихъ за ними.

к.) *Свѣтло Христово Воскресеніе* празднуютъ крестьяне съ особенною торжественностію. Истощенное постомъ, строго соблюдаемымъ, каждое семейство изъ послѣдняго старается состряпать *свѣнцоное*, состоящее изъ кулича, сыра, яицъ, окрашенныхъ красною краскою, колбасъ, ветчины; все это укладываютъ въ особыя *коробки* и ночью отправляются въ ближайшую церковь, или костелъ, ярко освѣщенный, а иногда обставленный зажженными смоляными бочками. Съ разсвѣтомъ начинается всенощная, по окончаніи которой священникъ освѣщаетъ *свѣнцоное;* крестьяне съ радостію возвращаются домой, поздравляютъ другъ друга съ праздникомъ и собираются по домамъ разговляться. Хозяйка рѣжетъ яйцо на мелкіе кусочки и подаетъ каждому изъ присутствующихъ; потомъ уже приступаютъ къ мясному. Празднуютъ четыре дня, и четвертый день называютъ *людовымъ.* Любимое занятіе въ это время—бить и катать яйца съ лубковъ. Игра эта у многихъ дѣлается азартною и иногда доводитъ до ссоры. Во многихъ мѣстахъ устраиваютъ качели; эта забава считается весьма полезною, ибо участниковъ ея будто бы освобождаетъ отъ нападеній комаровъ во все лѣто. Качели и катанья яицъ продолжаются по воскресеньямъ до св. Георгія (т.-е. 23 апрѣля). Въ первые два дня праздника молодежь расхаживаетъ по улицамъ, и передъ домомъ поютъ священныя пѣсни, иногда съ музыкою, т.-е. скрипкою, балалайкой, или дудой. Хозяинъ приглашаетъ ихъ въ домъ и подчуетъ свѣнцонымъ.

л.) *Въ день Всѣхъ Святыхъ* (въ первое воскресенье послѣ Сошествія Св. Духа, по римско-католическому обряду—праздникъ св. Троицы) крестьяне послѣ обѣдни цѣлыми семействами отправляются съ виномъ и закусками осматривать свои посѣвы, обѣдаютъ и подчуютъ другъ друга, гдѣ-нибудь на лугу возлѣ жита, потомъ отдыхаютъ, опять обходятъ свои

поля, разсуждая о будущей жатвѣ, и такъ проводитъ время до вечера.

м.) *Лекарства и леченія.* Крестьяне какъ литовскаго, такъ и кривичанскаго племени не жалуютъ докторовъ и охотнѣе получаютъ совѣты отъ своихъ *знахарей и знахарокъ.* Еще бо́льшимъ почетомъ пользуются доктора *крестьяне* (*) *и ясновидящіе*, къ которымъ за совѣтами обращаются многіе и изъ высшаго сословія. Дѣйствительно, было нѣсколько докторовъ изъ крестьянъ, почти неграмотныхъ, которые лечили съ большимъ успѣхомъ отъ всякихъ болѣзней исключительно виномъ или водою, смѣшанными съ травами. Ясновидящіе рѣдки; но есть и теперь одна въ Ошмянскомъ уѣздѣ, женщина среднихъ лѣтъ, здоровая и румяная. Въ припадкахъ ясновидѣнія она подвергается умышленнымъ или дѣйствительнымъ — Богъ ее знаетъ — страшнымъ судорогамъ и съ закрытыми глазами узнаетъ каждаго посѣтителя, угадываетъ его болѣзнь, прописываетъ лекарство, состоящее обыкновенно изъ травъ и растеній, а притомъ велитъ *закупить* нѣсколько обѣдень и молебновъ, наказываетъ постъ и т. п., нѣкоторымъ читаетъ нравоученія и совѣтуетъ исправить нравственность. Слава о ней разошлась всюду, особенно между крестьянами. Было нѣсколько извѣстныхъ случаевъ, въ которыхъ она, дѣйствительно, оказывала пособія, и, притомъ, больнымъ, признаннымъ совершенно неизлечимыми. Знахари и знахарки пользуютъ преимущественно *троянкою*, т.-е. грѣтымъ виномъ, съ примѣсью глины, мѣлу, перца и коровьяго масла, или же настойкою изъ травъ. Нѣкоторые употребляютъ при этомъ заклинанія и какія-то непонятныя слова. Для примѣра, передаю слѣдующій случай: въ Лидскомъ уѣздѣ, у одного молодаго человѣка разболѣлась рука. Позвали знахарку изъ деревни Стучики. Она объявила, что въ рукѣ совокупились три болѣзни: *волосникъ*, *огникъ* и *мангана*, и взялась вылечить. Послѣ заката солнца она взяла нѣсколько колосьевъ ржи, связала ихъ и приложила къ больной рукѣ, потомъ стала обливать теплою водою, объявивъ, что это значитъ *вылить волос-*

(*) Извѣстнѣйшимъ изъ нихъ былъ *Саргунасъ*, жившій въ Вилкомирскомъ уѣздѣ, вблизи мѣстечка Лабонаръ. Онъ умеръ, въ глубокой старости, нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

някъ. Далѣе она сожгла три лучины, уголья разложила на три ровныя части, взяла изъ одного нѣсколько угольевъ, раскалила ихъ и стала вертѣть надъ рукою, не дотрогиваясь ея и что-то нашептывая, а потомъ бросила въ воду; затѣмъ взяла уголья изъ второй кучки, уже не раскаленные, а потомъ изъ третьей и тоже вертѣла вокругъ руки, а потомъ бросила въ воду. Это, по ея словамъ, значило *изгонять огникъ*. Далѣе знахарка зажгла на камелькѣ солому, выдернула нѣсколько прутьевъ изъ вѣника, согнула ихъ въ-видѣ крючковъ и, посадивъ больнаго передъ огнемъ, велѣла спрашивать: *што дзярешь?* она отвѣчала: *манцану*, и при этомъ рвала крючекъ надъ рукою и бросала въ огонь, при чемъ больной долженъ былъ повторять: *дзяри добра, кабъ не балѣла*. Такимъ-образомъ, она разорвала нѣсколько крючковъ. Всю эту сцену повторила знахарка во второй разъ предъ восхожденіемъ солнца и потомъ въ третій, послѣ заката. Почти тотчасъ послѣ совершенія этого третьяго обряда появилось въ больной рукѣ отверстіе, чрезъ которое вышла матерія, и рука стала совершенно здорова.

Вотъ нѣкоторые домашніе способы деревенскаго леченія, преимущественно у Литовцевъ: *беременнымъ женщинамъ* даютъ пить мелко истолченный янтарь, велятъ проглотить живую пчелу, а иногда, въ крайнихъ случаяхъ, выпить мочу жеребца. Желудокъ обкладываютъ зелеными березовыми листьями.

Отъ задержанія мочи даютъ пить вишневую кору.

Отъ вередовъ дѣлаютъ слѣдующее всѣми испытанное лекарство. Берутъ шесть луковокъ, мелко искрошенныхъ и раздробленныхъ, чтобы составляли одну массу; къ этому прибавляютъ мыла простаго величиною съ луковинку и чайную ложечку чистаго меда или патоки, и прибавляютъ еще весьма немного ржаной муки; изъ всего этого образуется пластырь, который и прикладываютъ къ больной рукѣ.

Отъ колотья даютъ рюмку вина съ солью.

Рану обкуриваютъ дымомъ отъ зажженнаго холста. Рана тотчасъ заживаетъ.

Отъ колтуна даютъ пить въ-продолженіе двухъ недѣль декоктъ изъ растеній, называемыхъ *Susirajt plankis* — волокита-бабимуръ (?); потомъ даютъ пить въ-теченіе трехъ дней

цвѣтъ *Rajnu-Tapos.* Колтунъ отстаетъ, и его подстригаютъ. Полагаютъ также весьма полезнымъ ѣсть жареное мясо ежа.

Отъ временной глухоты вливаютъ въ ухо мочу зайца или кладутъ жареный лукъ.

Кровотеченіе останавливаютъ прикладываніемъ паутины.

Обжегъ лечатъ мелко истертымъ картофелемъ.

Отъ *головной боли* прикладываютъ мокрый песокъ, вынутый изъ колодезя или изъ озера.

Огуречный разсолъ способствуетъ пищеваренію.

Отъ *укушенія змѣи* даютъ пить зелье, называемое здѣсь венжовникъ *Poligonum Bisterta*, мелко искрошенное съ сладкимъ молокомъ. Также, а равно и отъ укушенія бѣшеной собаки или скотины берутъ кость отъ ноги вола, пережигаютъ ее и кладутъ въ глиняный сосудъ, потомъ одну сторону или кусокъ кости выглаживаютъ и прикладываютъ къ израненному мѣсту; она тотчасъ прильнетъ, какъ магнитъ, къ ранѣ и держится нѣкоторое время, а потомъ сама отпадаетъ. Тогда ее бросаютъ въ молоко, а къ ранѣ прикладываютъ другую кость, и такъ далѣе до тѣхъ поръ, пока кость не станетъ прилипать къ больному мѣсту. Прикладываютъ еще въ такихъ случахъ лягушку, пополамъ разорванную, засыпаютъ рану нюхательнымъ табакомъ, поливаютъ виномъ и молокомъ.

Отъ *лихорадки* даютъ вино, смѣшанное съ муравьинымъ сокомъ.

Отъ *насморка* нюхаютъ потъ спромежь пальцевъ на ногахъ.

Отъ *разслабленія желудка* и отъ *кровавыхъ поносовъ* даютъ пить настой отъ ягоды черницы (midanes) или же берутъ грибы, называемые мухоморами (masmires), сушатъ ихъ, потомъ трутъ въ порошокъ, на который наливаютъ вино, и, продержавъ нѣкоторое время на солнцѣ, даютъ пить больному.

Всѣ эти лекарства менѣе или болѣе приносятъ пользу; но вѣра въ нихъ простолюдиновъ глубокая, и въ глазахъ ихъ они лучше всякихъ медицинскихъ средствъ. Въ тѣхъ однако имѣніяхъ, гдѣ помѣщики содержатъ постоянныхъ докторовъ, истинное знаніе скоро получаетъ перевѣсъ надъ предразсудками, и крестьяне охотно поддаются совѣтамъ медика.

Не только знахарямъ извѣстны симпатическія лекарства, но почти въ каждомъ приходѣ есть свои тайны, какъ загова-

ривать и лечить отъ разныхъ болѣзней людей и скотъ. Вотъ нѣкоторые способы: отъ укушенія змѣи надобно нѣсколько разъ произнести слѣдующія слова безъ всякаго значенія, но имѣющія магическое дѣйствіе на болѣзнь: *Kota*, *rota*, *dota*, *baszalyk*, *adyk*, *psyk*, *cik*. Повторяя второй разъ эти слова, начинаютъ отъ послѣдняго, т.-е. цикъ, псыкъ и т. д. Литовцы заговариваютъ еще слѣдующими стихами:

Karalan lipsnatas,	Огненный король,
Givaczin Wieszpatas,	Гадинъ господинъ!
Zwilgtelek akieli,	Взгляни очкомъ
Pasava karaneli:	Изъ-подъ твоей короны.
Zalczium karalu,	Король ужей!
Alimk żundeli	Сними жало
Nu to (tos) vargdineli.	Съ этого (съ этой) бѣдняги.

Чтобы усмирить боль зубовъ, надобно дотронуться къ болящему зубу зубомъ, вынутымъ у покойника. Для предупрежденія же этой боли носятъ на шеѣ или на рукѣ красный бумажный снурокъ, повязанный 27 узелками. Приготовленіе этого снурка возлагается на старшаго или младшаго изъ дѣтей. Дитя беретъ снурокъ въ аршинъ длиною, дѣлаетъ на немъ 27 узелковъ и начинаетъ считать отъ 9—1, т.-е. 9—8, 7, 6, 5. 4, 3, 2, 1 и такъ три раза, пока не составится число 27. Каждый разъ ребенокъ долженъ сосчитать 9 узелковъ не переводя духъ.

Для предупрежденія отъ заразительной болѣзни скота, отрѣзываютъ ножницами у каждой скотины кусокъ лѣваго уха, потомъ всѣ эти кусочки складываютъ въ чистый горшокъ и прячутъ гдѣ-нибудь въ избѣ, такъ чтобы никто не зналъ, кромѣ того, который спряталъ.

Въ Вилейскомъ уѣздѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, чтобы усыпить ребенка, даютъ пить маковое молоко. Это имѣетъ самыя вредныя послѣдствія на умственныя способности, ибо ребенокъ дѣлается тупымъ и вялымъ.

Народныхъ увеселеній, плясокъ, пѣсенъ литовскаго племени мы не станемъ повторять, ибо все это подробно описано въ вышепомянутой статьѣ П. В. Кукольника. Скажемъ здѣсь нѣсколько словъ объ увеселеніяхъ славянскаго племени. Кромѣ *дожинокъ*, *святыхъ вечерей*, *каляды*, *купалы*, народъ празд-

нуетъ на свадьбахъ и крестинахъ, по воскресеньямъ и въ другіе храмовые и праздничные дни.

5) Увеселенія заключаются въ большемъ обыкновеннаго употребленіи пищи и питій, т.-е. вина, иногда пива, въ плаcкахъ и пѣсняхъ. Болѣе извѣстная здѣсь пласка называется *женидьба царешка*. Она заключается въ слѣдующемъ: молодежь становится по одну сторону, а дѣвушки и замужнія и даже пожилыя по другую. Изъ среды женщинъ избираютъ одну, болѣе ловкую, и называютъ ее *сватьей-матерью*. Она выбираетъ одного изъ мужчинъ, беретъ его за руку и проходитъ съ нимъ по цѣлой линіи возлѣ дѣвушекъ, ломаясь и приплясывая подъ тактъ слѣдующей пѣсни, которую сама поетъ:

Царешка волочицца;
Яму жаницца хочецца;
Волочицца, выглядаиць,
Кого то іонъ найманиць?

На это дѣвушки отвѣчаютъ хоромъ:

Царешка, царешечка.
Цѣрезъ боръ дорожичка,
Битая, таптаная.
Я у мамки коханая.

Такимъ-образомъ, проходятъ возлѣ женщинъ нѣсколько разъ; а потомъ мацъ-свацья» избираетъ одну дѣвушку и отдаетъ ее своему кавалеру. Пара эта идетъ плясать подъ напѣвъ матери-сватьи:

Царешка волочіўся,
Даўжешъ іонъ ажаніўся,
А узяу дзѣвушку пригожую,
Хоць кулы, такъ гожую.

На это отвѣчаетъ хоръ дѣвушекъ:

Царешка, бида стала.
Съ кимъ яго жена спала!
Ой, подъ гаемъ зилянѣнькимъ,
Ци нн съ казакомъ молодѣнькимъ?
Ой, гожая, пригожая,
Зрабила нягожая!

Маць-свацья защищаетъ избранную дѣвушку, напѣвая.

Ци спала, ци ня спала,
Тольки тая слава стала,
Яна съ казакомъ гукала,
Про дороженьку пытала,
Про дороженьку, про сцѣжку,
Какъ знайсци свойго царешку.

Въ это время танцующая пора останавливается въ началѣ ряда мужчинъ и женщинъ, образовавъ такимъ-образомъ первую пару; а между-тѣмъ *маць-свацья*, приплясывая, выбираетъ другаго мужчину и такимъ же образомъ поступаетъ, какъ съ первымъ. Обрядъ этотъ совершается до тѣхъ поръ, пока она всѣхъ не переженитъ и изъ двухъ рядовъ насупротивъ стоявшихъ мужчинъ и женщинъ образуетъ пары. Тогда пары эти немного раздвигаются, давъ небольшой проходъ, по которому проплясываетъ первая пара. Дойдя до конца шеренги, мужчина вдругъ бросаетъ дѣвушку и прячется отъ нея, а она его отъискиваетъ. Въ ловкихъ пріемахъ во время этихъ преслѣдованій молодежь старается выказать свое искусство. Такимъ образомъ поступаетъ каждая пара. Все это совершается подъ слѣдущій напѣвъ:

Ой, найду я на гародзѣ *(огородѣ)*,
На дзѣвочкимъ хороводзѣ,
Рыбачку лапаючи,
Милаго шукаючи.
   Неуцѣкай, мой дзѣдзичка,
   Неуцѣкай лябедзичка!
Я вымаю кашуличку *(рубашку)*,
Я свайму татуличку,
Тонкую, тоненькую
Бялинку, бялинькую!
   Неуцѣкай... и пр.
Ой, съ рубковымъ рукаукомъ
Назавуць цябѣ панкомъ,
Ой, съ чарвонымъ каунерчикомъ (воротникомъ)
Назавуць цябя жаунерчикомъ.
   Неуцѣкай... и пр.
Пойду жъ я у жоночекъ пытаци,
Якъ гэту кашульку даи праци,

Якъ гэту кашульку дай праци,
Якъ яѣ дай у валичкахъ качаци.
Неуцѣкай... и пр.

Потомъ тоже дѣлается съ дѣвушками, которыя, каждая по-очереди убѣгаетъ; а парни ихъ догоняютъ. При этомъ поютъ:

Дзѣвочки пралѣсачки,
Няйдзиця на арѣшачки,
Ой, найдзиця вы сами,
Спаткацися *(встрѣтитесь)* съ воўками.
Няуцѣкайцѣ же, дзѣвочки,
Няуцѣкайцѣ же, пташечки!
Або вы заблудзицѣ
И арешки пагубицѣ,
Або васъ што спугаиць,
Ня нуждая дай сердца маиць!
Ня уцѣкайцѣ и пр.
Дзѣвочки, шаху, шаху,
Што у вашимъ мяху, мяху?
Шпилички *(булавки)*, иголочки,
Залатыя пярсціоначки *(кольца)*.
Ня уцѣкайцѣ и пр.
Иголочки на хусточки *(платочка)*,
Шпилички на устужечки *(ленточки)*,
А пярсціоначки къ вяселійку *(свадьбѣ)*.
Утуіо, што будзиць нядзѣлиньку.
Ня уцѣкайцѣ и пр.
А паждзицѣ, ня уцѣкайцѣ,
Сваю ручку дай намъ дайцѣ,
Сваю ручку дай намъ дайцѣ,
Добрымъ слоўкомъ повитайцѣ!
Ня уцѣкайцѣ и пр.

Пляска эта и пѣніе сопровождаются, если есть возможность, скрипкой или *дудой-мацянкой*.

Падушечка. Въ этой пляскѣ всѣ мужчины и женщины взявшись за руки, составляютъ кругъ. Одинъ изъ парней входитъ въ середину, избираетъ дѣвушку, пропляшетъ съ нею нѣсколько разъ, поцалуетъ и бросить въ кругѣ, а самъ соединится съ хороводомъ. Дѣвушка, въ свою очередь, избираетъ любаго и т. д. Въ это время поютъ:

Падушечка, падушечка,
Дай ты пуховая!
Молодушка, молодушка,
Дай ты молодая!

Каго люблю, каго люблю,
Таго пацалую,
Пуховую падушечку,
Таму падарую!

Еще любимая пляска здѣшняго простаго народа *мятелица*. Собираются въ пары, берутъ въ руки *махрачки*, т.-е. полотенца, или поясы и становятся въ рядъ. Раздаются музыка и напѣвъ, и въ одно мгновеніе поднимается точная мятелица. Всѣ пары бросаются вдругъ, первая, проскочивъ подъ полотенцемъ, пропускаетъ вторую пару, бросается подъ полотенце третьей, пропускаетъ четвертую и т. д. Все это дѣлается съ неимовѣрною быстротою и всѣми парами разомъ. Надобно удивляться, какъ стройно, скоро и даже граціозно совершается эта кутерьма.

При этомъ поютъ:

Курыць, вѣиць мяцѣлица,
Чаму старый няженицца.
Якъ же яму жанинцися?
Усѣ будутъ дзивицися.

Ухъ, ухъ, уха-ху!
Янки голова у снягу.
— А якъ гэта да-й ня снѣгъ,
Тогда будзѣць людзямъ смѣхъ!

Ухъ, ухъ, уха-ху!
Гэта жъ я быў на таку.
— А якъ гэта да-й ня пылъ
То адъ дзѣўки будзиць тылъ.

Охъ, охъ, аха-хо!
Гэта жъ на мнѣ малако.
— А якъ яго не сатремъ,
Каго у танецъ павядзіомъ?

Охъ, охъ, аха-ха,
Гэтажъ на мнѣ да-й мука,
— А якъ яна ня сляцицъ.
Кто на стараго дай паглядзиць?

Курыць, вѣиць, закурылась.
Мая дзѣўка разазлилась.
— А якъ же ей не разозлицца
Кали старый да яѣ масцицца?

А хоць старый не паганый,
Ящо дужый и румяный.
— А што кому до таво?
Можа я пайду за яво!

Курыць, вѣиць мяцѣлица,
Пеўнѣ (вѣрно) старый оженицца.
— Ашто каму да таво?
Може я люблю яво.

Главные музыкальные инструменты: скрипка и дуда. Послѣдняя составлена изъ кожанаго мѣшка (телячьяго брюха) и двухъ деревянныхъ дудокъ, въ него вдѣланныхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ употребляютъ извѣстную балалайку. Народные литовскіе инструменты: *вамздисъ* — дудка изъ вербной коры, *дзиндзинисъ* — толстая лучина, на которую натянута желѣзная струна, *малинка* — дудка изъ глины.

IV. Особенности общественнаго быта.

Однообразенъ бытъ крестьянъ здѣшней губерніи. И Литовцевъ и Кривичанъ роды занятій одинаковы. Годъ году подобенъ. Замѣтками жизни считаются перемѣны владѣльца или управляющаго, неурожай, къ несчастію, часто случающійся и долго, иногда нѣсколько лѣтъ, продолжающійся, — холера, падежъ скота. Всѣ главныя занятія крестьянина можно очертить нѣсколькими строками: зимою молотитъ хлѣбъ и свозитъ дерево изъ лѣса; съ началомъ апрѣля начинается обработка полей; подъ конецъ іюня начинается сборъ ржи и сѣна; подъ конецъ іюля, обыкновенно съ св. Ильи (20 числа), считается лучшее время въ году — овины и амбары полны; въ день св. Варѳоломея начинается посѣвъ яроваго хлѣба; около св. Николы уплачиваютъ подати. Рождественскіе праздники, съ святыми вечерами *и игрицами*, поглощаютъ остатки запасовъ, и многіе, особенно въ славянскихъ приходахъ, до новыхъ урожаевъ живутъ пособіемъ владѣльцевъ,

а еще чаще Жидовъ, вдвое, или втрое получающихъ за свое даяніе.

Крестьяне Виленской губерніи состоятъ изъ помѣщичьихъ и состоящихъ въ вѣдѣніи государственныхъ имуществъ, т.-е казенныхъ имѣній, поезуитскихъ, ленныхъ и подуховныхъ. Есть еще вольные люди, живущіе на владѣльческихъ земляхъ или при казенныхъ имѣніяхъ. Казенные крестьяне управляются на общемъ основаніи, какъ и во всѣхъ прочихъ губерніяхъ. На мірскихъ сходкахъ никакихъ особыхъ обычаевъ или обрядовъ нѣтъ. Здѣсь явственно проявляется отличительная черта здѣшнихъ крестьянъ — глубокое повиновеніе своимъ начальствамъ: они избираютъ на этихъ сходкахъ преимущественно въ старшины и прочія сельскія и волостныя должности тѣхъ, которыхъ имъ укажутъ власти.

Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ никакихъ мірскихъ сходокъ не бываетъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ рѣдкихъ случаяхъ владѣльцы созываютъ старѣйшихъ изъ своихъ крестьянъ и совѣтуются съ ними, какъ пособить обѣднѣвшей *хатѣ*, насчетъ раздѣла семейства, или оказанія общаго пособія. Но и это случается весьма рѣдко.

Глава семейства, хозяинъ дома, пользуется общимъ глубокимъ уваженіемъ въ своей семьѣ. Онъ управляетъ хозяйствомъ безотчетно, и всѣ ему повинуются. Чѣмъ старѣе, опытнѣе и умнѣе отецъ семейства, тѣмъ сильнѣе его власть и вліяніе не только въ домашнемъ быту, но и на всю деревню. Дѣти, при встрѣчѣ съ старикомъ, цѣлуютъ ему руку. Разумѣется, что этимъ общимъ уваженіемъ пользуются только такіе старики, которые извѣстны безъукоризненнымъ поведеніемъ и отличаются не только нравственными качествами, но и умомъ. Прежде, разсказываютъ, водился особый обычай наказыванія воровъ, по суду стариковъ изъ цѣлой деревни, безъ участія владѣльца, или двороваго управленія. Изобличеннаго въ воровствѣ ведутъ, при стеченіи цѣлаго населенія деревни, къ первымъ воротамъ крайней въ деревнѣ хаты, кладутъ передъ воротами и даютъ одну розгу, читая, между-тѣмъ, нравоученія дѣтямъ и молодежи, чтобы примѣръ этотъ возбудилъ въ нихъ презрѣніе къ преступнику; потомъ цѣлой процессіей слѣдуютъ къ другимъ воротамъ, передъ которыми даютъ опять одинъ ударъ и такъ далѣе, пока не обойдутъ

всѣхъ дворовъ въ деревнѣ. Увѣряютъ, что это отеческое наказаніе имѣло сильное вліяніе на исправленіе нравственности крестьянъ; а благоразумные помѣщики нисколько этому не препятствовали, даже поощряли. Замѣчательно, что гдѣ судъ надъ провинившимся предоставляется самимъ крестьянамъ, какъ это еще и теперь водится въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, наказаніе всегда строже, нежели какое бы придумалъ самъ помѣщикъ. Матери семействъ состоятъ въ полномъ повиновеніи главѣ дома, хотя бы ими были сыновья ихъ; впрочемъ, онѣ имѣютъ вліяніе на свое семейство, но не вмѣшиваются въ распоряженія имуществомъ и заработками семьи. Дома мать или жена полная хозяйка; она сама, пока позволяютъ силы, готовитъ пищу, моетъ бѣлье, а когда наступитъ старость, въ этомъ отношеніи надзоръ ея не прекращается до гроба. Общественнымъ же уваженіемъ старухи не слишкомъ пользуются.

Кромѣ обыкновенныхъ дней, такъ-называемой барщины, исполняемой крестьянами по инвентарному положенію, или по принятому обычаю (отъ 3 до 5 дней въ недѣлю), всѣ безъ исключенія крестьяне обязаны еще нѣсколько разъ въ году собираться на работы къ помѣщику. Такіе сборы, сверхъ обыкновенной барщины, называются *гвалтами*. Въ условіяхъ объ отдачѣ имѣнія въ арендное содержаніе, между-прочимъ, включаютъ: крестьяне обязаны исполнять столько-то дней барщины въ недѣлю и, кромѣ-того, столько-то дней *гвалту* въ году. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вмѣсто *гвалтовъ*, установлены дни *ласки*, т.-е. будто бы крестьяне добровольно идутъ работать сверхъ барщины. Крестьяне говорятъ, что *ласки* хуже *гвалта*, потому-что число гвалтовъ опредѣленное, а отъ дней ласки нельзя отказаться.

V. Умственныя и нравственныя способности и образованіе.

Отличительныя, характеристическія черты нравственныхъ свойствъ какъ Славянъ, такъ и Литовцевъ въ здѣшнемъ краѣ составляютъ: смиреніе, набожность и необыкновенная любовь къ родинѣ. Въ послѣднемъ отношеніи Литовцы даже превосходятъ своихъ сосѣдей. У нихъ любовь къ мѣсту рожденія составляетъ нѣчто религіозное; были примѣры, что отлучен-

ные изъ родины подвергались тяжкимъ болѣзнямъ, а иногда и самой смерти. Единственный порокъ здѣшнихъ жителей — излишнее употребленіе горячихъ напитковъ. Грустный, молчаливый, нерѣдко голодный, крестьянинъ здѣшній въ винѣ топитъ всѣ свои горести, хлопоты; гарѣлка единственное его утѣшеніе, и, когда вспомнимъ совершенную необразованность, всякаго рода лишенія, не будемъ слишкомъ строги къ этому пороку, особенно, ежели еще вспомнимъ, что, по прежнимъ обычаямъ, въ-теченіе многихъ лѣтъ, Евреи служили непреодолимыми и страшными проводниками къ развращенію народа. Евреи, изъ рода въ родъ, наслѣдственно арендовавшіе корчмы у помѣщиковъ, съ удивительною ловкостію опутывали бѣдныхъ крестьянъ своею дьявольскою паутиною. Еврей былъ первымъ и главнымъ совѣтникомъ, руководителемъ и благодѣтелемъ крестьянина. Онъ его поилъ круглый годъ въ долгъ, записывая двойнымъ меломъ, онъ ему давалъ и наличныя деньги въ крайнихъ случаяхъ; а результатомъ этихъ благодѣяній было то, что у крестьянина не оставалось ровно никакого имущества: все принадлежало опекуну-Еврею, или состояло въ его распоряженіи. Крестьянинъ не смѣлъ продать домашняго приплодка, ни даже собранной ржи и яроваго, потому-что Еврей впередъ заторговывалъ, или получалъ по разсчету даже будущіе урожаи. Разумѣется, что это ужасное зло существовало у такихъ только владѣльцевъ, которые, ведя безпорядочную и расточительную жизнь, и сами были менѣе или болѣе въ подобной зависимости отъ Жидовъ. Благодаря рѣшительнымъ и благодѣтельнымъ мѣрамъ правительства, зло это примѣтно уменьшается. Евреи не содержатъ уже корчемъ по деревнямъ, а ежели и содержатъ еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тайно, то не могутъ дѣйствовать съ прежнею свободою, опасаясь быть изобличенными. Но главною мѣрою къ искорененію или, покрайней-мѣрѣ, значительнолу уменьшенію пьянства было введеніе акцизной системы съ 1850 года. Изъ числа 639 винокуренныхъ заводовъ и 4,522 питейныхъ заведеній для раздробительной продажи питей, существовавшихъ въ 1849 гóду, до введенія акцизной системы, нынѣ (въ 1855) считается 298 винокуренныхъ заводовъ и 2,150 питейныхъ заведеній.

Воровство, буйство, разбой, смертоубійства между крестья-

нами весьма рѣдки. Преступленій противъ вѣры почти не бываетъ. Нравственность здѣшнихъ жителей зависитъ преимущественно отъ направленія и личныхъ нравственныхъ достоинствъ владѣльца и приходскаго священника. Нерѣдко встрѣчаемъ селеніе или и цѣлый приходъ, гдѣ крестьяне живутъ достаточно, пользуются отличнымъ общественнымъ мнѣніемъ, гдѣ нѣтъ ни воровъ, ни пьяницъ. Въ такихъ случаяхъ можно впередъ ручаться, что помѣщики и священникъ этого прихода глубоко понимаютъ свое высокое призваніе. Народъ здѣшній еще дитя въ-отношеніи умственнаго развитія, но воспріимчивъ, склоненъ къ подражанію, и трудно вообразить, какъ заразтетельны здѣсь примѣры дурнаго и какъ легко прививаются сѣмена добраго. Умный, благородный священникъ, съ самоотверженіемъ посвящающій всѣ свои часы своей паствѣ, вникающій въ ея нужды, подающій добрые совѣты, а притомъ отличающійся и личнымъ безъукоризненнымъ поведеніемъ, можетъ руководить крестьянами, какъ дѣтьми, потому-что глубина ихъ прекрасна и Господь надѣлилъ ихъ высокими достоинствами: кротостію, набожностію, любовію роднаго края!

Надобно еще замѣтить, что вообще положеніе крестьянъ среднихъ помѣщиковъ, какъ въ нравственномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ, гораздо лучше крестьянъ богатыхъ помѣщиковъ, владѣющихъ тысячами душъ, разбросанныхъ въ разныхъ отдаленныхъ одно отъ другаго мѣстахъ. И неудивительно: первые управляютъ сами, а послѣдніе бóльшею частію отдаютъ свои имѣнія въ арендное содержаніе, а арендаторы рѣдко заботятся объ улучшеніи быта крестьянъ! И здѣсь, какъ и во всемъ, есть исключенія; но, къ несчастію, они еще немногочисленны. Въ наше время молодой гр. Т., милліонеръ, посвятилъ все свое время и огромные доходы улучшенію положенія крестьянъ. Бóльшая часть ихъ переведены на оброкъ, удобрены поля, осушены луга, проведены отличныя дороги между деревнями, построены новыя, чистыя, красивыя, съ трубами избы; дано вспомоществованіе болѣе нуждающимся. Въ имѣніяхъ недавно умершаго гр. Гинтера крестьяне давно приведены въ самое удовлетворительное положеніе, а чтó еще удивительнѣе въ здѣшнемъ краѣ — бóльшая часть ихъ грамотны, многіе отличные ремес-

ленники и агрономы. Такихъ примѣровъ можно бы насчитать и еще нѣсколько.

Грамотность далась болѣе Литовцамъ, нежели Славянамъ. Между первыми почти половина умѣетъ читать (по-литовски) и съ молитвенниками отправляется въ костёлы. Но этимъ бо́льшею частію и ограничивается ихъ грамотность. Писать рѣдкіе умѣютъ. Между Славянами, грамотныхъ почти нѣтъ,— развѣ изъ дворовыхъ людей. Училища по деревнямъ не существуютъ. Литовцы грамотѣ учатся дома, или у ксёндзовъ.

Изъ мѣстностей, къ которымъ привиты насмѣшливыя пословицы, извѣстенъ одинъ Ошмянскій уѣздъ; но это относится болѣе къ шляхтѣ, нежели къ крестьянамъ. Про неуклюжаго, грубаго въ обращеніи говорятъ: *ошмянскій шляхтичъ!* Ежели же кто сдѣлаетъ что-либо неприличное, говорятъ: *вотъ сморгонская политика!* или *сморгонскій академикъ!* Пословицы эти весьма древнія. Жители Ошмянскаго уѣзда, вѣроятно, искони были извѣстны своею неуклюжестію и снискали въ этомъ отношеніи извѣстность въ цѣлой Литвѣ; а въ Сморгоняхъ, мѣстечкѣ, расположенномъ въ томъ же уѣздѣ, въ прежнее время было училище, основанное князьями Радзивиллами, въ которомъ получали *образованіе* — медвѣди. Училище это называли въ шутку Сморгонской Академіей.

Раскольниковъ здѣсь около 7,000. Они живутъ въ Литвѣ со времени Петра Великаго, многіе имѣютъ собственныя земли и дома въ городахъ; они весьма привержены къ своему исповѣванію. Отъ Литовцевъ заимствовали они любовь къ мѣсту рожденія. Къ сожалѣнію, между ними попадается много воровъ, а нерѣдко и разбойниковъ.

VI. Народныя преданія и памятники.

Народныя преданія и памятники, пѣсни, поговорки, пословицы, во множествѣ сохранившіяся въ здѣшнемъ краѣ, служатъ явнымъ проявленіемъ народной понятливости и умственнаго развитія. Иногда невзначай высказанное крестьяниномъ мнѣніе доказываетъ глубокую опытность и знаніе жизни; въ другой разъ кстати примѣненная пословица или поговорка невольно приводятъ въ удивленіе. Откуда, кажись, въ этомъ грубомъ, бѣдномъ самоотверженникѣ столько простаго

ума и сноровки? Бѣлоруссовъ и Литовцевъ намъ вообще стараются представить тупоумными, почти безсмысленными. А послушайте, какъ они кстати ввернутъ вамъ острое словцо, какъ, при всей покорности и, какъ-будто нарочно, при бранномъ глуповатомъ обращеніи, приведутъ васъ въ краску или застанятъ замолчать, ненарокомъ сказанною въ разговорѣ, пословицею, съ дѣтства заученною и ко всякому случаю весьма удачно примѣняемою. Надобно еще прибавить, что, прислушиваясь къ этимъ пословицамъ съ дѣтства, крестьяне привыкаютъ извлекать изъ нихъ мораль въ буквальномъ смыслѣ, съ глубокою вѣрою, и это, разумѣется, часто имѣетъ дурныя послѣдствія. Они убѣждены: *что долгъ заставляетъ обманывать*, *а голодъ воровать*, *что плохой воронъ*, *когда изъ рукъ выпускаетъ добычу*, *что гдѣ нельзя перелѣзть*, *перескочить можно*, и тому подобное. Мы выбрали пословицы, имѣющія двусмысленное и часто вредное значеніе; но представляемое собраніе пословицъ и поговорокъ легко убѣдитъ, что бо́льшая часть ихъ имѣютъ и чисто нравственную цѣль, во многихъ проявляются легкая шутка, глубокое чувство или непреложная истина. Въ такомъ же смыслѣ надобно понимать и пѣсни крестьянъ. Въ нихъ мы найдемъ отпечатокъ ума, чувства, любви къ родинѣ, вѣрный отблескъ горькой судьбы ихъ. Преданія, пѣсни, пословицы и поговорки Литовцевъ въ подробности разсказаны П. В. Кукольникомъ въ упомянутомъ уже нами сочиненіи; а потому здѣсь мы займемся исключительно славянскимъ племенемъ. Славяне Виленской губерніи богаты преданіями, но гораздо бѣднѣе Литовцевъ преданіями историческими и даже миѳологическими; зато почти нѣтъ мѣстности, которой бы не приписывали чего-нибудь чудеснаго и не разсказали про нее какой-нибудь легенды, почти всегда имѣющей нравственное направленіе. Замѣчательно, что всѣ эти легенды разсказываются въ извѣстномъ какомъ-нибудь околодкѣ совершенно одинаково, безъ измѣненія даже собственныхъ именъ. Въ нихъ видно что-то поэтическое, страсть къ чудесному, необыкновенному, во многихъ фантастическіе очерки, а завязка почти всегда поучительная. Мы не станемъ пересказывать всѣхъ преданій; изъ нихъ можно бы составить цѣлые томы. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

Преданіе о камняхъ. Вблизи мѣстечка Курженецъ, въ 9-ти верстахъ отъ уѣзднаго города Вилейки, на полѣ лежитъ огромный камень, называемый *Гомсинъ*. Крестьяне разсказываютъ, что давнымъ-давно на этомъ мѣстѣ жилъ сапожникъ Гомсинъ. Онъ былъ *филосовъ*, ни во что́ не вѣрилъ, не ходилъ въ церковь и не уважалъ праздничныхъ дней. Въ одно Свѣтло-Христово Воскресенье, называемое въ простонародіи *Вялікъ-дзень*, Гомсинъ, понимая значеніе этихъ словъ въ буквальномъ смыслѣ, такъ разсудилъ: когда онъ въ будній день можетъ сшить одну пару сапогъ, то въ Вяликъ-дзень онъ долженъ сшить двѣ пары. Объявивъ о своемъ умозаключеніи домочадцамъ и сосѣдямъ, онъ прилежно сталъ работать, подтрунивая надъ уходившими въ церковь, что въ то время, когда они понапрасну убиваютъ время, онъ въ тотъ день заработаетъ вдвое болѣе обыкновеннаго. Вотъ народъ валитъ уже изъ церкви, а Гомсинъ все еще сидитъ за работой; но когда поровнялся съ его избой, на ясномъ, лазурномъ небѣ неожиданно явилась чреватая туча, полился дождь, и въ ту же минуту грянулъ громъ въ самую избу Гомсина. Пораженные необыкновеннымъ явленіемъ и ослѣпленные такъ непостижимо блеснувшею молніею, всѣ присутствующіе пали на колѣни и закрыли глаза руками, а когда, успокоенные опять воцарившеюся тишиною, открыли глаза, каковъ былъ ихъ ужасъ, когда удивленные и пораженные ихъ взоры не могли отъискать ни избы Гомсина, ни его самого, какъ-будто никогда не существовавшихъ. На томъ же мѣстѣ, гдѣ была изба, лежалъ большой камень, до сихъ поръ существущій, какъ нѣмой свидѣтель грознаго событія и какъ рѣзкій примѣръ наказанія Господня, за неисполненіе его заповѣдей.... Многіе изъ окрестныхъ крестьянъ глубоко убѣждены, что въ день Свѣтло-Христова Воскресенья, наклонясь къ камню, слышатъ пѣніе пѣтуха и стукъ сапожничьяго молота; но что́ всего удивительнѣе, какъ увѣряли меня люди, достойные вѣры, что почти каждое лѣто въ камень этотъ ударяетъ громъ, и, въ-самомъ-дѣлѣ, онъ во многихъ мѣстахъ потрескался.

Въ этомъ родѣ почти къ каждому большому камню присвоена чудесная легенда. Въ Вилейскомъ уѣздѣ есть еще другой камень, на которомъ будто бы видятъ оттискъ человѣческой ноги. Въ Ошмянскомъ уѣздѣ, при большой дорогѣ, веду-

щей изъ Трокъ въ Ольшаны, есть такой камень съ подобіемъ оттиска человѣческой ноги. Въ Лидскомъ уѣздѣ, Веверскаго прихода, въ имѣніи Іозефово, помѣщика Шишки, при деревнѣ Мейры, на большомъ камнѣ видѣнъ такой же оттискъ; но народъ говоритъ, что это *ступень* Пресвятой Богородицы. Въ Трокскомъ уѣздѣ, въ Козукишскомъ приходѣ, въ имѣніи Миткишки, помѣщика Подгурскаго, на правомъ берегу Виліи, такой же камень съ оттискомъ, также величаемымъ ступенью Божіей Матери. Въ Ошмянскомъ уѣздѣ, за мѣстечкомъ Сморгони, при Минской почтовой дорогѣ, на лугу лежитъ камень длиною пять аршинъ, шириною четыре. Далѣе, за Сморгонями, есть камень еще больше этого, длиною восемь, шириною 6 аршинъ, отъ котораго вблизи находящееся мѣстечко получило названіе *Камня*. Первый изъ этихъ камней, чрезвычайно высокій, служитъ работникамъ оградою отъ вѣтра и зноя во время отдыха; а о послѣднемъ сохранилось преданіе, что будто бы, въ прежнее время, ежели кто положилъ на немъ два злотыхъ (30 коп. серебр.), то, возвратясь домой, найдетъ повѣшенные сапоги, неизвѣстно откуда явившіеся. Въ городѣ Вильнѣ, за предмѣстьемъ Снипишки, по правой рукѣ Вилькомирской дороги, за домами, на полѣ лежитъ нѣсколько камней. Простой народъ увѣряетъ, что, во время оно, какіе-то новобрачные на этомъ мѣстѣ пировали свадьбу неприличнымъ образомъ, пьянствуя, богохульствуя и проч. За это Господь Богъ наказалъ ихъ, превративъ въ эти камни. Въ Вилейскомъ уѣздѣ, въ лѣсу имѣнія Клесинъ, помѣщика Коверскаго, находятся три окаменѣлости, изъ которыхъ двѣ похожи на воловъ, а одна на человѣка. Народъ увѣряетъ, что это пахарь съ двумя волами, превращенные въ камни, за то, что пахарь обработывалъ землю въ праздникъ Глѣба и Бориса (24 іюля). (*)

(*) Понятіе о наказаніи, за разныя преступленія, превращеніемъ въ камни широко распространено въ Литвѣ и въ западной Руси. Въ Слуцкомъ уѣздѣ, въ 14-ти верстахъ отъ Несвижа (князя Радзивилла), при фольваркѣ Лозовичи, лежатъ два камня необыкновенной величины и одинъ высокій камень, стоящій въ видѣ статуи, дѣйствительно, немного похожій на человѣческую фигуру. Лежащіе камни тоже были два вола, а стоящая фигура — пахарь, рѣшившійся пахать землю въ первый день Свѣтло-Христова Воскресенья, превращенный за это, вмѣстѣ съ волами.

Слѣдуя изъ Вилейки къ первой почтовой станціи Костеневичи, по Дисненскому тракту, не доѣзжая до мѣстечка Рѣчки, по правую сторону, указываютъ небольшую долину, про которую существуетъ слѣдующее преданіе. Здѣсь, давнымъ-давно, стояла церковь. Во время обѣдни пріѣхали, уже хмѣльные, женихъ съ невѣстою, и, вмѣсто-того, чтобы ожидать минуты бракосочетанія въ церкви, слушая обѣдню, они стали пьянствовать передъ церковью, на паперти, и предались неистовой оргіи. Когда кончилось богослуженіе и народъ вышелъ изъ церкви, женихъ и невѣста приблизились къ налою; но вдругъ ударилъ громъ, церковь рухнула, земля вздрогнула, отверзла пасть свою и поглотила новобрачныхъ, со всѣми участниками ихъ сумасбродной оргіи.

Подобныя же преданія встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ здѣшняго края, съ небольшими измѣненіями. Слѣдуя изъ мѣстечка Рѣчекъ въ фольварокъ Орпы, при самой дорогѣ видно небольшое озеро. На этомъ мѣстѣ стояла корчма, въ которую, однажды, сошелся народъ на пирушку, въ то время, когда слѣдовало идти ко всенощной, передъ Свѣтлымъ Воскресеньемъ. И здѣсь земля разверзлась и поглотила корчму со всѣми преступными. Такое же озеро находится при дорогѣ изъ м. Долгинова въ фольварокъ Микулинъ. Глубина этого озера необыкновенная. Народъ увѣряетъ, что никогда еще не достали дна его, опуская камни, привязанные къ длиннымъ веревкамъ. Иногда только камень этотъ ударяется о что-то твердое, а потомъ опять тонетъ въ глубинѣ. Преданіе говоритъ, что здѣсь стоялъ костёлъ, провалившійся сквозь землю, а на томъ мѣстѣ образовалось озеро, камни же ударяются о башни костёла. Многіе пригорки на берегу Виліи величаются *чортовыми*. Происхожденіе одного изъ нихъ слѣдующее. Чортъ, разсердясь за что-то на рѣку Вилію, хотѣлъ ее засыпать и для этого несъ большой мѣшокъ съ землею, какъ вдругъ запѣлъ пѣтухъ: чортъ бросилъ мѣшокъ съ землею и бѣжалъ, а на томъ мѣстѣ образовался пригорокъ.

Каждая почти деревня имѣетъ преданіе о своемъ основаніи. Для примѣра разскажемъ преданіе объ основаніи деревни

въ камни. Въ Гродненскомъ уѣздѣ, на правомъ берегу рѣки Котры, вблизи Берштъ, находится большой камень *съ чортовой ступенью*.

Цѣрешки, находящейся при дорогѣ отъ почтовой станціи Косцѣневичъ до Кривичъ и принадлежащей помѣщику Коверскому. На этомъ мѣстѣ, давнымъ-давно, былъ непроходимый лѣсъ, прорѣзанный рѣкою Сервечемъ (плыветъ изъ озера того же названія, въ 7 верстахъ отъ м. Ситца, впадаетъ въ Вилію, въ Костыкахъ). Въ лѣсу жильцовъ не было; дикій звѣрь безнаказанно здѣсь господствовалъ и наводилъ ужасъ на окрестныхъ жителей. Вдругъ узнаютъ они, что въ лѣсу явился смѣльчакъ и сталъ теребить лѣсъ, очистилъ себѣ полянку, построилъ избушку, развелъ садикъ, билъ звѣрей, стрѣлялъ дичь и одинъ-одинешенекъ зажилъ на славу. Собразивъ дѣло, крестьяне сочли его *знахаремъ*, т.-е. человѣкомъ, обладающимъ нечистою силою. Никто не зналъ ни рода, ни племени его; со встрѣчными онъ говорилъ привѣтливо, какимъ-то ломанымъ языкомъ и объявилъ, что его зовутъ *Цѣрешкой*. Сначала всѣ чуждались и боялись знахаря-нелюдима, но когда замѣтили, что онъ одинъ изъ первыхъ является въ храмъ Божій, а выйдя изъ храма, распрашиваетъ, нѣтъ ли больныхъ въ деревнѣ, да, молясь Богу, вылечилъ нѣсколько человѣкъ, привыкли къ нему, стали уважать его, просить совѣта; а совѣтъ-то всегда былъ умный и полезный. Немного прошло времени со дня переселенія Цѣрешки, а онъ уже успѣлъ пріобрѣсть большое вліяніе на всѣхъ окрестныхъ жителей. Цѣрешка сталъ ихъ лекаремъ, миротворцемъ, совѣтникомъ, предсказателемъ погоды, урожая, руководителемъ во всѣхъ работахъ. Между-тѣмъ, нѣкоторые крестьяне обѣднѣли, у тѣхъ хижины сгорѣли, у тѣхъ послѣдняя скотина издохла и изба разрушилась. Цѣрешка пригласилъ ихъ въ свою усадьбу, пріютилъ, пособилъ, вмѣстѣ съ ними расчистилъ лѣсъ, построилъ хаты, и вотъ образовалась деревушка, жители которой слушались и любили Цѣрешку, какъ отца роднаго. Да и какъ было не любить его, когда онъ всякому пособлялъ, мирилъ ссорящихся, присматривалъ за работами, ничего для себя не требуя? Господь Богъ благословлялъ его труды: гдѣ градъ выбилъ поля, гдѣ болѣзнь на скотѣ, гдѣ горячки поглощали людей, а у Цѣрешки все благополучно. Народъ сталъ толпами собираться къ Цѣрешкѣ и просить пріюта. Такимъ-образомъ, въ непродолжительномъ времени образовалось большое селеніе; а слава о достаточной жизни его жителей, о ми-

рѣ и любви, у нихъ господствующихъ, о трудолюбіи, воздержности разнеслась далеко. Селеніе назвали, отъ имени основателя, *Цѣрешки*. Такое общее благоденствіе продолжалось нѣсколько десятковъ лѣтъ. Многіе изъ переселившихся уже состарѣлись и поумерли; а Цѣрешко, по-прежнему, былъ бодръ и веселъ. Народъ сталъ уже было думать, что онъ безсмертенъ; но пришелъ конецъ и для Цѣрешки. Предчувствуя близкую кончину, Цѣрешка, нисколько не измѣнившійся въ наружности и, повидимому, совершенно здоровый, созвалъ всѣхъ крестьянъ изъ своего селенія, объявилъ имъ, что умретъ черезъ три дня, роздалъ все, что только имѣлъ, бѣднѣйшимъ, оставя себѣ только три небольшіе ломтя хлѣба да кувшинъ съ водою, потомъ всѣхъ расцѣловалъ, со всѣми простился, заперся въ своей избѣ и передъ Распятіемъ Спасителя палъ на колѣни. Облагодѣтельствованные имъ крестьяне были поражены этимъ несчастіемъ. Три дня они не отходили отъ избы Цѣрешки, наконецъ на четвертый, утромъ, выломали дверь, вошли въ избу и видятъ, что Цѣрешка все еще стоитъ на колѣняхъ передъ Распятіемъ, руки сложены накрестъ, уста сомкнуты улыбкой невиннаго, неподвижный взоръ устремленъ на Спасителя. Въ Цѣрешкѣ ужь не было никакихъ признаковъ жизни. Это несчастіе повергло всѣхъ въ ужасное отчаяніе. Когда пришли въ себя, стали придумывать, какъ бы почтить память почившаго, и рѣшили похоронить его на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ скончался. На похороны собрались жители изъ всѣхъ окрестныхъ мѣстъ — разобрали его хату, вырыли яму, похоронили, а надъ гробомъ соорудили часовню и поставили въ ней Распятіе, передъ которымъ умеръ Цѣрешко. Вокругъ часовни устроилось потомъ кладбище, гдѣ почили переселенцы Цѣрешки. Деревня существуетъ и нынѣ подъ этимъ названіемъ. Часовни давно уже нѣтъ; но старики помнятъ еще кресты на кладбищѣ, перенесенномъ въ другое мѣсто; а память Цѣрешки передается изъ рода въ родъ.

Курганы. Цѣлая Виленская губернія усѣяна множествомъ кургановъ, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ. Войны Литовцевъ съ Крестоносцами, Меченосцами, Татарами, Шведами оставили здѣсь много памятниковъ. Курганы Виленской губерніи можно раздѣлить на три рода: 1) могилы предъ-христіанскіе, 2) военные курганы и 3) жертвенные. Первые Ли-

товцы насыпали надъ прахомъ умершихъ, вторые составляли укрѣпленіе, или же означали могилы павшихъ на полѣ брани, или наконецъ служили для указанія дороги. Ихъ сыпалъ бо́льшею частію непріятель, для того, чтобы означить мѣсто для возврата. Жертвенные принадлежатъ къ временамъ языческимъ: на нихъ приносили жертвы разнымъ богамъ. Жертвенные отличаются отъ прочихъ вышиною и плоскостью на вершинѣ; они всегда стоятъ поодиночкѣ на мѣстахъ возвышенныхъ. Точно также, при боевыхъ курганахъ, всегда одинъ въ сторонѣ, возвышеннѣе прочихъ, на видномъ мѣстѣ, полагать можно, сторожевой, чтобы легче замѣтить приближеніе непріятеля.

Виленской и Трокскій уѣзды испрещрены курганами, бо́льшею частію могильными. Судя по находимымъ въ нихъ предметамъ, бо́льшую часть слѣдуетъ отнести къ временамъ набѣговъ Крестоносцевъ, безпрестанно тревожившихъ Литву съ XII до XIV столѣтія, т.-е. до 1410 года, когда мужественный Витовтъ окончательно низвергъ могущество рыцарей. Такіе курганы преимущественно по берегу Нѣмана, въ Трокскомъ уѣздѣ, и отчасти въ литовскихъ приходахъ Лидскаго уѣзда.

Въ Ошмянскомъ уѣздѣ, вблизи проселочныхъ дорогъ изъ Ошмяны въ Ольшаны и Боруны, разсѣяно множество кургановъ по 2, 5, до 10; а вблизи деревни Монтуцишки, гр. Чапскаго, по тракту изъ Ошмянъ въ Кревъ, находится ихъ болѣе пятидесяти. Эти курганы безспорно боевые, ибо имѣютъ форму укрѣпленій и, притомъ, двѣ большія горы, имѣющія въ окружности 500 шаговъ, съ признакомъ глубокаго вокругъ рва, наполненнаго водою. Горы эти весьма явственно созданы рукою человѣка и, вѣроятно, служили главными укрѣпленіями. Въ этомъ уѣздѣ весьма замѣчательны еще курганы въ Оберновскомъ приходѣ, при трактѣ, называемомъ Русскимъ, вблизи деревни *Копаче* (*). Здѣсь въ 1433 году произошло кровавое

(*) Русскій трактъ шелъ изъ Вильны чрезъ Мѣдники, Ошмяну до Крева, отсюда чрезъ Лоскъ, Городзиловъ, Копаче, Бѣликовичовскій Гродецъ, Застакъ въ Минскъ; отсюда шли два тракта: одинъ чрезъ Несвижъ и Пинскъ въ Луцкъ, а другой чрезъ Игумень, Рогачевъ и Рѣчицу въ Кіевъ; съ лѣвой же стороны отъ д. Копаче, чрезъ Груздовъ, Молодечно-Долгиновъ, въ Полоцкъ.

сраженіе между войсками, низвергнутаго Ягайлой съ литовскаго престола Свидригайлы, состоящими изъ держащихся его стороны Литовцевъ и Русиновъ, *Меченосцевъ* и отряда, присланнаго князьями Тверскими, подъ начальствомъ Петра Монтыгердовича, съ войсками в. кн. Сигизмунда Кейстутовича, подъ начальствомъ сына его, князя Михаила Сигизмундовича. Здѣсь рать Свидригайлы была совершенно разбита. Поле, на которомъ разбросаны эти курганы, народъ до сихъ поръ называетъ *Красная уволока*, сохранивъ преданіе, что, послѣ кровопролитнаго сраженія, какой-то заблудшій рыцарь спасенъ былъ крестьяниномъ отъ неминуемой смерти. Рыцарь при этомъ далъ обѣтъ, что, ежели будетъ спасенъ отъ смерти, построитъ церковь и поставитъ въ ней икону Божіей Матери, висѣвшую у него на груди. Преданіе вполнѣ оправдывается, ибо одинъ изъ военноначальниковъ Сигизмунда, Андрей Саковичъ, намѣстникъ смоленскій, дѣйствительно, въ этомъ же 1433 году основалъ церковь въ Груздовѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ спасенъ отъ неминуемой смерти (*).

Въ Вилейскомъ уѣздѣ, въ 10 верстахъ отъ м. Курженецъ, въ лѣсу, при дорогѣ въ имѣніи Губы, существуетъ до сихъ поръ цѣлая древняя, земляная крѣпость. Она состоитъ изъ величественнаго городища, которое простой народъ называетъ *Замковой горой*, окруженное глубокимъ рвомъ и валомъ; окружность его 200 шаговъ, вышина вала 10 аршинъ; вершину составляетъ плоскость, имѣющая въ ширину и длину 50 шаговъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, по правую сторону, на видномъ мѣстѣ стоитъ высокій курганъ, полагать слѣдуетъ, сторожевой, а черезъ дорогу, насупротивъ этого кургана и городища, расположены, на протяженіи полуверсты, въ линію, 83 кургана, по два, по три и по четыре въ рядъ, почти всѣ одинаковой величины. Выборъ мѣста и самое устройство вала и расположеніе кургановъ доказываютъ нѣкоторыя понятія о стратегіи и планъ защиты обдуманный. Позади кургановъ плыла рѣка Пѣля, нѣкогда судоходная; нынѣ замѣтно только русло ея, и въ немъ иногда еще попадаются полуистлѣвшія части ладей. За сторожевымъ курганомъ начиналась непроходи-

(*) Родовое имѣніе этого Саковича, Лешно, и нынѣ принадлежитъ роду Саковичей, владѣющему имъ слишкомъ четыре столѣтія.

мая пуща, извѣстная подъ именемъ Губской. Полагать можно, что городище служило главнымъ фортификаціоннымъ пунктомъ; а на курганахъ, вѣроятно, расположенъ былъ отрядъ, защищаемый сзади рѣкою, а съ правой стороны пущею. Къ какой эпохѣ принадлежатъ эти укрѣпленія, съ точностію опредѣлить трудно, но, кажется, что къ временамъ Витовта, ибо въ 10 верстахъ отсюда, на рѣкѣ Узлѣ (впадающей въ Нарочъ), есть мостъ, до сихъ поръ сохранившій названіе *Витовтоваго*. Отъ этого моста начинается рядъ могильныхъ кургановъ, числомъ болѣе 100. Нѣкоторые изъ этихъ кургановъ были мною разрыты: въ нихъ найдены человѣческія кости, необыкновенной величины, желѣзныя кольца отъ упряжи лошади, а вблизи кургановъ вырыта старинная алебарда, длиною 7 вершковъ 2 дюйма, шириною 5 вершковъ; рукоятка ея 6 вершковъ 2 дюйма. Недалеко отъ этого мѣста, на полѣ имѣнія Каесута, вилейскаго предводителя дворянства М. И. Тукалло, вблизи деревни Малмыгы, тоже множество песчаныхъ кургановъ, до половины развѣянныхъ вѣтромъ, а въ нихъ множество человѣческихъ костей, такъ-что стоитъ только немножко порыть курганъ, чтобы оттуда посыпались во множествѣ черепы и другія кости, въ безпорядкѣ набросанныя. На одномъ изъ такихъ кургановъ, или, лучше, возвышенностей—ибо форма его совершенно исчезла, но можно судить, что онъ занималъ значительное пространство — найдено мною болѣе 100 плоскихъ, тесаныхъ, разной величины камней, какіе обыкновенно магометане ставятъ на могилахъ. Объ этихъ курганахъ сохранилось слѣдующее преданіе. Татары напали на эту страну и производили страшныя опустошенія: жгли села, грабили храмы, неистовствовали надъ женами, дѣтьми и старцами. Кто могъ изъ жителей, бѣжалъ и скрывался въ лѣсу. Татары стали ихъ вызывать разными христіанскими именами, крича, что Татары уже бѣжали. Поддавшіеся обману гибли въ ужасныхъ мукахъ. Опустошая все огнемъ и мечемъ, Татары приблизились къ берегамъ Виліи, къ деревнѣ Малмыги. На противоположномъ берегу рѣки стоялъ другой значительный отрядъ Татаръ. Господь Богъ ниспослалъ на нихъ слѣпоту, въ наказаніе за неистовство и поруганіе храмовъ Божіихъ. Они не узнали своихъ, вообразили, что это Русины, и стали истреблять другъ друга, до послѣдняго. Изъ тѣлъ ихъ обра-

зовались и нынѣ существующіе курганы. Самое названіе деревни, *Малмыга*, несомнѣнно татарское. Надгробные магометанскіе камни, а также преданіе о существовавшей вблизи мечети убѣждаютъ, что здѣсь было татарское поселеніе, — но какъ и когда, опредѣлить трудно.

Въ Дисненскомъ уѣздѣ, въ разныхъ мѣстахъ, множество кургановъ. Особенно примѣчательны въ двухъ верстахъ за станціею Заборы, при озерѣ вблизи корчмы Короваки.

Въ Лидскомъ уѣздѣ, вблизи имѣнія Шавръ знаменитаго историка Литвы Ѳ. Е. Нарбутта, въ разныхъ мѣстахъ разсѣяны курганы, по два и по три. Здѣсь я тоже дѣлалъ поиски и находилъ въ курганахъ человѣческіе черепы, кости, разныя кольца отъ упряжи лошади и серпы, думаю, жертвенные, потому-что къ употребленію они никогда не могли быть годными. Величина ихъ въ лукѣ не болѣе 10 дюймовъ. Длина рукоятки 13 дюймовъ. Подобнымъ образомъ, въ Свенцянскомъ уѣздѣ, на полѣ имѣнія Швинты, гдѣ разбросано множество кургановъ, находилъ я цѣлые лошадиные остовы, разныя части конской сбруи, такіе же, какъ въ Лидскомъ уѣздѣ, серпы и множество пепла, между которымъ попадались не дожженныя человѣческія косточки.

Вообще въ курганахъ Виленской губерніи были находимы слѣдующіе предметы: урны изъ глины, иногда простые горшки съ пепломъ, смѣшаннымъ съ пескомъ, слезницы изъ стекла, янтаря и глины — въ нѣкоторыхъ, особенно янтарныхъ, до сихъ поръ сохранились слезы — каменные молоты, бронзовые сѣкиры и топоры, стрѣлы, дротики, пращи, бронзовые широкіе поясы; разные женскіе уборы: булавки, съ длинными цѣпочками изъ бронзы, ожерелья, запястья, кольца, браслеты шейные, бронзовые, иногда серебряные и весьма рѣдко золотые уборы. Доказано, впрочемъ, что золото было въ употребленіи въ здѣшней странѣ съ XI столѣтія. Бо́льшая часть находимаго оружія сдѣлана изъ композиціи, въ составъ которой входили преимущественно желтая и красная мѣдь. Желѣзо попадается весьма рѣдко, и имъ бо́льшею частію украшали рукоятки оружія, сдѣланныя изъ бронзы или композиціи.

Городыща. Примѣчательнѣйшія городища въ Виленской губерніи слѣдующія: 1) Въ м. *Эйшишкахъ*, въ Лидскомъ уѣз-

дѣ, занимающее въ объемѣ $2^1/_2$ морга (*), въ срединѣ котораго воздвигнутъ въ послѣднее время телеграфъ. 2) Въ м. *Радунь*, тоже въ Лидскомъ уѣздѣ. Эти два городища принадлежатъ къ древнѣйшимъ въ здѣшней странѣ. 3) Въ томъ же уѣздѣ, на Шейбакъ-полѣ, близъ имѣнія Костеневъ. Здѣсь въ 1243 г. одержана славная побѣда княземъ Эрдзивилломъ надъ татарскими полчищами подъ начальствомъ Шейбака. На городищѣ деревенское кладбище. 4) На полѣ имѣнія Парадовщижа, въ 7 верстахъ отъ почтовой станціи Красное (въ сторону отъ большой дороги изъ Вильны въ Минскъ), въ Вилейскомъ уѣздѣ. 5) За мѣстечкомъ рѣчки, въ томъ же уѣздѣ, въ лѣсу, окруженное двумя валами, изъ которыхъ второй составленъ изъ большихъ тесаныхъ камней. 6) Въ Ошмянскомъ уѣздѣ, вблизи деревни Коробъ, ѣдучи изъ Ошмянъ въ Ольшаны, на 16 верстѣ. 7) Въ двухъ верстахъ отъ м. Ольшанъ — обширное городище, которое простой народъ величаетъ *Господнею славою*. 8) Вблизи деревни Монтуцишки, въ лѣсу при дорогѣ изъ Ошмянъ въ Крево. 9) Въ одной верстѣ отъ деревни Щепановичъ — городище, называемое Жагіянскимъ. Вышина его 6 саженъ. Вершина занимаетъ $1^1/_2$ морга. 10) Въ м. Крево. 11) Въ м. Лоскъ. 12) Вблизи имѣнія Городзилова, князя Өаддея Пузиня, въ Ошмянскомъ уѣздѣ. Всѣ эти городища окружены рвами. Кромѣ этихъ весьма много пригорковъ, впрочемъ, искусственныхъ, бо́льшею частію покрытыхъ деревьями. Народъ называетъ ихъ городками, или городыщами.

Развалины за̀мковъ. Подъ именемъ за̀мка мы понимаемъ болѣе и менѣе обширный, укрѣпленный дворецъ, обыкновенно на высокой горѣ построенный. Горы такія сохранили до сихъ поръ названіе за̀мковыхъ; а бывшія на нихъ жилища и укрѣпленія вел. князей и другихъ знатныхъ лицъ всѣ въ развалинахъ.

Вотъ главнѣйшія развалины за̀мковъ въ Виленской губерніи:

1. *Въ г. Вильнѣ.* Здѣсь были два за̀мка: одинъ на высокой горѣ, на берегу рѣки Вилейки, и назывался *Верхнимъ за̀мкомъ*, а другой внизу, у подошвы этой горы, и назывался *Нижнимъ*

(*) Въ одномъ моргѣ 1,563 квадр. саженъ.

зàмкомъ; оба зàмка соединялись между собою посредствомъ галлереи. Изъ верхняго зàмка былъ потаенный подземный ходъ, или туннель, выходившій въ Турьи горы, на нынѣшнемъ предмѣстьи Аптоколь. Виленскіе зàмки основаны вел. княземъ Литвы и Руси Гедиминомъ въ 1322 году. Въ окружности Верхняго зàмка былъ при Гедиминѣ языческій храмъ, обращенный при Ольгердѣ въ православную церковь, а при Ягайлѣ въ р.-кат. костёлъ св. Мартина, развалины котораго донынѣ существуютъ. Нижній зàмокъ, съ принадлежавшими къ нему разными строеніями, а также, во времена язычества, храмомъ Перкунаса, основаннымъ здѣсь Гермундомъ въ 1265 году, и жилищемъ верховнаго жреца, или Креве-Кревейты, окруженъ былъ каменною стѣною и назывался *Кривымъ Градомъ* (отъ Креве, т.-е. жилище верховнаго жреца, или отъ русскаго слова кривой). Виленскіе зàмки были разрушены во время Іоанна-Казимира, въ несчастную для Литвы войну съ Россіею (1655—1661 гг.), и болѣе не возстали. Нижній зàмокъ разобранъ въ 1797 г. Въ Верхнемъ осталась только одна башня, изъ которой въ 1838 г. устроенъ телеграфъ съ деревянною пристройкою. Подъ развалинами костёла св. Мартина найдено нѣсколько весьма важныхъ для миѳологіи предметовъ.

2. *Въ Старыхъ Трокахъ.* Это одно изъ древнѣйшихъ поселеній въ здѣшней сторонѣ, извѣстное подъ названіемъ *Гургани*, гдѣ имѣли мѣстопребываніе удѣльные князья, изъ рода Довшпрунга. Въ XI столѣтіи войска кіевскаго князя взяли Гургани, построили укрѣпленный городъ и назвали Троки. Здѣсь жили намѣстники кіевскаго князя, для сбора дани отъ подвластныхъ народовъ. По вытѣсненіи Литовцами этихъ намѣстниковъ, старые Троки оставались литовскимъ укрѣпленіемъ, и здѣсь имѣли иногда свое пребываніе князья литовскіе. Въ началѣ XIV столѣтія, Гедиминъ перенесъ сюда свою столицу изъ Кернова, но не надолго, ибо зàмокъ совершенно разрушенъ крестоносцами. Этимъ оканчивается исторія Старотрокскаго зàмка. Нынѣ видно только мѣсто, гдѣ онъ существовалъ; но еще недавно находили здѣсь каменныя ядра вѣсомъ до 30 фунтовъ.

3. *Въ Новыхъ Трокахъ.* Послѣ разрушенія зàмка въ Трокахъ, в. кн. Гедиминъ основалъ два новые зàмка, въ $3^1/_2$ вер-

стахъ отъ прежняго: одинъ на берегу озера Гальва, а другой на островѣ того же озера, около 1320 года. Съ того времени, мѣсто это получило названіе Новыхъ Трокъ, а гдѣ прежде былъ замокъ, наименовано Старыми Троками. Здѣсь жилъ в. кн. Гедиминъ, до постройки Виленскихъ замковъ; здѣсь имѣлъ резиденцію храбрый князь Кейстутъ; здѣсь было любимое мѣстопребываніе знаменитаго сына его Витовта, здѣсь же скончавшагося. Трокскіе замки были разрушены и истреблены пожаромъ въ 1655 году; но и самыя развалины, сохранившіяся на островѣ, свидѣтельствуютъ о его величіи и чистѣйшемъ готическомъ стилѣ XIV столѣтія. До сихъ поръ уцѣлѣли еще два яруса его и главная высокая башня, съ множествомъ круглыхъ отверстій, оконъ и крутою вьющеюся лѣстницею. Сохранилась даже живопись на стѣнахъ. Кромѣ того, сохранились двѣ круглыя, величественныя башни, въ окнахъ которыхъ аршина два въ поперечникѣ. Третья башня полуразрушена и сравнялась съ каменнымъ валомъ, окружавшимъ замокъ (*). Отъ другаго замка уцѣлѣли еще двѣ башни, а между ними крутая гора, окруженная рвомъ, съ замѣтными слѣдами бывшихъ укрѣпленій.

4. *Въ Мѣдникахъ*, въ двадцати-восьми верстахъ отъ Вильны, по Ошмянскому тракту. Это была древняя лѣтняя резиденція князей литовскихъ. Здѣсь часто проживалъ в. князь Ольгердъ, съ своею супругою Іуліаніею. Нынѣшнія развалины составляютъ четыреугольную каменную стѣну изъ кирпича и камней, длиною около 249 аршинъ, шириною 195, вышиною 16. Внутри пространная площадка. На сѣверо-восточномъ углу была четыреугольная трехъэтажная башня, изъ которыхъ въ каждомъ могло быть по двѣ большія комнаты.

5. *Въ м. Крево*. Крево, въ 35 верстахъ отъ г. Ошмянъ, нѣкогда столица удѣльнаго княжества, было удѣломъ Ольгерда, который, а можетъ-быть еще Гедиминъ, основалъ здѣсь замокъ, развалины котораго видны доселѣ; онѣ вышиною 20 аршинъ и занимаютъ въ протяженіи своемъ 150 шаговъ. Уцѣ-

(*) Извѣстный художникъ С. М. Воробьевъ, нынѣшнимъ лѣтомъ (1855), сдѣлалъ замѣчательный, превосходный видъ развалинъ Трокскаго замка на островѣ. Видъ этотъ нынѣ въ С.-Петербургѣ.

лѣли еще готическія окна въ трехъ этажахъ. Подъ башнею было подземелье, въ которомъ мученически умерщвленъ князь Кейстутъ.

6. *Въ г. Лидѣ.* Лидскій замокъ построенъ в. кн. Гедиминомъ въ 1326 г. Строителями были кіевскіе каменщики и русскіе плѣнники изъ Волыни. Нынѣ существующія развалины состоятъ изъ четырехъ стѣнъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ длины 32 сажени, толщины 2 сажени и высоты 5 саж. и 2 аршина; существуютъ еще двѣ высокія башни. Шведскія войска въ XVIII столѣтіи разрушили и разграбили Лидскій замокъ; но лидскіе старосты поддерживали его до 1794 года.

7. *Въ Керновѣ.* Нынѣ казенное имѣніе, въ 35 верстахъ отъ Вильны. Керновъ былъ первою столицею князей литовскихъ и основанъ, по сказанію лѣтописцевъ, въ 1040 году, княземъ Кернусомъ, внукомъ Палемона. Отсюда въ 1230 г. Рингольтъ перенесъ свою столицу въ Новогрудокъ; но и послѣ того Миндовгъ, Воишелгъ и др. здѣсь восходили на престолъ; кромѣ того, во всѣхъ важныхъ случаяхъ, сюда собирались удѣльные князья, для совѣщаній. Гедиминъ жилъ бо́льшею частію тоже въ Керновѣ, пока не воздвигъ замковъ въ Трокахъ и Вильнѣ. Сюда бѣжалъ, съ своимъ неугасаемымъ *Зничемъ* и уцѣлѣвшими идолами, послѣдній литовскій Кревъ-Кревейто, послѣ обращенія Литовцевъ въ р.-кат. вѣру и низверженія капищъ въ Вильнѣ. Нынѣ въ Керновѣ нѣтъ даже слѣдовъ бывшаго здѣсь замка. Замѣтны только три высокіе кургана на крутомъ берегу Виліи, съ явственными слѣдами бывшихъ укрѣпленій.

8. *Въ казенномъ имѣніи Дубичахъ*, въ Лидскомъ уѣздѣ. Здѣсь, на островѣ, омываемомъ озеромъ Пелюсой и рѣкою Котрой, находился замокъ, въ которомъ иногда пребывалъ знаменитый Витовтъ. Это доказывается двумя грамотами, подписанными имъ въ Дубичахъ 6 марта 1415 и 25 іюля 1421 годовъ. Витовтомъ ли, или еще и прежде, построенъ былъ этотъ замокъ, исторія молчитъ. Нынѣ вѣковые дубы покрываютъ островъ, и сквозь ихъ чащу едва можно разглядѣть слѣды укрѣпленій. Существуетъ еще входъ въ глубокое каменное подземелье.

9. *Въ м. Меречѣ*, въ Трокскомъ уѣздѣ, надъ Нѣманомъ. Полагаютъ, что замокъ и самое поселеніе основаны здѣсь еще

Норманнами. Достовѣрно, что онъ существовалъ во времена Витенеса. Зàмокъ былъ сильнымъ и важнымъ стратегическимъ пунктомъ противъ нападеній рыцарей. Великіе князья литовскіе часто посѣщали Меречъ для охоты. Здѣсь умеръ Владиславъ IV (1633 г.); здѣсь же прожилъ нѣкоторое время Петръ Великій въ 1707 году. Слѣды зàмка и укрѣпленій существуютъ только въ высокомъ и пространномъ курганѣ, окруженномъ валомъ, и въ остаткахъ чрезвычайно древняго кирпича. Нѣсколько лѣтъ тому, въ обрывѣ горъ найдено было нѣсколько каменныхъ ядеръ и особый снарядъ изъ желѣза и дубоваго дерева. Полагаютъ, что это была машина для метанія ядеръ.

10. *Въ с. Дубинкахъ*, въ 35 верстахъ отъ Вильны. Здѣсь укрѣпленный зàмокъ князей Радзивилловъ. Слѣды его замѣтны на высокой горѣ. Здѣсь жила нѣкоторое время Варвара, супруга Сигизмунда-Августа, урожденная Радзивиллъ, вдова воеводы Гастольда.

11. *Въ Геранонахъ*, въ 45 верстахъ отъ Ошмянъ. Здѣсь былъ сильный укрѣпленный зàмокъ славнаго въ Литвѣ рода Гастольдовъ. Развалины зàмка, имѣвшаго 4 высокія башни, существовали еще въ началѣ нынѣшняго вѣка до перваго этажа, но были разобраны, хотя еще и нынѣ довольно замѣтны, представляя возможность судить о расположеніи зàмка. Здѣсь провела лучшіе годы своей жизни прославленная литовская Марія Стюартъ, Варвара, когда была еще супругою трокскаго воеводы Гастольда.

12. *Въ Гольшанахъ*, въ 21 верстѣ отъ Ошмянъ. Здѣсь князь Гольша, сынъ Ромунда, князя литовскаго, а по мнѣнію другихъ — сынъ князь Трабуса, основалъ сильный укрѣпленный зàмокъ, развалины котораго существуютъ доселѣ.

Кромѣ того, находится еще много мѣстъ, гдѣ существовали зàмки владѣтельныхъ князей и другихъ знатнѣйшихъ родовъ; но самыя развалины ихъ давно исчезли, — остались только слѣды въ насыпныхъ валахъ и рвахъ.

Словарь бѣлорусско-кривичанскаго нарѣчія жителей Виленской губерніи.

А.

Абагнаць — обогнать.
Абутраць — (буквально) объутрѣть, появленіе утренней зари.
Адчиниць — отпереть.
Адгадуць — отгадать.
Адтуль — оттуда.
Аглянуцца — оглянуться.
Абжени — обгони.
Ачкире уполѣ — восклицаніе при выгонѣ овецъ.
Ачуняць — выздоровѣть.
Аднѣрчиць — распоясаться.
Асѣлица — пастбище близъ дома.
Адгавѣцце — отговѣть.
Аколаць — окружать.
Аколаюць — окружаютъ.
Апрануцьца — одѣться.
Арабинечка — рабиночка.
Асѣтка — овинъ.
Атрута — отрава.
Ажно — ну-ка.
Асьмаки — деньги.
Астрыжень — середина дерева.
Астрыжонокъ — бревно.
Атуткацца — окутаться.
Атарица — часть поля, принадлежащая работнику.
Азѣродъ — родъ лѣстницы для сушенія сноповъ.

Б.

Бачиць — видѣть.
Бядолля — бѣда.
Блинецъ — блинъ.
Блудзиць — блуждать — блудить.
Блакацьце — тоже.
Бондароуна — дочь бондарчика.
Бордзо — шибко.
Бахтуриць — набить кому-нибудь голову бреднями.
Балабаниць — назвать балабаномъ, родъ насмѣшки.
Балайбушка — родъ булочки.

Балавѣ — лишь бы только.
Блейка — игра, въ которой проигравшій долженъ блѣять.
Бразнуць — бракнуть.
Броень — плѣсень.
Бусѣлъ — хитеръ.
Брыда — пакостникъ.

В.

Ваконца, аконце — окошко.
Валошка — василекъ.
Вулька, улька — уличка.
Вятокъ — новолуніе.
Вутка, ўтка — утка
Вѣсники — ворота.
Выпалаць — очистить зерно.
Вырай — мѣсто, откуда птицы прилетаютъ.
Высалапиць — выказать, выставить, вытаращить.

Г (*).

Гадзи́на — часъ.
Га̀дзина — гадъ, змѣя.
Гай — роща.
Галинка — вѣтка.
Галусиць — гласить.
Гареци, гарець — горѣть.
Галець — бѣднѣть.
Галямоужа — растрепа.
Гараткица — горемыка.
Гараваць — заболѣть.
Гетта — это-то.
Гладышъ — горшокъ на молоко.
Глудзя — смыслъ.
Гарѣлка — водка.
Гародъ, агародъ — огородъ, садъ.
Голачка — иголка.
Господаръ — хозяинъ.
Гудзиць — оговаривать.
Гукаць — разговаривать, кликать громко.

(*) Произносится какъ латинское H.

Гусакъ — гусь.
Гусци — гудить.
Гудзиць — гудить, 3-е лице единствен. числа.
Годзѣ, годзы — довольно.
Грымнуць — упасть съ шумомъ.
Груба — отверстіе въ печкѣ, куда кладутъ дрова.
Губица — основа на полотно.
Гутарка — разговоръ.
Гузырь — нижній конецъ снопа.

Д.

Дамовѣрка — домоправительница.
Дамоў — дамой.
Далоў — долой.
Дзядзина — тетка, жена дяди.
Дацѣць — недоѣсть. Дадзѣваю — недоѣдаю.
Доржикъ — мѣсто, огороженное для скота.
Даўбня — палка, неповоротливая дѣвка.
Драбѣсьціо — тяжелыя жерди на крышу подъ солому.
Дрывотня — мѣсто для склада дровъ.
Дубасъ — большой и тупой ножъ.
Дуля — родъ грушъ.
Дурецъ — дурманъ (зелье).
Дырда, дылда — высокій и неповоротливый.
Дырдзиц-ца — издыхать, околѣвать.
Дзякло — извѣстная подать хлѣбомъ.
Дзѣлѣ — для; дзѣлѣ того, для того.
Дзѣркачъ — изношенная метла или вѣникъ. Также птица (rallus).
Дзѣруга — дзѣрушка.
Джына — извѣстный танецъ у простолюдиновъ.
Джынжыки — корчемная музыка.

Ж.

Жебраваць — просить милостыни
Жеўжикъ — бойкій мальчикъ.
Журиць — бранить.
Жлукто — бочка, въ которой золятъ бѣлье.
Жылаць, желаць — желать, требовать.
Жуйка, жвачка — у скота, пережевывающаго кормъ.

З.

Замуциць — смутить.
Захавайло — олухъ.
Згадзиц-ца — пригодится.
Згадзіўся — согласился.
Заглядуха — пригожая женщина.
Згибаць каравай — дѣлать каравай, свадебный куличъ.
Згибаць — сгибать.
Загнѣтъ — кучи горячихъ угольевъ.
Заблиць — клевать.
Звѣличаць — величать.
Запойка — обрученіе.
Звонъ, дзвонъ — колоколъ.
Завихаць-це-увихац-це — вертѣться около чего-нибудь.
Зазиля — зузюля, кукушка.
Злыдки — невыгодныя сани.
Здзѣкъ — посмѣшище. Здзѣкавац-ца — насмѣхаться.
Зяблиць — орать на зиму. Зябль — поле, которое пашутъ на зиму.

И.

Ици, исци — итти.
Искрыпачка, скрыпечка — скрыпка.

К.

Качалка — валикъ для катанія бѣлья.
Кузулька — насѣкомое, Божія коровка.
Коли — когда.
Казакъ — летучая мышь.
Каламажичка — телѣжка.
Клокъ — жизненная сила въ зернѣ.
Канопѣнь — конопля.
Каливо — зерно.
Клець — клѣть, амбаръ.
Кобальцы — ковры.
Киндзюкъ — брюшная полость.
Кольки — колько, сколько.
Коляды — праздники Рождества Христова.
Комель — толстый конецъ ствола.
Кашута — шелуха, на тѣлѣ послѣ осыпки.

Кышъ, а кышъ! восклицаніе, которымъ прогоняютъ курицъ.
Коузац-це — скользить. Покаузуц-це — поскользнуться.
Ку́даса — мятель.
Кудзирка — рощица.
Кукса — кулакъ.

Л.

Лабіодечка — лебеда.
Лахчинечка — лощина.
Лякац-це — пугаться.
Легчи — лечь.
Логъ — долина.
Лостечки — лесть.
Луста — ломоть хлѣба.

М.

Маци — мать.
Махляръ — лжецъ.
Мандавацъ — странствовать.
Магаричъ — годовая плата слугамъ.
Маланка — молнія.
Мѣжи, мижы — между.
Маракавацъ — роптать или понимать, постигать.
Маркачъ — баранъ.
Мазепа (бранное слово).
Мизиперсница — осыпка между пальцами.
Мотузъ — крѣпко затянутый узелъ.
Мурогъ — лучшій сортъ сѣна.
Мурза — запачканный, ая, ое.

Н.

Набрыкацъ — разбухнуть.
Наговицы — штаны.
Наметка — головный уборъ замужнихъ, преимущественно въ Могилевской губерніи.
Нароги — желѣзные концы у сохи.
Нарокомъ — нарочно.
На залицъ — вывести изъ терпѣнія.
Нѣма гляда — ненаглядная.
Нѣвистны — слѣпой.
Нутка — ну же.

П

Пачопка — коромысло.

Почипекъ — толстый мотокъ.

Пахинуц-ца — обратиться куда-нибудь.

Подлыжникъ — льстецъ.

Паходы — походы.

Падсусѣдъ — бобыль.

Подвѣредзиц-це — подорваться.

Пакраса — украшеніе (въ-особенности въ одеждѣ).

Палохац-ца — пугаться.

Пакациц-це — покатиться.

Палуйка — горсть истертаго льна.

Палогъ — роды.

Папаръ — поле, съ котораго собранъ хлѣбъ.

Пакила воли — освободить свою волю отъ чужой.

Патароча — чучело.

Пасадъ — мѣсто, на которомъ сажаютъ невѣсту на свадьбѣ.

Поцѣсь — праслица.

Перейимо — награда за найденную вещь.

Покуць — мѣсто въ избѣ противъ дверей.

Перексциць, перехрисциць — перекрестить.

Переполоть — тоже, что азѣродъ.

Пласконный — конопляный.

Пошесць — Божеское наказаніе.

Паѣсь — поясъ.

Прочка — тайное бѣгство.

Пакуль — доколѣ.

Прынада — приманка.

Полудзень — обѣдъ и отдохновеніе въ полдень.

Пуга — короткій крестьянскій бичъ.

Пустоградъ — ни къ чему неспособный.

Пыпаць — типунъ у птицъ.

Постацянка — первая жница.

Пыпниць — дѣлать что нибудь лѣниво, небрежно

Прецю — предъ, противъ.

Пѣрсціонекъ — колечко, перстень.

Приданка — та, которая отвозитъ приданое невѣсты въ домъ жениха.

Пригроза — угроза.

Пушокъ, пуховъ — хлѣбъ съ мякиной.

Р.

Рабушка — пестрая.

Рахманы — спокойный.

Раскиданъ — разбросанный.

Радзіога, радзіошка — что-нибудь истертое, такъ-что нитки видны.

Разлучница — та, которая ссоритъ любовниковъ.

Рагатаць — слишкомъ громко смѣяться.

Роўня — равный.

Ражка — деревянный ковшъ.

Разбазырець — избаловаться, развратиться.

Разлабары — длинные разговоры.

Резъ — часть поля.

Рѣздини — сѣтка, въ которой пояснятъ въ коровныхъ сѣно или солому.

Розора — борозда.

Рубѣль — шестъ, которымъ придавливаютъ на возу сѣно или снопы.

Ручайка — пряжа на веретенѣ.

Рупиць, рупиц-ца — кручиниться, заботиться. Рупливъ — заботливый.

Рынуць — ринуться.

С.

Сцюдзіоный — холодный.

Сакаталь — кричать, кудахтать.

Сядзіолечко — сѣдло.

Саладуха — кушанье изъ ржанаго солода.

Скамлица — скамейка.

Слизко — скользко.

Слусиць — солгать.

Стоўпъ — столбъ.

Сцибло — стебель.

Судзиночка — деревянная посуда.

Сціобаць — сѣчь.

Сядрево — холодновато.

Сіорбаць — хлѣбать.

Скалянуць — сболтать, смутить.

Сваньха — сваха.

Скуль — откуда.

Слимазарникъ — розиня.
Смага — сухость въ устахъ отъ жара.
Спогаць, спогодиць — состраданіе снисхожденіе.
Спрахцисѣ — пропасть, издохнуть.
Стопка — малая изба.
Сунипа — земляника.

Т.

Тахляваць — мотать, расточать.
Таки — а все-таки.
Трасца — лихорадка.
Трыгубица — трехсторонная сѣтка для ловли птицъ.
Тупица — тупой топоръ.
Тузаць — тузить.

Ц.

Цѣрамачекъ — теремъ.
Цихѣнь, цихинь — небольшой громъ.
Цыховаць — примѣчать.
Цѣкаць — рубить или толочь.
Ціунъ — тіунъ, волостной начальникъ.
Цкаваць — травить собаками
Цмянъ, цмяны — темноватый.
Цымбуръ — стебель у зелья.

Ч.

Чарпень — черепокъ разбитаго горшка.
Чубайка — хохолъ.
Чутно — слышно.
Чешуйка — полоса нитокъ на клубкѣ.
Чурац-це — стыдиться.
Чужепанецъ — крестьянинъ другаго владѣльца.

Ш.

Шацеръ — шатеръ.
Шабуньки — шутки.
Шеры — сѣрый
Шауковы — шелковый.
Шерхнуць — вѣроятно отъ *шороха*. *Ани шерхнѣ* — не тро-

нется со страха. *Скурhмерхтя* отъ страха кожа — дражнитъ. *Шерхни сохою* — тронь сохою.

Шейлуга — старая замученная лошадь.

Шуло — выдолбленный столбъ, въ которомъ закладываютъ бревны.

Швеля — бревно, брусъ.

Шипшина — шиповникъ.

Щ.

Щекотать — щебетать.

У.

Ухапиць — схватить, украсть

Усц-ця — вьется.

Улѣтку — лѣтомъ.

Узлиць — дѣлить.

Учкуръ — шнурокъ около поясницы.

Удубѣць — отвердѣть.

Упыниць — воздержать. Упынь — унять

Услонъ — скамейка.

Усмятку — невысохшій, недосушенный.

Ѣ.

Ѣдвабы — шелковый.

Я.

Ятрувка — невѣста, жена брата.

Пѣсни жителей Виленской губерніи, кривичанскаго племени.

1.

Ой надъ гаемъ зѣліоненкимъ
Ой здау-сѣ мнѣ сонъ дзіуненьки, —
Кажу кони закладаци,
Ѣду брата адвѣдаци —
Падъ вароты падъѣзжаю
Чую брата говорhци:

Зннмай жонка хлѣбъ, соль съ стала
Ѣдзѣ сестра мая родва
Знаю ѣна, да голодна.
Жонка мужа не слухала
Хлѣба, соли не знимала;
Сестра тоіа якъ учула,
Назадъ кони завернула.
Мужъ на женку насварыуся,
Вытеу, сѣстрѣ да-й склануся —
Сѣстражъ мая родненькая —
Прошу цѣбѣ абѣдаци —
Да-й и мѣнѣ адвѣдаци —
Я абѣлу не хацѣла,
Цѣбѣ братка поглелзѣла
Есть у меня хлѣбъ, соль у волѣ
Будзѣ абѣдъ у дорозѣ
Кажу копіомъ аброкъ даци,
Сама саду абѣдаци,
Табѣжъ братку повѣло-сѣ,
А мнѣ горо прицлелосѣ.
Якъ я дзѣтки надгадую
Свайго гора пазабулу.

2.

Да поѣдзишь панянку женицисѣ,
Нѣ стау коника подъ калиною
Бо калина дзѣрево нѣщастливое
Весною калину дзѣўка ломѣць —
У осѣнь калину пташки зоблець
Пастаў коника надъ яворомъ.
Яворъ дзѣрево щастливое
У яворнымъ комле чорные бабри
У яворы у сѣредзинѣ райскѣ пшолки,
У яворы у вѣрху сивые сакалы,
Чорныя бобрики, добрые набоцики:
Райскіе пшолки, солодокъ мѣдокъ;
Сивые соколы да на гулянiѣ.

3.

Лецѣў воронъ по надъ моремъ
И стаў галасици:
Ой якъ цяжко убогому,
Багату любици!
Багатая нѣ думаѣ,
Што бѣднѣньки пудьзиць,

Багатая да думаѣ :
Якъ дзѣцюкоў гудзиць
Палавина лѣтъ минаѣ
Я щасця незнаю ;
Якъ же о мнѣ Боў пшезначну
Што чиници маю ;
Хожу, блуджу, хожу, блуджу,
Якъ то сłоньцо укрузѣ
Куда пайду, чи што роблю
Усіо серце у тузѣ.
Ходжу блуджу, ходжу, блуджу,
Вѣкъ свой проклинаю
Што полюбіў багатую
Да ее не маю.
Лѣцѣў воронъ по надъ моремъ
Да сѣў іонъ на соснѣ ;
О мой же ты Пракопечку
Нѣбудзь такъ нулоснѣ.
Есць же у насъ Праксадунька
Молода хоць бѣдна ;
Накинь любиць багатую,
Палюби Праксаду.
Багатая, да пышная
Цѣбѣ глумиць будзѣ :
А бѣдная Праксадунька
Цѣбѣ любиць будзѣ.

4.

Ой наштожъ мнѣ сваого милаго гудзиць,
Кали іонъ мѣнѣ малоду, да нерадѣнько будзиць!
Да самъ идзѣ на токъ малациць,
А мнѣ маладзѣнькой вѣлиць лечи, запачиць,
Ой самъ идзѣ, да у полѣ гараци
А мнѣ маладзѣнькой вѣлиць исци гуляци!
Ой иду я, иду гуляци,
Кровицъ-це маіо серцонко на часци
Ой маѣ сусѣдечки и піюць я гулиюць,
А мнѣ адну бездонную, адну аколаюць,
Ой выду я на улечку, рассыпаны карты,
Ой гдзѣжъ маѣ дзѣвоцкіѣ падзѣли-сѣ жарты?
Ой выду я на улечку, разсыпану суницы,
Ой гдзѣ жъ маѣ дзѣвоцкіѣ падзѣлисѣ вѣчерницы!
Ой выду я на улечку, рассыпаны дули ;
Ой гдзѣ жъ маѣ дзывоцкіѣ падзѣлисѣ чули?
Ой выду я на улечку, рассыпаны вишни
Ой гдзѣ жъ маѣ дзѣвоцкіѣ падзѣлисѣ мысли?

Ой выду я на улечку, раскиданы дрова;
Ой бѣдна жъ я маладзѣнька сѣджу якъ ўдова!
Ой крутая бѣрозенька, што надъ гаемъ зросла:
Нѣщасная нѣдзѣленька, штоля за мужъ пошла!
Ой крутая бѣрозенька воду замуцила;
Нѣщасная галзиноньки за мужъ пакруцила.

5.

Служыў Ясь Ваѣводзѣ —
Выслужыў Касѣньку, малоду жонечку.
Кася листы писала и до Яся посылала
Ѣдзь Ясю до дому, збудуй нону камору,
Штобъ я мѣла гдзѣ лѣжаць, своѣ дзѣтки гадаваць.
Прыѣхаў Ясь да дому, правадзяць Касю да гробу! —
Ой покажицѣ касю мнѣ, погляжу, чы нежывѣ!
Пришоў Ясь да сѣней: лежиць Кася на досцѣ
Малы сынъ у колысце, — люли, люли сыну мой!
Нашто цѣбѣ Боў стварыў што ты Касю замарыў!
Сестра тоѣ учула, да на Яся скрыкнула,
Ой не клѣни ты iого: тобѣ жонка заразъ будзѣць —
Ему матки нѣбудзѣць!
Табѣ жонка у вяночку, яму матка у пясочку!

6.

Развивай-сѣ сѣры дубѣ —
Заразъ марозъ будзѣ,
Прыбирай-сѣ сыну у панцырь,
Заразъ паходъ будзѣ!
Я марозу не баюсѣ,
Заразъ разбѣрусѣ,
И паходу не баюсѣ
Заразъ прыбѣрусѣ.
Ой сѣў собѣ на коника.
Низенко склавнусѣ!
Выбачайцѣ вы сусѣдки,
Може на сварыўсѣ!
Матка у iого запытала
Кали будзѣшъ госцѣмъ?
Якъ у сѣняхъ на памосцѣ
Травица выросцѣ!
Расла трава, расла трава
Стала пасыхаци
Ждала, ждала матка сына
Дай стала плакаци!
Покрапляйцѣ дароженку

Штобы не пылила;
Да скажицѣ моей матцѣ
Штобы не тужила.
Ой лецила зазулечка
Да-й сказала «куку» —
Чекай мѣнѣ, мая матка,
Чекай хоць до вѣку!

7.

Съ подъ лѣсу, съ подъ цѣмнаго,
Съ подъ кусточка зеленаго,
Вылетаѣ птушечка-райская
Выносиць письмо панскоѣ,
На скрыделку написанноѣ
Якъ бы намъ тую птушечку поймаци
Якъ бы намъ тоіо письмо перечитаци?
Поймала тую пташеньку матуля,
Три сынки родненькіе маючи
Якъ пречитала, то заплакала
Каторому да шастіо даци:
Да чы старшому, да чы малодшому
Да чы Грыгорьку, сѣрадольшому
Той же бѣленьки и харошеньки
Ѣна его спадабаѣ,
Будзѣ щасливы и галасливы
Да на цѣлумъ свѣцѣ;
Што спадабала, да и узѣла
Панѣнка зъ Украины!
Ой прибѣрай-сѣ Грыгорько сынко, —
Щасливу ты будзѣшъ!
Ѣдзъ на Украину, у щасливу гадзину
Тамъ вѣкъ каратаци будзѣшъ.
Есть же тамъ панки, што цѣбѣ возьмѣ,
За мужа и за пана!
Памѣнтаў сынку на сваю дружинку
Кали сѣбѣ шасцію спадкае
Штобъ не забыўсѣ и наўчиўсѣ
Якъ Бога знаци, и гараваци на земли.

8.

Зѣліоная бѣрозенька, чему бѣла не зѣлена?
Якъ же мнѣ быци зѣліоной, при дорозѣ стоючи?
Да што дзѣнь купцы ѣдуць,
На кареніахъ огнѣ кладуць,
Цѣразъ галіи дымы идуць

Кареньйко падпальваюцы,
Красна дзѣвенька чему смутна нѣ вѣсѣла?
Якъ мнѣ вѣсіолой быци, што лепь госьцѣйки.
Што суботы, то свацѣйки
Што нѣдзѣлю маршалечки
Зѣліоное вино возѣць
Мнѣ маладзѣнкое просѣць:
Красная дзѣвѣнька, чы паѣдзѣшъ ты зъ нами
Зъ маладыми сватами?
Рада бъ я паѣхаци, жаль пакинуци,
Ойцоваго падворенка, матчынаго прибранѣйка
Дзѣвочкаго гулянѣйки.

9.

Ой за лѣсомъ, лѣсомъ, за бѣлымъ бѣрозомъ
Ани мѣсяцъ свѣциць, а ни слонцо граѣ.
Тамъ малодзѣнѣцъ коника сѣдлаѣ
Коника сѣдлаѣ, цяженько уздыхаѣ
Узяў Каралоўну, на нѣ сваю раўну.
На дваре ходзиць ключиками звониць.
Ухатку увойдзѣ, уся дружина устанѣ
И шапки зпимаѣ: сяць сяць каралоўна
Зъ нами хлопамц; пій, пій каралоўна
Пивъ, водку зъ нами. Чаравичкомъ тупнѣ
Адступисѣ глупнѣ!
Чаравичкомъ бразнѣ, адступисѣ блазнѣ!

10.

Сини салавѣйко, чымъ ты не спѣваешь
Чы ты салавѣйко голосу немаешь?
Патраціў я голосъ на зѣліонымъ гаѣ,
На зѣліонымъ гаю, на цихомъ Дунаю
Чему ты малады, чему нѣ гуляешь?
Чы ты малады щасця доли нemaешь.
Патраціў я долю нѣразъ свое волю,
У новой карчомце на горкой горелце.
Цѣперъ же мнѣ нѣкуды павѣрнуц-це
Усіо маѣ сѣло у Боруха, паволце:
Тутъ маѣ коники, тутъ маѣ волики!
Тутъ мая адзѣжка, тутъ маи грошыки.

11.

Сивы голубочку сѣлзи на дубочку,
Выклипала матка сына съ корчмы дадомочку

Ой хадзи мой сынку съ карчмы да дадому
Забираюць арендары усю твою худобу
Я самъ тоіо бачу, што худобу трачу
За дробными сліозунками я свѣту не бачу.

12.

Ой у поли подъ вишенкаю
Тамъ казачокъ забитый лежыць
Надъ нимъ коникъ вараны стаиць
Капыцѣнкомъ землю сѣчѣ
Свайму пану вады дастаѣ
Табѣ коню вады не дастаць
А мнѣ маладому адъ земли неустаць.
Бѣжи коню да новаго двора
Выйдзѣ да цѣбѣ старая жана
Старая жана, то матка мая
Будзѣ у цѣбѣ сынка пытаци;
Не кажи коню што забитъ лѣжу
Да скажи коню што ажеиуѹсѣ.
Штожъ у него за сваты были?
Были у ѣго сваты зѣліовы дубы.
Штожъ у его коню за музыка была?
Быѹ у ѣго музыка зѣліовый яворъ.
Штожъ у него коню за сванька была?
Была у него сванька чырвона калина.
Штожъ у няго коню за дружки были?
Были у ѣго дружки бѣлы бѣрозки.
Штожъ у его коню за млода была?
Была у его млода, арабинёчка
У чистомъ полѣ да магилёчка.

13.

Ой чемужъ то панъ Хамицки той часъ неженіуѹсѣ
Якъ у лѣсѣ на аресѣ голубъ уразіуѹсѣ!
Ой чемужъ ты Бондароуѹна у той часъ замужъ нешла
Якъ у млынѣ на камени пшеничунка узышла?
У мѣстечку Цѣрастечку каманда стаяла
Тамъ же Бондароуѹна усю почку неспала
Гаварили Бондароуѹнѣ да добрыѣ людзѣ
Уцѣкай-ты Бондароуѹна лихо табѣ будзѣ
О якъ скочыць Бондароуѹна мѣжами лугами
А за нею панъ Хамицки съ своеми слугами.
А якъ дагнаѹ Бондароуну у полѣ пагчинечки
Такъ и хапіѹ Бондароуѹну за бѣлы рученьки
А привіоѹ же Бондароуѹну да своей свѣтличеньки

Посадзiў же Бондароўну на бѣломъ креселку.
А казаў же Бондароўнѣ пѣсеньку спѣваци
А самъ пашоў панъ Хамицкiй стрельбу набиваци
А ци лепѣй Бондароўно у сыромъ пѣску гнищи
Якъ за мною за Хамицкимъ у атласѣ ходзици?
Ой лѣпѣй панѣ Хамицки у сыромъ пѣску гнищи
Якъ за паномъ за Хамицкимъ у атласѣ ходзици
Ой якъ выцiў Бондароўну подъ лѣвое ухо,
Засталасѣ Бондароўна и слѣпа и глуха
Ой казау же панъ Хамицки адъ ранку да ранку
Выкапаци Бондароўнѣ глыбокую ямку
Ой казау же Бондароўну у три дни хаваци
Да нѣхайжѣ поплачец-це ее бацько, маци
Ой прошоў же ее бацько и сплясвуў руками,
Отожъ табѣ пришло лихо съ твоими думками.

14.

Паѣхау Ясѣнько на вайну.
Паминуў Касѣньку адну
Заѣхаў Ясѣнько къ цѣсци начаваць
Стала цѣсци пасцѣль бѣлу слаць
Устаў Ясенько раненько
Умыў-сѣ бялѣнько;
Што я табѣ цѣсця, за дзивъ скажу:
Предъ маими варатами яблыня цвѣла
И цвѣтъ атрусила.
Я табѣ зяцю адгану:
Твая Касѣнька сына павила
Бѣлому свѣту, — сама помѣрла
Служки маѣ вѣрнѣнкiѣ
Закладайцѣ кони варанѣнькiѣ
Паѣдзѣмъ да свайго двара.
Нашей Каси на свѣтѣ нѣма. —
Падъѣжджаю подъ гай, гай-нѣшумиць
Надъѣжджаю подъ садъ, садъ нѣзѣлiонъ
Падъѣжджаю подъ дворъ, дворъ нѣвѣсiолъ
Скачиў Янко да пѣкарни
У пѣкарни мамки да нянъки
Да ужо майго сыночка нянъчаць и калышуць
Скачиў Ясѣнько да свѣтлицы
У свѣтлицы панны у черни
Мая Касѣнька лѣжиць у бѣли
Служка маѣ вѣрнѣнькiѣ
Поѣдзѣмъ да Гайбова
А купимъ три китайки:
Адна китайка чарвоная

А другая зѣлiовая
А третяя чорная
Чирвона китайка, то жана мая
Зѣлiона паходы ее;
А чорная жалоба мая.
Цяжко камѣню на вадзѣ плывацi
Такъ майму сыначку безъ мацi расцi.

15.

Бѣдна мая галовенка
Што чужая староненька.
Бѣдна, бѣдна нещастная,
Мѣнѣ доля неспазнала
Якъ рекруцика лавили
Назадъ ручки повязали
Резвы ножки акавали
У пѣдзѣлю нараненько
Выбираюць фурманеньки
Да дя двора пасылаюць
Да рекруцика саждаюць
Сами сядуць на залочку
Мѣнѣ садзяць у передочку
И коника паганяюць
Рекруцика развужаюць
Цыць рекруцѣ нѣ журисѣ
Еще млоды нѣ сгодзишьсѣ
Вѣзучь менѣ у городочекъ
Угарадодекъ у Навагрудекъ
Садзѣць мѣня на столѐчекъ
Голець маю головеньку:
Пивемъ, мiодемъ напаили
Пирагами накармили
У камѣницы спаць лажили.
Лазь (ложись) рекрутъ пѣресыпайсѣ
Да да муштру прибѣрайсѣ
Лiогъ (легъ) рекрутъ не переспаў-сѣ
Да да муштру не прибраў-си
Прихилѣсѣ я къ яблынцѣ
Мнѣ яблына нѣ матуля
Зѣлiоная нѣ родная
Прихѣлю-сѣ да явору
Да мнѣ яворъ нѣ ойченко
Зѣлiоненьки нѣ родненьки
Я безъ матки, и безъ ойца
Блукаюся якъ ауйца

Безъ сѣстры, безъ брата —
Я бѣдны сирота.

16.

Зажурыў-сѣ ясны сокалочекъ
Што нѣ рано съ выраю вылѣтаѣ
Нѣгдзѣ сѣсци гнѣздѣ звисци
Сяду паду, у вишнјовомъ саду
Саўю (совью) гнѣздечко зъ зѣлјонаго древа
За гарою снѣги рѣчьки стали;
Усѣ салдаты у паходъ выступали
У агародзѣ зацвитала рожа;
Пазнала матка сына у паходзѣ.
Вѣрнисѣ сынку да дому
Змыю табѣ бѣло галоўку.
Змывай маци себѣ нѣ мнѣ.
У полю дажджe дробные
Змыюць же мнѣ дажджe дробные
А высушаць вѣтры буйные.
Вернисѣ сынку да дому
Пасцѣлю табѣ бѣлу пасцѣльку
Сцѣли маци сабѣ не мнѣ
Ой у поли трава шалковая
Для солдата пасцѣль готовая
Ѣдловая шишечка.
Силдацка падушечка
Кленовымъ листочкомъ апрану-сѣ,
Съ своимъ товарищемъ высплюся.

17.

У тамтой віосцѣ (деревнѣ), вѣцѣрь вѣе
А у той віосцѣ цихо;
У нашей віосцѣ добра нима
А у сусѣдзкой лихо
У нашихъ войтоў, аканомоў,
Ѣдвабныѣ хустки (шелковые платки)
У гдѣ быля гаспадары
То усіо хаты пустки
У нѣдзѣлю ранюсѣнько
У два званы звонянць
А насъ войты, аканомы
На панщизну гонянць.
Якъ за старымъ было паномъ
Лёгко на рaботу;
У вѣсь тыдзѣнь (нѣдѣля) сѣдзи дома

Шарварка у суботу.
Цѣпѣръ за маладымъ паномъ.
Цяжко на работы
Увѣсь тыдзѣнь па панщизнѣ
Шарварка у суботу.

18.

Щиглякъ нѣ вѣлики грамаду сбирaѣ,
Самъ нѣхочѣ адзинъ жиць, жаницц-сѣ маѣ
Узяў сабѣ пцицу, бараву синицу
Красную, ясную веребья сѣстрыцу
Паслаў арла, паслаў арла усіо птаство збираци
А аролъ напаў гуси, давай мардаваци (мучить, обдирать)
Два снигиры, два снигиры шпака (скворца) спаймали
А вароны за той часъ каравай сгибали
Два каплуны, два каплуны солодъ малацили
Карапатва и съ цѣцѣро да млына васили
Бяцянъ (аистъ) мѣлѣ, бацянъ мѣлѣ, акрукъ (воронъ) засыпаѣ.
А вѣробчикъ добры хлопчыкъ муку абираѣ
Пѣрепіолка, перепіолка хату замѣтаѣ
Сава сѣдзиць па покуци, съ коса пагдядаѣ,
Сѣдзиць дзѣркачъ на парозѣ, сѣдзиць на парозѣ
Пугачъ, пугачъ упіўшисѣ лѣжыць на марозѣ
А сарочки якъ приданки скачуць кала лаўки;
Бѣдна наша головѣнька, нѣмаетъ приганки
А чаѣчка съ куличкомъ на вѣсѣли играѣ,
А куликъ чайку узяў за чубайку
Чайка кигичѣ, сгинь ты куличе!
А зазюля (кукушка) вазница харошая птица
Залатыя крыла маѣ, такъ гучно лѣтаѣ,
А чмѣль міоду даѣ и госци примаѣ.

19.

Да пайду я каля гаю, выганю сакала съ гаю,
Нѣ сакала выгнали, алѣ свайго ойченька. —
Ойченько мой родниньки, ружовы кдѣцѣ
Пабывай у мѣнѣ хоцѣ разъ у лѣцѣ.
Дзѣцятко маіо дарогоіо
Якъ мнѣ у цѣбѣ пабываць
У лѣтку за пясками, зимою за снѣгами
А вѣсною за вадою
У лѣтку у карецѣ, а зимою въ вазочку
А вѣсною у чаўночку

20.

Пахилицѣ-сѣ лозы адъ дуба да березы
Кабъ мнѣ быль видно да ойченка майго;
Лоаеньки схилили-сѣ (наклонились) да хмарки (тучи) явилисѣ.
Паки мнѣ нѣвидно да ойченка майго;
Такижъ мнѣ нѣ виднѣнько да ойченька
Майго раднѣнькаго.

21.

Пара жонки дамой ици, пацѣхала зара ключи
Кала пастапи идучи а въ мѣсяцомъ гуляючи
А съ соунинькамн гуляючи
А узойдзицѣ ясве зорки, аапайдзицѣ ключи дзвонки
Пара зямлю адмыкаци, вара расу выпускаци
А первую лѣдавую, а другую мядавую;
Лядавая свикратковая, мядавая таткавая
Лядавая кала плоту, мядавая кала стала
Лядовую каломъ прабію, мяловую съ людзми папію.

22.

А при крайчаку, при дунайчаку
Самъ два брацятка акупали-ся
А купалися, размаўлялися
А мижы ихъ чужаземчикъ быў
Чужеземчика загубиць хочуць
Адзинъ кажець загубимъ яго
А други кажець папытаем-си
Чы іосць у яго а родъ плямѣнѣ
А родъ плѣмѣня, ацѣцъ, мамечка
Ацѣцъ мамечка, братъ и съ сестрою
Братъ и сястрою, жапи съ дзѣтками
Цихи Дунаю, томой татенька
Сырая земля, то матка мая
Улузи салавѣй, то мой брацитка
У бару зязюли, то сястра мая
Бѣла бярозка, то жана мая
У бярозки розги, то дзѣтки маѣ,
Цихи Дунаю умывай мянѣ!
Сырая земля, прикапай мянѣ
Улузи салавѣй, пащабѣчь на мнѣ!
У бару зязюла пакукай па мнѣ!
Бѣла бяроза пашуми на мнѣ
У бярозги розки пакивайця сѣ!

23.

У лузѣ салавѣй калинку клюѣць
Лихая свакроу́ка нявѣсту журыць.
Шлець яѣ маладую па Дунай па ваду
На маіо бяздоллѣ патухъ на пѣяў
Патухъ нѣ пѣяу́, гусакъ не крычяу́
Только адзинъ ваучища за гарою выѣць
Плакала малада къ Дунаю идучи
А зачуу́ милѣньки кони пасучи
Нѣ бось милая, я кони пасу.
Я кони пасу и вады прынасу
Черпау́ милѣньки віодры поу́неньки
Нѣси милѣнки памалюсѣньку
Пастау́ милѣньки у сѣняхъ па лаўцѣ
Нѣ кажи милѣнки а сваей матцѣ
Вотъ табѣ свякроу́ка зъ Дунаю вада
Умыйся, напійся съ поу́наго вѣдра
Яжъ цябѣ нявѣстка ни вады слала,
Яжъ цябѣ нявѣстка свѣту збаў́лала.

24.

Ня дорога пива піяная
Ды дорога пасядзѣнька
Муская пагулянька
Муская гаспадарская
А у бѣсядзѣ людзи добрые
Гукаюць явы мускоѣ:
А будзѣмъ мы пива варыць
А будзѣмъ мы сыноу́ жаницъ
А будзѣмъ мы гарѣлку гнаць
А будзѣмъ мы дачокъ даваць.

25.

Чырваная калиначка
У зіаліоной лугъ схилилася
Я малада сжурилася
Што адъ роду адбилася
Ай адъ рода адъ радочку
Цяжка жыли цяжка быци
У чужой землѣ маладзицы
Ей пайду я гуляючи
Сваей доли шукаючи,
Адкликнися мая доля

На томъ боку сины моря
А прыплыви мая доля
А къ крутому беражочку. 2.
А къ липовому кусточку. 2.
А напишимъ на листочку
Мыжъ напишимъ на листочку
Ды и пашліомъ да радочку
Нѣхай радня прочитаѣ
Назадъ писма адсылаѣ.

26.

А паѣхаў сынъ Данила на войну ваѣвацъ.
А пакинуў Кацярыну у своемъ домѣ дамавацъ,
Маци его старая къ няму листы писала:
А вѣрнисѣ жъ сынъ Данилушка дамоў.
А ужо тваіа Кацярына свою волю папила
Міоды тваѣ салодкіѣ павыцедзывала,
Суннѣ тваѣ дарагіѣ пазанашавала
Кони тваѣ стаѣнные пазаѣжджавала
Граши тваѣ вѣликіѣ парассоравала
А варнуўся сынъ Данилушка дамоў.
Ажно яго Кацярына напярейма вышла,
Сынка яго малѣнкаго на рукахъ вынисла
А хвацiў сынъ Данила ваструсѣньки мѣчь
А зняў Кацѣрынпе галовачку съ плѣчь.
Якъ пашоў сынъ Данила да шафы свасй,
А у шафѣ его сукни у цѣлосци вѣсяць;
Якъ пашелъ сынъ Данила да клѣци сваей,
А у клѣци яго мяды пазаплѣснѣвали;
Якъ пашоў сынъ Данила да свѣтлицы сваѣй,
А у святлицы двѣ сястрыцы дробныя сліозки ліюць;
Якъ пашоў сынъ Данила да пѣкарни сваей,
А у пѣкарни Кацярына безъ головочки лежыць
Нѣдалѣко Кацярына дамавѣрка станиць;
Якъ пашоў сынъ Данила да палацу свайго —
А у палацы старая маци ла у креслѣ сядзиць
Сынка яго малѣнкаго на рукахъ дзѣржыць.
Ой маци, маци: увѣсь грехъ на цябѣ.
Пѣршы грехъ, што я молодъ аўдавѣў
Другой грехъ, што мой сынъ сирота,
Трети грехъ, што Кацярыны нима!

27.

О жила, была жилоўка ўдоўка,
Была у нѣ дочка Хайпачка

Дочка Хайначка люблю я цябя
Панѣ Зилянкевичъ пайду за цябѣ
Ня ѣдзьже ка мнѣ у нядзѣлю рана
Приѣдзь жа ка мнѣ у суботу позна
Кали мая маминька да школы пайдзѣ
Приѣдзь жа ка мнѣ у трохъ вазочкахъ
У адномъ вазочку скрынки парынки
А ў другомъ вазочку сребро и злото,
А ў третимъ вазочку, тамъ мы съ табою.
Узяў я Хайначку падъ бѣлы плечки.
Кинуў Хайначку у глубокую рѣчку,
Вотъ табѣ Хайнечка вада и блото
А мнѣ маладому сребро и злото.
Вотъ табѣ Хайнечка жыци зъ вадою
А мнѣ аженицися и зъ маладой.

28.

Макъ зялiоны макъ чарвоны съ паўпачи цвицинь
Тамъ за гарой тамъ за другой мянѣ татка кличыць.
Мянѣ родный кличиць.
Я нѣ пайду, да луши (родъ божбы) ни пайду
Дали-Богъ ни пайду.
Ночка цiомна рѣчка быстра, кладка не мощена
(повторяется тоже при всякой строфѣ, съ перемѣною только выраженій: мянѣ матка кличиць, мянѣ брацѣ кличиць, мянѣ сѣстра кличиць. Напослѣдокъ мянѣ милый кличиць)
Ночка видна, рѣчка цiха, кладка мощена.

29.

Засвицѣла у гародзѣ макоўка
Забалѣла Марыси галоўка
Захацѣла заморскаго зѣля.
Кому ѣхаць за морѣ по зѣля?
Таму ѣхаць кому рукадзѣля
Татку ѣхаць за морѣ па зѣля
Татка кажиць я коника ни маю
Татка кажиць я и зѣля ни знаю.
Зацвицѣла у гародзѣ макоўка (и проч., какъ выше).
Брату ѣхаць за мора по зѣля (и проч.).
Зацвицѣла у гародзѣ макоўка (и проч.).
Ясю ѣхаць за морѣ па зѣля
А Ясь кажиць я й каника маю
А Ясь кажиць я й зѣля знаю.
Адзинъ коникъ поля пѣраѣхаць
Други коникъ мара пѣраѣхаць

Трецій коникъ да зѣля давхаць.
А стаў Ясь зѣля капаци
Стали надъ нимъ птушки щебитаци:
Нѣ капай Ясюнинько зѣля
Ужо у Марыси другоѣ вясѣля
А ѣдзь Ясю лугомъ, бѣрегомъ
А стань Ясю у полю надъ шатромъ:
Будзѣшь видзѣць, якъ Марыси сваты паѣдуць.
Пазволь, пазволь Марысинька на дворъ
Нѣ пазволю Ясюленько пѣрши
Ѣсць у меня другой милѣйшій
Пазволь, пазволь Марысинка у хату
Нѣ пазволю (и проч., какъ выше)
Пазволь, пазволь Марысинка за столъ
Нѣ пазволю (и проч.)
Пазволь, пазволь Марысинка танчиць!
Нѣ пазволю (и проч.)
Узяў Ясь Марысю за лѣвую ручку
У правой ручкѣ шабельку тримаець;
Сцяў (отрубилъ) Ясь Марыси галоўку роўно съ плечъ
Вотъ Марыси за морскоѣ зѣля
Вотъ Марыси другое вясѣля
Вотъ Марыси Ясюленьки пѣрўшы
Ѣсць же у меня другіе милѣйшы.

30.

Да што у поля за дымы дымяць?
Да што у поли за огни горяць?
Турецки царь съ войны ѣздиць.
И зачула Марысенька
Да зачула яго душечка.
Татулічка а мой родинки!
Замкніи мянѣ на триста замкоў
Съ стиста замкоў да хоць у тры—
Камѣниками пазаваливай
Калоўдзиками позакачивай.
Челомъ, челомъ да Ивановичъ
Вывидзь свою да дачушечку
Вывидзь свою да Марысѣчку!
Иванъ того нѣ убяўшися
Вынуў сваго да челядницу.
Турецкій царь да съ каня далоў
Триста замкоў да паадмыкаў
Колодзійки да поадкядываў
Камѣвінки да поадкачивалъ
Челомъ, челомъ да Марысинька

Челомъ, челомъ мая душечка
Садай са мной да на коника
А мой коникъ вараненькій
Каламажичка малявавынькая
Аглоблички вызлащаныѣ
Ѣдзѣмъ полѣ, ѣдзѣмъ другоѣ
На трепіе уѣжджаемъ мы
Пастой да пастой турецкій царь!
Аддай маю да Марысиньку
Аддай маю да лачушинку
Марысенька мая душечка
Ай варнися да адкланисѣ
Съ атцомъ, маткой папращай-сѣ!

31.

А да дымно у поли дымно
За чымъ яно дымно?
Тамъ ѣхали Татарыны.
Вэяли себѣ Валынечку
Да красную панѣнечку
Маладзѣнькую Юлечку
Да за ѣй погонь гониць
Яѣ родный тятенька
Яно дзяця разумное
Назадъ аглянулося
Пастой татко нѣ ганисѣ
А назадъ варнися
Я сама къ табѣ буду
Зъ маладзѣнькимъ зацѣмъ
Зъ бялюсенькимъ сыремъ
Зъ малюсенькимъ сыномъ.

32.

А на моры, на моры, націомненькомъ азіоры,
Дуброўка, ты дуброўка ты зялiоная мая
Пасаръ гусей ганяиць и ускрыпочку играѣць
Дуброўка (и пр , какъ выше, послѣ каждаго стиха).
Да скажицѣ паневцѣ што у чирвоной сукенцѣ
Нахай за мужъ наидзѣ, нахай мянѣ падаждже
Я ѣстъ писаръ маладый, къ тому еще багаты
Дзѣвѣць кони у аборы, ѣще стольвой у поли.
А дзѣсяты вичаты што поѣхаць у сваты
Матка капай карѣня зъ подъ бѣлаго калѣня
А вымый же на рацѣ, а упаръ его у малацѣ
А вымыйцѣ на ляду а усмажцѣ у мяду.

Ѣще корепь пе кипѣў, уже писарь прилѣцѣў :
Што, што цябѣ привѣсло? чы чаўночикъ чы весло?
Приніосъ меня сивый конь, да дзяўчиная маладой!

33.

Туманъ, туманъ, туманъ, туманъ на далинѣ.
Широкій листъ на калинѣ на калинѣ.
Шырей того, шырей того на дубочку
Кличиць голубъ голубочку, голубочку
Хоць нѣсваго хоць нѣсваго да чужую
Пастой мила пацалую пацалую.
На чтожъ тоя, на чтожъ тоя цалаванья
Сердцу туги задаванья задаванья?
Нѣ задавай нѣ задавай сердцу туги.
Ня возмежь ты, возмѣць други. возмѣ други.
Пастой дзѣўка пастой дзѣўка не журыся
Я ѣще молодъ ня женіўся, ня женіўся
А якъ буду а якъ буду жанницся
Прашу и пива напицися, напицися
Прашу дзива дзивицися, дзивицися.
Тваіо и пива, тваіо и пива мнѣ пя мила
Тваіо и дзива, мнѣ не дзива, мнѣ не дзива.
Только дзива якъ мы съ табой гаварили
Твая мошя чагайница, твая ціостка разлучница разлучница
Разлучила разлучила насъ съ табою
Якъ рыбачку и зъ вадою и зъ вадою
Гарыць агонь, гарыць агонь за вадою
Я и не вижу за бядою, за бядою.
Гарыць агонь, гарыць агонь за лѣсами
Я не вижу за слѣзами, за слѣзами.

34.

Паѣхаў сынокъ ажъ на Украину
Туды паѣхаў не ажениўшисѣ;
Адтуль пріѣхаў ажаниўшися
Ой вышла маци яхъ пераймаци
Сына витала чирвонымъ виномъ
А нявѣсту бѣлой атрутой (отрава),
Сынъ вина няпіў на каня узліў
Бялую атруту нявѣста выпила
Ни умѣла маци насъ пираймаци
Умѣй же маци пасъ пахавацци.
Сына убрала у тонкую китайку,
А нявѣсту у тоўстую рагожу
Сына вязла шесцьми канями

А нявѣсту сляпой кабылой
Сынѣ хавала перадъ касціоломъ
А нявѣсту ажъ за касціоломъ.
На сына магилѣ выросъ яворъ зилёны
А па нявѣстки бѣлая бароза
А расли, расли, да и нахинулисѣ
У мѣста вѣршочки зраслисѣ

35.

Каюсѣ млада, а нѣ па малу
И што млада за мужъ пашла
Живу я годокъ живу я другой
У мамки не бываю
Абярнуся я шерой зязюлой
И палечу у мамкинъ садъ
Сяду у мамкиныиъ саду
На бѣлой лиліи,
Якъ закукую якъ защабячу
Жалосныиъ ґаласочкомъ
Чы не пачуѣ мая мамѣнька
Подъ аконцемъ сидзя
Якъ вышеў старши брацецъ
Зъ новаго цѣрема
Кали зязюля кали шерая,
Ляци у щырые бары,
Кали сястрыца, кали родная
Хадзи ка мнѣ у госци.
Ахъ добра табѣ мой брацѣтка
Гдзѣ радзіўся тамъ и жыць;
А я маладзѣнька ў чужой странѣ
Цаженька мнѣ жыць.
Чужая страна тугою (тоскою) арана
Слiозами засѣяна:
Сва страна сошкою арана
Пшонкою засѣяна.

36.

Никому такъ нѣ тошневько, якъ мнѣ маладзѣ
Асталасѣ адъ радзины, якъ листъ на вадзѣ,
Якъ выйдужъ я за вароты, зялiона трава,
Якъ выйдужъ я за другія, чужа старана
Якъ выйдужъ я за трецiя, вишніовеньки садъ
А у садъ пашло двѣ дарожки, мимо садъ адна
А у садъ пашло двѣ сястрицы, мимо садъ адна
Вы сястрыцы вы радныѣ галубки маѣ

Будзѣ-цѣжъ вы щипаць вишни, щипицѣжъ и мнѣ
Пойдзѣцѣ жъ вы къ айцу къ матцѣ нясицѣ и мнѣ
Палажицѣ па талерцѣ, кладзицѣ я мнѣ
Будзѣ цѣ и вы гуляць, спамяныцѣ мнѣ
Ахъ якъ наша бяздольница ў чужой старанѣ
Да чы живѣць чы гаруѣць, бяду бядуѣць?
Сидзиць сабѣ падъ аконцомъ якъ на рожы цвѣтъ
Выплакала сваѣ очки наволѣнъ ей свѣтъ.

37.

У чистомъ поли надъ бѣлой бярозкой
Бѣлы маладзѣцъ сачывочку косиць.
Пакасиўши караваточку сцѣлиць
А наславши спатычки кладзѣц-цѣ
Якъ настали буйныѣ вѣтры
И забяли малойца у караваци
Нѣ-каму па нимъ кукаваци
Ай нѣкаму па нимъ щебѣтаци!
Прыляцѣли тры зязюльки зъ бору
Прыляцѣли тры шарынкихъ зъ бору
Яны стали па нимъ куковаци
Яны стали па нимъ щебѣтаци
Адна сѣла у малайца у галоўцѣ
Другая у малайца на сердцу
А трецяя у бѣлыхъ ножкахъ яго
А якъ стали па нимъ кукаваци
А якъ стали па нимъ шабятаци
Якъ родныѣ матки по дзѣцаци
Што у галоўцѣ то яго матулька
Што на сердцу, то яго жанухна
Што у ножкахъ, то яго сястрыца
Матка плачиць адъ вѣку да вѣку
Сѣстра плачиць адъ году да году
Жана плачиць адъ абѣду да абѣду
Па абѣдайши пашла у салочыкъ
Звила сабѣ на галоўку вяночекъ.

38.

Зашумѣла ялинечка позна а поўночы
Затужыўся бѣлъ малойчикъ ва вайну идучы
Затужыўся занудзіўся и стаў памираци
Ахъ вы браця чужи панцы учиницѣ волю
Привѣдзице мнѣ коника да зъ усѣю зброю.
Якъ я сяду, я паѣду. ажъ на войнѣ стану
Заржы, заржы сивы коню, хонь разъ пада мною

Какъ зачула мая матка у маѣй старонѣ.
Якъ зачула, уздыхнула, сильна заплакала
Кабъ я была зязюлечка южъ бы паляцѣла
Помѣръ помѣръ быў малойчикъ у нядзѣлю рано
Палажили малойчика у святницы на лаўцѣ
Пахавали малойчика у траўцѣ мураўцѣ
Приляцѣла зязюлечка ды сказала: «куку»!
Падай падай мой сыночекъ хоць правую руку
Ай радъ бы я мая маци, абѣдзьѣ падаци.
Сыра земля, жоўты пѣсокъ нѣможна мнѣ устаци
Ляцѣў пятухъ цѣразъ рѣчку. крыкнуў кукуреку;
Ня видзѣла матка сына ня видзиць да вѣку.

39.

Жана на новыхъ сѣняхъ ходзиць
Свайго милаго просиць:
Начуй, начуй милы, хочь адну ночь у мнѣ
Начаваўбы я и тры
Ужѣ маѣ кони запряжены
Ужѣ маѣ служечки засѣлзѣлись
Якъ выйду я на вуличку
Усѣ мужи зъ пайны ѣдуць
Майго ни чуваць ни видаць
Майго милаго только коникъ бѣжиць
На томъ конику сядзіолочка лажыць
На сядзіолачку хусточка ѣлвабная.
Ѣхали каля ваконка, ў кинули ў аконка
Яжъ думала хустку ядвабную
Ажъ кашулечку крвавую.
А зъ вяликими пригрозами:
Кабъ безъ вады вымыта была
Безъ вѣтру высушына
Безъ качалокъ слизко выкачана.
Я молода догадлива была:
Сліозками была вымыта
Уздыхаючы цяжка высушила
Ручки ломючи слиска выкачала.

40.

Ахъ у лузѣ калинушка,
А у бару станиць сосна;
Гдзѣ я пайду пахилюся
Усіо на маимъ сердцу тошна
Луги маѣ зѣліоные
Да усіо нѣ каменыѣ;

Полѣ моѣ широкоѣ
Да усіо нѣ араноѣ:
Валы маѣ палавыѣ
Ѣще нѣ поѣны,
Кони маѣ вараныѣ
Ѣще нѣ пасаныѣ
Пайду я къ свайму татку па парадку (на совѣтъ)
Парадзь, парадзь татуленку якъ мнѣ гараваць
Якъ мнѣ дзѣтекъ вадхаваць?
Гаруй сынку гаруй родны!
Будуць поля па араныѣ
Будуць луги накошеныѣ
Будуць валы палавные ўсѣ покормленыѣ
Будуць кони вароныѣ ўсѣ напоѣныѣ,
Будуць тваѣ дзѣтки подхованыѣ.

43.

(Да милыхъ мужычкоў).
Да и яжъ вамъ памагу
Пѣсѣньку спѣваци
Дай яжъ мижи вами ўаросъ
При бацьку и маци
И мнѣ Боў на свѣцѣ даў
Горо гороваци;
Штобъ лѣшись я васъ любіў,
И ўмѣў спагадаци
Ой штожъ вы напѣли тутъ
Да якого дзива?
Шкада, што на голасъ вашъ
Сторонка дремлива
Алѣ якъ пшечхнец-ца съ сна
Гѣта дабрадзѣйка
Пеўно будзѣць слухаць васъ
Лѣпшъ якъ саловѣйка
Будзѣмъ колись такъ и мы
Якъ тыѣ гаради
Што панъ даў имъ ѣсць и пиць
Ѣщѣ и граши брали
Треба тылько слухаць намъ
Рады того татка
Што-то казаў гараваць
Какъ аджила хатка
Тольки мусиць той сынокъ
Нѣпіў якъ мы водки;
А тобъ ѣму велѣў іонъ
Кинь и міодъ салодки

Ой гаруйны братцы мы
Киньми горку жлопѣль (питье, въ презрительномъ видѣ)
Што нѣ зъ жыта гоняць ужо,
Азъ ауса картофель
Киньцѣ пѣршы жонки вы
Милые дзѣучаты;
Доля щасця зачнѣ жиць
Гдзѣ цвѣроза хата
Благаславиць будзѣ Боу
У каморы аборы,
И нѣ будзѣ таки людъ
Бѣзсильны якъ хворы
Ой кабъ кались намъ дажиць
Да такой направы;
Тобъ запѣу бы съ вами я
Што намъ Боу ласкавы.

По способу изложенія и нѣкоторымъ выраженіямъ этой пѣсни, видно, что она принадлежитъ уже къ новѣйшимъ произведеніямъ мѣстной, но уже не народной поэзіи. Стопосложеніе въ ней вездѣ правильно и одинаково; въ ней является слово водка, которая въ прежнихъ пѣсняхъ вездѣ именуется *гарелкою*; наконецъ намекъ на картофель, изъ котораго гонятъ водку, также доказываетъ, что она составлена въ позднѣйшія времена. Да и самое слово *жлопѣль* (съ польскаго Złapać) не славянскаго происхожденія, въ прежнія времена не было употребляемо на Руси и взято изъ польскихъ простонародныхъ или, лучше сказать, площадныхъ выраженій. Повидимому, авторъ этой пѣсни, называя такимъ словомъ водку, хотѣлъ возбудить къ ней отвращеніе въ милыхъ мужичкахъ, которымъ посвящаетъ произведеніе своей музы.

42.

Сама идя дарогою
Пущу голосъ дубровою,
Нѣхай голосъ галасуѣць
Нѣхай мая матка чуѣць.
Де у святлицы сѣдзючы
Презъ аконка гледзючы
«Кали маіо дзѣця
Нѣхай пагуляѣць
А кали нѣвѣстка

Нѣхай пажинаѣць!
На широкой постаци
При вялякой волостци.»

43.

Ишоў богъ дарогою
Ишоў богъ широ́кою
А за имъ самъ панъ, самъ панъ.
Де ка мнѣ Боже, ка мнѣ,
У мянѣ гумно вялякоѣ
Зъ частвыми капами
Зъ густымя снопами.
Въ вяныиъ озѣрочку сужонка каня поиць.
Конь да вады той няпьѣ
Іонъ яго по галоўзѣ біѣ
«Ня-бій мянѣ по галоўѣчцѣ
Шануй мянѣ ў дамоўеньцѣ
А я цабѣ у дароженьцѣ
Будзѣшь малодъ жаницц-сѣ
Будзѣ цябѣ цѣща витаць
А я буду цихо стаяць.
Какъ кубка нѣсхылици
Кабъ вина нѣразлици.
Кабъ цѣщы нѣугнѣвици.

44.

Панѣ свацѣ, панѣ свацѣ, панѣ дамавы
У цябѣ пили у цябѣ ѣли, у цябѣ жъ и ўзіали;
Выкацили, выкацили мадовую бочку
Выкруцяли, вымуцяли де-ў-свата и дочку

45.

Де ўставаў мая матечка ранѣнька
Де палѣвай маю рутечку часцѣнка
Нѣ палѣвай-же маѣй рутечки вадою
Де палѣвай маю рутечку
Де ад-вады мая рутечка жаўцѣѣ
А адъ сыты мая рутечка зялянѣѣ.

46.

Да вѣдаѣшсѣ мая матечка
Де ранѣнька устаўши
Де во́лики пагнаўши

Де волики прійдуць, а манѣ ня будзѣ
Тыки табѣ мая матка вялікая жаль будзѣ
Будзѣ маіо мѣсцѣ за сталомъ гуляци
Будзѣ мая лужечка сухая лежаци
«Ой нѣту, нѣту майго дзѣцяци?
Сядокъ на парозѣ
Маіо дзѣця у дарозѣ.»

47.

Зъ вишніова саду саколы вылетаюць
Зязюлю вызываюць.
«Сивая зязюлька, чы паляцишъ ты зъ нами
Зъ ясными сакалами.» —
—«Рада бъ я палецѣць и жаль саду пакинуць
Де у маимъ садочку, калина малина;
Іосць гдзѣ мнѣ полятаць
Іосць чаго поѣдаць
И крыница
Вадзица.» —
Де зъ новаго двара сватовѣ выѣзждаюць
Дзѣвечки вызываюць
«Маладая дзѣвечка, чы паѣздѣшь ты зъ нами
Зъ маладыми сватами.»—
—«Рада бъ я паѣхаць и жаль бацики пакинуць
Де ў майго бацѣчки де у варотъ сянажаци
Ѣсть гдзѣ мнѣ пахажаци
Ѣсць-дзѣ мнѣ пагуляци.»

48.

Хадзиля стральцы лаўцы на бары
Хочуць яни стараго лося азбици.
Ой зачула стара ласица у лузѣ
Ой кинула крутыѣ роги на луги:
«Нѣхай мая крутыѣ роги препадуць
Якъ майго стараго лося тутъ забюць.»—
Ой заржали кони вараныѣ за дваромъ
А запѣли двѣ свашки за сталомъ,
Засвистали два саколы на моры
Де зачула малала дзѣвечка у каморы;
Ой кинула залатые ключы абъ зямлю:
«Нѣхай маѣ залатыѣ ключы препадуць,
Якъ манѣ адъ бацюшки павязуць.»

49.

Де ў нядзѣльку на ранў,
Пашла дзѣўка на вадў.
І вадзицы нѣ набрала
У глыбоки Дунай пала.
Лѣпей мнѣ зъ Дунаіомъ плысци
Якъ за пана за мужъ исци
Яѣ матка каля Дунаю холзиць
Де-й зъ Дунаемъ гаворыць.
«Ой Дунаю, Дунаю, якъ мнѣ цябѣ звацы.
Чы Дунаемъ глубокимъ
Чы зяцѣмъ далокимъ.»

50.

Де кляновы листочекъ куды ты пакоцишь-сѣ,
Чы ў гару чы ў далину, чы ў задъ на калину?
«Я и самъ нявѣдаю куды мянѣ вѣтрикъ павѣѣ,
Чы ў гару чы ў далину чы ў задъ на калину.» —
Маладая дѣвочка кудыжъ ты адѣжаяѣжъ
Чы ў Турки чы ў Татары чы ў сваю замлю
«Я и сама нявѣдаю куды мянѣ бацка аддаѣ,
Чы ў Турки чы ў Татары чы ў сваю замлю
Чы ў вясіолую сямью.
Парловѣньки вѣньчикъ нѣляжы на пристолѣ
Паплывь па Дунаю, чы я тутъ запредадзѣна
Чы я тутъ заваіована
Чы даремъ адзадзѣна
Кали я тутъ запредадзѣна
Нѣхай ѣдуць выкупляюць,
Кали даремъ адданая
Нѣхай ѣдуць адвѣдаюць
А южежъ тутъ нѣ па нашему
Де сѣданѣйка нѣту,
А абѣдъ каля палудня,
Вячера каля поўночы
Высплюся я стаючы.»

51.

Разгарела-сѣ калина
Де у ціомнымъ лузѣ стоючы,
Дробныѣ искѣрки ронючы
Де чушыў вѣтрычекъ, вѣутушыў
Де болѣй искѣрекъ разнасіў.

«Яжъ цябѣ калина нѣутушу
Только болѣй искѣрокъ разнашу
Утушиць цябѣ дробѣнь дожчъ
Съ подъ ціомней хмуры идучы
Мокрый дождзыкъ ронючы.» —
Расплакала-сѣ дзѣвочка
Пѣредъ татулькомъ стоючы
Унимаў татулька де нѣ уняў
Толька болѣе жалосци задаў
«Яжъ цябѣ дзѣцятка нѣуниму
Только болѣй жалостци задаю,
Де унѣмѣ цябѣ чужына
Уся сужонкова дружина,
Каля столика ходзючы
За бѣлую ручку водзючы.

52.

Казали люди што мой свѣкоръ добры
Ажно май свѣкоръ вельми онъ лихи;
Паслаў мянѣ маладу
Съ поўночи па ваду.
Што ни куры нѣ пяюць
Ани гуси не крычаць,
Нѣ вадзицы жадаючы
Мянѣ малоду забываючы
Зачуў миленьки
Коники пасучы
Ня журыся жонычка
Мая малодзѣвька
Я коники папасу
Я вадзицы принясу
Я сваѣму бацку, я ўсіо нгаджу.»

53.

Зъ суботы на нядзѣлю дзіўны сонъ я видзѣла
Никому нѣ сказала — сваѣй родной матцѣ:
«Матечка мая радная, дзіўны сонъ я видзѣла,
Вылѣцѣли сивыѣ галубы
Чорны шоўкъ развѣрцили
Бочку вина выкацили
— «Дзѣцятка маіо роднеѣ:
Сивые галубы, то сваты тваѣ,
Чорны шоўкъ, косни тваѣ
Бочка вина, то слёзки твоѣ.»

54.

Пятрова ночка навяличка
Я маладзѣнька нѣ выспала-сѣ
Усю ночку не спала
Шнурки сукала.
Сукала шнурки шалкавыѣ
Шыла кашульки рубкавыѣ
Сяму, таму запредавала,
Сваѣму милому дарма давала
Давала я ему нѣжалуючы,
А іонъ браў нѣдзякуючы.

55.

Зазюлька рабая, нѣ кукуй рана
Ня кукуй рана, бо я ѣщо мала
Я ѣщо мала дароў нѣ наткала
Дароў нѣ наткала, кубла нѣ наклала
Закукуй парой подъ ясной зарой.

56.

Де калина малина
Два луги пабѣлила
Де сваимъ бѣлымъ цвѣтомъ
Чырвоными ягодками
Маладая дзѣвочка
Два двары покрасила.
Адзинъ дворъ гдзѣ расла
А други дворъ куды пашла
Де русою касою
Де сваѣю красою.

57.

Де гула пчолка гула
Па бару лятаючи
Де мядокъ збѣраючы
Де мядокъ мой саладокъ
Яжъ на цябѣ спазнила-сѣ
Начавала у ціомнымъ лѣсѣ
Де ў зяліонымъ вѣресѣ
Де ў липовымъ кусточку
У зялоненькимъ вѣрасочку.
Де плакала удовечка

Де абѣдъ гатуючы
Абѣдзѣ мой горки
Да безъ цябѣ мой мплѣньки
Я сяду абѣдаць,
Я дзѣтками абсаджусь
Де слозками абальюсь.

58.

Де свѣтъ свитаѣ
Да зара зараѣ
Малая дзѣвачка
Зъ двара зьѣждзаѣ
Де ў яѣ бацѣчка
Ключоў пытаѣ
«Да гдзѣ дзѣцятка
Ключы падзѣла?»
- «Міодъ вино тачыла
Ключоў забыла
Ужожъ цапѣръ бацѣчка
Я в вя ключница
Я и вя вѣрница
Де цяпѣръ ключница
Сваѣму свѣкратку
Цяпѣръ вѣрница
Сваѣму милому.»

59.

Де на синѣнькимъ морѣ
Два бабры купали-сѣ
Де на новымъ ганечку
Два стральцы зваўляли-сѣ
Хочуць баброў пастреляцы
Де сабѣ на шапечки
Дзѣвачкамъ на шубечки
Дзѣвачка за столъ идзѣ
Шубечка въ ручкахъ нясѣ
Ой дзѣвачки дружечки
Нѣ сатрыцѣ шубечки
Де вя тутъ то спраўлено
Де зъ далокъ прывязіоно
Спрайлоно въ Чаргарадзѣ
Прывязіоно мнѣ молодзѣ
Шыли яѣ краўцы Нѣмцы
Прыслали малоды малойцы.

60.

«Ой чаго лосю, ой чаго сивы
Къ лугу прилагаѣшъ
Ой чы ты лосю ой чы ты сивы
Лихую зиму чуѣшъ?»
— «Ой хоць лихая, хоць не лихая
Ня будзѣ якъ лецѣчка
Я-ў лѣтку пайду, травицу скашу,
Расицу рацѣрушу. —
«Чаго дзѣвочка, чаго маладзѣнька
Такъ сильнѣнько плачешъ
Чы ты дзѣвочка чы ты малодзѣнька
Лихую свякроў чуѣшъ?» —
— «Ой хоць лихая, хоць ня лихая
Ня будзѣ якъ матечка
Я-ў матки пайду, я вяночекъ саўю
Зъ дзѣвочками у садуцъ пайду.»

61.

Де у сѣнѣчкахъ галубокъ гудзиць
У святолечце азуваѣц-ца
Сынъ у бацки да пытаѣц-ца:
«Бацѣчка мой родненьки
Чы многа мнѣ сватоў салзиць?»
— «Дзѣцятка, чэлядзиначка
Садзи сваю ўсю радзиначку
Багатою и худобою
Холобая де гуляць будзѣ
Багатая пыхаваць будзѣ.

62.

Ѣхаў козакъ зъ Украины
Пусціў коня у поў далины;
Хадзи косю напасайсѣ.
Хадзіў коникъ зъ Украины
Выѣў травы поў долины
Выпіў вады поў Дунаю
Пришла мила пастаяла
Пастаяўши падумала
Якъ милаго абудзици
Пашла жъ яна у лозечку
Выламала бярозечку
Де-й кранула ў ножечку:

Чы ты милы спишъ нячуѣшъ?
Наѣхали Татаровѣ,
Вазмуць коня варавога
Забьюць цябѣ маладога
Чы ты мила вѣрна любишъ
Што ты манѣ рана будзишъ
Кабъ я цябѣ нялюбила
Ябъ да цябѣ нѣхадзила
Ранюсѣнька бъ ня будзила.

63.

Чаму у цябѣ зязюлька дзѣтекъ нѣтъ,
Чаму у цябѣ сивая дзѣтекъ нѣтъ?
— «Были у манѣ дзѣтечки, цяперъ нѣтъ.
Прыляцѣли сакалы сы-бору
Побрали дзятечки зъ сабою
Пакинули вязюльку сиратою.» —
«Чаму у цябѣ дзѣвочка бацькоў нѣтъ
Чаму у цябѣ маладая бацькоў нѣтъ»?
— «Были у манѣ бацьки, цяньръ нѣтъ.
Сыслаў Богъ Апiолоў да долу
Узяли маихъ бацькоў зъ сабою,
Пакинули манѣ маладзѣньку сиратою.»

64.

Де чыѣжъ то жнѣечки
Па мѣсяцу жыта жали
Сярпы пагубляли
Каторая нашла
Тая домой пашла
А каторая нѣтъ
Тая ищець да-свѣтъ

65

КОМАРЪ И МУХА.

Камаръ зъ мухой палюбiўся
Палябiўши-ся, пажанiўся,
Пажанiўшися, пасварiў-ся.
«Ой ты муха, ты буркуха,
Ня умѣешъ ни ткаць, ни прасци
Ани шолкомъ вышивачи.» —
Паляцѣў камаръ па лясочку,
Сѣў камаръ на дубочку
Прыляцѣла муха буркуха

Скинула камара зъ высокосци
Пабіў камаръ косца
Тамъ цѣсли цѣслявали
Камару хатку збудовали
Прылявцѣў шарсцѣвь запытаў-сѣ
Хто въ четымъ дому пахаваў-сѣ
Пахаваў-ся тутъ камарыща.
Великаго паўка казачыща.

66.

Била жонка мужыка
Руки закасаўши:
А онъ яѣ пѣрепрашау
У шапечку зняўши.
«Ахъ маяжъ ты мила
За штожъ ты мнѣ била
Куплю табѣ пиражокъ
У конеўку пива.» —
— «Адъ пива животъ балиць
А адъ міоду галава,
Купи жъ мнѣ гарелицы
Штобъ здаровая была.»

67.

Туманъ, туманъ на далинѣ
Широкъ листокъ на калинѣ
Ширши, больши на дубочку
Ключѣ голубъ галубочку.
«Хадзи, серце, пацалую
Хоць не сваю, такъ чужую.» —
— «На што чужу цалавацн
Будзѣ свая жалавацн.» —
«А якъ буду женицисѣ
Спрашу пива напици-сѣ.» —
— «Твая пива, мнѣ нѣ дзива
Дзиўнѣй же мнѣ твaѣ слова;
Матка твая чараўница,
Сястра твая разлучница,
Разлучила насъ зъ табою
Якъ рыбечку и зъ вадою.
Цяжка рыбцѣ въ Дунай плысци
Такъ мнѣ младой за мужъ исци,
Цяжка рыбцѣ зъ акуньцами
Якъ мнѣ младой зъ маладцами,

Цяжка рыбцѣ на пясочку
Якъ мнѣ младой на дружочку.

68. (*)

У насъ сягонь-ня вайна была:
Усіо поли зваявали,
Да пану жыта пажали.
Панѣ жъ нѣуляkайсѣ
Да ў пакой нѣхавайсѣ
Бо мы іосць нѣ жаўнерки
Да паньскіе жнѣйки.
Да выходзь панѣ выходзь
А вина бочку выкоць,
И бѣлы сыръ на тарелки
Частуй-же свaѣ жнѣйки
Да умѣу же насъ пригангяць
Умѣй цяпѣръ частаваць.

69.

Де засѣю я полѣ
Де ясвѣнькимъ золотамъ;
Де засцѣлю я луги
Червонымъ кармазынамъ;
А замащу я масты
Залатымъ мастоўникамъ.
Де засяй полѣ, засяй
Ясвѣнькимъ золотамъ,
Де зашумицѣ луги
Чарвонымъ кармазынамъ
Де зазвеньцѣ масты
Залотымъ мастоўникамъ
Будзѣ ѣхаць Валынечка
Нашаго пана дочка,
Падъ ѣю коники
Якъ галки лятаюць
Кала ѣй служечки
Якъ макъ разцвѣтаюць
Де уцѣшіу-сѣ Іагомосць
У пакои сѣдзючи
Презъ аконка гледзючи
«Де хвала жъ мая хвала
Што ѣлзѣцьмая паня.»

(*) Эти послѣдвія пѣсни преимущественно поютъ при окончаніи полевыхъ работъ.

70.

На уіоўчыновъ полѣ
Сабрялисѣ работники :
Де мядзвѣць, карчомъ арецъ,
А ваўчокъ барануѣцъ —
А зайчыкъ дрова сячецъ
А лиска хатку топицъ.
Соўнійка за лясъ, за лясъ,
Аний пайдуць дамой заразъ :
Де мядзвѣцъ у лесъ палесъ
А ваўчокъ, у хмѣльничокъ
Зайчикъ у бѣрезнячокъ
А лиска у норечку
А удоўка у каморечку.

Пословицы, употребляемыя жителями нѣкоторыхъ уѣздовъ Виленской губерніи.

1. Абоѣ рабоѣ (оба рабыя, обѣ хороши).
2. Авѣчку стрыгуць, а баранъ дрыжыць.
3. Авоўкў памоўку, а воўкъ (волк) тутъ.
4. Баба съ каліосъ, каліосамъ легчей.
5. Багаты дзивиц-ца, якъ худы жывиц-ца.
6. Багаты чы будзѣмъ, а голодны не будзѣмъ.
7. Баючисѣ воўка у лѣсъ нѣ иц-ци.
8. Блиско видаць, да даліоко дыбаць (итти, ѣхать).
9. Ближшая сарочка, якъ кабатъ.
10. Боў высоко, панъ даліоко.
11. Будзѣ кій, да нѣтакій.
12. Быў конъ да зъѣздзиўсѣ.
13. Быў на каню и надъ каніомъ.
14. Вала зъѣдуць, зайца забьюць.
15. Вѣдаў Богъ, што нѣдаў свини рогъ.
16. Воласъ доўги, умъ каротки.
17. Воўкъ дарогу перебѣгъ (когда кому посчастливится).
18. Воўка ноги кормяць
19. Вывеў воўка въ лѣсу (накликалъ на себя бѣду).
20 Гадко зъѣсци, жаль пакинуць.
21. Гаманиць не балиць.
22. Гаваріў бы катокъ да языкъ каратокъ.
23. Гдзѣ чортъ нѣараў, тамъ сѣяць нѣбуздѣ.
24. Голы якъ бичъ, востры якъ мѣчъ.

25. Голы разбою нѣбаиц-цѣ.
26. Госць у домъ, Богъ у домъ.
27. Гуща дзѣцѣй нѣ разганяець.
28. Доганяючи нѣ нацалавац-цѣ.
29. Да пары збанъ (кувшинъ) ваду носиць.
30. Дзиця нѣ плачѣ маци нѣдогадаѣц-цѣ.
31. Дзѣнь нашъ, вѣкъ нашъ.
32. Дзѣтки надрасли хатку растрасли.
33. Дзивъ што у караля жонка хараша.
34. За маіо жыто (рожь) меня пабито.
35. Заплата у ката, былѣ душа не была голодна:
36. Здарылосѣ червяку на вѣку.
37. Знаюць яго якъ лихаго шеленга (истертая монета).
38. И зъ Пракопомъ и безъ Пракопа, то ўсіо роўно.
39. И воўкъ сыты и козы цѣлы.
40. Кабыла здыхаѣ а за траву хватаѣ.
41. Кали узяўсѣ за гужъ, то нѣ кажи што недужъ.
42. Кали нѣ попъ нѣ убирай-сѣ у ризы.
43. Кали шанцуѣ, то и Филимонъ танцуѣ.
44. Кали вѣдзѣц-цѣ, то и на треску прадзѣц-цѣ.
45. Кали рабишъ у купѣ, то нѣ балиць у пупѣ.
46. Кали ѣстъ хлѣбъ и вада, то нѣ бѣда.
47. Кали ѣстъ хлѣбъ и вода то нѣма галада.
48. Кѣпско панѣ Григоры: што далѣй то горый.
49. Кѣпско у Минску панѣ Коренѣўски (должна имѣть основаніемъ какое-нибудь событіе).
50. Круци нѣ круци треба умерци.
51. Куку у руку (о взяткахъ).
52. Купиць нѣ купиць, а потаргаваць можна.
53. Люби якъ душу, треси якъ грушу.
54. Ласкавое цѣлятко двѣ матки ссѣ, а гордое ни одной.
55. Майстеръ зъ Мира, што цяў то дзира. (Мѣстечко Миръ, въ Новогрудскомъ уѣздѣ, извѣстно было въ особенности-торговлею мѣхами. Но, видно, тамошніе скорняки не отличались ловкостію, когда вошло въ пословицу «Мастеръ изъ Мира, что ткнулъ, то дыра».)
56. Май милы пакою добрѣ мнѣ съ табою.
57. Мужикъ дурны якъ ворона, а хитры якъ лисъ (или якъ чортъ).
58. На чыіомъ возку ѣдзѣшъ, таму пѣсеньку спивай.
59. Надъ сиратою Богъ съ калитою.
60. На дурня и Богъ ласкаў.

61. На табѣ нѣбожѣ чито мнѣ нѣ згожѣ!
62. Нашто намъ гэты писталѣты, кали стрѣляць не умѣемъ.
63. На злодзѣю шапка гарыць
64. На комъ скрупиц-цѣ на комъ змѣлиц-цѣ.
65. Нѣ адзинъ гаурыла у Полоцку.
66. Нѣ біўши кума нѣ пиши пива.
67. Нѣ дай бацко шапки, нѣхай уши мерзнипь.
68. Нѣ фигуруй Гришко (вошедшее въ пословицу восклицаніе новогрудскаго шляхтича, которымъ онъ предостерегалъ своего кучера).
69. Нѣ гэто паны што гроши маюць, алѣ што Бога знаюць.
70. Нѣ кай-сѣ рано устаўши, ни малодо аженіўшисѣ.
71. Нѣма той хатко штобъ не было звадки.
72. Нѣ плюй уводу, часемъ треба буздѣ напиц-цѣ.
73. Нѣ плацицъ багаты, плацицъ виноваты
74. Нѣ радзіў макъ перабудзимъ такъ.
75. Нѣ стрыжено а голѣно (обрыто).
76. Нѣкажи гоцъ! кали не перескачіў.
77. Нѣ вѣлики панъ перелѣзѣшь самъ.
78. Нѣ зарыўши пендзы (нужды) нѣмѣць пинѣндзы (денегъ).
79. Ни чытаць ни писаць, наурадъ вѣдуць.
80. Ни куѣц-цѣ, ни плѣцѣц-цѣ (въ-случаѣ неудачи).
81. Ни рыба ни масо.
82. Ни сѣло, ни пало, дай бабѣ сало.
83. Ни у пяць ни у дзѣвяць (съ польскаго)
84. На пахилое дзѣрево и козы скачуць.
85. Поволи ѣздѣшъ, даліоко станѣшъ.
86. Пѣредъ нѣволомъ рыбы нѣлави.
87. Пѣрвѣй Боў стварыў пальцы, якъ видельцы (вилки).
88. Покуль сонце узыдзѣ, раса выѣсць очы.
89. Придзѣ каза да ваза, будзѣ сѣна просиць (нѣкоторые прибавляють) а я казу кіѣмъ.
90. Принѣси Божѣ гасця, то и гаспадаръ паживиц-ца.
91. Припомнѣла баба дзѣвиць вѣчеръ.
92. Сабака брешиць, а дваранинъ ѣздзѣ.
93. Сѣмъ сіолъ адзинъ волъ и той голъ.
94. Скачи ураже якъ панъ каже.
95. Слѣпому вѣчная память.
96. Славенъ бубенъ за гарами.
97. Съ пѣсни слова нѣ выкинуць.
98. Съ прыбытку галава нѣ балиць.
99. Свая сѣрмяжка, никаму нѣцяжка.

100. Свой свайго познаў, и на пиво пазваў.
101. Сыты голодному нѣ спагадаѣ.
102. Съ чужой кабылы, треба и ўбалоцѣ ссѣсцю.
103. Треба жыць якъ набѣжиць.
104. То нѣ банкѣтъ кали принуки нѣтъ.
105 Хоць бѣда, то гоць.
106. Хоць ты мѣнѣ капутъ, то я нѣгаліомъ.
107. Хоць завала, былѣ у дому не была.
108. Хитро мудро зъ нѣвѣликимъ коштомъ.
109. Хто богатъ той мнѣ братъ.
110. Хто пытаѣ, той нѣ блудзиць.
111. Хто цихо ходзиць, той густо мѣсиць.
112. Улезъ якъ ўпѣредъ, ни ўзадъ ни у пѣредъ.
113. Усюда добра, а дома лѣпѣй.
114. У страха очи вѣлики
115. Ци лаў я табѣ бабко шелѣгъ? даў нанѣ (когда часто припоминаютъ свое благодѣяніе).
116. Цѣрпіонъ — спасіонъ.
117. Чаго чорпѣ у балоцѣ сѣдзишъ? бо прывыкъ.
118. Чымъ хата багаты, тымъ рада.
119. Чымъ чортъ нѣсѣяў, тымъ арацъ нѣ буздѣ.
120. Што галава, то розумъ.
121. Шмаруй мужика саломъ а іонъ дзіохціомъ смердзиць.
122. Штобы галава, а шолудзи будуць.
123. Што убіў, то уѣхаў.
124. Што зъ возу спало то уже пропало.
125. Ѣшъ дурню зъ макомъ.
126 Якъ кукнѣшъ, такъ и адазвѣц-це.
127. Якъ пасцѣлѣш-сѣ, такъ и выспиш-сѣ.
128. Якъ перапачуѣшъ, то большъ пачуѣшъ.
129. Якибъ гэта крукъ (воронъ), штобъ выпусциў зъ рукъ.
130. Языкъ Кіева дапытаѣц-цѣ.

Пословицы, принаровленныя къ особеннымъ днямъ года.

На Срѣтеніе: Грамница зимы палавица.

Въ день св. Матѳея: На Мапѣя зима пацѣя.

Въ Юрьевъ день. Юрьева раса нѣ треба каніомъ аўса.

Въ маѣ: Май, валомъ дай, и самъ на пѣчь уцѣкай.

Въ Ивановъ день: Пѣредъ святымъ Яномъ, прасипѣ дзѣтѣчки Бога а дождж, а по святымъ Янѣ я й самъ упрашу.

Въ Пéтровъ день: Пришоў Пѣтрокъ, апаў листокъ, пришоў Илія, апало два.

Въ Ильинъ день: На Илью поўну пѣчь хлѣба налію.

Въ Борисовъ день: Барысѣ, Барысѣ, самъ баранисѣ.

Въ Преображенія день: Пришоў спасъ ўсѣму часъ.

Въ Варѳоломея день: Пришой Баўтромѣй, жыто на виму сѣй.

О лѣтѣ: Кали грыбно, то и хлѣбно.

Въ Варваринъ день: Святая Барбара ночи урвала.

Въ Николинъ день: Да Миколы, нѣтъ дябра николи.

Въ Стефановъ день: На святы Сципанъ ўсяки сабѣ панъ.

Особенныя выраженія и сравненія, употребляемыя вмѣсто пословицъ.

1. Ани галера нѣма (галеръ — польская мѣдная монета).
2. Ани ухомъ нѣ вѣдзѣ.
3. Брешѣ якъ сабака.
4. Бычокъ трецячокъ (говоря объ избалованномъ ребенкѣ).
5. Вадзицъ дзѣды (когда кто дремлетъ за работой).
6. Варачаѣц-цѣ якъ мядзвѣць.
7. Высалапилася якъ патароча.
8. Гады ў рады (очень рѣдко.)
9. Дзѣцѣй якъ бобу.
10. Затакаваўся якъ цѣцѣрукъ.
11. Квокчѣ якъ курыца.
12. Лостечками душу вынимаць (ласками душу вынимать).
13. Мѣля языкомъ якъ цѣля хвастомъ.
14. На катà пацягушки, а на дзица рàстушки.
15. Накрыўся якъ лисица хвастомъ.
16. На усъ матаѣ.
17. Ни къ Богу ни къ людзямъ.
18. Ни къ селу ни къ городу.
19. Ни вала ни кала.
20. Пацѣха якъ ражонъ (вертень).
21. Палажиць зубы на палицы (когда нечего ѣсть.)
22. Паповые очы.
23. Пашли ўсѣ у камышъ.
24. Плѣсци кашели зъ лапцями.
25. Плачѣ якъ у дзѣвицъ вѣчеръ.
26. Працуѣ (работаетъ) якъ чорны волъ.
27. Прышоў на него гизъ (насѣкомое, которое скотъ кусаетъ).
28. Распусциўся якъ дзядоўсная пуга (бичъ).

29. Самъ сабѣ радъ.
30. Сѣдзиць якъ заѣцъ ў жыцѣ.
31. Скрывіўся якъ сѣреда на пятница.
32. Хаваѣцься якъ сабака адъ мухъ.
33. Хоць ѣму колъ на галавѣ чешы.
34. Хоць запали, то не трéснѣ.
35. Худы якъ хрусцѣль (птица).
36. Цаца, ляля — баутрусь (на избалованнаго ребенка).
37. Цвѣцѣ якъ макоўка.
38. Щебѣчѣ якъ сáрока.
39. Якъ курыца сáкочѣ.
40. Якъ у Бога за пáзухой.
41. Якъ воўкъ мѣльнуў хвáстомъ.

СВАДЕБНЫЯ ПѢСНИ.

I.

Ой гаросѣ! гаросѣ!
Сѣяли цябѣ харашо?
При лузѣ при дарозѣ
При битымъ гасциниу.
Ай ты красна Агатка
Заручали цябѣ харашо,
При радни и племяни,
При родномъ татечку.

II.

Пріѣхали заручинки
Чаму яны безъ дудечки?
Агатка ня удовачка
Захочецъ пагуляць
Таткаў дворъ раўнаваць
Ножками астрожками
Чорными чаботами
Зъ маладыми сватами.

III.

Кабъ я вѣдала близкіе заручинки
Паслалабъ я свайго татечку и логъ па калину.
Татачка идзѣць
Калинку нѣ вясѣць,
Вѣтры ня вѣюць,
Слонца ня греѣць,

Калинка ня спѣець;
Што мая за доля!

IV.

Мавила бочечка
У пивницы стаючи:
Кали мянѣ ня выпѣцѣ
Сама выкачусѣ
Па дварѣ разлiюсѣ
Крыницей сцѣдзоней вадзицы.
Мавила Агатка и татки сядзючи·
Кали мянѣ не выдаси,
Такъ я сама пайду,
Па дварѣ па малѣньку иду,
За варота у грунь пабягу.

V.

Зыбнула мора зыбнула,
Тамъ наша Агатка утанула!
Прышоў къ ней татка:
Падай ручку Агатка,
Нѣ падамъ я ручки
Хоць я у моры утану
Нѣхай никому не застануся
Застануся адпаму
Янечку милому.

VI.

Сягодня заручники
Богъ намъ даў;
Працю папядзѣлку
Богъ намъ даў.
Шли дары на тры сталы;
Таму сяму па падарку
Нашаму Янечку
Тры падаречки
Богъ яму даў:
Адзинъ падарокъ залатый пѣрсцѣпь,
Други падарокъ, шаўковая хустка
Трецп падарокъ, красная Агатка,
Залаты пярсцѣнь на мѣнянѣ
Шаўковая хустка, на уцѣранѣ
А красная Агатка, на каханѣ.

VII.

У гародзѣ на частаколѣ
Зязюлька кукавала
У лазни на креслѣ
Касу Агатка чесала
А чешучи касу русу
Зъ касой размаўляла:
Мая касица мая русаа
Нѣгдзѣ я татку ня мила!
Я табѣ мой татечка,
Зъ вясны гаварыла:
Ня дзяры бору
Ня сѣй лiону
Нѣкаму будзѣ палоць
Гдзѣ я пайду, гдзѣ я жыць буду,
Тамъ я и рабиць буду.
Я табѣ свѣкрадка зъ вясны гаварыла:
Надзяры бору, насѣй лiону:
Я прiйду и палоць буду.

VIII.

Дзѣшева была майму татечку
Да гарелечку пиць;
Якъ пойдзѣць на токъ
Возмѣць цапокъ
Нѣ съ кимъ малациць
Цапочкомъ махнѣць
Цяжка уздыхнѣць
Сильнѣнька заплачець
Што лачушки нѣ бачець;
Дарага была да майму свякрадку
Гарелянку пиць;
Якъ пойдзѣць на токъ
Возмѣць цапокъ
Iосць съ кимъ малациць.

IX.

Камора звинѣла
Гдзѣ Агатка сядзѣла:
Сядзѣла у каморы
Тонкiе абрусы ткала
Мыслями узоры
Дзiўныѣ паклала

Прыѣхаў суженьки самъ дзѣсятъ
Папущао коники у вишновы садъ;
Ня ржицѣ коники, ня ржицѣ
Яночка напасѣць на жицѣ
Ядранымъ аўсомъ абсыпѣць
Чырвѣнымъ сукномъ абшыѣць.

ПѢСНИ, КОТОРЫЯ ПОЮТЪ НАКАНУНѢ СВАДЬБЫ ВЪ ДОМѢ НЕВѢСТЫ:

X.

Дагадайцѣся добрыя люди
Што въ этомъ караваѣ есць
Тридцать бочокъ пшеничной муки
А тры бочки крыничной вады
Сорокъ копъ молодыхъ курей яіокъ
И три фаски древичихъ (молодыхъ) коровъ масла.

Выйду я на улячку
Рученьки загорнуўши
Ошибуць мянѣ дробные слiозки
Матки быть вспомянуўши
Матчено доже спиць до абѣда
Гуляѣ до полудня,
Только встала коску счесала
Бѣло лицо обмыла
Чи нѣ жаль табѣ красная дзѣвочка
Дзѣвоцкаго ставу
Дзѣвочки гуляюць
Косовки маюць
Тамъ цябѣ не принимаюць
А молодочки чепчики вяжутъ
Тамъ цябѣ закликаюць.

XI.

ВЪ ДОМѢ ЖЕНИХА.

Чыя жана каравай мѣсила
Шолкомъ, золотомъ рукава нашивала
Кала колвера бѣлымъ папѣромъ
Коло забору чарвонымъ горемъ (gorino)
Сестра брату каровай бьѣ
Зъ бѣлѣнькими ручками
Персцiоночки съ очками.

Зеліоная дубровенька
Чему у цябѣ яворокъ много
Зѣліонаго ни одваго
Листа ни у одного
Малойчикъ чаму а цябѣ
Ойцоў много
Роднаго нѣма ни одваго
Нѣкаму рады радзиць
Веселя спороидзиць
И до шлюбу высылаць.

Да скацилася свѣча
Да зъ малойчика зъ лица
Да впала на могилку
Да прибила далинку
Да пашла слѣза
Зѣліоный морогъ пробиваючи
И жоўтый цѣсокъ промываючи
Ойца матку побужаючи
Стань ойцѣць раду радзиць
Да веселье спороидзиць.

XII.

Благаславицѣ людзѣ
Бліскіе сусѣдзи
Гетаму дзицяци
Каравай замясиць
Ручками бялѣнькими
Пѣрсцнями залацѣнькими
Пѣсьнями вѣсялѣнькими
Ты ступъ Боже зъ нѣба,
Якъ намъ цяпѣръ треба!
Памагай разчынець
Памагай замясиць,
Ручками бяленькими
Пѣрсцѣньми залацѣнькими
Пѣсьнями вѣсѣленькимя
На стой Боже за дзвярми
Да идзи Боже у хату,
Да сядзь Боже на куцѣ
Да дай долю маладзѣ
Я у хату нѣ нѣ пайду.
Я за дзвярми пастаю
Маладзѣ долю перашлю
Збѣрайсѣ родзѣ!

Да къ бѣленькому караваю
Старыѣ бабы для параду
Маладыѣ маладзицы пѣсни пѣць
Удалыѣ малойцы каравай пѣчь

XIII.

Хвалажъ табѣ Боже
Што мы дзѣла зрабили
Каравай замясили
Ручками бѣленкими
Пѣрсцнями залацѣнькими
Пѣснями вѣсѣленькими
Чатыры вожы у дзяжы
Пятая мая сила
Каравай замясила;
Да упала я у дзѣла,
Цѣла маіо упацѣла
Гарелечки захацѣла
Гарелечки акавитечки
Для мянѣ працавитечки
Гарелечки тащанечки
Для мянѣ мящанечки.

У нашаго госпадара
Кудравая галава
Кудзіорками патрасѣць
Намъ гарелки принясѣць
А кудзіорками пакалациць
Намъ гарелки присалодзиць.

XIV.

Каравай у дзяжы играець
Да вѣка надымаець
Каравайниць жыдаець
Гдзѣ жъ маѣ каравайницы?
Чы на мяду запили-сѣ,
Што на мянѣ забылисѣ
Гаспадынечка водка
Варачай-сѣ хутка
Уже на дваре вечеръ
Каравай ня пѣчехъ

XV.

Саступъ Боже зъ нѣба

Якъ намъ цапѣръ треба
Памагай заяснць
Памажи и усалзиць
Ручками бяленькими и т. д.

XVI.

Нихто не угадаѣ
Што у нашимъ караваю
Дзѣвяци пудоў мука
Асьми кароў масла,
А яэць поўтораста
Зъ суботы на нядзѣлю
Сабрала-ся Агаты радзина
Зняслижъ яны сѣмъ ситъ муки на каравай.
Хвалажъ Богу! вялікъ будзѣ каравай.
Зняслижъ яны сѣмъ фасекъ масла на каравай.
Хвалажъ Богу! пушонъ будзѣ каравай.
Зняслижъ яны сѣмъ ситъ яѣцъ на карав...
Хвалажъ Богу! румянъ будзѣ каравай

XVII.

Да багатъ Агатка татка твой
Добра пшаница што у навинѣ
Да вялиkiе стырты у гумнѣ
Поўные аруды у клеци;
Падашоў каравай у дзяжы
Зашумѣў каравай у дзяжы
Да чаму яму нѣ шумѣць
Харошая у чыняла
Румяная мясила
Господа Бога прасила
Кабъ нашъ каравай удаўсѣ.
Стаяла калина кольки лѣтъ
Сячыцѣ рубайцѣ назагнѣтъ
Кабъ нашъ загнецѣць ясны быў
Кабъ нашъ каравай красенъ быў,
Кабъ нашая Агатка вясола была
Кабъ нашая рутечка зѣлiона была.

XVIII.

На дворѣ яворъ сякуць
А и хатечку тресечки лятуць
Каля двору тресечки
Каля караваю маладзички

Пѣршая квятка
Нашая Агатка,
На дварѣ яворъ сякуць
А у хатечку тресечки лятуць.

XIX.

Каравайницы пьяныѣ у́сіо цѣста пакрали
Па кѣшеняхъ паклали;
Ахъ цямнѣ пришло
У кѣшени цѣста палышло
Чыя жена гожа
Языкомъ дзяжу гложе
Чыя жена хижа
Языкомъ дзяжу лиже
Дайцѣ мнѣ чарку, я тую вынью,
Дайцѣ другую, я выпью и тую
А за трецюю надзенькую.

XX.

Стану я для пѣчы
Караваю глядзѣць
Кабъ іонъ нѣ адпіокся
Кабъ іонъ нѣ абжогся
Кабъ намъ соромъ ня быу́
Да у чужыѣ людзѣ.

XXI.

Палажыли каравай на сталѣ
Сталовыѣ ложки гублюцься
Усѣ людзи дзивюцься
Што удау́ся нашъ каравай
Да Пану Богу на хвалу
Добрымъ людзіемъ на славу
А пріяцѣлямъ на дзива
Вы пріяцѣли глядзицѣ
И по таляру кладайцѣ.

XXII.

Пытау́-сѣ каравай у пѣрапѣчы
Да куды сцѣжка да клѣци?
А ты караваю вѣрапаю
Часто у клеци бываешъ
Сцѣжки дарожки пытаѣшъ!

Вазьми пажажокъ папѣрай-ся
Да у клетку дабывайся.
Мыжъ были на караваю
Тамъ насъ частавали
Піўцомъ маладзѣнькимъ
Мядкомъ саладзѣнькимъ.

XXIII.

Цымбалы заиграли
Кала аконъ забраждажали
А гатчина челядзь
Захацѣли вѣчерадь.
Ляцѣли гусечки зъ выраю
Да пытали-сѣ караваю:
Чы ужо вы каравай спляскали?
Чаму насъ гусячекъ не ждали?
Мыбъ каравай спляскали,
Крыльками, ножками спляскали.

XXIV.

Янечка брахна па гумнѣ холзиць
Да тры сады садзиць, усѣ тры хмѣлювыѣ
Вій-сѣ хмѣлю, вій-сѣ дакола тычки
Да и садъ шишечками; надстрыгай-сѣ Янечка,
Зъ ребяцкаго стану, да у мужескую славу.

Да у мѣсяца два рожки крутыѣ,
Да Янечки два браты радныѣ;
Адзинъ брахна каня сядлаѣць,
А други брахна аго научаець:
Да будзь брахна разумненьки
Да паѣдзѣшь брахна ў чужіе людзѣ
Выйдзѣць къ табѣ танокъ дзѣвенъ;
Ня бяры таѣй, што ў золоцѣ,
Да бяры тую што ў розумѣ;
Мы золота ў крамѣ достанемъ
Мы разуму свайго не уставимъ.

Синѣе озеро на лугахъ станць
Нашъ Янечка на думкахъ садзиць,
Думаець думу вяликую
Паняў радзину багатую
Звадзіў коника гарцуючи
Сціоръ шапачку кланяючисѣ;
Значіў хустечку уцѣраючисѣ.

Кляновы листочекъ кудыжъ ты коцишься?
Чы ў лугъ чы ўлалину
Чы зноў на кляпину?
Да ве самъ я качуся
Коццць мнѣ буенъ вѣцеръ
Ни ў лугъ, ни ў далину
Да и знову па кляницу.
Янечка маладзѣньки
Кудыжъ ты радзиш-ся
Чы у госци чы у дарожку?
Да нѣ самъ я радзу-ся
Радзнць мнѣ той татечка
Ни ў госци, ни ў дарожку;
Къ цѣсьцятку на падворья
Къ Агатцѣ на застолья.

XXV.

Чыѣ то коники
Для стаѣнки стояць,
Сивыѣ буланыѣ
У дарожку прыбраныѣ?
Чыѣжъ то свачечки
За столикомъ сѣдзяць
Бѣлыѣ румяныѣ
У дарожку прибраныѣ?
Янечка вы коники
Для стаенки стаяць
Сивые буланыѣ
У дарожку прибраныѣ;
Янечки свачечки за столикомъ сѣдзяць,
Бѣлые румяныѣ, ў дарожку прибраныѣ.

Сабраў-сѣ раіочекъ
Да у ціомпы куточекъ,
Хочець паляцѣць на щирыѣ бары
На жаўтыѣ святы
На салодкіе мяды
Сабраўся Янечка зъ сваѣй радзинай,
Хочець іонъ паѣхаць
Тесьцятку звяваць
Агатку къ сабѣ ўзіаць

Янечка у абозѣ
Нѣ укаваны коникъ што у возѣ
Іосць у мнѣ кавали ў дарозѣ
Падкуюсь копика што ў возѣ

Іосць у маей Агатки пярсціонки
Будуць коннку подкоўки:
Іосць у маей Агатки каралы
Будуць коннку ухнали:
Іосць у маей Агатки паяски
Будуць коннку падаски.

Да борамъ, борамъ, борами
Ѣхали сваты радами
А молодъ Янечкъ напяродъ
А яго брахнечка пасяродъ.
Стойцѣ, пастойцѣ сватовѣ
Чы нѣ зязюлька кукуѣць?
Чы нѣ салавѣйка счабѣчець?
Янечка алказываець:
Што ня зязюлька кукуѣць
Ня салавѣйка счабѣчець
Гето маей Агатцѣ пѣсни паюць
Мнѣ маладому вѣдома даюць.

Да зъ борку зъ борку на колку
Висвць калыска нашолку
А у тей калысцѣ Янечка:
Да милые маѣ сватовѣ!
Зъ калыхницѣ мянѣ высоко!
Кабъ я забачыў далёко!
Гдзѣ мая Агатка гуляець
Салавымъ яблочкомъ шибаець
Да яна у арешки цалуѣць
Зъ малыми рабятами жартуѣць.

Для сватняго двара
Да высокая гара
Ни узыйци ни узѣхаць
Сакаломъ не узлѣцѣць
Што даци то лаци,
Тую гару раскапаци
И узыйци и узѣхаць
Сакаломъ узляцѣць
А Янечку узѣхаць.

Да зажурыўся Янечка у палдорожи ядучы
На бѣлые бярозки глѣдзючы
Да мая бярозка бѣлая
Да мая галоўка бѣдная
Я у іетымъ дзѣлѣ не бываў,
Па ціомныхъ ночкахъ не ѣждзжаў.

Да нѣ журыся — Янечка.
Мы цябѣ аднаго нѣ пашліомъ
Мы цабѣ пашломъ зъ дружиной
А ўся дружина зъ свасй радзиной.

Бѣлые барозки
Да не развивайцѣ-сѣ
Крутыѣ дарожки
Да не разминайцѣ-сѣ
Янечка къ цѣсцю ѣдзѣць
Іонъ дзиця разумнаѣ
Іонъ море сѣлязніомъ плювець
Іонъ полѣ сакаломъ ляцяць
У вароцяхъ расой падзѣць
На дваре князямъ станець
За сталомъ госціомъ сядзѣць
Частуйцѣжъ частуйцѣ
Небывалаго госця
Свайго любаго зяця.

Ай Божежъ мой Боже, мы боромъ ѣхали,
Вѣтры ня вѣяли, бары нѣ шумѣли
Прыѣхали къ свату, такъ дзѣўки запѣяли
Якъ сучки забрехали:
Чы на іето сватъ запрасіў
Кабъ сельскими сучками напусціў;
Вазми сватокъ памяло
Да гани сучекъ за сяло;
Альбо вазми добры лутъ (лыко)
Да гани сучокъ у ціомны кутъ,
Да дзѣвачки маѣ
Нѣ лайцѣ мянѣ
Да прійдзѣцѣжъ и вы къ намъ
Будзѣцщъ іета и вамъ.

А мой брахневька, пашто увытшоў
Са ржанымъ пирагамъ зъ дубовой ражкой?
Ржаны пирогъ дзѣўкамъ падзѣлю.
Зъ дубовай ражной у яголы пайлу
Пшонная пива падъ уголъ паллію
Зъ барозовай розгай на паству паганю.

Братъ сястру на пасадъ вядзѣць,
Шаўкомъ земельку мяцѣць
Сытоў палеваѣць,
Зъ сястроў размаўляець:
Сястрыца радная

Да ня будзь гордая
Да нѣ жалей галоўки, да кланяй-сѣ
Мамцѣ у ножки, нѣхай мамка знаѣць
Да абъ долю угадаѣць
Знаю дзѣцятка, знаю
Да абъ долю не угадаю;
Дасць Богъ долю дасць добрую,
Хвалажъ табѣ Боже!
А каля якую преклятую
Ахъ моцны мой Боже!...

Ходзиць ходзиць зязюлька
Па щирымъ борочку
Садзиць пасадзиць дзятечекъ сваихъ
На бѣлымъ паўчинѣ
Пакуль приляциць салавей зъ лугу;
Іонъ васъ разгониць, и мянѣ зъ сабой возмѣць
Ходзиць ходзиць маладая дзѣвечка
На новымъ ганку садзиць насадзиць сваихъ
Дзевечекъ на бѣлыхъ лаўкахъ
Пакуль пріѣдзѣць Янечка зъ дружинкой
Іонъ васъ равошць, іонъ васъ разгониць,
А мянѣ зъ сабой возмѣць.

Што-то за зора
У татки на дваре,
Дзѣвечкя зъ цаплемъ ходзиць,
Дзявечекъ пабуджаѣць:
Устанцѣ дзѣвечки
Бярыцѣ шотечки
Чашыцѣ галовечки;
Уже мая учесана
Касникомъ уплясіона
Ужожъ маѣ прыѣхали
Ужожъ маю развиюць косу
Мамчиную равліюць слозку.*

Улезъ дружко ў хату, на пѣчъ зазѣраѣць:
Чы вялнкъ гаршокъ кашы, чы паадаюць,
Кашы: адзинъ каже-ць мала
Други каже-ць годзя
Треци каже маўчы;
Бо загадаюць таўчы.

Бяры сабѣ гета
Купи сабѣ мыла
Кабъ цабѣ жонка любила

Кабъ дзѣци познали
И бацкомъ назвали.

Вѣрабѣй дружко, вѣрабѣй,
Па сумѣтнику паскакаў
Нагой шелягъ выкапаў
Сваю дзѣўку выкуплаў.

Дружко! дружко! нѣ варочай мянѣ,
Я нѣ калода табѣ.
Кабъ я калода
У бару бъ лежала,
Кабъ я бяроза
На мяжы бъ стояла.

XXVI.

Звязали дружка, звязали.
Гдзѣжъ яго паймали?
Запiўся дружко запiўся!
И на дружину забыўся.
А гдзѣжъ твая дружина?
Чы у поли подъ шатромъ
Падъ бяленькимъ палатномъ?

Дружки жена дасужа была
Сѣмъ годъ кросна ткала
Сѣмъ надзѣль фартухъ шила
Да абѣду зпасила
На паровѣ згубила.

Дзѣўку дружки били
Чупрыну залупили
Хто и дзѣць смяѣц-ся
Што чупрына трасѣць-ца.

Даў нашего дружка
Голымъ гола галоўка.
Добра дзѣўкамъ бобъ малацииць
На закутечкахъ нѣ ляцаць,

Прыѣхали пацяребнички
Да царебяць царебяць зубечки
Целаѣ жераба зьѣли, па сталу качаючы
У попялъ малаючи.

Пѣрадъ дружкомъ сарока

Ляжиць яна безъ ока
Яна лежучи сакочець
А іонъ яѣ ѣсци хочець.

XXVII.

Сваты баромъ ѣдуць и играюць,
Наша дзѣвечка не даѣць вѣры — нѣ плачѣць.
Ужо сваты поломъ ѣдуць и играюць,
Наша дзѣвечка не даѣць вѣры — нѣ плачѣць.
Ужо сваты сяломъ ѣдуць и играюць.
Наша дзѣвочка не даѣць вѣры— нѣ плачепь
Ужо сваты сяломъ ѣдуць и играюць
Наша дзѣвечка не даѣць вѣры — нѣ плачець
Ужо сваты на дворъ ѣдуць и играюць,
А наша дзѣвочка не даѣць вѣры — нѣ плачець
Ужо сваты за столъ идуць и играюць,
Наша дзѣвочка не даѣць вѣры – не плачець
Ужо сваты за столъ идуць, за ручку бяруць,
Таглы дала вѣры наша Агатка, и плачець.

Прыляцѣла сарока, чы чы, чы чы чы,
Сѣла у дзѣвочки на плечы,
Скажу табѣ добрую вѣсцю чы чы чы
Што у цабѣ на дварѣ сваты чы чы чы.

Пріѣхали три казаченьки на дворъ къ намъ,
Пазнай, пазнай дзѣвечка, каторый нашъ?
Чы то што у синимъ, на каню сивымъ
Чы то твой?
Самъ маладзѣньки, конь вараненьки
Чы то твой?
Чы то што у атласѣ у жоўтымъ пасѣ
Чы то твой?
Што у синимъ, на каню сивымъ
То дзѣвѣръ твой,
А што у атласѣ у жоўтымъ пасѣ,
То свѣкеръ твой,
Самъ маладзѣньки
Коникъ вараненьки
Гета мой.

Прыѣхали сваты на дворъ, пусцили стралу ў акно,
Страла мая страла
Пашто ты прышла
Чы на міодъ, чы па гарелку
Чы па красную дзѣўку?

Ни па міодъ, ни па гарелку
Але па красную дзѣўку.

XXVIII.

У грознаго цѣсця, стаитъ зяць за варотами,
Сняжкомъ перапаўши,
Даждӂомъ перамокши;
Крыйсѣ зяцю кунами,
Бабрами, черными сабалями.

Ужожъ мы пазябли у доўгой дарозѣ
На тугимъ марозѣ
Нашыѣ зубки сакочуць
У хатечку хочуць
Нашіѣ коники гагочуць
У стаѣнку хочуць.

Цѣсця зяця ждала,
Кунами дворъ слала,
Кунами, бабрами
Чорными саболями,
Кабже мая змога,
Выслалабъ я й многа.
Пышна цѣсьцѣ пышна
Да къ зяцу не вышла
Чы у яѣ кажуха нѣтъ?
Чы у яѣ кубка нѣтъ?
Чымъ зяца витаць?

Зъ циха баяры идзяцѣ
Харомъ нѣ вярницѣ,
Харомы ўсіо новыѣ
Столики цисовыѣ
Абрусы двайчастыѣ
Мы гости нѣчастыѣ.

Наляцѣли гуси
Да зъ Бѣлиньской-Руси
Сѣли, пали на крыницу
Стали яны ваду пиць
Наѣхали госци
Да зъ чужой валосци
Сѣли яны за сталомъ
Стали яны міодъ, вино пиць
Да кубками абъ столѣ биць.

У нашей тесцянки
Пираги зъ кашени коцюц-са;
А намъ же ихъ хочец-са.
Ѣй давацъ маркотна
А намъ брацъ ахотна;
Яна даѣцъ плачучы
А бяремъ скачучы.

Дзякую табѣ тасцянка
Нѣ гдзѣ тваѣ пираги
У мѣдзяной печи были
Да харашо яны расли.
Залатымъ вясломъ выймацы
Бальшанечкамъ даваны.

Днѣтса, сваця днѣтса,
Къ намъ нѣ хинѣтса,
Кала при печку третса;
Чы мы ѣй нѣ лубы?
Чы мы ѣй ня милы?
Мы госци зазваныѣ,
Любыѣ, кохаиыѣ.

Казали людзи
Што наша Агатка
Ни ткаха,
Ни праха:
Ажъ наша Агатка
И тонка прала
И дзвонка ткала,
И бѣла бѣлила,
И ў сихъ сватоў дзѣлила.

Нашъ сватъ салавѣйка
Частуй насъ харашенька
Мы госцѣ зазваныѣ
Любыѣ коханыѣ
Кали мы нѣ зналися
Сватами нѣ звалися
А цяперъ познаіомся
Сватами назвіомся.

Казали намъ людзѣ
Хоцъ ѣдзцѣ на ѣдзцѣ
Вашъ сватъ не багатъ
Ажъ у нашаго свата
Да зъ явару хата

Залатоѣ падстрешѣ
Сѣначки зъ папѣрачки
Лавачки съ китаячки
Пѣчь яго кафляная
Чесць яго коханая.

Ялиночка зиму и лѣта зѣліона
Наша Агатка нѣ што дзѣнь вѣсела
У саботу касу чесала
Сліозки разливала
И нядзѣлю рана да шлюбу ѣхала.

У нядзѣлечку паравѣнечку
Агатка сѣньцы мяцѣць
Вѣнничкамъ махнець
Жалосна плачець
У яѣ мамечка пытаѣць:
Чаго мая дачушка любая,
Такъ жалосна плачець?
Чы ты жалуѣшъ старосци маей?
Чы падворыйка майго?
Мая мамечка, мая родная!
У сяго я жалею: жалею старосци тваей,
И падворка тваіго, жалею касы русой,
Усяѣй дзявочей пакрасы.

XXIX.

Хто ў поли пацихусѣньку гуляѣць
Тамъ Агатка своей матки шукаѣць
Хоць шукаѣць, не шукаѣць — нѣ знайдзѣйць
Ой далока ѣй маменька, далока,
У сырой зямли, у жоўтымъ пяску глыбока,
Да зрабили добрые людзи вѣчный домъ,
Безъ дзвярей безъ аконечка безъ слонца
Нѣ прамоўлю дзѣцатка ни слоўца.

Чыѣ то сліозки зъ горѣ кацилисѣ?
Агатчыныѣ слозки зъ горъ кацилисѣ
Пяски разрывали,
Матечки доставали
Далока мамечка за трема замочками:
Пѣрши замочекъ
Сасновы цѣрамочекъ;
Други замочекъ,
Жоўты пясочекъ;
Треци замочекъ

Дозки сасновыѣ
Сасновыѣ дозки
Да сциснули ножки,
Да сциснули ножки, нѣльга мнѣ кранўць;
Сырая земля грудцы налегла, нѣльга кранўць;
Жоўты пясочекъ засыпаў вочки, нѣльзя прегляиуць
Сырое камѣнѣ позабочу ляжуць, нѣльзя павярнуць.

Агаацина мамка пѣрадъ Богомъ станць
Ручки на крыжъ дзяржиць,
Да у Бога просит-ца:
Пусци мянѣ Боже
Да зъ неба да долу!
Дзѣцей паглѣдзѣць
Якъ яно прибрано
На пасадзѣ пасадзона
Прибярона якъ лябіодка
Пасадзона якъ сѣротка;
Прибярона бѣлаго
Пасадзона якъ бѣдная.

Ишла пашла, дарожечка па нѣбу,
Тудышъ ишла маладзенька Агатка
Прышла яна да шклянаго каньца
Углѣдзѣла мамечку сѣдзючы
Стала яна у Господа Бога прасиць:
Пусцижъ, пусцижъ, мой Божечка мамечку
Бѣднаму дзѣцяци да паблагословиць.
Богъ алказаў:
Штожъ бы то за свѣтъ настаў
Кабъ Богъ зъ нѣба людзей пущаў.

Гдѣ слоньца усходзиць,
Тамъ Агатка холзиць,
Сваю мамку просиць.
Мая мамка радная!
Пѣрайдзи дарожку,
Пѣрайдзи дарожку,
Тройца за Миколай,
Щасциямъ и долай.

Знаць Агатка павясѣли
Што нѣ татечка даѣць
Што нѣ татечка родны благаславиць.
Дворъ вялики, зборы нѣ вялики:
Бо нѣ-ўся родня
Пашли Агатка хоць салаўя.

Па милаго раднаго татечку
Салавѣйка пашлю па татечку
Сама пайду на украину
На сваю любею радзину
Салавѣйка ляциць да не далятая
Татечка мой роды дагадаўсѣ
Ляци не ляци, мой салавѣйка!
Ужо мнѣ не уставаць
Радъ бы я устаць, да свайму дзицяци
Падарачекъ даць
Да сырыя земля
Грудцы налегла
Нѣльза мнѣ ўстаць.

Нѣту, нѣту Агатки дома
Пашла до Пана Бога,
Станць гадзину, станць другую
Пакуль адчинили марвовыѣ дзвѣры
Тамъ углѣдзиць сваю мамечку
Якъ же абачыць,
Сильна заплачець:
Боже, Боже прошу на вясѣлѣ!
Чы самъ прыдзи
Чы мамку пусци
И самъ не прыду и мамки нѣ пущу;
Да щасцѣ и долю перашлю.

Устала Агатка у вялзѣлю рана
Малилаcѣ Богу, Богу молитца
Татку кланитца у ножки низютечка
Благослави мянѣ татечка
Да шлюбу зъ Богамъ, ступиць!
Зъ Богомъ, зъ Богомъ дзицятка
Зъ ўсими святыми
Зъ дзѣўками маладыми
Табѣ дарожка благаслаўліона
Церкаў адчинена
Табѣ дарожку Богъ благаславиў
А церкаў ксіондзъ адчиниў.

У Васильки на дваре станць бяроза для плота.
Кала таѣй барозы бярезничекъ,
А на таѣй бѣрозѣ листочекъ.
А на листочку расица,
Ажъ то нѣ бяроза — да Агатка,
Изъ баразничекъ — да дзѣвечки

Ажъ нѣ листочекъ — а дружечки
Ажъ нѣ расица — а слюзечки.
Агатка за столъ идзѣць
Шубачку ў рукахъ нясѣць
Дзѣвачки дружачки
Ня трыця шубечки:
Бо ня тутъ яна спраўляна
Шыли ѣѣ краўцы нѣмцы
Брали сукно у Кралеўцы
У Кралеўцы у горадзѣ
Прыслава мнѣ маладзѣ.

Ишла Агатка зъ поля
Нясла краски ў прыполѣ
Звила вянокъ при столѣ:
Пакацила па столѣ
Задала жаласци ўсѣй семьи
Нѣ такъ самьи якъ танцѣ и мамцѣ
Агатчына мамка у каньцы стала стаяць
На дзѣвачекъ глядзиць
Усѣ дзѣвачки, якъ дзѣвачки
Адно маю дзѣцятка слiозками залiваитца
Слiозками залеваитца валасками уциранiтца
Па чымъ же пазнали калину у лузѣ
Низѣнька сiдзиць бѣлинка свыцѣ
Па чомъ же познаць Агатку и мамки?
Мижъ дзѣвекъ сядзиць,
Жаласна плачець
Да дубу зязюлька, да дубу.
Часъ табѣ, Агатка да шлюбу.
Што табѣ зязюлька, да таго
Iосць у мянѣ татка для таго,
Благаславиць нейсци — я пайду,
Пасцѣлиць ручничокъ — я стану
Паставимъ цераву
На крутымъ бѣрожку
На дробной жарствицы,
Кабъ добра хадзиць
Пана Бога хвалиць
Дайже Боже долю
Щастливую гадзину
Нашаму чeлядзину.

Благаславицѣ людзи
Близкiе сусѣдзи
Гетаму дзиццяци
Да шлюбу стаци.

XXX.

Закладайцѣ сѣнца
Паѣдзѣмъ да вѣнца
Да нѣтъ ксандза дома
Паѣхаў да Львова
Ключики купляць
Церкаўку адмыкаць
Двоѣ дзѣтекъ веньчаць.
Дзѣтки нѣ адналетки
Ня аднаго аўца
Пѣрвае радзоноѣ
Другое судзоное
Янечка радзоны
Агатка судзоная
Янечку аддадзіона

Ѣхала Агатка да вѣнца
Сыпала золота зъ рукаўца.
Хто эга золота пабярець
Той мянѣ на вянецъ павядзѣць
Набѣрець золота мѣньши братъ
Павядзѣць на вянѣць больши сватъ.

Ѣхала Агатка да вѣнца
Заламала бярозку зъ вѣрха
Будзь мая барозка безъ вѣрха
Чы будзѣшь такая якъ была?
Ня будзѣць вѣтцѣйка шумѣць
Ня будзѣць лиюцѣйка шумѣць
Будзь мая мамечка, безъ мянѣ
Али вя будзѣшъ такава, якъ оры мнѣ
Ня будзѣць ножка разута
Ня будзѣць пасцѣлька паслана
Ня будзѣшъ мамкайназвана.

За варатами трава мурава, золотомъ насыпана,
Агатка ишла, золата нѣсла, золата разсыпала;
За слiозками за дробными, золата несабрала,
За жаласцяй, за вяликай, мамачки непознала.

Да вѣнца Агатка да вѣнца
Да не забывай гребенца
Да падай Янечка, гребенецъ
Якъ табѣ Агатка, нѣ маладзѣцъ
Што буду падавець гребянецъ.

Богъ табѣ дай Явечка
Што твая Агатка багата
Нѣ паѣдзѣшъ къ Вильну па уборы
Прибарет-цѣ яна у каморы
Да надзѣнець шубу
Да шлюбу.
Бѣлы каўнеръ якъ зъ папѣры
Чорныѣ саболи ў крылѣ
Жоўтыѣ лисечки ў рукавы.

Дымъ, дымъ па долинѣ,
Шумъ, шумъ па дубровѣ,
Агатка къ влнцу ѣдзѣць,
Свѣчкай пакурона,
Хустечкай пахылона.
Агатачка на Бога нарекала
Сырую землю праклинала:
Сырая земля сырыца
Узяла маю маменьку старую
Пакинула мянѣ маладую
Зъ кудравай галавою.

XXXI.

Мы были ў касцѣлѣ
Стаяли при сцянѣ
Малилисѣ Богу и Духу Святому
Нашъ ксіондзъ маладзеньки
Да вусокъ (ўсъ) залацѣньки
Бародка шаўкова
Галоўка кудрава;
На іомъ чырвоныѣ квѣцѣ,
Звязай нашыѣ дзѣци.
Дзѣтки, не адналѣтки
Нѣ аднаго айца матки,
Першаѣ радзоноѣ
Другое судзоноѣ
Явечка радзоны
Агатка судзона, Максимку отдадзіона.

Зъ гары зъ гары здали бѣгли коники чатыры
Вязли каретаю синюю, звѣзали Агатку сильна.
Да не дарма яѣ звязали звязали за грошы
И харожъ и пригожъ и валикъ,
Чаму нѣ привіозъ чаравикъ?
Якже я маю вязиць
Кали яна нѣ умѣѣ насиць

Хоць червоныѣ привязи
Буду насиць по гразѝ.
Затыгай, мамка свѣчку
Да выходзь на сустрэчку
Да выходзь мамечка прэціў насъ
Да витай кубечкамъ ўсихъ насъ
Да пытайсѣ у дочки: чы твая?
Нѣ твая мамечка, нѣ твая
Да таго пана караля,
Зъ кимъ я на шлюбѣ стаяла
За бѣлую ручку дзѣржала
Залаты пѣрсцѣнь мѣняла.

Пабару, па вѣресу раіовыѣ пщолки
А у Василька на куцѣ шлюбовыѣ госци,
Да пьюць яны зялонае вино, міодомъ запиваюць.
Хвала жъ табѣ Божѣ
Што па вашимъ стала
Што мы ранѣнька ўстали,
Ксендза ашукали
Да ня дарога аддали
За сваю панѣнку
Цѣлаю капѣйку.
А за таго маладага
Поў залатога.

XXXII

Шаўковая витечка ксцянѣ льгнѣць
Агатка зъ мамкай чоламъ бьець.
Дабраночъ мамцѣ аддаѣць
Дабраночъ мамка, дабраночъ
Нятой дабраночъ што на ночъ;
Але той дабраночъ што на вѣсь вѣкъ
Нѣ на адну мамѣ алѣ на ў вѣсь свѣтъ
Нѣ на адну ночку алѣ на у вѣсь вѣкъ.

Жаль нам Агатка, на цябѣ,
Што ты насъ говишъ адъ сябѣ
Чы мы табѣ косечки не плали?
Чы мы табѣ адвечка нѣ вили?
Плали табѣ косечку ў чатыри рады
Ня будзишъ плясци ни разу
Ня будзишъ у татки ни года.

А мой татечка заручку бярежъ
Чы за постаць вадзѣшъ?

Кали запостаць? займай широка
Паганю далока.

Цяперъ я сѣла мижъ шыпчинику
Мижъ краціўки, — жижка краціўка
Пажыгаць будзець, сухы шыпшинникъ сушиць будзѣць.
А мой татечка, аддавай и пытай
Кабъ нѣ прапою
Кабъ нѣ разбою
Кали прапою у корчмѣ прапиць
Кали разбою на дарозѣ забьѣць

XXXIII.

На синимъ азіоры сядзѣла лебѣдзка
Крылками апусцяся пѣрьѣйкамъ асыпяся
Приляцѣў къ ней лебядзь: бѣлая мая лебѣдзка
Узнійми своіо крыле, збяры сваіо пѣрья
Палецимъ зъ табоя, гдзѣ галубы злеталися
Насъ съ табой спадзявалися
Ціоплаіо гнядзѣчка вьюць
Бѣлинкай лебѣдзки ждуць
Да за новой скаміой сѣдзѣла Агатка
Косками апусціўшися
Слёзками абліўшися;
Прыѣхаў Янечка:
Милая мая Агатка
Збары сваѣ коски
Да утрый же дробные слезки
Паѣдзимъ зъ табою да свайго дому
У насъ госци зъѣздзалися
Насъ зъ табой спадзѣвалися
Бѣлая ложе слали
Зіолки у галоўки клали,
Насъ маладзѣнькихъ ждали.

Матка дачку прапила.
Машну гроши набила
Волосомъ зашила
Голосомъ завыла.
Прапила матка дачку
На салодкимъ мядку;
Да упіўшися скачець
А выспаўши-сѣ плачець.

XXXIV.

Бары блазнякъ бяры
Да умѣй шанаваци
Якъ родную маци
Якъ вишеньку у садзѣ
Якъ пщолочку у мядзѣ
У насъ была работница
У васъ будзѣць свавольница;
У насъ была, ткала, прала
У васъ будзѣць папихайла.
Наша Агатка сыръ налиты
Вашъ Янечка надуты
У вашаго Янечки аусяные зубы, ячны восъ
Бруха зъ начоуки лѣць прживiозъ.
Наша Агатка зъвѣрея
Вашъ Янечка зъвѣребья.

Ѣдзцѣ сваты да дому
Мы вамъ Агатки нѣ дадзiомъ:
Во наша Агатка сястрыца
Зъ нами у ягадки хадзила
Да ў адну лубачку збѣрала
Зъ адной лустачки ядала
Ужо позьненька
Ужо не раненька
Сонечка на заходзѣ
Да ужо Агатка маладзѣнька
У мамки на выѣздзѣ
Яѣ мамечка яѣ родненька
Сильненька унимаѣць
Ня ѣздь дачушка мая любая
Ужо рожа зацвитаѣць
Зямлю укрываець.
Мая мамечка, мая родная
Мнѣ уже рожы не даждаць
Зъ барвинечки зялоней
Вяночка нѣ звивць.
Гдзѣ буду вици
Да ужо мнѣ не насици.

Зъ нядзели на панядзѣлень
Васильку бѣда стале
Прапала скрыня маляванa
Дачушка кахана
Я тваю скрыпню малявавую

За дзѣнь призабуду
Сваѣй дашучки коханей
Па вѣкъ нѣ забуду.

Да гуляй, гуляй щука, рыбечка ў синимъ моры
Якже ты пойдзѣшъ на луги, раки, ня будзѣшь гулядь
Уловюць цябѣ маладые рыбаловы
Да зимуць зъ цябѣ залатую лускавицу
Пакроюць рыбачку па стальницы
У святлицы.
Златуюць рыбачку маладыѣ кухары
Да зьядуць цябѣ пановѣ сенатороѣ
Да гуляй, гуляй Агатка у раднаго татки
Пойдзѣшъ къ чужому
Да не роднову
Ня будзѣ жъ гулядь
У свайго татечки крутыѣ горы
Да гуляла па воли
А у чужого ўсіо поля роўня
Да гулядь ня вольна
У свайго татки што дзѣнь
Галоўка ў вяночку
А што надзѣлю у таночку;
А у чужога татечки
Будни дзѣнь ў рабоцѣ
А святы ў балопѣ.

Чаму Агатка нѣ вячерала у свайго татечки ?
Пойдзѣшь къ чужому
Да не радному
Ня будзѣшь вачерадь
Цябѣ маладу
Пашлюць на ваду
Сами садуць вячерадь
Прыняси вады
На сябѣ бяды
Каждому пидь дадь,
Якъ старому
Такъ малому
Янечку маладому
Нѣ сварысѣ маменька са мною
Сядзѣмъ же мы павячераемъ зъ табою.

Хоць ты манѣ татка
Малую за мужъ аддавай,
Тольки мнѣ ў сваю хатку
Чужаго не примай

Прапяўшы зяця, тольки будзимъ сварыц-ця
Ня буду вѣдаць за каго ўступиц-ца
Уступіўшы-ся за татечку буду бита
Уступіўшися за милога, вонка быць.

Балиць мая галоўка адъ вепка
Нѣ аддавай, мой татечка за удаўца
Аддай мнѣ, мой татечка и сямью
У сямьи іосць парабечекъ усяму
У истопку таўчы, малоць — залоуки
Дзяжу мясиць, хату тапиць — атроўки
А у крыницу, на вадзицу — я маладая.

Да мой татечка, пакинаўся мною
Якъ нѣ любою, якъ садовымъ яблочкомъ недаспѣлинкимъ,
Нѣ бядуйже ты, сястрица мая
Яжъ буду нѣ далека адъ цѣбя
Будзимъ ў чистымъ полю жыта жаць
И раннай и вячорнай зарою
Зойдут-цѣ нашыѣ голаски зъ табою.

XXXV.

Хоць я ночки не спала
Я сваю свацьку ашукала:
Сабѣ пявѣхи уладжала
Да къ сцюдзонай зимѣ, — плацѣ прапь
А къ красной вяснѣ, — кросны ткаць
А къ цихому лѣту, — жито жаць
А къ ціомнай ночи, — на таку малацица.

Прыбѣрайцѣ-ся брахны
Пара намъ дамой ѣхаць
Даўгая дарожечка:
Чатыре мили борамъ ѣхаць
Пятую морамъ плысци.
Хоць бы мы морамъ плыли
А бы мы дома были
Паѣдзимъ дамоўки
Цѣразъ валатоўки
Наша дарожка доўга
Цѣразъ дарожку рѣчка
Цѣразъ рѣчку кладка
Будзѣ сварыц-ся матка
Што у насъ доўга нѣтъ
Паѣдзимъ кь Вайцѣху
На даунўю уцѣху.

Глзѣ мы пили, ѣли
Добрые мысли мѣли.

Ночь па ночи ціомвенькая ночка,
Зажурилась саколика цыречка (цыранка)
Да за чымъ майго сакала доўго нѣтъ?
Нѣгдзѣ іонъ черазъ сады палацѣў,
Нѣгдзѣ яго ўсѣ птушечки злюбили
Нѣгдѣ яго на былиначцѣ садзили
Нѣгдзѣ яго ягодками кармили
Нѣгдзѣ яго зъ лисципачки паили,
Нѣгдзѣ яго шарой зязгольвой дарыли
Ночь па ночы ціомненькая ночка!
Зажурыла сѣ Янечки мамечка:
Зачымъ же то майго сынечка доўга нѣтъ?
Да нѣгдзѣ іонъ цѣразъ мѣста ѣхаў,
Нѣгдзѣ яго мѣщанечка злюбила
Нѣгдзѣ яго за столикамъ садзили,
Нѣгдзѣ яго пирошками кармили
Нѣгдзѣ яго зѣліоныкъ виномъ паили
Нѣгдзѣ яго красной дзѣўкай дарыли.

Отъ табѣ мамка шишки у пятки,
Што вѣма каму мясци хатки.
Ой цяжка табѣ будзѣ безъ дачки,
Нарастуць, па за лаўкай казлячки.
Людзямъ треба ў боръ хадзиць,
А табѣ будуць па залаўкай радзиць.

Да я гаварыла, сакалы лятуць!
Ажъ маѣ брахвы на кони сядаюць;
Я тварыла што мѣсяцъ усходзиць
Ажъ мой татечка по двору холзиць
Мнѣ маладую праводзиць.

XXXVI.

Таткава нюка да нѣ улекай-сѣ
Радзила пры мнѣ, радзи и безъ мянѣ
Добрая доля да идзи за мной,
Зъ пѣчы пламѣніомъ
Зъ хаты комипомъ.

Звонка дзѣрева калина
Да борамъ ишла шумѣла
А полемъ ишла звинела
А къ двару ишла гаварила

Атчини мамечка, новы двор
Вязіомъ навѣхну якъ яворъ;
Атчина мамечкаю аконца
Вязіомъ навѣхну якъ слонца;
Атчиня мамечка варшочекъ
Вязіомъ навѣхну зъ каршочекъ;
Атчини, мамечки, хижа
Вязіомъ навѣхну грызѣ.

Милые маѣ сватовѣ
Чы добра было ў дарозѣ?
Чы бѣлыѣ били тарелки?
Чы давали вамъ гарелки?
Да добра было ў дарозѣ,
Да бѣлые были гарелки,
Да давали намъ тарелки.

Добрые нашыѣ марозы,
Нѣ змаразили нашъ рожы.
Пакраса наша Агатка!
Да пакрасила два дворы:
Адзинъ дварокъ гдзѣ расла
А други гдзѣ пришла.

Гуляйцѣ прыдавки у Ахатки каханей.
Да вялела намъ маця
Харашенька гуляця
Слаўку учинниць
Да лаўку на ла мицъ
Да у гародзѣ ячмень
Іовъ золотомъ зацвіў
Лепша таго злота
Агатчина цнота;
Кали наша Агатка швачка была
Вышила кашулю зъ падала.

XXXVII.

Учора
Зъ вѣчора
Пѣрапіолка злящѣла,
Мы сягодня свѣтомъ
Пѣрапіолчынымъ слѣдомъ;
Гдзѣ мы яѣ услѣдуемъ
Тамъ мы заначуемъ:
Тамъ же намъ добра будзѣць,
Коникамъ аброкъ будзѣць

Копникамъ будзѣць аброкъ, сѣнцо,
А намъ самымъ мядокъ вінцо.

Да умная, разумная дзѣвечка
Паставила старожечку на браду,
Сама сѣла падъ вишанькой ў саду.
Буду слазѣць
Буду глядзѣць.
Падъ зару:
Адъ куль же ясѣнь мѣсячекъ узойдзѣць
Адкуль же маѣ сястрыцы узъѣдуць.
Да узойдзѣ ясѣнъ мѣсячъ зъ падъ зары,
Узѣдуць маѣ сіостры зъ за гары,
Яны жъ мнѣ на наміотечку привязуць,
Яны жъ маю галовечку прибяруць
Яны жъ мянѣ зъ цямницы вывядуць.

Да у чыстымъ полю прыданыѣ блудзили
Нѣгдзѣ яны дарожку згубили
Да спаткали маленькую хлопчинку:
Таки сяки маленьки хлопчына
Укажи намъ дарожку ў сяло;
Куды нашея сястра вязіона
Тая уся дарожка мураўкой утрасіона;
Будзѣць нашая галовечка вясіола.

Прыданыѣ на дворъ ѣдуць,
Курки надъ клець багуць:
Нябойцѣ-сѣ курки! Нямнога жъ вамъ нада,
Семъ на вѣчеру
А осьмую на пачень
Дзѣвятая на снѣданѣ
Дзѣсятая на адѣжджанѣ.

Вышла дзѣвачка на парогъ
Да паслухала прыданакъ:
Чы нѣ зязюльки кукуюць?
Чы нѣ салавѣйки щабѣчуць?
Ажъ нѣ зязюлька кукуюць
Але маѣ радныѣ паюць
Мнѣ маладой вѣсци даюць.

Дали намъ ѣсць и пиць,
Дайцѣ пагуляць,
Дайцѣ намъ волю,
Пусцицѣ у камору
Хацябъ мы паглядзѣли

Гдзѣ нашу сястру дзѣли
Паглядзѣць на калинку
Падняць парынку
Чы харашо развиласѣ
Па кашули разлиласѣ.

XXXIX.

Пасяродъ хаты станиць пѣчь
Ня умѣла Агатка пѣчь пѣрапѣчъ
Нѣчага на яѣ дзивовацъ
Во не лаўна стала женавацъ (быть женою).
Учора была дзѣвою
А сягодня женою.
Якъ мы захацѣли
Такъ мы нарадзили
Зъ жыта палавицу
Зъ дзѣўки маладзицу.

Пашоў Янечка ў калиновы лугъ
Наламаў калины колки змухъ
Отъ табѣ Агатка калина мая
Нѣхай гуляецъ радзина твая
Гуляйцѣ, прыданки, гуляйцѣ
Жадкай тривоги нѣ майцѣ.

Прыѣхали прыданки зъ Гланя
Папрасили у Агатки снядания
Паждзыцѣ маѣ сястрыцы паждзыцѣ
Пакуль я сваю свякроўку пазнаю.
Тагды и вамъ снядания згадаю
Атчынинцѣ дзвѣры!
Да нѣхай вѣцеръ вѣецъ:
Падъ новыѣ лаўки;
Гдзѣ сѣли прыданки
Здрыгнулисѣ лаўки
А чы такъ здрыгнутся
Якъ прыданки напютса!
Гдзѣ сѣли запѣли,
Гдзѣ стали заиграли;
Хто зъ кимъ приткнется
То и пива напьѣтса
Дзива наглядзиц-са.

XL.

Милыѣ закосьники!
Чаму жъ вы ня васіолы?
Чы вашыѣ коники нѣ узлоцѣ?
Чы ваша сѣстра не у цвоцѣ?
Гета жъ вашіе коники у злоцѣ
Гета жъ вашая сястра у цвоцѣ.

На дваре снежокъ прыпаў,
Ой рана! рана!
У Агатки Янечка прасіў:
Агатечка падай боцики;
Агатка не паслухала
Боцикаў нѣ падала
Вазьму жъ я пужку (бичъ)
Свистушку,
Да выганю бацьковыѣ гнѣвы
Да перавѣрну на свой
Абычай.
Закосьники панічы
Чаго ѣздзяцѣ па начы?
Да мы ѣздзимъ трапой,
Да за русой касой
Да за роднай сястрой.
Закосьничекъ верабѣй
Чаго рано прыляцѣў?
Чы ѣсци захацѣў?
Дайцѣ яму гречки снапокъ;
Няхай клюѣць якъ пятушокъ
Нѣхай скачець якъ бѣлка.
Нѣхай паѣць якъ дзѣўка.

XLI.

Агатка сястрыца мая
Стань же ты у каньцы стала,
Хаця мы наглѣдзим-ся,
Пакуль мы разъѣдзим-ся.
Агатка сястрыца мая
Ўжо жъ мы дамой ѣдзимъ
Мы цябѣ научаѣмъ:
Уставай ранюсенька
Мый лаўки бялюсенька,
Мяци хату чысцюсенька,

Какъ табѣ не упикали,
Што мы у цябѣ гуляли.

Паѣдзѣцѣ сястрыцы дамоуки
Пакланицѣся мамцѣ у ножки
Што яна мянѣ малѣнькую хавала
Трыдцать ночекъ цямнюсенькихъ не спала
Пакуль мянѣ маленькую выгадавала;
Сорокъ свѣчекъ яснюсенькихъ спалила,
Пакуль мянѣ маленькую урасцила
Урасціўшы у чужыѣ людзи пусцяла.

У чужыѣ людзи, да чужому дзицяци
Свацѣчка, галубечка, спавагай
Кабъ не было вашей сястрыцы знѣваги.
Што намъ за знѣвага?
Наша сѣстра гожа
Якъ чырвоная ружа.

XLII.

Нашъ Казимѣръ панічъ быў
Въ Магилевѣ вянокъ звіў,
Вазіў да Вильна пазлацицъ
А у Сморгоняхъ прадаваў
Сваей Маріанцѣ дараваў.
Наси Марьянка здарова
Нѣ скаже табѣ ни слова;
Ни яго вѣтрыкъ на звѣѣ
Ни яго дождживъ не омочы
Вѣтрыкъ навѣ-ѣ
Злелеѣ;
Дождживъ пакропи,
Скраснѣѣ.

XLIII.

Черезъ сѣни сцѣжечка
А въ каморѣ другая.
Тамъ Маріанка сѣдзѣла
Русую косу часала
Сильнѣ жалоснѣ плакала
Прывядзицѣ Казимирку
Ваймицѣ Маріанку
Янъ Казимѣрка привѣли
Такъ Маріанку уняли.

XLIV.

За сѣньми, сѣньми тры сады цвѣцѣли
Въ адныимъ садочку зязюлька кукуѣць
Въ другимъ садочку салавѣй щабѣчѣ
Въ трецимъ садочку Маріанка плачѣ.
Зязюля кукуѣ въ щеры боръ лѣтучы
Соловѣй щабѣче въ лугъ лѣтучы
А Маріанка плачѣ да шлюбу идучы.

Кляновы листочку, куды цѣбѣ вѣтрыкъ коци,
Чы въ лугъ чы въ даливу
Чы назадъ подъ кляниву?
Я и самъ нѣ вѣдаю, куды мнѣ вѣтрыкъ коци,
Чы въ лугъ, чы въ даливу
Чы назадъ подъ калину.
Маладая Маріанка, куды цябѣ выпраўляюць
Чы у госци чы у дарогу
Чы да Божаго дому?
Я и сама нявѣдаю, куды мнѣ выпраўляюць,
Чы у госци чы у дарогу
Чы да Божаго дому.

Вѣчеръ, вѣчеръ, нѣ вѣчерысѣ
Ѣдзъ, ѣдзъ Казьміръ нѣ станавися
Кабъ твая патрава парахомъ нѣ упала.
Кабъ твая Марьянка другому нѣ стала.

XLVI.

Для маѣй патраўки, стаяць кухарки
Для маей Марьянки стаяць бальшанки.
Мая патраўка цыномъ накрыта
Мая Марьянка за мѣнѣ запита,
И запитá и заручона
Хось заручона, но не вѣньчона.

Да дубу зязюлька, да дубу
Часъ табѣ Марьянка да шлюбу
Бѣсъ табѣ зязюлька датаго,
Ѣстъ у мнѣ татуля для таго
Іонъ мнѣ радечку парадзіў,
Іонъ мнѣ па пасадъ пасадзіў,
Перейдзѣ сцѣжечка я пайду
Выправиць да шлюбу и паѣду.

XLVII.

Ой пѣту пѣту Гануси у дому
Пашла Гануся да Пана Бога
Богу малитца, балзкомъ кланится
Станиць гадзинку, станиць другую
Пакуль адчиняюць райскіе дзвѣры
Увидзѣла Гануся бацканы ноги
Якъ пазнала на ножкахъ упала
Прашу татуля на благаславеньѣ.
Да дзѣцятки родная, я самъ нѣ магу
У недзѣлю рана Анелоў пашлю
Нѣхай насѣлзяць, нѣхай наглядзяць
Якъ прибярона якъ пасадзона
Прыбярона якъ папятачка
Пасадзона якъ сѣротечка
Па выжей сядзиць хустечку дзяржыць
Хустечка бяленка адъ слёзъ макренька.

Спакорся Антоля спакорся
Кажлому у ножки паклонся
Старагó, маладаго нѣминай
У Бога доли дабывай.
У сихъ сватоў перешла
Сваей матухны нѣ нашла
Уся яѣ галоўка уквѣцѣ,
Нѣма яѣ матухны на свѣцѣ.

Дворная соботка настала
Маладая дзяўчинка дружинку зѣбрала
Пасадзцѣ баяры усѣ урадъ,
То пойдзѣ дзяўчына на пасадъ,
Ручками пожынки абаймаць,
Дробными слозками спѣжку аблевацъ,
Яна увѣсь радочекъ перайшла
Сваего бацюшки не нашла
Варнися дзяўчина вярнися
Чужому бацюшку пакланисѣ
Іонъ табѣ раденьку парадзиць
Іонъ цябѣ на пасадъ пасадзиць
Іонъ цябѣ одъ шлюбу ширеймѣ.

XLVIII.

Ой зъ гары и далины
Да бѣгли коники чатыры

Да васли карету синюю,
Нѣ дарем за гроши
Што яѣ малады хорошы.

Ѣдзъ ѣдзъ не баўся
Тамъ цибѣ у касцѣлѣ наджидаюць
И кабѣты засцилаюць
Богу будзѣшъ присягаць
И сыгнеты мѣняць.

Вы слаўные багатые сусѣдзки
Благослаупѣ гетоѣ дзѣця што ѣдзѣ
Нѣхай яго Богъ богославиць
Нѣхай Богъ долю ѣму даѣць
И мы даёмъ.

XLIX.

Да хвала жъ табѣ Боже,
Што мы добра зрабили
Съ пива галавицу
Да зъ дзѣўки маладзцу.
Ѣдзцѣ, сваты ѣдзцѣ,
Нѣ бойцѣ сѣ ночы
Вамъ дарошка якъ доска
Мѣсѣцъ свѣтиць якъ свѣчка.

Да хвала табѣ Боже
Што мы ксендза ашукали
За тры гроши шлюбъ узяли
Кѣды млода не плачѣ
Узышло солненко абутрыло,
Да плакаци маладая ня думала
Ой дайцѣ рады и памоцы
Привясицѣ цыбульки падъ очы:

Ой ты свацѣ ты баламуцѣ ты усіо лжежъ,
Ты казаў што дзѣвѣцъ дзѣвяроў якъ дубоў,
Якъ я пришла, адваго шашла безъ зубоў
Ой ты свацѣ ты баламуцѣ ты усіо лжежъ,
Ты казаў четырехъ валоў якъ зуброў
Якъ я пришла, адваго знашла безъ рагоў.
Ой ты свацѣ ты баламуцѣ ты усіо лжежъ,
Ты казаў дзѣвѣцъ свирноў и зъ дабромъ,
Якъ я пришла адваго знашла бязъ углоў.

Ѣсцѣ сваты репу
У насъ морхвы нѣту,
Быў парсюкъ ваўкову;
Да паѣў усю морхову.

А. КИРКОРЪ,
Д. Чл. Общ.